ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О КИРГИЗЪ-КАЙСАКАХЪ И СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ АБУЛЪ-ХАЙРЪ ХАНА. (1748—1765 Г.).

СОЧИНЕНІЕ

В. В. Вельяминова-Зернова,

Дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ 1.

УФА.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1853

Проф 38

DK
851

Перепечатано изъ Оренбургскихъ Губернскихъ

Вѣдомостей.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1193
39

Въ 1748 году, человѣкъ двадцать Киргизовъ Большой Орды Джалаирскаго рода отправились къ Каракалпакамъ, и оттуда завлекли съ собою тысячи полторы кибитокъ, принадлежавшихъ къ тому же Джалаирскому роду, клятвенно обѣщаясь раздѣлять съ ними, какъ съ единородцами, кочевья свои и защищать ихъ отъ нападеній. Но едва обнадеженные Каракалпаки подошли къ улусамъ, расположеннымъ по рѣкѣ Олкаякъ (одинъ день ѣзды отъ Туркестана), какъ на нихъ бросились Киргизы: Кучакъ, Ханъ Средней Орды, и Баракъ Султанъ, ограбили ихъ и разобрали въ плѣнъ. Къ этому времени подоспѣлъ Абулъ-Хайръ Ханъ. Каракалпаки встрѣтили его съ радостью, и просились перейти къ нему со всѣмъ скотомъ и имуществомъ съ тѣмъ только, чтобъ онъ не отдавалъ ихъ Бараку. Но Ханъ, неосторожный и алчный къ добычѣ, приказалъ своимъ Киргизамъ грабить тѣхъ, которыхъ уже Баракъ Султанъ взялъ себѣ въ плѣнъ. Обиженный Баракъ, давнишній врагъ и соперникъ

Абулъ-Хайра (*), соединился съ Джалаирцами, возмутилъ Каракалпаковъ, раздраженныхъ поступкомъ Хана, и бросился на него. Абулъ-Хайръ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелями и покинутый своими, занятыми въ то время грабежемъ (при немъ оставалось всего 6-ть или 5 человѣкъ), долго и храбро защищался; наконецъ, тяжко раненый въ голову, онъ ослабѣлъ; тутъ подскакалъ Киргизъ Сарымбетъ и свалилъ его съ сѣдла, а подоспѣвшій въ ту пору Баракъ Султанъ слѣзъ съ лошади и закололъ ножемъ несчастнаго Хана.—

Казакъ Найденовъ, посланный Неплюевымъ къ Джанбекъ-Тархану Средней Орды для развѣдыванія о смерти Абулъ-Хайра и о томъ впечатлѣніи, которое она произвела на народъ, разсказываетъ немного иначе обстоятельства кончины Хана. Когда Баракъ и Абулъ-Хайръ встрѣтились, по его словамъ, между рѣчекъ Тургая и Улысаяка, и завязалась между ними драка, то Киргизы, бывшіе при Ханѣ, оставили его. Ханъ было побѣжалъ, но сынъ Барака, Шигай, нагналъ его и сшибъ копьемъ съ лошади, а самъ Баракъ саблею отрубилъ ему голову.

(*) Баракъ ненавидѣлъ издавна Абулъ-Хайра за его могущество и предпочтеніе, которое ему оказывало Русское Правительство. Вражда ихъ стала еще сильнѣе съ осени 1747 года, когда Ханъ ограбилъ посланные къ Бараку отъ Хана Хивинскаго подарки на трехъ верблюдахъ. Переводчикъ Гуляевъ въ одномъ изъ рапортовъ своихъ утверждаетъ, будто вещи эти были отправлены Каипъ-Ханомъ къ отцу его Батыръ Султану, но Батыръ, чувствуя себя не въ силахъ отомстить Абулъ-Хайру, далъ знать Бараку, что подарки посланы въ Калымъ дочери его, которая въ то время была сговорена за Каипа.

До сихъ поръ сохранилось еще письмо къ Тевкелеву, продиктованное самимъ Ханомъ за нѣсколько времени до смерти. Въ этомъ письмѣ онъ проситъ Неплюева и Тевкелева призрѣть дѣтей его и отомстить убійцамъ.

Послѣ Хана осталась жена его Пупай, женщина, которая рѣдкимъ умомъ своимъ съумѣла заслужить уваженіе не только сыновей и мужа, неприступавшихъ ни къ одному дѣлу безъ ея совѣта, но даже и Русскаго Правительства. Отъ нея были сыновья: 1. Нурали, 2. Ирали, 3. Ходжа-Ахмедъ, 4. Айчувакъ, который въ то время находился аманатомъ въ Оренбургѣ, 5. Адиль 6. Каратай и дочь Зюлейха, 7-й сынъ Хана, Чингизъ, рожденъ былъ отъ Калмычки. Вѣсть о кончинѣ Хана дошла до его семейства не вдругъ. Прежде всего узнала объ ней Пупай Ханьша и остававшійся при ней Ходжа-Ахмедъ. Нурали кочевалъ довольно далеко отъ отцовскаго улуса (на разстояніи не мѣнѣе 6 дней верховой ѣзды) и свѣдалъ объ этомъ немного позже. Ирали (*)

(*) Онъ въ это время правилъ Гирейскимъ родомъ Средней Орды, но Старшины Гиреискіе, узнавъ объ убіеніи отца его, не только отказали ему въ просьбѣ выдать Барака съ женою и дѣтьми, но даже объявили, что они не въ состояніи уберечь его, они боялись открытой ссоры съ Найманами и Адаевцами, самыми сильными и многолюдными родами Средней Орды, съ согласія которыхъ Баракъ, по ихъ словамъ, убилъ Абулъ-Хаира Ирали принужденъ былъ оставить Гирейскій родъ, который склонился тогда на сторону Аблай Султана, владѣвшаго Аргинцами, дѣлившимися, подобно Семиродцамъ Малой Орды, на 7 родовъ.

вмѣстѣ съ Аблай Султаномъ ходилъ въ то время по приказанію отца на верхнихъ Каракалпаковъ и стоялъ у рѣки Сарытургая. Въ письмѣ своемъ къ Неплюеву (13 Сентября 1748 года) онъ писалъ, что Баракъ думалъ и его убить, и послалъ даже шпіоновъ къ Аблаю, но Аблай, услышавъ объ этомъ, выпроводилъ его изъ войска своего и тѣмъ спасъ его жизнь. Ирали отъѣхалъ тогда къ кочевью матери.—

Первымъ дѣломъ семейства покойнаго Хана было просить Русское Правительство объ отмщеніи убійцамъ. Въ письмахъ къ Неплюеву Пупай и дѣти ея убѣждали его, согласно съ предсмертнымъ желаніемъ самого Хана задержать поѣхавшихъ въ Оренбургъ въ препровожденіи Кашгарцевъ Киргизовъ (Илкундыева брата Намаза, Исянъ Али Дешамбаева, Куджаназарова сына, Нарагліева брата Бигильдвія, и Сарымбетова брата), которыхъ они считали убійцами Хана. Кромѣ того просили они о высылкѣ къ нимъ войска, чтобы преслѣдовать и наказать Барака. По ихъ словамъ враговъ было у нихъ немного; большая часть Средней Орды была къ нимъ привержена; въ особенности же ссылались они на преданность Джанбекъ-Тархана, Алчинцевъ, Байулинцевъ и Семиродцевъ (письмо Пупай Ханьши и Ходжи-Ахмеда отъ 28 Августа 1748).

Когда извѣстія эти дошли до Оренбурга, Неплюевъ отправилъ въ степь къ Ханскому семейству Переводчика Гуляева и Башкирскаго Старшину Кубека, съ Татариномъ Галіемъ и провожатымъ изъ Киргизовъ Дуналіемъ.

Къ нимъ приданы были на помощь, по совѣту Тевкелева, Киргизскій Старшина Байбекъ, преданный Русскимъ и пользовавшійся довѣріемъ какъ покойнаго Хана, такъ и жены и дѣтей его, и Орской крѣпости Татарскій Атаманъ Смаилъ Мулла, который только что возвратился изъ поѣздки своей къ Нуралію. Инструкціей, врученною Гуляеву въ день его отъѣзда, 29 Августа 1748 года, велѣно ему было. 1., слѣдить за всѣми намѣреніями Ханьши и Султановъ, всячески стараться отклонить ихъ отъ мщенія Бараку, представляя имъ, что они напередъ должны учредить у себя внутренній порядокъ и избрать правителя. Если же станутъ они спрашивать, задержаны ли по ихъ просьбѣ Киргизы, то отвѣчать, что Кайсаки эти успѣли уѣхать предъ полученіемъ письма; 2., въ разсужденія о выборѣ Хана не вмѣшиваться, а пристать къ той сторонѣ, которая окажется сильнѣе, въ особенности не наблюдать за тѣмъ, чтобы по окончаніи выбора, какъ отъ Старшинъ и Біевъ, такъ и отъ самого новоизбраннаго Хана, присланы были на Высочайшее Имя прошенія объ утвержденіи его въ этомъ достоинствѣ и чтобы до полученія грамоты онъ не писался и не назывался Ханомъ; 3., если бы Нурали, или кто изъ Султановъ захотѣлъ послѣ выбора, пріѣхать въ Оренбургъ, то не только не удерживать ихъ, но еще приглашать къ тому, обѣщая царскія милости. 4., Если бы кто изъ семейства покойнаго Хана, опасаясь чего либо, желалъ прикочевать въ близость крѣпостей, то не отказывать, а

напротивъ говорить имъ всѣмъ, что въ случаѣ нужды, они могутъ быть приняты и въ самыя крѣпости (указъ объ этомъ отданъ былъ Оренбургскою Губернскою Канцеляріею по всѣмъ Верхнеяицимъ крѣпостямъ отъ Оренбурга до Верхнеяицка 29 Августа 1748 года).

Въ одно время съ Гуляевымъ Неплюевъ отправилъ къ Баракъ Султану Бузулуцкаго казака Матвѣя Арапова. Посланный долженъ былъ миновать кочевья семьи Абулъ-Хайра, и для того ѣхать сперва чрезъ Башкирію, потомъ по линіи до Ямышевской крѣпости, и оттуда уже чрезъ улусы Аблай Султана пробраться къ самому Бараку. По прибытіи на мѣсто ему велѣно было сказать Султану, что онъ выѣхалъ еще 1-го Августа изъ Оренбурга, и узналъ о смерти Абулъ-Хайра только на дорогѣ, но что онъ *достаточно знаетъ, что Тайный Совѣтникъ какъ его Бараковыми поступками доволенъ, такъ и Ханскими огорченъ*. Однимъ словомъ Арапову поручено было всячески успокоить Барака, увѣривъ его въ доброжелательствѣ начальства.

Такія распоряженія внушены были Неплюеву желаніемъ возстановить въ степи миръ и согласіе. Баракъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ Султановъ; отецъ его, Турсунъ Ханъ, владѣлъ Иканомъ и другими сосѣдними городами за Сыръ-Дарьею и по смерти своей передалъ права на нихъ сыну. Неплюевъ опасался, чтобы Баракъ, побоясь мщенія сыновей Абулъ-Хайра, не откочевалъ съ улусами своими въ даль, въ особенности же не передался бы

близкимъ сосѣдямъ своимъ, Чжуньгарамъ, озлобленнымъ на покойнаго Хана за разграбленіе Кашгарцевъ. Опасенія эти отчасти оправдались на самомъ дѣлѣ Баракъ, тотчасъ же по умерщвленіи соперника, отправилъ пословъ къ Чжуньгарскому владѣльцу Цеванъ-Дорчжѣ съ объясненіемъ, что Киргизы Меньшой Орды согласились напасть на него, для чего и разграбили караванъ Кашгарскій, но что онъ изъ привязанности къ нимъ убилъ Абулъ-Хайра, который не переставалъ грабить проѣзжающихъ для торга въ Оренбургъ Чжуньгарскихъ купцевъ (*если вы меня на защитите*, говорилъ Баракъ *то Алчинцы меня погубятъ*). Однако посольство это не принесло ему пользы: Цеванъ-Дорчжа, вѣроятно, сердясь за обиду, нанесенную ему Шигаемъ (*) и цѣня дружбу Нуралія, который думалъ выдать за него сестру свою, не похвалилъ Барака и никакого отвѣта не далъ. Между тѣмъ Султанъ откочевалъ къ Туркестану съ бывшими съ нимъ при убійствѣ Хана немногими людьми Каракисякскаго, Тюртъоглынскаго, Малтайскаго и Найманскаго родовъ и расположился по рѣкѣ Сарасу.

(Рапортъ Гуляева 13 Сентября 1748 года.)

Въ это время положеніе Барака было чрезвычайно

(*) Изъ показаній (20 Ноября 1748 г.) нѣкоторыхъ казаковъ, ѣздившихъ къ Джанбеку, видно, что Шигай, находясь въ аманатахъ у Чжуньгарскаго владѣльца, связался незаконнымъ образомъ съ матерью его и тѣмъ озлобилъ противъ себя и Цеванъ-Дорчжу и всѣхъ Чжуньгаровъ.

стѣснительно : при немъ оставалось не болѣе 500 кибитокъ; почти всѣ роды Средней Орды, которыми онъ управлялъ прежде, отъ него отстали: нѣкоторые даже согласились его выдать семьѣ покойнаго Хана. Найманы прямо отвѣтили посланцамъ его, которые пріѣхали съ извѣстіемъ объ убійствѣ Абулъ-Хайра, и съ предложенія емъ принять въ Ханы Барака, что они за нимъ слѣдоватъ не хотятъ (какъ де время приспѣетъ, головы своелишиться можетъ). То же говорилъ ему и Телябій, знатный Киргизъ Большой Орды, кочевавшій за Туркестаномъ около Ташкенда (показаніе Смаила Муллы 20 Ноября 1748 года). Каракисякскаго рода Казебекъ-Бій и другіе Старшины, удержали его на пути въ Чжуньгарію, упрекали въ убійствѣ Абулъ-Хайра и грозили выдать семьѣ покойнаго Хана. Баракъ всячески уговаривалъ ихъ выставляя всѣ пороки Абулъ-Хайра и свои достоинства (нашу фамилію зовутъ Тогимъ Шигайской, а его Абулъ-Хайра Ханская фамилія Белгкайкоянская и его де родъ противъ нашего силою не будетъ, ибо де наша фамилія честная и многолюдная.) Наконецъ онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, выбралъ четырехъ Біевъ, и предался на ихъ судъ, говоря, что если они признаютъ его виновнымъ, то онъ готовъ жертвовать и имѣніемъ, и жизнію. Хитрость эта, вѣроятно, удалась ему и онъ успѣлъ въ нѣкоторой степени снискать расположеніе Киргизовъ, потому что чрезъ нѣсколько времени снова прикочевалъ къ своей ордѣ уже съ 3000 кибитокъ.

Воспользовавшись такимъ счастливымъ оборотомъ обстоятельствъ, Баракъ набралъ здѣсь тысячь пять войска изъ Найманов, Каракисяковъ, Кунратовъ и даже Киргизовъ Большой Орды (ихъ было человѣкъ 500 подъ начальствомъ Телябія) и выступилъ въ походъ противъ Верхнихъ-Каракалпаковъ. Араповъ въ Мартѣ 1749 г. засталъ его на устьѣ рѣки Джидиль, впадающей въ Сыръ-Дарью. Жена же и дѣти его находились тогда въ Каракисякскомъ родѣ, днях въ десяти ѣзды отъ Чжуньгаріи и Туркестана. Покоривъ Каракалпаковъ, и взявъ съ нихъ 10 человѣкъ въ аманаты, Султанъ распустилъ войско свое, а самъ заѣхалъ въ Туркестанъ для свиданія съ Абулъ Махметомъ, Ханомъ Средней Орды. Пробывъ здѣсь два дня, онъ отъѣхалъ въ Иканъ, гдѣ дождался жены и дѣтей, за которыми посылалъ сына своего Шигая. Черезъ мѣсяцъ онъ откочевалъ вмѣстѣ съ ними въ сосѣдство къ Чжуньгарамъ, къ урочищу Мамбылакъ-Арсланлы-Бабатъ, за тѣмъ воротился снова къ Икану и расположился по рѣчкѣ Чукбуръ. Отсюда онъ еще разъ отправлялъ пословъ съ изъясненіемъ покорности и съ предложеніемъ сына своего въ аманаты Чжуньгарскому владѣльцу, вмѣстѣ съ Бухарскими посланцами, которые ѣхали для заключенія мира съ Цевань Дорчжей Это время есть блистательнѣйшій періодъ жизни Барака· владѣя Иканомъ, Ташанакомъ, Отраромъ, Угустаномъ и Сазакомъ, онъ распоряжался въ нихъ самовластнымъ Ханомъ, бралъ подати и даже въ Иканѣ по-

строилъ себѣ домъ. (*) Улусы, которыми онъ владѣлъ до убійства Хана, изъявляли готовность снова прикочевать къ нему и защищать въ случаѣ нападенія. Въ письмѣ къ Неплюеву (полученномъ 24 Сентября 1749 года) Баракъ сообщалъ, что 10 т. Киргизовъ Кунратскаго рода приняли присягу подданства и избрали его себѣ въ Ханы. Телябій писалъ даже въ Оренбургъ, что вся Большая Орда признала надъ собою власть Россіи и сдѣлала у себя Барака владѣльцемъ. Самъ Джанбекъ-Тарханъ и многіе Старшины соглашались заплатить семьѣ Абулъ-Хайра скотомъ и имуществомъ положенную плату за кровь, и звали его на Ханство. (**) Но цѣль честолюбиваго Барака была, кажется, совершенно другая: еще мало увѣренный въ силахъ своихъ, и боясь измѣны, онъ не думалъ возвратиться въ прежніе аулы, въ сосѣдство непримиримыхъ враговъ, прямое желаніе его было усилиться сперва за Сыръ-Дарьею, потомъ склонить на свою

(*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ показаній казака Арапова, который во все это время сопутствовалъ Баракъ Султану въ его перекочевкахъ.

(**) Впрочемъ можетъ быть приглашеніе Тархана и не было добросовѣстно Джанбекъ отличался преданностью своею Абулъ-Хаиру. Изъ дѣлъ видно, что онъ даже обѣщалъ семьѣ его ѣхать въ Среднюю Орду, взять и выдать Барака. Не была ли это хитрость, что бы завлечь къ себѣ Султана! Подобнаго рода предложеніе было имъ дѣлано Бараку тотчасъ послѣ убіенія Хана, когда Тарханъ отъ имени Старшинъ писалъ къ нему, чтобъ онъ прикочевалъ къ нимъ, что они изберутъ его въ Ханы на мѣсто Абулъ-Хаира, если только онъ смѣнитъ Айчувака, содержавшагося аманатомъ въ Оренбургѣ, сыномъ своимъ Шигаемъ.

сторону Чжуньгаровъ, и съ помощью ихъ и приверженныхъ родовъ, овладѣть степью и сдѣлаться въ ней Ханомъ. Опасаясь найти сильную преграду своимъ замысламъ въ Русскихъ, онъ льстилъ имъ, желая усыпить на время. Аранова онъ всячески убѣждалъ въ вѣрности своей къ Государынѣ и въ привязанности къ начальству; говорилъ, что убилъ Хана за частые грабежи купцовъ, и при отъѣздѣ поручилъ ему отвезти бобра въ подарокъ Неплюеву.

Однако къ счастію Киргизовъ и семьи Абулъ-Хайра, Баракъ не успѣлъ привести въ исполненіе своего плана: неожиданная и насильственная смерть удержала его. Причиною ея были отчасти происки Нуралія, который чрезъ посланца своего, Карабашъ-Султана, всячески старался возстановить Чжуньгарскаго владѣльца противъ Барака. (*) Въ Апрѣлѣ 1750 года пришла чрезъ Киргизовъ вѣсть, что Баракъ Султанъ умеръ въ городѣ Канакѣ, возвратившись отъ обѣда отъ какого-то Ходжи. Утверждали, будто Ходжа этотъ отравилъ Барака по приказанію Цеванъ Дорчжія, котораго просилъ о томъ Нурали.

Гуляевъ 4 Сентября 1748 года прибылъ въ Ханскую

(*) Гуляевъ доноситъ (4 Февраля 1750 года), что Чжуньгарскій владѣлецъ, по просьбѣ Карабаша, приказалъ Телябю поймать Барака, и доставить къ себѣ Баракъ, испугавшись, откочевалъ въ Среднюю Орду, въ прежнія свои владѣнія, и хотѣлъ было ѣхать къ Нуралію съ повинною.

ставку (*) Тугъ онъ засталъ уже нѣкоторыхъ изъ приверженныхъ семьѣ Абуль-Хайра Біевъ и старшинъ, которые съѣзжались совѣтоваться объ избраніи новаго Хана, объ устройствѣ степи и объ отмщеніи Бараку· послѣднее дѣло считали они нетрудшымъ; такъ были увѣрены въ своихъ силахъ, въ помощи Рускихъ, и въ ничтожествѣ бѣжавшаго, по ихъ словамъ, Султана. Чрезъ нѣсколько времени (21 Сентября) прибылъ Нурали, а вслѣдъ за нимъ Джанбекъ Тарханъ; за тѣмъ пріѣхало еще множество другихъ Біевъ Всѣ эти Старшины и Батыри были большею частью изъ Малой Орды, Біевъ же Средней Орды было немного Къ тому же ни кто изъ сихъ послѣднихъ не пользовался среди Киргизовъ ни вѣсомъ, ни значеніемъ, исключая Джанбека, который хотя и утверждалъ, что онъ пріѣхалъ уполномоченнымъ отъ всей Средней Орды, но въ послѣдствіи обстоятельства показали противное. Вскорѣ начался выборъ; результатъ его не могъ быть сомнителенъ: все говорило въ пользу Нуралія. Абулъ-Хайръ, умирая, назначилъ его себѣ въ преемники. Память покойнаго Хана, умъ Пупай Ханьши, въ особенности же явное расположеніе Русскаго Правительства къ семьѣ Абулъ-Хайра,—все

(*) Въ это время семья Абулъ-Хаира съ большею частью улусовъ Малой Орды кочевала на урочищѣ Каракумѣ, ближе къ Сыръ-Дарьѣ, остальные же улусы располагались внизъ по Сыръ-Дарьѣ по р Эмбѣ, по озеру Каракуль (мѣстопребываніе Исеть-Тархана), по урочищу Бурсуку (здѣсь кочевалъ до смерти отца своего Нурали Султанъ) и по рѣкѣ Илеку. Средняя Орда жила по Сыръ-Дарьѣ и въ прочихъ мѣстахъ.

склонило присутствовавшихъ на сторону Нуралія. 2 Октября, на берегу рѣки Каинлы-Иргиза, онъ былъ провозглашенъ Ханомъ и надъ нимъ прочли обычную молитву Однако избраніе это не было совершено по древному обычаю Киргизовъ: прежде подобнаго рода выборы совершались всѣмъ народомъ; Нурали же былъ провозглашенъ Ханомъ въ кибиткѣ своей, одними знатными Біями, которыхъ допущено было только по 10 человѣкъ отъ каждаго рода. Не смотря на это, ни гдѣ въ степи не явилось соперника, который бы сталъ оспаривать у Нуралія права его на власть

Одинъ Батырь Султанъ, кочевавшій съ Тюртькаринскимъ родомъ, 15 Октября былъ поднятъ на кошмѣ и провозглашенъ Ханомъ нѣкоторыми Біями Малой Орды родовъ Чемакай-Балинскаго, Чемакай-Каратамырскаго, Чемакай-Джалтырскаго, (*) Чикликичкеняскаго, Тюртькаринскаго и Карасакальскаго. Впрочемъ избраніе это, повидимому, не только не вредило Нуралію, но даже клонилось въ его пользу. Біи провозгласили Батыря Ханомъ по не отступной просьбѣ его, единственно изъ за подарковъ, которые обыкновенно раздавались при подобныхъ случаяхъ, самъ же Батырь, въ которомъ Нурали до этого

(*) Эти три рода вмѣстѣ назывались Бузгупскимъ родомъ и считали себя одного происхожденія (показаніе Смаила Муллы Ноября 20 дня 1748 года:)

времени видѣлъ опаснаго врага, (*) казалось, долженъ былъ позабыть всякую непріязнь, удовлетворивъ тщеславію, столь свойственному Киргизамъ, въ особенности же понятному въ Батырѣ, имѣвшемъ сына, Каипъ-Джана, владѣльцемъ въ Хивѣ.

На общемъ съѣздѣ, кромѣ выбора Хана, разсуждали еще осредствахъ къ отмщенію Бараку; при этомъ случаѣ, въ семью Абуль-Хайра, кромѣ злобы на убійцу, закралась еще другая мысль, полная дерзкаго честолюбія. Джанбекъ Тарханъ совѣтовалъ Нуралію выпросить у Русскаго Правительства, какъ будто для мщенія Бараку, солдатъ, передѣть ихъ въ купцовъ, итти на Хиву, овладѣть ею, посадить тамъ Ханомъ Ходжу Ахмета, и за тѣмъ убить Барака.—Самъ Нуралій долженъ былъ сдѣлаться Ханомъ въ Малой Ордѣ, а Ирали, подъ его главнымъ надзоромъ, править Среднею Ордою, съ титуломъ Хана. Каипа думали свергнуть съ престола силою, либо хитростью; имъ казалось теперь не труднымъ убѣдить Батыря отозвать сына къ себѣ въ Орду, польстивъ ему надеждой, что онъ самъ можетъ сдѣлаться на его мѣсто владѣльцемъ.—

По окончаніи совѣта, на другой же день всѣ бывшіе на

(*) Что Нурали опасался его видно изъ рѣчи къ Біямъ Алчинскаго рода, предлагавшимъ пригласить Батырь Султана на совѣтъ Едва могли угогорить его послать 4-хъ Біевъ Чемекенскаго, Чикишскаго и Шекларскаго родовъ звать Батыря, но гордый Султанъ, отказался ѣхать и остался у себя среди приверженныхъ ему Тюртькарпцевъ. и Чикпицевъ.

немъ Біи и Батыри, въ числѣ 1000 человѣкъ, разъѣхались по своимъ улусамъ. Съ извѣстіемъ же объ избраніи Нуралія и съ просьбами на Высочайшее Имя объ утвержденіи его въ новомъ достоинствѣ, отправлены были, вмѣстѣ съ Переводчикомъ Гуляевымъ, зять покойнаго Абулъ-Хайра, Джанбекъ Султанъ (*) и нѣсколько другихъ Старшинъ, именно: 1, Байбекъ, 2, Асабай, 3, Ходжакумъ, 4, Мамытъ, 5, Малыбай, 6, Умурзакъ, 7, Баранбай и 8, Тангрикуль (изъ нихъ Асабай умеръ надорогѣ въ Оренбургъ скоропостижно). Пупай Ханьша, дѣти ея и Біи просили, чтобы выборные эти представлены были къ Императорскому Двору. Желаніе ихъ было удовлетворено: по указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ ихъ одарили платьемъ и снабдили всѣмъ необходимымъ для дороги. Октября 22 дня они отправились въ С. Петербургъ чрезъ Москву, гдѣ останавливались, по назначенію Коллегіи, на Никитской улицѣ, въ домѣ бывшаго Вице-Губернатора Вельяминова-Зернова. 26 Февраля 1749 года выдана была Высочайшая грамота объ утвержденіи Нуралія въ Ханскомъ достоинствѣ, и въ Іюлѣ того же года онъ былъ торжественно приведенъ Неплюевымъ къ присягѣ въ Оренбургѣ, куда прибылъ съ братьями своими и съ большою свитою Султановъ и Біевъ (**).

(*) За нимъ была дочь Абулъ-Хайра, рожденная не отъ Пупай Ханьши, а отъ другой жены.

(**) Слухи объ избраніи Нуралія и объ утвержденіи его въ Ханскомъ достоинствѣ очень скоро разнеслись по землямъ, прилежащимъ къ степи.

При этомъ случаѣ онъ смѣнилъ брата своего Айчувака, находившагося аманатомъ, другимъ братомъ Адилемъ До сихъ поръ въ дѣлахъ Пограничной Коммиссіи хранить протоколъ разговора Неплюева съ Нурали Ханомъ. Разговоръ этотъ тѣмъ болѣе занимателенъ, что изъ него можно легко ввдѣть цѣль, къ которой стремилось Правительство, и замыслы новаго Хана, наслѣдовавшаго отъ отца безмѣрное честолюбіе и необыкновенную уклончивость характера два качества, которыя ясно выразились

Уже въ Ноябрѣ 1749 года, пріѣхали къ нему съ поздравленіемъ послы отъ Мангышлакскихъ Трукменовъ. Они привезли въ подарокъ 6 плѣнныхъ Персіанъ, и просили Нуралія принять народъ ихъ въ свое-вѣдомство и жить съ ними въ мирѣ и согласіи Кромѣ того, зная, что Ханъ будущею весною думаетъ отправиться въ Оренбургъ, они предъявили желаніе ѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ. Нурали принялъ это предложеніе, отдарилъ пословъ лошадьми, и, отпуская ихъ, велѣлъ ко времени отъѣзда своего къ Оренбургъ, прислать достойныхъ и знатныхъ Старшинъ съ приличными подарками. Вслѣдъ за тѣмъ и самъ Ханъ разослалъ посланцевъ своихъ въ Хиву, къ Кунрадскимъ Аральцамъ, и въ Бухару, объявляя вездѣ о вступленіи своемъ на Ханство. Онъ просилъ присылать къ нему купеческіе караваны съ товарами и серебромъ для препровожденія на торгъ въ Оренбургъ. Марта 30 дня 1750 г. возвратился къ Нуралію Алчинскаго рода Малыбай, котораго онъ посылалъ съ таковымъ жа порученіемъ къ Тякаямутскимъ Трукменамъ, кочевавшимъ подъ Хивою; но Малыбай за дальностью кочевья не могъ доѣхать до нихъ, а видѣлъ только Ераклинскихъ и Тякинскихъ Трукменовъ Имъ онъ объявилъ о торгѣ въ Оренбургѣ и о пользѣ его для нихъ и для всѣхъ сосѣднихъ народовъ. Трукмены хотѣли тѣмъ же лѣтомъ ѣхать съ серебромъ въ Оренбургъ, а Тякинцы радовались извѣстію о возведеніи Нуралія въ Ханы и обѣщали быть послушными ему и вѣрными Ея Императорскому Величеству.

въ безуспѣшной настойчивости Нуралія, когда онъ сталъ просить себѣ войска, подъ лживымъ предлогомъ отмщенія Бараку. Что касается Русскаго Правительства, оно было скромно въ своихъ требованіяхъ. Въ особой грамотѣ, данной на имя Хана, Султановъ, Біевъ, Старшинъ и народа просило оно о возвращеніи »имѣющихся въ Кир«гизъ-Кайсацкихъ рукахъ плѣнниковъ, отогнаннаго скота »и пограбленныхъ пожитковъ Киргизами у Русскихъ.« Требованіе это, въ существѣ своемъ простое и весьма естественное, было однако затруднительно для Хана; плѣнники и вещи находились въ рукахъ Киргизовъ, которые считали ихъ своею собственностью. Кромѣ того они были раздражены на Русскихъ зато, что Яицкіе казаки принимали къ себѣ бѣглыхъ изъ степи Персіянъ, крестили ихъ и держали у себя, въ услугахъ, не обращая ни какого вниманія на жалобы хозяевъ. (*) Взявшись удовлетворить желанію Правительства, Нурали возстановилъ бы противъ себя простой народъ и Біевъ, составлявшихъ главную основу внутренняго распорядка въ степи. Владѣя родами, Біи давали имъ направленіе и склоняли ихъ въ ту, либо другую сторону; новый Ханъ, только что вступившій въ управленіе Ордою, необходимо долженъ былъ опасаться ихъ непріязни, власть его, непрочная, основанная на выборѣ и про-

(*) Всѣ плѣнные изъ неподданныхъ Русскихъ, выбѣгавшіе изъ степи и принимавшіе Христіанскую вѣру, не выдавались Киргизамъ, а оставались въ Россіи, остальные же обращались снова въ рабство къ Кайсакамъ.

изволѣ Старшинъ, могла рушиться съ разу. По этому Нурали, какъ единственное средство къ возврату плѣнныхъ и къ уничтоженію на будущее время всякихъ своевольствъ со стороны Киргизовъ, предлагалъ *баранту* (задержаніе преступниковъ, или ихъ родственниковъ). Правительство, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, дало согласіе, и указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 27 Ноября 1749 г., предписано было главному мѣстному Начальству, въ случаѣ, если бы Киргизы учинили какую продерзость, именно, увезли нѣсколько людей или отогнали лошадей и скотъ, или ограбили кого, или же приняли къ себѣ Русскихъ бѣглецовъ, писать къ Хану и требовать удовлетворенія; если бы Ханъ не сдѣлалъ его или бы согласился на баранту, то Начальству слѣдовало задержать кого либо изъ родственниковъ или однородцевъ виновнаго, и держать подъ стражею, пока не послѣдуетъ удовлетворенія; если бы писать къ Хану было слишкомъ далеко, то баранта разрѣшалась и безъ его соглася; однако ни кто, кромѣ Губернатора, не могъ опредѣлить ее.

Подобнаго рода мѣра была полезна для Русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Ханъ находилъ въ ней свои выгоды. Полный жажды къ самовластію, и тяготясь неповиновеніемъ народа, дикаго и своевольнаго, онъ надѣялся пріобрѣсть право, подъ благовиднымъ предлогомъ преданности Россіи, произвольно задерживать всякаго непокорнаго Киргиза, не навлекая даже на себя подозрѣнія подчиненныхъ. Такъ по крайней мѣрѣ понималъ баранту Нурали. сознавая сла-

бостъ свою, и опасаясь мщенія Киргизовъ, онъ думалъ, что Неплюевъ согласится на его просьбу и станетъ задерживать людей по его письмамъ, но отнюдь не будетъ объявлять имъ, что это сдѣлано по волѣ Хана. Иначе, говорилъ онъ (чтобы придать больше вѣса своему требованію), Киргизы ни за что не согласятся выдать плѣнныхъ и въ укоръ ему, рѣшатся скорѣе оставить въ рукахъ у Русскихъ своихъ соплеменниковъ (:письмо Нуралія 18 Января 1750 г.).

Чрезъ нѣсколько времени по отъѣздѣ Хана изъ Оренбурга, Неплюевъ въ Августѣ (2) 1749 г. получилъ общее письмо отъ всей семьи Абулъ-Хайра. Пупай Ханьша, Нурали и братья его просили дать имъ 1000 или 2000 рабочихъ, чтобъ, не болѣе какъ въ 15 дней, окончить предполагаемое ими *знатное* строеніе надъ могилою отца ихъ. Въ случаѣ отказа Пупай и прочій народъ хотѣли вырыть тѣло (*) покойнаго Хана, и итти съ нимъ въ Туркестанъ.

Просьба эти вовсе не была основана на одномъ пустомъ тщеславіи, столь свойственномъ Киргизамъ по ихъ дикости и невѣжеству. Въ ней таилась мысль,» хотя и странная и весьма глупо-промышленная« (·рапортъ Неплюева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ отъ 9 Августа 1749 года:) однако непріятная для Русскаго Правитель-

(*) Мѣсто, гдѣ погребенъ Абулъ-Хайръ Ханъ, находилось въ разстояніи 5 дней ѣзды отъ Орской крѣпости.

ства. Нурали и братья его, получивъ отказъ въ войскѣ, на которое они такъ расчитывали, поняли, что всѣ замыслы объ отмщеніи Бараку и планы о покореніи Хивы и Средней Орды, должны рушиться непремѣнно: въ надеждѣ на помощь Русскихъ, они откладывали день ото дня мщеніе свое, дали Бараку время усилиться, и откочевать вдаль къ Туркестану и Ташкенду, гдѣ, живя среди владѣній, подчиненныхъ Чжунгарамъ, онъ находился какъ бы невольно подъ ихъ покровительствомъ. Нападеніе на него было для дѣтей Абулъ-Хайра опасно: Чжунгары, вѣчные враги Киргизовъ, могли легко принять участіе въ битвѣ, а Нурали не имѣлъ въ своемъ распоряженіи людей, которые бы ему повиновались безусловно. Хотя Біи и Батыри увѣряли его въ преданности и готовности служить, но большая часть подобныхъ увѣреній была ложная; самъ Ханъ хорошо зналъ это и въ бытность свою въ Оренбургѣ говорилъ наединѣ Неплюеву:« ибо де иныя хотя и довольный видъ вѣрности показываютъ, но внутренѣ, можетъ быть не такъ думаютъ.« Къ тому же Правительство наше съ своей стороны употребляло всѣ средства, чтобы не замѣтнымъ образомъ и не обижая Хана, отклонить Біевъ отъ похода. Оно представляло имъ всѣ предстоявшія отъ него опасности и безпокойства, которыя могутъ произойти въ Ордѣ. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что сами Біи неохотно соглашались на походъ. Въ ихъ глазахъ это была вещь пустая, служившая къ одной лич-

ной выгодѣ семьи Ханской, выгодѣ, о которой они мало заботились. (*)

И такъ въ настоящее время положеніе Нуралія и братьевъ его было весьма затруднительно: тщеславіе, а можетъ быть и надежда на независимость клонили ихъ къ войнѣ съ Баракомъ, и къ мѣрамъ рѣшительнымъ; съ другой стороны сознаніе собственной слабости и страхъ Русскихъ предписывали имъ терпѣніе, либо хитрость.— Послѣдняя болѣе соотвѣтствовала ихъ мыслямъ и при родному характеру, по этому они рѣшились прибѣгнуть къ ней. Льстя себѣ пустою надеждою, что Правительство испугается угрозъ Киргизовъ откочевать вдаль къ Туркестану, они думали, что оно согласится на построеніе гробницы надъ могилою Абулъ-Хайра въ томъ видѣ, какъ это было отъ нихъ предложено и вышлетъ рабочихъ (1000 либо 2000 человѣкъ). Нурали, вѣроятно, полагалъ употребить ихъ вмѣсто войска и привести въ исполненіе всѣ свои замыслы (**). Кромѣ того, нельзя не замѣтить,

(*) Когда Неплюевъ въ угожденіе Нуралію намекнулъ въ рѣчи своей Старшинамъ, чтобы они при случаѣ помогали семьѣ Ханской отомстить за злодѣйскую смерть Абулъ-Хайра, то Старшины неохотно приняли это предложеніе Губернатора и какъ бы выразили свое неудовольствіе.

(**) О недобросовѣстности требованія Хана и семьи его можно заключить еще по слѣдующему соображенію. въ старину надъ Ханскими могилами ставились весьма небольшія строенія изъ дикаго камня, или кирпича, Нурали же и братья его требовали для Абулъ-Хайра знатное и большое строеніе для того только, чтобы выпросить у начальства большое число рабочихъ.

что самое предложеніе сдѣлано было еще съ цѣлію отвлечь вниманіе Начальства отъ другаго, болѣе важнаго дѣла, которое Нурали всѣми средствами старался скрыть отъ Неплюева. Дѣло это состояло въ выдачѣ замужъ сестры его (*) за Чжуньгарскаго владѣльца, выдачѣ, которою обязался еще Абулъ-Хайръ.

Нурали, по смерти Хана въ 1748 году, отправилъ въ Чжуньгарію пословъ, говоря, что онъ готовъ сдержать слово, данное отцомъ Чрезъ нѣсколько времени прибыли съ отвѣтомъ посланцы Чжуньгарскаго владѣльца. Цеванъ-Дорчжи-Нямгяла казался доволенъ предложеніемъ Хана, и просилъ его для личнаго переговора пріѣхать самому, или же прислать вмѣсто себя одного изъ братьевъ съ двумя знатными Султанами. Сверхъ того, послы отъ имени владѣльца просили Нуралія показать имъ невѣсту. Нурали такъ дорожилъ дружбою будущаго зятя, что, съ согласія матери и Ирали Султана, рѣшился, вопреки обычаямъ и вѣрѣ, показать имъ сестру. Потомъ онъ отпустилъ посланцевъ и отправилъ вмѣстѣ съ ними, для окончательнаго рѣшенія дѣла, свойственника своего Карабашъ Султана и Пичкакъ Ходжана, которые повезли въ подарокъ къ Чжуньгарскому владѣльцу богатую саблю. Выгоды предполагаемой свадьбы были обоюдныя: Ханъ требовалъ, что бы Цеванъ-Дорчжа возвратилъ всѣхъ

(*) Другая сестра его сговорена была въ 1747 году за Хана Бухарскаго.

плѣнныхъ Киргизовъ (*), и выдалъ Барака, также просилъ отказаться отъ притязаній на Ташкендъ и Большую Орду, и уступить вмѣсто калыма Туркестанъ, гдѣ Нурали думалъ поселиться навсегда Цеванъ-Дорчжа съ своей стороны требовалъ, чтобы, согласно обѣщанію Абулъ-Хайра, всѣ Чжуньгары, захваченные въ плѣнъ Киргизами, были отданы, или же, въ замѣнъ ихъ, представлены были Русскіе Калмыки (.т. е. Волжскіе:). Такъ говорилъ Цеванъ-Дорчжа, но въ душѣ онъ думалъ иначе истинныя намѣренія владѣльца клонились къ осуществленію давнишней мысли, для которой онъ не щадилъ ни трудовъ, ни денегъ, именно къ завладѣнію Киргизскою степью Вступивъ въ близкое родство съ Ханомъ Малой Орды, онъ надѣялся привлечь на свою сторону Нуралія и народъ Кайсацкій, отдалить ихъ отъ Русскихъ (инструкція Гуляеву Ноября 18 дня 1749 года), а современемъ предъявить права на самую степь, либо вручить управленіе ею сыну, который могъ родиться у него отъ дочери Абулъ-Хайра.

Правительство, узнавъ о вредныхъ замыслахъ Нуралія и о пагубныхъ домогательствахъ Чжунгаровъ, которымъ онъ тайно поддавался, рѣшилось разстроить всѣ его планы и, если возможно, употребить ихъ въ свою пользу.

(*) Плѣнныхъ этихъ въ Чжуньгаріи было очень много, большею частію были они захвачены изъ подъ Туркестана, куда Киргизы Малой Орды ежегодно ѣздили доставать свинецъ.

Допустить родственный союзъ Хана съ Цеванъ Дорчжіемъ и отправить въ степь 2,000 рабочихъ было опасно; съ другой стороны, совершенно отказать просьбѣ дѣтей и непочтить памяти Абулъ-Хайра—значило оскорбить ихъ самолюбіе, безъ того обиженное отказами. По этому положили уговорить Хана выстроить памятникъ, какъ можно въ меньшихъ размѣрахъ, такъ чтобы 50 человѣкъ рабочихъ окончили его въ одно лѣто. Подъ этимъ предлогомъ посланы были къ Нуралію, кочевавшему при урочищѣ Акаричъ-Тау (урочище это лежитъ въ 1 днѣ ѣзды отъ рѣки Эмбы и въ 4 дняхъ отъ самаго устья рѣки), Переводчикъ Гуляевъ и Кондукторъ Кротковъ, который долженъ былъ составить, съ согласія дѣтей Абулъ-Хайра, планъ предположенному строенію и представить его на разсмотрѣніе Начальства. Кромѣ этой прямой цѣли посольство имѣло еще другую. Гуляеву поручено было при совѣтовать Нуралію отъ себя «яко за конфиденцію» просить о построеніи гдѣ либо въ степи, по рѣкѣ Илеку городка и внушить ему, что успѣхъ этой просьбы будетъ несомнѣнный, въ особенности если онъ согласится имѣть его противъ Крясногорска, а хотя и въ другомъ мѣстѣ, только оттуда разстояніемъ не далѣе двухъ, или трехъ дней (инструкція Гуляеву, данная въ день отъѣзда Ноября 18 дня 1746 года). Сюда бы перенесли подъ особый памятникъ тѣло покойнаго Абулъ-Хайра и мѣсто это могло сдѣлаться со временемъ кладбищемъ для всѣхъ Хановъ Киргизскихъ, которые бы сами жили въ

городкѣ лѣтомъ и зимой и имѣли тамъ свой домъ, мечеть и прочее.

Польза такого рода предположенія была очевидна; оно вполнѣ соотвѣтствовало видамъ Правительства, заботившагося о распространеніи въ степи зачатковъ гражданственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись, что Ханъ приметъ его съ радостью Надежды эти имѣли свои основанія· полный тщеславія и гордости, проникнутый мыслями отца, Нурали сознавалъ шаткость Ханской власти и, во что бы то ни было, хотѣлъ ее упрочить. Одно изъ средствъ, которыми онъ думалъ осуществить свое намѣреніе, состояло въ томъ, чтобы имѣть по примѣру Средне-Азіатскихъ владѣльцевъ особое мѣстопребываніе, гдѣ, находясь въ безопасности, онъ могъ бы легче дѣйствовать къ обузданію непокорныхъ Біевъ и самого народа. Съ этою цѣлью онъ добивался Туркестана (*), и готовъ былъ за одно пріобрѣтеніе его вступить въ родственный союзъ съ вѣчнымъ врагомъ своимъ, Ханомъ Чжунгаргарскимъ. Теперь же ему вдругъ представляли случай привести въ исполненіе давнишнее желаніе, и пріобрѣсть городъ безъ всякихъ усилій и пожертвованій. Мало того,

(*) Отчего Нурали обратилъ вниманіе на Туркестанъ, а не на другой городъ объясняется тѣмъ, что Туркестанъ находился нѣкогда въ рукахъ Хановъ Киргизскихъ, имѣвшихъ въ немъ свое мѣстопребываніе. Чжунгары отняли его только въ 1723 году.

Русскіе какъ будто предупреждали его намѣренія: Неплюевъ, желая еще болѣе обласкать Хана, велѣлъ Гуляеву объявить ему, что о барантѣ (второе средство, которымъ Нурали думалъ подчинить Киргизовъ) уже писано ко Двору, такъ что съ наступающею весною можно будетъ приступить къ ней. Правительство безъ всякаго сомнѣнія расчитывало на эти обстоятельства, когда оно поставило Гуляеву въ непремѣнную обязанность пресѣчь дружескія сношенія Хана съ Чжуньгарскимъ владѣльцемъ, употребляя на то возможныя убѣжденія, даже при случаѣ грозя ему неминуемымъ гнѣвомъ Царскимъ, если бы онъ осмѣлился выдать владѣльцу плѣнныхъ Волжскихъ Калмыковъ, которыхъ онъ обязанъ былъ возвратить Русскимъ. —

Гуляевъ и Кротковъ (чрезъ Яицкій городокъ, Сахарный форпостъ и Гурьевъ Городокъ) прибыли въ улусъ Ханскій 25 Декабря 1749 г. Пріемъ Нуралія былъ таковъ, какъ его слѣдовало ожидать. Видя, что переговоры его съ Чжуньгарами открыты, онъ пересталъ таить ихъ, говорилъ Гуляеву, что одно только желаніе отомстить Бараку побудило его вступить въ дружескую переписку съ Цеванъ Дорчжемъ, но что о выдачѣ ему Волжскихъ Калмыковъ онъ ни когда не помышлялъ, напротивъ всѣми силами старался и будетъ стараться еще будущею весною убѣдить Старшинъ въ необходимости возвратить на родину всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ. Такъ хитрый Ханъ ложными увѣреніями считалъ возможнымъ

обольстить нашего посланнаго и скрыть отъ него истинныя свои намѣренія. Обманъ этотъ въ его глазахъ не былъ преступенъ: на Русскихъ онъ привыкъ смотрѣть какъ на средство; съ ихъ помощью онъ думалъ усилиться въ степи, внушить Киргизамъ страхъ и уваженіе къ себѣ и стать во главѣ ихъ полновластнымъ Ханомъ. Руководимый этою мыслію, онъ то соглашался на слова Начальства, то отвергалъ ихъ. Легко себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ принялъ онъ въ настоящую минуту извѣстіе о барантѣ (*) и предложеніе построить городокъ (**). Однако радость не была продолжительна. По свойственной ему недовѣрчивости, онъ сталъ вникать въ дѣло и оно на этотъ разъ представилось ему въ совершенно иномъ видѣ. Правительство хотѣло, непремѣнно, чтобы городокъ выстроенъ былъ близь самой линіи. Такое требованіе не могло не показаться тягостнымъ для

(*) Оно до того польстило ему, что, не дожидаясь прямаго разрѣшенія, онъ представилъ Неплюеву списокъ 105-ти Киргизамъ, которыхъ по его мнѣнію слѣдовало задержать, чтобъ чрезъ нихъ получить плѣнныхъ. Нельзя не замѣтить, что большая часть поименованныхъ имъ Кайса, ковъ были люди, которые казались ему опасными: это видно изъ того-что почти всѣ принадлежали къ Среднеи Ордѣ, о которой онъ отзывался, что это есть гнѣздо плутовъ и мошенниковъ (письмо Нуралія къ Неплюеву Января 18 дня 1750 года).

(**) Если Правительство, говорилъ онъ Гуляеву, сдѣлаетъ для меня городокъ по рѣкѣ Илеку, при урочищѣ Биштамакѣ, то я буду жить вмѣстѣ съ матерью безъ выѣздно, братьямъ же своимъ довѣрю управленіе различными частями Орды. Тогда всѣ Киргизы будутъ уважать меня, а порядокъ и тишина необходимо водворятся въ улусахъ.

Нуралія, который всегда считалъ для себя опаснымъ сосѣдство съ Русскими, а тѣмъ болѣе теперь, когда подвластные ему Киргизы начинали уже явно высказывать неудовольствіе при слухѣ о построеніи города и гробницы, и говорили даже, будто Гуляевъ пріѣхалъ къ нимъ зимою только для того, чтобъ лѣтомъ привести Русское войско, которое придетъ рубить ихъ за неотдачу плѣнныхъ (инструкція Ригельману отъ 9 Мая 1750 года). Правда, чрезъ нѣсколько времени, вмѣсто Илека предложено было въ угожденіе Хану, чрезъ Киргизскаго Старшину Олумбета, посланнаго нарочно въ степь, по возвращеніи оттуда Кроткова (*), возвесть городокъ и кладбище при устьѣ рѣчки Эмбы, гдѣ покоился прахъ одного святаго, весьма уважаемаго Абулъ-Хайромъ, но эта рѣка тоже текла не вдалекѣ отъ Русской границы.

Встревоженный Ханъ тотчасъ же сталъ изыскивать средства, какъ бы разстроить виды Правительства. Прежде всего, желая узнать мысли родныхъ своихъ и Біевъ, онъ рѣшился ѣхать къ матери Пупай Ханьшѣ, составить у ней общій съѣздъ всѣхъ Старшинъ, и предложить имъ на разрѣшеніе возникшіе вопросы, а самому вслѣдъ затѣмъ отправиться въ Оренбургъ и лично переговорить

(*) Планъ гробницы, составленной Кротковымъ въ небольшихъ размѣрахъ, на которые съ трудомъ согласился Нурали, до сихъ поръ хранится въ архивѣ Коммиссіи.

съ Неплюевымъ и Тевкелевымъ, который послѣ поѣздки въ Москву, присланъ былъ въ началѣ Января 1750 года, чтобъ вмѣстѣ съ Неплюевымъ наблюдать за ходомъ дѣлъ въ степи и Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ (*).

Между тѣмъ изъ недовѣрія къ Начальству Нурали принялъ предварительныя мѣры: ссылаясь на завѣщаніе покойнаго Хана, онъ прямо отказался перенести куда бы то ни было тѣло отца своего, и просилъ немедленно прислать офицера, который бы осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ покоился Абулъ-Хайръ. Этимъ онъ, вѣроятно, думалъ или разомъ окончить дѣло ни чѣмъ, или продлить его. Упорство Хана въ соблюденіи личныхъ выгодъ, не могло не огорчить Правительства: но, опасаясь раздражить его именно въ ту минуту, когда онъ въ рукахъ своихъ имѣлъ сильное орудіе противъ Русскихъ—близкое родство съ Чжуньгарскимъ владѣльцемъ, оно рѣшилось на этотъ разъ еще оказать ему снисхожденіе. Инженеръ Подпоручикъ Ригельманъ (Мая 9 дня 1750 года) посланъ былъ въ степь, для рѣшительнаго соглашенія съ Ханомъ о постройкѣ надгробнаго зданія. Офицеръ этотъ засталъ уже Нуралія у рѣки Большой Хобды, на пути

(*) При затруднительномъ положеніи дѣлъ Ордынскихъ, Правительство считало необходимымъ присутствіе человѣка опытнаго и уважаемаго самими Киргизами. Въ выборѣ конечно нельзя было колебаться. Тевкелевъ, самъ Мусульманинъ, и деверь Пупай Ханьши, уже прежними подвигами доказалъ усердіе и снискалъ то сильное вліяніе, которымъ онъ пользовался въ Ордѣ.

къ Ханьшѣ, которая кочевала въ то время по рѣкѣ Темиру; однако, не смотря на всѣ старанія свои, онъ не успѣлъ осмотрѣть мѣста, гдѣ былъ похороненъ Абулъ-Хайръ, и только представилъ Начальству примѣрную карту пути своего изъ Оренбурга къ Темиру и обратно, и сверхъ того планы нѣкоторымъ строеніямъ *(астанъ)*, найденнымъ имъ въ степи (*).

Такимъ образомъ, важное по существу своему дѣло о возведеніи въ степи города—длилось цѣлый годъ безъ всякой надежды на успѣхъ, и наконецъ, благодаря стараніямъ Хана, переродилось въ пустую, безплодную переписку о построеніи гробницы надъ могилою Абулъ-Хайра. Нурали изъ одного только тщеславія, и то больше по внушенію Пупай Ханьши, свято чтившей память супруга своего, продолжалъ ее, какъ бы нехотя, съ Русскими. Правительство, хорошо зная, какъ непріязненно смотритъ простой народъ Киргизскій на всякую постройку въ степи, съ свой стороны вовсе не хотѣло, попусту, даже во вредъ, тратить деньги и труды. Въ другое время, оно, можетъ быть, настояло бы на своемъ требованіи и успѣло бы принудить Нуралія тѣмъ или дру-

(*) Строенія эти, числомъ семь, лежали не подалеку отъ рѣки Карасу; одно изъ нихъ имѣло видъ пирамиды; другое, гдѣ находилось въ то время кладбище и мольбище Киргизовъ, походило на мечеть, и выстроено было-какъ сказывали Кайсаки-надъ могилою Нагайца Байтана въ нѣкогда существовавшемъ тутъ городѣ.

гимъ средствомъ имѣть городъ въ степи, но теперь Начальству было не до того: каждую минуту ждали возвращенія Карабаша. Между тѣмъ Нурали, видя изъ переписки съ Русскими, какъ они дорожатъ имъ, думалъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, и все болѣе и болѣе докучалъ Неплюеву безпрерывными просьбами, давая ему чувствовать, что одною уступчивостью можно удержать его въ повиновеніи. Такъ онъ просилъ себѣ жалованья, намекалъ на завоеваніе Хивы, думая уничтоженіемъ Каипа ослабить и отца его Батыря, который начиналъ уже усиливаться въ Ордѣ. Наконецъ онъ сталъ настоятельно требовать смѣны Чингизомъ брата своего Адиля, находившагося аманатомъ (*). Дерзость Хана дошла до того, что, получивъ рѣшительный отказъ въ принятіи Чингиза, онъ въ минуту злобы прямо объявилъ при всѣхъ, что къ Неплюеву не поѣдетъ и перестанетъ заботиться о по-

(*) О принятіи Чингиза въ аманаты просилъ еще Абулъ-Хайръ. Нурали въ бытность свою въ Оренбургѣ въ 1749 году, смѣнивъ Айчувака Адилемъ, просилъ Неплюева взять на слѣдующій годъ Чингиза. Правительство отказало ему: Нурали продолжалъ просить, однако Правительство не согласилось и хотѣло непремѣнно, чтобы Нурали привезъ одного изъ малолѣтныхъ сыновей своихъ или же по крайней мѣрѣ сына Иралія. Отказъ этотъ былъ совершенно основателенъ Чингизъ не могъ быть аманатомъ, какъ побочный сынъ Абулъ-Хаира, рожденный отъ простой Калмычки, цѣль же Нуралія, вѣроятно, заключалась въ пріобрѣтеніи большей независимости отъ Русскихъ, хотя онъ и говорилъ, что для него Чингизъ столь же дорогъ, какъ и родной братъ, но едвали это была правда.

строеніи гробницы надъ могилою отца и о выдачѣ плѣнныхъ. Мало того, онъ приказалъ Киргизамъ, кочующимъ около Оренбурга, откочевать вдаль, и велѣлъ распустить среди Ордынцевъ слухъ, что Россія ими недовольна, и что онъ думаетъ откочевать въ глубь степи. Киргизы, обрадованные этою вѣстью, говорили между собой, что если Ханъ хотя и тайно дозволитъ имъ, то они въ одну ночь подойдутъ къ Оренбургу и разграбятъ весь мѣновой дворъ Въ разговорахъ своихъ съ Гуляевымъ, Нурали въ сердцахъ говорилъ ему:» я еще разъ напишу въ Оренбургъ объ Чингизѣ, что чрезъ годъ дамъ въ аманаты сына моего или сына Иралія, но если и тутъ послѣдуетъ мнѣ отказъ, то пусть Русскіе дѣлаютъ съ Адилемъ, что хотятъ, сажаютъ его въ тюрьму, а я ждать не стану и откочую на всегда зъ Сыръ-Дарью (*),

(*) На эту мысль наводили Хана и другіе Султаны и Старшины. Разъ на частномъ собраніи Біевъ у Пупай Ханыши одинъ Ходжа, повѣренный Батырь Султана (должно замѣтить, что Батырь изъ гордости никогда самъ не ѣздитъ на собранія, а посылаетъ вмѣсто себя одного изъ своихъ Біевъ), сказалъ Нуралію, что Батырь небудетъ ему препятствовать выдавать сестру его. за Чьуньгарскаго владѣльца и вступить въ мирныя сношенія съ Каракалпаками «и прочими тѣми народами», какъ онъ того желаетъ, въ томъ только случаѣ, если онъ Нурали откочуетъ отъ Россіи, и начнетъ съ нею войну, оставивъ брата своего Адиля въ Оренбургѣ и задержавъ напередъ всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, которые, пользуясь близкимъ кочевьемъ къ границѣ, бѣгаютъ отъ Киргизовъ безпрестанно Батырь на своемъ совѣтѣ положилъ, въ случаѣ отказа Нурали отойти отъ линіи, оставить его при Байулинскомъ родѣ, а самому заключить миръ съ Нижними Каракалпаками и откочевать съ Алимулинца-

тѣмъ болѣе, что Джанбекъ Тарханъ уже ждетъ меня, готовый исполнять всѣ мои приказанія. Разъ я буду тамъ, то перестану удерживать подданныхъ моихъ отъ грабежей и разбоя; тогда Киргизы меня будутъ считать не только за Хана, но за святаго, теперь же они меня не слушаютъ только потому, что я кочую близи Россіи, и служу ей вѣрно; благодаря Генералу и Мурзѣ (Неплюеву и Тевкелеву) я уже не Ханъ, но пастухъ лошадямъ, а нелюдямъ; Богъ взыщетъ съ нихъ за это. Пусть сами Чжуньгары съ прочими Ордами окружатъ меня, я и тутъ найду себѣ мѣсто, а своимъ пропитаніе. Русскіе губятъ и хотятъ съ нами поступать какъ съ Калмыками и Башкирами, но мы этого недопустимъ и лучше согласимся умереть, чѣмъ жить подъ тяжкимъ игомъ.» Съ этими словами онъ выпилъ изъ стоявшей предъ нимъ чашки немного хлѣбной закуски, и сказалъ: «дай Боже, чтобъ я столькаго не имѣлъ себѣ въ пищу если когда либо буду въ Оренбургѣ» (рапортъ Гуляева 2-го Іюля 1750 года).

ми и прочими родами къ Сыръ-Дарьѣ, гдѣ онъ не могъ терпѣть ни въ чемъ недостатка, по близкому сосѣдству съ Хивой, владѣніемъ его сына; затѣмъ онъ думалъ начать войну съ Русскими. Хитрый Ханъ не отвѣчалъ Ходжѣ ни чего положительнаго. Сначала онъ сталъ было говорить, что не откочуетъ отъ Россіи, а напротивъ будетъ требовать оттуда вспомогательнаго войска, чтобы итти на Хиву, и выгнать Каипа, но потомъ прибавилъ: «буде же паче чаянія Чингиза отъ мемя непримутъ, то дѣло иное будетъ (рапортъ Гуляева и Рингельмана 18 Іюля 1750 года).

Однако гнѣвъ Нуралія продолжался не долго: Ханъ вынужденъ былъ вскорѣ противъ воли согласиться на выдачу сына, и ѣхать въ Оренбургъ. Въ этомъ случаѣ подѣйствовали на него не столько убѣжденія Пупай Ханьши, которая, какъ мать, боясь за Адиля, всячески старалась отвратить вражду съ Россіей, сколько неожиданныя и неблагопріятныя для Хана обстоятельства посношеніямъ его съ Чжунгарами. Мы сказали, что прошлаго 1749 года племянникъ Нуралія, Карабашъ Султанъ отправился въ Джунгарію вмѣстѣ съ послами Цеванъ Дорджія, для окончательнаго соглашенія о свадьбѣ. Принемъ находились шесть человѣкъ Киргизовъ Малой Орды и двое изъ Средней Орды, ѣхавшіе по порученію Джанбекъ Тархана. На дорогѣ Алчинъ Каракисякскаго рода, Барбей, сынъ Ходжанай Бія, поссорился съ главнымъ Чжунгарскимъ посланцемъ, который требовалъ съ его родичей двухъ верблюдовъ, пропавшихъ въ Киргизской степи. Ссора эта перешла наконецъ въ явную непріязнь между Карабашемъ и посланцемъ, такъ что когда они пріѣхали на мѣсто, то главный посолъ Чжунгарскій изъ мести и желанія повредить прибывшимъ Киргизамъ, отвѣчалъ на всѣ вопросы, дѣланные ему Цзайсанами, что Нурали не показывалъ ему сестры и врядъ ли выдастъ ее за Цеванъ Дорджія. Карабашъ сталъ было уличать его, но посолъ хитро отговаривался, утверждая, что его, прежде чѣмъ представили невѣстѣ, напоили, и онъ изъ за занавѣси не могъ различить, была ли это дѣйстви-

тельно сестра Ханская, или простая Теленгутка. Слова эти дошли до Цеванъ Дорджія, и онъ какъ видно повѣрилъ имъ; по крайней мѣрѣ съ этихъ поръ недовѣріе къ Нуралію закралось въ его сердце, и онъ сталъ открыто выказывать свое неудовольствіе. Изъ всѣхъ обѣщанныхъ плѣнныхъ онъ возвратилъ только Шайбакъ Султана, сына Ишимъ Султана, и еще одного Киргиза Средней Орды Каракисякъ Аргинскаго рода, Елдубай Давлетбаева. Карабаша хотя и принялъ онъ ласково, но недалъ ему ни какого отвѣта, но тпустилъ одного, безъ пословъ своихъ, обѣщая отправить ихъ потомъ съ подарками для окончанія переговоровъ о свадьбѣ. При отъѣздѣ же людей Нуралія, Цеванъ Дорджи былъ скупъ въ дарахъ своихъ, которые составляютъ вѣрное мѣрило расположенія Азіатцевъ; Барбею онъ даже не далъ ни чего, а Нуралію велѣлъ передать отъ себя подарокъ незнатный, именно Кашгарскую шелковую парчицу на платье. Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство, обидное для Хана, какъ вѣрный признакъ вѣроломства Чжуньгарскаго владѣльца. Когда верхніе и нижніе Каракалпаки обратились къ нему съ жалобою на Киргизовъ, за частые грабежи и нападенія, то онъ тотчасъ же выслалъ къ нимъ на помощь людей своихъ, которые взяли Туркестанъ и передали его Каракалпакамъ. Вотъ съ какими извѣстіями возвратился Карабашъ Султанъ (*) 30 Мая

(*) Съ нимъ вмѣстѣ прибыло оттуда человѣкъ 80 Кашгарскихъ купцовъ, которыхъ Цеванъ Дорчжи просилъ препроводить однихъ для

1750 года къ Хану. Легко сообразить, какъ тяжко было Нуралію услышать отъ посланнаго своего всѣ непріятные разультаты поѣздки, отъ которой онъ ждалъ такъ много для себя добра. Въ особенности же встревожили его письма, привезенныя Карабашемъ отъ Цеванъ Дорчжія. Ханъ былъ до того ими напуганъ, что открылъ содержаніе ихъ только Пупай Ханьшѣ и брату своему Уралію, съ которыми онъ по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ вмѣстѣ, совѣтовался и оплакивалъ горькую участь свою. Сколько можно судить по нѣкоторымъ показаніямъ, заслуживающимъ довѣрія, Цеванъ Дорджи, между прочимъ писалъ Хану слѣдующее: 1., что убійца Абулъ-Хайра, Баракъ Султанъ, умеръ; остался одинъ сынъ его, совершенно невинный въ преступленіи отца, и мстить ему было бы несправедливо. (*) 2., что онъ ни какъ не можетъ понять, какая причина побудила Нуралія показать посланцу его не сестру свою, а другую дѣвицу.

торга въ Оренбургъ, а другихъ въ Хиву, просьба эта была дѣйствительно исполнена: Нурали тотчасъ же отправилъ въ Оренбургъ Карабаша вмѣстѣ съ Кашкарцами, которымъ слѣдовало ѣхать туда для торга.

(*) Мы сказали, что Баракъ былъ отравленъ по проискамъ Карабаша, между тѣмъ какъ теперь видимъ, что Карабашъ во все не былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Чжуньгарскимъ владѣльцемъ, чтобы тотъ обратилъ вниміе на его слова. Обстоятельства эти ни сколько не противорѣчатъ другъ другу: Цеванъ-Дорчжи изъ собственной выгоды, могъ легко приказать, по представленію Карабаша, умертвить Барака, который начиналъ усиливаться и казался ему опаснымъ сосѣдомъ. Что онъ сдѣлалъ это не для Нуралія, оказывается изъ того, что онъ принялъ сторону сына Баракова, и оправдывалъ его въ глазахъ Хана.

Вѣрить же этому онъ долженъ тѣмъ болѣе, что сестра эта, какъ говорятъ Киргизы, уже умерла (*) 3 , чтобъ загладить проступокъ свой, не согласится ли онъ выдать за мужъ другую родную сестру свою, и ѣхать для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ къ Сыръ-Дарьѣ, куда и онъ самъ думаетъ прибыть. Въ противномъ случаѣ Цеванъ Доржи грозилъ, въ отомщеніе за обманъ Нуралія, напасть на Киргизовъ, и прогнать ихъ до рѣки Ори, до урочища называемаго Ялгызъ-Агачь Такія угрозы, съ разу разстроившія всѣ надежды Хана, не могли не устрашить его въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ онъ вдругъ увидалъ себя: Русскихъ онъ успѣлъ раздражить непокорствомъ, Киргизы его неслушались, а многіе изъ нихъ явно клонились на сторону Батыря Султана. Къ тому же умъ его былъ встревоженъ предразсудочными предсканіями стариковъ, будто страшная гибель грозитъ Киргизамъ за частыя смертоубійства, которыя у нихъ случаются. Въ настоящую минуту Нуралію оставалось одно средство, именно прибѣгнуть къ Русскому Правительству; оно одно могло еще защищать его въ случаѣ опасности. Противъ воли, тая злобу въ душѣ своей, Нурали рѣшился отказаться отъ требованія смѣны Адиля Чингизомъ, согласился выдать сына своего въ аманаты; 21 Іюля онъ прибылъ уже, по пути въ

(*) Сестра Нуралія, невѣста Цеванъ Дорчжія. дѣйствительно скончалась около этого времени.

Оренбургъ, на рѣчку Донгузъ, откуда отпустилъ Гуляева, и отправилъ его впередъ.

Нурали всю зиму 1750 г за большимъ снѣгомъ, провелъ почти безвыѣздно на кочевьѣ, у рѣки Эмбы Въ Декабрѣ онъ хотѣлъ было откочевать, но тутъ удержало его прибытіе изъ Хивы Кучкарбая, съ требованіемъ Каипа о выдачѣ разрабленныхъ Кайсаками товаровъ (*). Въ Маѣ онъ собирался ѣхать въ главѣ Киргизовъ на Каракалпаковъ, и не поѣхалъ только потому, что Гевкелевъ отсовѣтовалъ. На лѣто имѣлъ онъ намѣреніе двинуться съ приверженцами своими къ мѣсту, гдѣ похороненъ былъ Абулъ-Хайръ и объяснялъ это желаніемъ отомстить Киргизамъ, участвовавшимъ вмѣстѣ съ Баракомъ въ убіеніи отца его. Прямая же цѣль его заключалась въ томъ, чтобы распространить вліяніе свое на Среднюю Орду, въ особенности устрашить опасныхъ для него дѣтей Бараковыхъ, которыхъ Джанбекъ Тарханъ незадолго предъ тѣмъ вывезъ къ себѣ изъ Туркестана (**). Нурали прикочевалъ даже къ могилѣ Абулъ-Хайра, и

(*) См письмо полученное Неплюевымъ 1 Марта 1750 года отъ писаря Нуралія Альмухаммедъ-Нуръ-Мухаммеда, которому Неплюевъ и Гевкелевъ платили жалованье (по 15 рублей въ годъ) за доставленіе свѣдѣній объ Оренбургскихъ дѣлахъ.

(**) Джанбекъ Тарханъ имѣлъ при этомъ случаѣ мысль самую благородную. онъ хотѣлъ дочь Барака выдать за кого либо изъ семьи Абулъ-Хайра а сына его тоже женить на одной изъ родственницъ Хана. Этимъ онъ думалъ пресѣчь вражду между обоими семействами

разослалъ къ Старшинамъ и ко многимъ Киргизамъ приглашенія; но всѣ они прямо отказались слѣдовать за нимъ и объявили, что имъ не за чѣмъ ссориться съ Среднею Ордою, тѣмъ болѣе, что Барака уже въ живыхъ нѣтъ.

Въ это время сношенія Нуралія съ Русскими были повидимому дружественныя. Понявъ изъ прошлыхъ происшествій, какъ безполезно для него открыто сопротивляться видамъ Правительства и пренебрегать его расположеніемъ, онъ сталъ осмотрительнѣе въ перепискѣ съ Пограничнымъ Начальствомъ, и казалось, готовъ былъ служ ть ему искренно и вѣрно; но онъ обѣщалъ много, а дѣлалъ мало. Такъ Русскіе плѣнные и бѣглецы, не смотря на всѣ требованія Начальства и частыя извѣщенія Хана о скорой ихъ выдачѣ, оставались безнаказанно въ рукахъ Старшинъ и Киргизовъ Мало того, новые уводы Русскихъ въ плѣнъ не прекращались· въ 1751 году аманаты, содержавшіеся въ Кулагинской крѣпости, выданные Киргизами за дозволеніе кочевать вблизи Яика и перепускать скотъ для корма на ту сторону рѣки, бѣжали и увели съ собою бывшаго при нихъ Казаки. Казакъ, возвращавшійся изъ степи въ Гурьевъ, пропалъ безвѣсти и т. п. Конечно, судя по строгой справедливости, винить Нуралія во многомъ нельзя; онъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: сами Киргизы явно не слушались Хана, когда дѣло доходило до плѣнныхъ, которыхъ они считали неотъемлемою собственностью. Даже многіе роды, боясь, чтобъ у нихъ силою не

отбирали плѣнныхъ, рѣшались откочевать къ Сыръ-Дарьѣ Семиродцы на зиму 1751 г. думали кочевать около урочища Каракума, а не по Яику, гдѣ они зиму 1750 года провели въ большихъ опасеніяхъ; между ними носился тогда слухъ, будто Яицкіе Казаки хотѣли перебить всѣхъ Киргизовъ и не были допущены къ этому только по письму Бригадира Тевкелева «за что де его Господина Бригадира они, Киргизы, благодарятъ (показанія Альмухаммеда 20 Мая 1751 года).

Нурали, видя это прямое сопротивленіе Киргизовъ, отговаривалъ даже Пограничное Начальство употреблять противъ нихъ баранту. Во всякомъ случаѣ онъ просилъ, чтобъ его отстранили отъ участія въ ней «ибо де ту баранту и безъ него Хана чинить можно». Онъ зналъ, что если самъ будетъ посылать отъ себя людей указывать на торгу, тѣ рода, въ которыхъ находятся плѣнники, то это дойдетъ до Киргизовъ «и ему Хану отъ народа ихъ не только великое нареканіе и вящее противъ его своевольство и злоба произойдетъ, но опасно де чтобъ и худшей какой конфузіи и ему вреда непричинили« (по показанію Альмухамеда 1751 года Мая 20 дня).

Такимъ образомъ дѣлались безполезными заботы и попеченія Правительства. Правда, видя трудность, даже не возможность достигнуть цѣли своей въ скоромъ времени, не раздраживъ народъ дикій и необузданный, каковы были Киргизы, оно и не спѣшило выручкою плѣнныхъ. Кромѣ того, въ это время вниманіе Неплюева и Тевкеле-

ва было обращено на предметъ, не менѣе важный, на сношенія съ Среднею Азіею, которыя могли доставить большія выгоды Русской торговлѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ съ 1749 года начался довольно значительный привозъ въ Оренбургъ серебра и золота (*). Металлы эти возились, на основаніи Генеральныхъ указовъ, безпошлинно и доставлялись большею частію въ монетахъ Индѣйскихъ, Персидскихъ и Бухарскихъ Азіатцами (преимущественно Хивинцами и частью Киргизами), которые вымѣнивали ихъ въ Хивѣ на барановъ, лошадей и т. д. (**). Наконецъ монетъ этихъ стало такъ много въ привозѣ, что Неплюевъ и Тевкелевъ, справедливо опасаясь, чтобы купцы «по малокапитальству своему не начали продавать ихъ другъ другу съ немалою уступкою для

(*) Въ 1749 году вывезено серебра 1040 пудовъ, въ 1750 г. 1500 пуд ; золота въ 1750 г. до 10 пудовъ. Дотого времени, хотя съ 1747 г. и увеличился пріѣздъ Азіатцевъ, но товаръ ихъ большею частью состоялъ изъ бумажныхъ издѣлій.

(**) Трухмены говорили Малдыбаю, что серебро выходитъ изъ Персіи и разсказывали при этомъ случаѣ, будто Надиръ Шахъ, накопивъ себѣ несмѣтныя богатства, вырылъ, по разнымъ городамъ Персіи, по таенные погреба, и насыпалъ ихъ серебромъ, но что бы ни кто незналъ объ ихъ существованіи, онъ велѣлъ тотчасъ же умертвить работниковъ Однако послѣ его смерти, Персидскіе Ханы стали находить эти погреба, богатѣли, и чрезъ это добивались быть Шахами. Вотъ причина всѣхъ смутъ и несогласій по кончинѣ Надира. Наконецъ серебро до того сдѣлалось обще въ Персіи, что его можно было пріобрѣтать тамъ за весьма дешевую цѣну, вымѣнивая на барановъ, верблюдовъ и хлѣбъ.

выручки денегъ», или что еще хуже провозить за границу, просили разрѣшенія у Сената скупать въ казну на деньги губернскія и воинскія: серебро одною копѣйкою или деньгою дешевле, чѣмъ на Московскомъ Монетномъ дворѣ, золото же «по препорціи» (донесеніе Неплюева и Тевкелева въ Сенатъ отъ 29 Января 1750 года) При этомъ они препроводили для образца 9 монетъ (три Индѣйскія, три Персидскія и три Бухарскія), прося прибавить денегъ, и прислать человѣка, который бы умѣлъ пробовать золото и серебро, потому что между монетами часто встрѣчались фальшивыя. Однако представленіе это не было вполнѣ утверждено. Сенатъ опасался, чтобы подобнаго рода распоряженіе не воспрепятствовало вывозу изъ Средней Азіи золота и серебра, и не произвело остановки въ промѣнѣ на нихъ Русскихъ товаровъ, чрезъ что могли бы потерпѣть убытокъ наши купцы. Указомъ 23 Марта 1751 года Сенатъ приказалъ: Купцамъ по прежнему вымѣнивать товары свои на серебро и золото свободно, тѣмъ болѣе, что сами купцы не въ состояніи употреблять всего металла въ партикулярныя работы, но большею частью отдаютъ его на монетные дворы, какъ это дѣлалось ими въ 1749 и 1750 годахъ. Если Русскіе купцы вымѣненное ими серебро и золото не захотятъ везти на монетные дворы, а для скорой выручки денегъ, пожелаютъ продать въ казну въ Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости, то покупать его у нихъ на губернскія деньги, и на сколько когда по цѣнѣ будетъ купле-

но серебра и золота, о томъ давать знать Монетной Канцеляріи, которой немедленно отсылать слѣдующія за то деньги въ Оренбургъ, что бы не было остановки въ тамошнихъ расходахъ, а самой брать вымѣненное серебро и золото на монетные дворы. Если же Оренбургскихъ доходовъ не будетъ доставать на ту покупку, то Монетной Канцеляріи посылать туда деньги заранѣе, сколько когда надлежитъ, по сношенію съ Тайнымъ Совѣтникомъ Неплюевымъ. Сверхъ того для пробованія серебра и золота, опредѣлено отправить изъ Монетной Канцеляріи пробирнаго мастера, съ надлежащими инструментами и припасами (Полное собраніе законовъ № 9842).

Такой указъ Сената встрѣтилъ опроверженія со стороны Монетной Канцеляріи, и главный присутствующій ея Князь Голицынъ, донесеніемъ, поданнымъ въ Сенатъ отъ 20 Іюня 1751 года, представилъ, что онъ считаетъ исполненіе его не возможнымъ, и даже отправку въ Оренбургъ пробирнаго мастера безполезною, по слѣдующимъ причинамъ: 1., если пробирному мастеру пробовать монеты на мѣстѣ, не плавя ихъ, но каждую изъ нихъ особо, то этого сдѣлать нельзя по большому количеству поступающихъ монетъ. 2., Если брать и пробовать ему изъ каждаго мѣшка или изо ста по одной монетѣ, то могутъ произойти излишняя передача денегъ купцамъ и большой убытокъ для казны, потому что Персидскія и другія Азіатскія монеты, какъ это оказывается при спла-

вкѣ ихъ въ Москвѣ на монетномъ дворѣ, часто встрѣчаются различныхъ пробъ, и не рѣдко фальшивыя. Пробирный же мастеръ можетъ подпасть безвинно подъ слѣдствіе и розыскъ, и казеннаго убытка взыскать будетъ не съ кого. 3 , Если же золото и серебро при покупкѣ плавить и пробовать, то для этого нужно будетъ послать не одного пробирнаго мастера, но и плавильщиковъ, съ необходимыми инструментами, именно пробирными вѣсами, горшками, муфелями и проч., которые, по тонкости работы, трудно довезти въ цѣлости въ столь отдаленное мѣсто. За неимѣніемъ ихъ, Оренбургская Губернская Канцелярія станетъ требовать отъ Монетной Канцеляріи, и пока не получитъ, до тѣхъ поръ пробователь и плавильщики будутъ получать жалованье даромъ, и купцамъ будетъ остановка. 4., Купленное золото и серебро, по сплавкѣ, будетъ отправляемо въ Москву на монетный дворъ на ямскихъ подводахъ и за надлежащимъ конвоемъ. Въ Москвѣ для передѣлки въ монету и для привода въ указную пробу, оно вторично будетъ плавиться, при чемъ произойдетъ угаръ и послѣдуютъ убыточные расходы. За тѣмъ казна потерпитъ еще отъ того, что для уплаты Оренбургскимъ купцамъ за купленное у нихъ серебро, деньги будутъ отправляемы на казенный счетъ. Въ заключеніе Князь Голицынъ присовокупилъ, что съ 1749 года въ Москвѣ на монетномъ дворѣ, безъ всякихъ казенныхъ расходовъ, имѣлось въ покупкѣ отъ Русскихъ и другихъ купцевъ серебра до

3,000 пудовъ, а золота до 4 пудовъ, что оно и теперь покупается и сплавляется на ихъ счетъ, при чемъ и потребные расходы, какъ-то: горшки, уголья, и плата работникамъ и плавильщикамъ за сплавъ денегъ, производится на деньги самихъ купцевъ, также при тѣхъ сплавкахъ, на ихъ же счетъ приводится серебро въ указную пробу, и потомъ уже безъ вторичной сплавки прямо употребляется въ передѣлку на монету. Купцамъ же за то золото и серебро, деньги выдаются, за всѣми показанными расходами и угаромъ, по указнымъ цѣнамъ, за золото по 2 руб. 52 коп., за серебро по 19 к. за золотникъ чистаго метталла, отъ чего и прибыли въ казну получено не малое число. Основываясь на всѣхъ этихъ доводахъ, Князь Голицынъ полагалъ необходимымъ, чтобы купцы привозили по прежнему вымѣненное ими въ Оренбургѣ золото и серебро въ Москву на монетный дворъ, гдѣ бы его принимали и сплавливали, на основаніи общихъ правилъ, на счетъ самихъ купцовъ; если бы которымъ изъ купцовъ, для скорой выручки, понадобились въ Оренбургѣ деньги, въ такомъ случаѣ Оренбургской Губерской Канцеляріи слѣдовало принимать у нихъ золото и серебро въ натурѣ на вѣсъ, и отсылать въ Москву въ Монетную Контору, при ихъ повѣренныхъ и на ихъ счетъ; за принятое золото и серебро выдавать имъ отъ Оренбургской Губернской Канцеляріи изъ доходовъ ея за золото по 1 рублю, а за серебро по 9 к. за каждый золотникъ; въ Москвѣ же, по привозѣ должен-

ствовало плавить золото и серебро, при повѣренныхъ, на ихъ счетъ, и по сплавкѣ, учиненіи пробъ, и по пріемѣ въ казну, остальныя деньги купцамъ, также деньги, слѣдующія Оренбургской Губернской Канцеляріи, въ замѣнъ уже выданныхъ ею, отсылать куда бы ихъ непотребовала та Канцелярія, изъ монетной Конторы, безъ задержанія.

Сверхъ того поданнымъ въ Сенатъ донесеніемъ Монетная Канцелярія представляла, что въ золотыхъ монетахъ, присланныхъ Неплюевымъ, по опробованіи на монетномъ дворѣ, оказалось въ Индѣйской, чистаго золота 2 зол. и 47 долей, по указной цѣнѣ, полагая по 2 руб. 52 коп. чистый золотникъ, на 6 руб. $27^1/_4$ коп. въ Персидской, чистаго золота 2 зол. и 29 долей, по той же цѣнѣ на 5 руб 80 коп.; въ Бухарской, чистаго золота 1 зол. и 1 доля, на 2 руб $54^1/_2$ коп Между тѣмъ Неплюевъ въ рапортѣ въ Сенатъ говорилъ, что червонцы эти называются рупіями, и что Русскіе купцы ставятъ каждую такую рупію, какъ Индѣйскую, такъ и Персидскую, на мѣну по 6 рублей, а иногда и больше, по этой же цѣнѣ куплены они и на казенныя деньги; Индѣйскія же содержатъ въ себѣ золото лучшей доброты, а Персидскія имѣютъ доброту не равную, иныя лучше, а иныя хуже, но что тѣ, которыя присланы въ Сенатъ, суть лучшія; Бухарскія рупіи кущцы вымѣниваютъ каждую по 2 рубли 70 коп.; золото въ нихъ, по объявле-

нію купцевъ, такой же доброты, какъ и въ лучшихъ Индѣйскихъ и Персидскихъ.

Правительствующій Сенатъ, призвавъ въ присутствіе свое Неплюева (который въ то время находился въ Петербургѣ) и Князя Голицына и сообразивъ всѣ изложенныя обстоятельства, 11 Сентября 1751 года приказалъ: 1., въ видахъ поощренія купечеству Оренбургскаго края, для того, чтобы купцы, пожелавшіе въ Оренбургѣ отдать въ казну вымѣненное золото и серебро, могли вырученныя за то деньги употребить въ оборотъ, золото и серебро купленное въ Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости у Русскихъ купцевъ, вымѣнявшихъ его у Азіатцевъ, плавить и приводить въ указную пробу въ Оренбургѣ на купеческій счетъ, со всѣми случающимися при томъ расходами, такъ какъ дѣлается въ Москвѣ, на монетномъ дворѣ, чтобы это золото и серебро уже безъ вторичной сплавки прямо было годно въ передѣлку на монету; для этого Монетной Канцеляріи немедленно отправить въ Оренбургъ пробирнаго мастера и плавильщиковъ съ нужными инструментами и матеріалами. Въ бытность ихъ въ Оренбургѣ, какъ въ отдаленномъ мѣстѣ, находиться имъ въ вѣдѣніи и смотрѣніи тамошняго Губернатора, который долженъ наблюдать, чтобы Русскимъ купцамъ, при сплавкахъ, въ пробѣ того серебра обидъ отъ нихъ не было и давать имъ жалованье, какое надлежитъ по разсмотрѣнію Монетной Канцеляріи. 2., На проѣздъ теперь про-

бирнаго мастера съ плавильщиками и на провозъ инструментовъ и матеріаловъ, также впредь на доставку денегъ для покупки золота и серебра отъ Оренбурга до Москвы, и на провозъ выплавленнаго золота и серебра отъ Оренбурга до Москвы, на дачу пробирному мастеру съ плавильщиками жалованья и на прочіе случающіеся расходы—съ покупаемаго впредь въ казну въ Оренбургѣ и въ Троицкой крѣпости золота и серебра учинить изъ указной цѣны сбавку и принимать оное ниже Московской указной цѣны, а именно: серебро отъ одной до двухъ денегъ, по разсмотрѣніи Оренбургскою Губернскою Канцеляріею тогдашнихъ покупокъ, а золото по 2 копѣйки у золотника чистаго, и по этой сбавочной цѣнѣ купцамъ деньги изъ казны выдавать за одно чистое серебро и золото безъ всякаго задержанія, а деньги на ту покупку употреблять по прежнему Правительствующаго Сената 25 Февраля опредѣленію изъ доходовъ той губерніи. Если же за вышеписаннымъ расходомъ изъ сбавочныхъ съ покупнаго зотота и серебра денегъ, будетъ остатокъ, то не употреблять его въ другіе расходы Оренбургской губерніи, а имѣть въ капиталѣ Монетной Канцеляріи. 3., Такъ какъ представленныя отъ Тайнаго совѣтника и Кавалера Неплюева Персидскія и Бухарскія золотыя монеты по сплавкѣ и пробѣ въ Монетной Канцеляріи, оказались вымѣненными Русскими купцами съ убыткомъ, то изъ поданнаго отъ Монетной Канцеляріи о пробѣ тѣхъ монетъ рапорта для вѣдѣнія ему, Тайному Совѣтнику,

дать вѣдомость, которую и русскимъ купцамъ, торгующимъ тамъ, велѣть объявить, чтобъ они знали о добротѣ ихъ (пол. соб. зак. т. XIII № 9882). (*)

Такія правила о золотѣ и серебрѣ оставались въ силѣ до 1763 года, когда Ея Императорское Величество указомъ отъ 18 Марта, соизволила приказать Сенату обратить вниманіе на торговлю съ чужестранными народами, и доложить ей, какими средствами можно разширить ее съ Азіатцами со стороны Оренбурга, въ особенности мѣною товаровъ на золото и серебро, вывозимое въ монетахъ и слиткахъ. Сенатъ между тѣмъ отъ 17 Декабря 1762 г. получилъ донесеніе изъ Монетной Канцеляріи, гдѣ она представляла, что по мнѣнію ея, для того, чтобы вымѣниваемое купцами въ Оренбургѣ золото и серебро не вывозилось за границу, и не употреблялось въ Россіи на потаенныя мастерства, а доходило бы въ казну, необходимо всѣмъ купцамъ, которые вымѣниваютъ золото и серебро въ Оренбургѣ, объявлять его въ Оренбургской Губернской Канцеляріи, гдѣ по сплавкѣ производить имъ, чтобы пріохотить къ такому объявленію, платежъ за чи-

(*) Согласно съ таковымъ указомъ пробирный мастеръ, плавильщикъ и инструментальнаго дѣла ученикъ были дѣйствительно присланы въ Оренбургъ, изъ нихъ въ 1763 году пробирный мастеръ (Филиппъ Григорьевъ) умеръ, а находившійся при немъ въ ученикахъ сынъ его былъ взятъ обратно въ Москву, такъ что въ 1763 г. осталось всего два плавильщика и одинъ инструментальный ученикъ.

стый металлъ съ прибавкою противъ прежней цѣны, именно по такой цѣнѣ, какая положена по контрактамъ Англійской компаніи т. е. за золото чистое по 2 руб. 75 к. а за серебро по $19^1/_2$ к., за золотникъ. Если кто изъ купцевъ не пожелаетъ получить за поставляемое и сплавленное золото и серебро платы въ Оренбургѣ, то Оренбургской Губернской Канцеляріи слѣдуетъ давать имъ векселя въ Москву или въ С. Петербургъ, въ Монетную Канцелярію, или въ Контору ея. Наконецъ еслибы нѣкоторые изъ купцовъ захотѣли употреблять золото и серебро въ посуду, то такіе могутъ довольствоваться покупкою его въ выжигѣ и въ ломаныхъ вещахъ, »а то, которое въ казну вступать должно, имъ единственно во оную и сдавать слѣдуетъ«. Въ заключеніе Монетная Канцелярія присовокупляла, что чрезъ это все золото и серебро непремѣнно будетъ доходить въ казну; купцы конечно останутся довольны платою, а употребленіе золота и серебра въ потаенныя мастерства прекратится.

Сенатъ, соображаясь съ указомъ Государыни, и съ донесеніемъ Монетной Канцеляріи, предписалъ Оренбургской Губернской Канцеляріи указомъ 13 Мая 1763 г., принявъ къ исполненію правила, предложенныя Монетною Канцеляріею, вникнуть въ ходъ торговли, изыскать всѣ удобовозможныя средства, чтобы привозимое Азіатцами въ Оренбургъ золото и серебро могло вступать все въ казну, и потомъ »съ прописаніемъ своего мнѣнія, какимъ по»рядкомъ впредь въ томъ наиполезнѣе на всегдашнее вре-

»мя поступать надлежитъ«, представить Правительствующему Сенату.

Что же касается до другихъ товаровъ, кромѣ золота и серебра, то уже задогло передъ этимъ, еще въ 1746 г, изданы были на основаніи прежнихъ постановленій. правила для Таможни, и доставленъ былъ особый тарифъ, чтобы не расцѣнивая товаровъ, и не взирая на выписи (*), сбирать въ казну пошлины обычаемъ портовымъ. Въ 1751 году тарифъ этотъ еще не былъ утвержденъ, и Неплюевъ и Тевкелевъ снова обратились въ Сенатъ съ представленіемъ (29 Января 1751 г.) онемъ, тѣмъ болѣе, что примѣнять торговый уставъ и взимать пошлины съ продажной цѣны было невозможно, по состоянію торгующихъ Азіатскихъ купцевъ и по мелочной продажѣ Киргизамъ Впрочемъ пошлину съ главныхъ товаровъ, именно: двухъ красокъ—кошенили и брусковой, сукна кармазиннаго, юфти, бобровъ и прочаго, уже по именному указу 1739 года Августа 20, положено взимать въ Оренбургѣ ту же какъ и Астрахани, т. е. по мѣстнымъ цѣнамъ, а не по внутреннимъ выписямъ.

Съ самаго начала, на основаніи торговаго устава, Начальство, заботясь о пользѣ купцовъ, смотрѣло, чтобы они не понижали цѣнъ на Русскіе товары, и невозвышали

(*) Соблюдая выгоды свои, купцы въ выписяхъ показывали товары различными цѣнами, и большею частью чрезвычайно низкими, частію даже въ половину противъ должнаго, на прим. сукно кармазинное по 2 рубли и меньше аршинъ, кошениль 150, 100 и даже 60 руб. пудъ.

ихъ на Азіатскіе. Когда въ 1749 году начался значительный привозъ серебра, то купцы изъ разныхъ городовъ Россіи, привлекаемые надеждою на выгоды, сами или чрезъ прикащиковъ, стали производить торгъ въ Оренбургѣ. Въ скоромъ времени число ихъ умножилось до того, что, не смотря на всѣ объявленія Таможни, и даже на угрозы штрафомъ, цѣны на Русскія произведенія (*) сдѣлались чрезвычайно низки, между тѣмъ какъ Азіатскіе товары, въ особенности же монеты, значительно возвысились въ цѣнѣ Купцы терпѣли отъ подобнаго торга, но не хотѣли и не могли измѣнить его, такъ была сильна конкурренція (**) Неплюевъ и Тевкелевъ, желая положить

(*) Лѣтомъ 1750 г. отдавали сукно кармазинное самое лучшее по 7 руп. (каждую рупію серебреную опредѣлено было брать по 40 к., хотя она по внутреннему достоинству своему стоила больше 45 коп), считая рупію по корсаку т е по 50 к., кошениль отдавали по 400, а брусковую красну по 100 рупій за пудъ, юфть лучшую по 6 рупій.

(**) Хивинцы хорошо понимали всю выгоду для нихъ большаго стеченія въ Оренбургѣ Русскихъ купцевъ, и сами старались пріѣзжать какъ можно въ меньшемъ числѣ. Такъ въ началѣ 1751 г., 200 Хивинцамъ съ золотомъ и серебромъ случилось выѣхать вдругъ изъ Хивы; боясь чтобы чрезъ это цѣны на Русскіе товары значительно не повысились, они согласились раздѣлиться на мелкія партіи по 10 и 15 человѣкъ, бросили жребій, кому изъ нихъ ѣхать сперва, и такимъ образомъ начали по немногу, другъ за другомъ, прибывать въ Оренбургъ Хитрость эта едва не удалась имъ. Купцы Русскіе »по слабости и безпутству ихъ«, опасаясь, чтобы товары не остались у нихъ на рукахъ, стали было сбывать ихъ за безцѣнокъ, и торгъ нашъ въ этомъ году потерялъ бы много, еслибы не вступились прикащикъ С. Петербургскаго мѣщанина и фабри-

этому предѣлъ, просили Сенатъ (29 Января 1751 года разрѣшить имъ одну изъ слѣдующихъ мѣръ во 1, или наложить на главные товары составленную уже таксу. (Донесеніе Сенату 10 Марта 1750 года) ниже которой запретить продавать ихъ, или 2, при началѣ каждаго торга, избирать отъ всякаго народа (Русскихъ, Армянъ и Татаръ) по два человѣка, съ тѣмъ, чтобы лица эти по своему усмотрѣнію, опредѣляли цѣны главнымъ товарамъ; или 3, дозволять однимъ только богатымъ купцамъ торговать главными товарами (именно: красками—кошенилью и брусковою, выдрами и бобрами) съ платою въ казну за эту привиллегію двойной пошлины по тарифу; или 4, обложить поименованные товары двойною пошлиною.

Мѣры эти, полезныя для казны, конечно могли, обезпечить въ нѣкоторой степени нашъ торгъ, который годъ отъ году становился обширнѣе. Азіатцы, въ особенности Хивинцы, привлекаемые денежными выгодами, ѣздили въ Оренбургъ довольно большими партіями, не смотря на трудный, часто даже опасный проѣздъ чрезъ степь. Киргизы съ своей стороны не переставали посѣщать торги наши, и съ удовольствіемъ вымѣнивали у Русскихъ,

---

канта Ширванова, Армянинъ Аванисъ (по Русски звали его Иванъ Захаровъ) и пріѣхавшіе для торга Армяне и Астраханскіе Татары; они согласившись между собою держать имъ всѣмъ въ цѣломъ городѣ двѣ только лавки, отъуда и продавать товаръ по настоящей его цѣнѣ (донесеніе Тевкелева Неплюеву отъ 2 Мая 1751 года)

на лошадей (*) и скотъ, нужныя для нихъ вещи, которыя они прежде получали изъ Хивы (**). За все это край былъ вполнѣ обязанъ непрестаннымъ заботамъ Неплюева и Тевкелева, которые шли вѣрнымъ и прямымъ путемъ къ своимъ цѣлямъ. Они не добивались, подобно Кирилову, дѣлъ въ то время невозможныхъ, какъ—то завоеванія Хивы, Бухары, Бальха, Бадакшана и всѣхъ земель до Индіи, не мечтали о построеніи морскихъ судовъ на Аральскомъ морѣ; напротивъ, они старались достигнуть распространенія торговли мѣрами тихими, спокойными.

Одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ конечно состояло въ томъ, чтобы имѣть, на первый случай, хотя не много постоянныхъ пунктовъ, гдѣ бы купцы всѣхъ націй и самые Ордынцы находили вѣрный сбытъ своимъ това-

(*) Нурали на свиданіи съ Неплюевымъ въ 1749 году даже жаловался, что Киргизы, воруя въ улусахъ лошадей, приводятъ ихъ къ Русскимъ и продаютъ за своихъ. Для прекращенія такой кражи, Ханъ предлагалъ дозволить Старшинамъ, которые будутъ находиться при торгахъ, отбирать этихъ лошадей и возвращать ихъ хозяевамъ. Неплюевъ, опасаясь дать поводъ Старшинамъ Киргизскимъ къ злоупотребленіямъ, рѣшился, съ согласія Хана, обязать Таможенныхъ приставниковъ задерживать Киргизовъ, обличенныхъ въ покражѣ лошадей, и взыскивать съ виновныхъ плату. Для наблюденія же за ходомъ мѣны положено было: каждый день на торгѣ присутствовать одному изъ Старшинъ, находившихся при Адиль Султанѣ

(**) Нельзя не замѣтить, что сношенія Киргизовъ Малой Орды съ Хивой были часты Каждый годъ гоняли они туда барановъ, верблюдовъ, лошадей, мѣняли ихъ на разныя вещи, даже на серебро которое и привозили въ Оренбургъ.

рамъ и произведеніямъ. Для мѣны съ Киргизами Малой Орды, Хивинцами, Бухарцами и прочими дальнѣйшими народами (Донесеніе Неплюева и Тевкелева 29 Января 1751 года) Оренбургъ, центръ управленія, какъ городъ задолго передъ тѣмъ основанный, и давно извѣстный, куда съѣзжались Русскіе купцы, безпорно могъ и долженъ былъ служить главнымъ средоточіемъ торговли. Имѣя это въ виду, Неплюевъ всѣми силами старался защитить Оренбургское купечество отъ всякой возможной конкурренціи. Съ этою цѣлію, по указу Оренбургской Губернской Канцеляріи отъ 22 Марта 1750 г., запрещено было Азіатцамъ и Киргизамъ производить мѣну въ Гурьевѣ городкѣ и во всѣхъ Яицкихъ городкахъ и форпостахъ, чѣмъ либо, кромѣ хлѣба и сѣна (*). Мысль эту подалъ

(*) Въ другихъ мѣстахъ, по линіи, торгъ Киргизамъ какъ видно не воспрещался. Только въ Ямышевской крѣпости Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ (указъ Неплюеву 5-го Іюня 1752 года) думала закрыть совсѣмъ торгъ, видя изъ рапортовъ Генералъ-Маіора Киндермана злодѣйства, чинимыя торгующими тамъ Киргизами. По мнѣнію же Неплюева, хотя торгъ съ Сибирской стороны съ Киргизами былъ ничтоженъ, но закрыть его значило бы заставить обывателей Ямышевской крѣпости терпѣть нужду въ лошадяхъ и скотѣ. По этому онъ полагалъ возможнымъ, на время, пока бы не перенесли Ямышевскую крѣпость на другое болѣе удобное мѣсто, ограничиться тѣми же мѣрами предосторожности, какія употреблялись въ Оренбургѣ, какъ то: за рѣкою Иртышемъ построить мѣновой дворъ, на подобіе крѣпости, по воротамъ его сдѣлать рогатки, и содержать караулъ, если же отъ Киргизовъ произойдетъ какое своевольство, то наказывать ихъ, какъ слѣдуетъ, именно: за воровство кошками, » а ежели ножемъ, ибо для мѣны пропущаются безъ ружья, какую продерзость учинить осмѣлятся», то и кнутомъ, наказанія эти производить по всей справедливости, и въ присутствіи самихъ Киргизовъ, которыхъ равнымъ

самъ Нурали, который писалъ, что Киргизы, имѣя вблизи все для нихъ нужное перестаютъ посѣщать Оренбургъ »отчего де и въ Ордѣ въ поправленіи всякихъ дѣлъ препятствіе воспослѣдуетъ« и грозилъ даже въ случаѣ отказа, грабить караваны на обратномъ пути изъ Гурьева. Было ли это предложеніе искренно, или только предлогъ къ оправданію грабежей, рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ Начальство не могло не принять его, тѣмъ болѣе, что уничтоженіе торга въ Гурьевѣ—городкѣ было необходимо и по другимъ причинамъ. 1., въ Гурьевъ во все не ѣздили ни богатые Астраханскіе купцы, ни Калмыки: всѣ они торговали въ Оренбургѣ, такъ, что тамъ оставались только такіе, на которыхъ «въ содержаніи на Рус«скіе товары умѣренной, а на Азіатскіе не высокой «цѣны надежды не было». 2., Въ Гурьевѣ замѣчались не рѣдко беззаконные торги: такъ въ 1748 году показано было на тамошнихъ Калмыковъ, что они продавали людей. Впрочемъ, не смотря на запрещеніе, торгъ въ Гурьевѣ существовалъ еще до 1752 г., когда Гурьевъ указомъ Сената 25 Мая 1752 г. отданъ былъ въ вѣдомство Оренбургской Губерніи. До тѣхъ поръ управ-

образомъ удовлетворять въ случаѣ обиды со стороны Русскихъ, за черту мѣноваго двора ни кого изъ Русскихъ не пускать безъ вѣдома Командира и надлежащей предосторожности, аманатовъ же съ Киргизовъ не брать, потому что Кайсаки пріѣзжаютъ туда, какъ въ Оренбургъ, каждый день изъ разныхъ родовъ и улусовъ, аманаты же служатъ единственно для того рода, откуда они взяты (письмо Неплюева къ Кипдерману 11 Іюня 1750 года).

ляла имъ Астраханская Губернская Канцелярія, которая даже указомъ 12 Января 1750 года, по просьбѣ посланцевъ Нуралія, дозволила Киргизамъ торговать въ Гурьевѣ городкѣ съ Русскими и кочующими тамъ Калмыками. Для того же, чтобъ торгъ былъ правильный и Киргизы не имѣли случая чинить воровства, грабежа и другихъ обидъ, указомъ этимъ велѣно было учредить его слѣдующимъ образомъ: 1., содержать въ Гурьевѣ, во все время съѣзда купцевъ, аманатами двухъ или трехъ Старшинъ; 2 , при городѣ назначить исключительно для торга удобное и безопасное мѣсто, куда Киргизовъ допускать не всѣхъ вдругъ, а партіями, человѣкъ по двадцати; 3 , смотрѣть, чтобы Русскіе, Калмыки и Киргизы не производили мѣны запрещенными товарами; 4., Калмыковъ, кочующихъ по ту сторону рѣки, посадить въ безопасныя и крѣпкія мѣст а, чтобы Киргизы не могли захватывать ихъ въ плѣнъ; 5 , Самихъ Киргизовъ ни подъ какимъ предлогомъ, не перепускать за Яикъ, и въ случаѣ какой либо обиды Русскимъ или Калмыкамъ обращаться съ -ин ми, какъ съ непріятелями.—

Но кромѣ Оренбурга, нуженъ былъ еще и другой торговый пунктъ, для тѣхъ народовъ, которые, по дальности мѣстопребыванія, не могли посѣщать торга въ Оренбургѣ, именно: для Киргизовъ Средней Орды, Ташкендцевъ, Кашгарцевъ и жителей Малой Бухаріи (всѣ эти земли большею частью находились тогда въ зависимости отъ Чжуньгарскаго владѣльца). Для этого въ 1750 году, и

открытъ былъ торгъ на Уйской линіи въ Троицкой крѣпости (*). Выгода его обнаружилась очень скоро; не болѣе какъ чрезъ 8 мѣсяцевъ, хотя всѣ русскіе товары привезены были изъ Оренбурга, уже очищенные пошлиною, съ однихъ Кашкарскихъ лошадей (**) и Ташкендскихъ товаровъ, поступило въ Троицкѣ пошлины и другихъ таможенныхъ сборовъ 9,000 руб.; сверхъ того пришло туда серебра до 10 пудовъ и немного золота. Неплюевъ и Тевкелевъ при самомъ основаніи торга въ Троицкѣ думали открыть прямой коммерческій путь, между Троицкомъ и Сибирью (См. донесеніе 29 Января 1751 года); по ихъ мнѣнію казна выиграла бы тѣмъ, что при провозѣ товаровъ, получала бы пошлины, какъ въ Сибири, такъ и въ Троицкѣ; сами же купцы ни когда бы не потерпѣли убытка, уже потому, что Киргизы и прочіе народы Великой Татаріи, всегда бы съ удовольствіемъ брали произведенія Китайскія и Сибирскія, какъ необходимыя для нихъ. Должно замѣтить, что въ 1739 году, именнымъ указомъ строго запрещено было купцамъ ѣздить

(*) Аблай Султанъ въ письмѣ на имя Неплюева и Тевкелева благодарилъ Русское Правительство за учрежденіе этого торга, предположеніе основать торгъ въ Троицкѣ было давнишнее· еще при самомъ началѣ Уйской линіи, въ 1743 году, Пограничное Начальство сносилось объ этомъ съ Абулъ-Хаиръ Ханомъ, не было же оно приведено въ исполненіе до 1750 года потому только, что боялись повредить этимъ Оренбургскому купечеству

(**) Неплюевъ утверждалъ, что Троицкъ есть лучшее мѣсто для покупки въ армію лошадей. (Донесеніе 29 Января 1751).

изъ Россіи въ Сибирь и обратно, кромѣ Верхотурья. Правда въ то время не было Троицка, къ тому же самый торгъ въ Оренбургѣ былъ незначителенъ, но и тутъ оказывались невыгоды подобнаго рода распоряженія: въ 1741 году Сибирская Губернія и Сибирскій Приказъ представляли въ Правительствующій Сенатъ о необходимости открыть для купцовъ, ѣздившихъ на Макарьевскую ярмарку, еще другую дорогу чрезъ Бергъамтъ, т. е. Екатеринбургское вѣдомство. Теперь же, когда открылась новая выгодная мѣна въ Троицкѣ, когда со дня на день начиналъ усиливаться торгъ въ Оренбургѣ, обѣщавшій, по словамъ Неплюева, гораздо болѣе пользы, чѣмъ Макарьевъ, то прямой коммерческій трактъ между Сибирью и Троицкомъ казалось былъ не обходимъ какъ для пользы казны, такъ и для выгодъ самаго Троицкаго и Оренбургскаго купечества, которое до сихъ поръ не ѣздило въ Сибирь, только потому, что дорога на Верхотурье была далека и убыточна. Въ случаѣ открытія новаго пути въ Сибирь, Неплюевъ и Тевкелевъ предлагали слѣдующія мѣры противъ тайнаго провоза товаровъ: 1, учредить, кромѣ Троицкой заставы, еще заставу на границѣ Сибири къ Исетской провинціи, тамъ, гдѣ заблагоразсудится Сибирской Губернской Канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы купцы ни подъ какимъ видомъ не миновали этихъ заставъ, что и прописывать у нихъ въ выписяхъ. 2, Если кто въ Троицкъ или Сибирь привезетъ товары безъ выписи, или миновавъ заставы, то товаръ этотъ конфи-

сковать. 3, Изъ Казани и другихъ Россійскихъ городовъ чрезъ Уральскія горы въ Исетскую провинцію имѣть одну дорогу, гдѣ содержать отъ Троицкой Таможни заставу, которая бы прикладывала печати по возамъ, и доносила въ Троицкъ, когда и въ какомъ числѣ, они пройдутъ такъ, чтобы ни кто не могъ пробраться въ Сибирь мимо заставы; изъ Сибири же не пропускать ни кого, кто не былъ въ Троицкѣ. 4, Дорогу отъ Оренбурга до Троицка оставить какь она есть; потому что таіиныхъ провозовъ по ней быть не можетъ, такъ какъ ни одинъ купецъ не отпускается безъ выписи.

Заботясь такимъ образомъ объ учрежденіи внутри самыхъ предѣловъ государства нашего вѣрныхъ торговыхъ пунктовъ, Неплюевъ и Тевкелевъ, съ другой стороны, не упускали изъ виду, по мѣрѣ возможности, ни одного средства, чтобы заставить Азіатцевъ посѣщать ихъ. Въ бытность Нуралія въ Оренбургѣ въ 1749 г., сдѣлано было, съ согласія его, небольшое облегченіе для Азіатцевъ, въ проѣздѣ ихъ чрезъ степь, именно: при вступленіи Абулъ-Хайра въ подданство Россіи, положено было на первомъ свиданіи его съ Тевкелевымъ, давать въ степи свободный пропускъ проходившимъ изъ Россіи товарамъ съ красною печатью; равнымъ образомъ не задерживать въ Русскихъ мѣстахъ вещей, помѣченныхъ печатью Ханской. При провозѣ товаровъ Ханъ за прикладываніе печати взималъ съ купцовъ пошлины. Нурали жаловался Неплюеву, что по кончинѣ отца его, Азіатскіе торговцы,

препебрегая древнимъ обычаемъ, стали объѣзжать его стороною, и просилъ Губернатора положить предѣлъ »этому сумасбродству«. Неплюсвъ согласился удовлетворить просьбѣ Хана, и присовѣтовалъ ему, для облегченія купцовъ (которымъ по существовавшему правилу, должно было каждый разъ заѣзжать въ Ханскую ставку, какъ бы они далеко отъ нея не находились), чтобы и братья его, наравнѣ съ нимъ, пользовались правомъ прикладывать печати свои. Ханъ, казалось, съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, и на этомъ условіи обязался свободно пропускать всѣхъ купцовъ, не смотря на то, что излишній ввозъ серебра дѣлалъ, по его словамъ, подрывъ степнымъ произведеніямъ, уничтожалъ мѣну и лишалъ Киргизовъ средствъ пріобрѣтать отъ Русскихъ за сходную цѣну нужныя для нихъ вещи.

Облегченія этого рода, ничтожныя сами по себѣ, конечно повели бы къ немногому, еслибы Правительство не обращало должнаго вниманія на безопасный проѣздъ каравановъ чрезъ степь. Неплюевъ и Тевкелевъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, писали и говорили объ этомъ Нуралію, и обѣщали ему въ награду милости Царскія. Къ несчастію старанія ихъ не всегда были удачны: грабежи, хотя и не повторялись такъ часто, какъ прежде, но все еще продолжались (въ 1750 г. ограблены были Киргизами два каравана: одинъ ѣхавшій въ Оренбургъ, а другой возвращавшійся оттуда); Нурали и Старшины часто обязывались защищать проѣзжихъ торговцевъ, но обѣ-

щанія эти большею частью оказывались не надежными; страсть къ грабежамъ слишкомъ сроднилась съ характеромъ Киргизовъ, чтобы они могли такъ скоро и легко отъ нея отказаться. По этому Неплюевъ и Тевкелевъ, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, думали (донесеніе 29 Января 1751 г.) на будущее время склонить Нуралія и надежныхъ Старшинъ располагаться на лѣто въ степи близь мѣстъ, гдѣ обыкновено проходили караваны такъ, что бы купцы могли быть препровождаемы уже не простыми Киргизами, но свойственниками Хана, или дѣтьми знатныхъ Старшинъ; плата, соразмѣрная съ предоставляемымъ обезпеченіемъ, служила бы со стороны купцовъ вознагражденіемъ за труды провожатыхъ, и простой народъ, боясь мщенія сильныхъ лицъ, принявшихъ караваны подъ свое покровительство, не осмѣлился бы тревожить ихъ. Въ такомъ случаѣ, если бы, не смотря на это произошелъ грабежъ, то судъ надъ ворами слѣдовало оставлять на произволъ самихъ Старшинъ, т. е- виновныхъ наказывать у себя, на основаніи существующихъ въ Ордѣ обычаевъ, или выдавать ихъ въ Оренбургъ, для взысканія по законамъ.

Подобнаго рода мѣры для охраненія торговаго пути, были не только необходимы для Азіатцевъ, но и для Русскихъ, которые отъ частыхъ грабежей въ Ордѣ, опасаясь за свои капиталы, съ трудомъ рѣшались ѣздить на рынки Средней Азіи. Впрочемъ къ чести Неплюева должно замѣтить, что онъ съ своей стороны дѣлалъ все,

что могъ, чтобы пріохотить купцовъ нашихъ посѣщать Средне-Азіатскія владѣнія, и тѣмъ открыть себѣ путь даже до Индіи, которую считали въ то время источникомъ всѣхъ богатствъ: такъ въ 1750 году, вмѣстѣ съ Хивинскимъ посланникомъ Ширбекомъ, пріѣзжавшимъ въ Оренбургъ, отправленъ былъ для опыта отъ Оренбургскаго торговаго татарина Абдуллы Хаялина, не большой караванъ, въ которомъ, по выписной цѣнѣ, находилось товаровъ на 3 т. руб. Караванъ этотъ возвратился съ довольною прибылью, такъ что вскорѣ посланъ былъ за препровожденіемъ Нуралі Хана еще другой караванъ того же Хаялина, гдѣ уже товара было на 5 т. рублей. Прикащикамъ Хаялина поручено было слѣдовать до Бухары, Бальха и Бадакшана, а если возможно, то до самаго Кабула, перваго Индѣйскаго города, куда отъ Оренбурга »по прежнимъ и нынѣшнимъ подлин»нымъ извѣстіямъ«, не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ караваннаго хода. До Кабула, по словамъ Неплюева, предстояли имъ три пути: одинъ чрезъ Бальхъ, другой чрезъ Бадакшанъ, третій чрезъ Кандагаръ. Этотъ послѣдній путь, по его мнѣнію, былъ всѣхъ безопаснѣе, потому что Хивинцы и Бухарцы *заподлинно* увѣряли, что Афганскій, т. е. Кандагарскій Ханъ, (*) собравъ войско двинулся

(*) Это былъ Ахмедъ Шахъ Афганскій

на Персію, называя себя Шахомъ, овладѣлъ Гератомъ и Мешгедомъ, и посылалъ въ Бухару просить купцовъ ѣздить въ его армію и землю *безопасно*. Такого рода не большіе караваны до самой Индіи предполагалось посылать ежегодно, если бы только отъ Киргизовъ утвердился свободный проѣздъ въ Среднюю Азію Неплюевъ и Тевкелевъ, для провода этихъ караваповъ, полагали употреблять незнатныхъ людей изъ Татаръ, Армянъ, Грековъ, даже изъ Русскихъ, но не иначе, какъ знающихъ совершенно языки и обычаи Азіатцевъ; право же отправлять самые караваны, думали они исключительно предоставить нѣсколькимъ зажиточнымъ купцамъ, чтобы въ случаѣ какого несчастія, убытокъ не былъ такъ чувствителенъ. Купцы эти (на первый случай ихъ назначалось 6, именно Московскіе купцы. 1, Гаврила Журавлевъ, 2, изъ Армянъ Василій Макаровъ, 3, изъ Грековъ Иванъ Михайловъ Мавродій, 4, Сибирскій купецъ и Оренбургскаго вѣдомства мѣдной заводчикъ Иванъ Твердышевъ, 5, Оренбургскій торговый татаринъ Абдулла Хаялинъ, 6, Ростовецъ Алексѣй Кекинъ) должны были составить изъ себя компанію, и хотя не торговать непремѣнно за одно, но по крайней мѣрѣ помогать совѣтами и сообщать другъ другу получаемыя свѣдѣнія Если бы кто изъ среды ихъ выбылъ по какому либо случаю, то слѣдовало замѣщать его другимъ, *достойнымъ изъ охотниковъ*. Въ Бухарѣ, »яко въ безопасномъ мѣстѣ«, компанія должна была имѣть всегда людей своихъ, чтобы оттуда »куда способ-

но, отпуски чинить«, равнымъ образомъ и въ Хивѣ (*) слѣдовало ей держать человѣка или двухъ, которые бы переписывались съ Оренбургомъ, чрезъ пріѣзжавшихъ Хивинцевъ. Что же касается до Оренбургскаго Губернатора, то слѣдя за успѣхами компаніи, онъ долженъ былъ заводить сношенія со всѣми народами, гдѣ бы она не производила торговлю, и стараться, по мѣрѣ возможности, привлекать оттуда купцовъ на торгъ въ Оренбургъ (донесеніе Неплюева и Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 29 Января 1751 года).

Конечно, при самомъ началѣ, какъ справедливо замѣчали Неплюевъ и Тевкелевъ, (донесеніе 29 Января 1751 года) Русскіе мало бы выиграли, по незначительности капитала, который бы у нихъ обращался, за то главная цѣль была бы достигнута. Дальніе народы Азіи, видя у себя постоянно Русскихъ, ознакомились бы съ ними ближе, вѣроятно, попытались бы хотя разъ съѣздить въ Оренбургъ; попытка эта конечно убѣдила бы ихъ во всей пользѣ торга, и послѣ того, они сами безъ всякаго при-

(*) Хива, по тогдашнему мнѣнію, занимала для Россіи въ торговомъ отношеніи главное мѣсто По положенію своему, находясь ближе всѣхъ Азіатскихъ владѣній отъ Оренбурга, прилегая къ подвластной Россіи Киргизской степи, съ которой она находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ, и откуда брала даже себѣ Султановъ въ Ханы (Абулъ-Хапръ, Нурали, Кашнь), Хива кромѣ того лежала на пути въ Бухару, Балхъ, Бадакшанъ и въ самую Индію. Слѣдовательно отъ жителей ея зависѣло удерживать караваны, и этимъ подорвать нашъ торгъ съ Азіею, или напротивъ того покровительствомъ своимъ значительно развить его.

нужденія неперестали бы ни за что посѣщать Оренбурга. Доказательствомъ этого могли служить Хивинцы и Ташкендцы, которые, не смотря на часто гибельный для нихъ проѣздъ чрезъ степь, не отставали отъ Оренбургскаго торга. Однимъ словомъ Неплюевъ и Тевкелевъ отъ учрежденія компаніи ожидали въ будущемъ много пользы: они просили Правительство, въ случаѣ нужды, не щадить даже денегъ. Издержки, по ихъ словамъ, вознаграждались бы непремѣнно, »и съ помощію Божіею полученіе »того въ Россійскую Имперію богатства быть можетъ »легчайшими способами, нежели какъ другіе Европейскіе »народы изъ тѣхъ земель получаютъ« (донесеніе Неплюева и Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣхъ 29 Января 1751 года)

Всѣ подобнаго рода предположенія Неплюева и Тевкелева, хотя и не были вполнѣ утверждены, однако принесли несомнѣнную пользу. Они указали на тѣ выгоды, которыхъ можно было ожидать отъ сношеній съ Средней Азіей, и утвердили высшее Правительство въ мысли поддерживать и усиливать торгъ въ Оренбургѣ Благодаря заботливымъ попеченіямъ Начальства, онъ развивался по немногу (*) и пріѣздъ купцовъ изъ Хивы, Ташкенда и проч., въ особенности изъ Бухары, умножался

(*) Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующая вѣдомость о состояніи торговли въ Оренбургѣ и Троицкѣ, съ 1 Января по 11 Октяб-

почти съ каждымъ лѣтомъ. Правда, въ иные годы грабежи Кайсаковъ (какъ мы увидимъ впослѣдствіи) уменьшили пріѣздъ торговцевъ, но выгоды, ожидавшія ихъ, всегда одерживали перевѣсъ надъ опасностью въ пути, и Азіатцы снова прибывали въ Оренбургъ, по прежнему располагались на мѣновомъ дворѣ, и производили торгъ съ жившими тамъ Русскими купцами и съ наѣзжавшими Киргизами. При этомъ Начальству оставалось наблюдать, что бы мѣна производилась тихо, и что бы Русскіе не обижали иностранцевъ, а съ своей стороны Киргизы другіе Азіатцы, всегда пылкіе и раздражительные, не покушались бы на ссоры и драки, къ которымъ они имѣютъ природное влеченіе. По этому на мѣновой дворъ, обнесенный стѣною, каждымъ лѣтомъ высылался съ пушками и артиллерійскими служителями карауль при Оберъ-Офицерѣ, поступавшій на все время торга въ распоряженіе Оренбургской Пограничной Таможни. Въ 1761 году 20 Іюля Офицерамъ, состоявшимъ тогда на карауле, для лучшаго опредѣленія возложенныхъ на нихъ обязанностей, дана была отъ Губернатора Давыдова (заступившаго мѣсто Неплюева) инструкція. Инструкція эта состояла въ слѣдующемъ: 1) Когда торгъ начнется, и Киргизы станутъ пріѣзжать для мѣны на мѣновой дворъ, то всѣмъ караульнымъ съ утра до полудни, и съ полуд-

---

ра 1753 года, приложенная къ донесенію Неплюева и Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 21 Октября 1753 года.

ни до вечера, до тѣхъ поръ пока не съѣдутъ со двора всѣ Киргизы, стоять безотлучно при своихъ мѣстахъ и имѣть ружья заряженныя. Равнымъ образомъ при фронтѣ имѣть одну пушку заряженную. 2) Такъ какъ Киргизы обыкновенно въѣзжаютъ на мѣновой дворъ въ ворота со степной стороны, то у тѣхъ воротъ стоять всегда на часахъ по одному Капралу, или Унтеръ-Офицеру, сверхъ таможеннаго, и смотрѣть, что бы у Киргизовъ небыло спрятано при себѣ ружей и сабель. У обоихъ въѣзжихъ воротъ, и у рогатокъ при воротахъ въ то время, когда Киргизы бываютъ на мѣновомъ дворѣ, не отлучно находиться одному или двумъ человѣкамъ изъ Таможенныхъ, и какъ скоро произойдетъ шумъ отъ Киргизовъ, то опустить тотчасъ же рогатки и стараться затворить ворота. 3) Если Киргизы во время мѣны нападутъ на Русскихъ, то караульному офицеру немедленно приказать командѣ своей стрѣлять по нихъ изъ ружей, и изъ находящейся при фронтѣ пушки, и при этомъ стараться ни одного Киргиза, не выпустить со двора. Впрочемъ, къ такой крайней мѣрѣ дозволялось прибѣгать только въ такомъ случаѣ, если бы Киргизы вздумали нападать съ оружіемъ въ рукахъ, въ случаѣ же маловажной ссоры и драки безъ оружія, офицеръ долженъ былъзабрать виновныхъ Киргизовъ подъ караулъ, но отнюдь не употреблять противъ нихъ ружей. 4) Самую инструкцію (которую велѣно хранить въ секретѣ подъ опасеніемъ жестокаго наказанія) вручить караульному офицеру съ росписко̀ю и съ тѣмъ, чтобъ онъ

передалъ ее при смѣнѣ слѣдующему за нимъ офицеру, и т. д., тоже съ росписко̀ю, гдѣ упоминать только, что секретная инструкція принята. По окончаніи мѣны, когда команда будетъ сведена со двора, послѣднему офицеру подать инструкцію при рапортѣ Губернатору 5) Впрочемъ караульнымъ офицерамъ поступать по наставленію Директора Оренбургской Пограничной Таможни Тимаева и доносить ему обо всемъ происходящемъ .

Подобнаго рода Инструкція, и мѣры строгости, которыя въ ней предписывались, были въ то время необходимы. Мѣновый дворъ, гдѣ стекалось лѣтомъ множество народа, дѣлался часто мѣстомъ буйныхъ сценъ. Въ этомъ отношеніи столь же опасны были Киргизы, сколько и другіе Азіатцы. Отъ природы пылкіе, мстительные и злопамятные, они принимали малѣйшее стѣсненіе ихъ выгодъ за личную обиду, покушались на самоуправство и, незнакомые съ законами благоустроенныхъ Государствъ, считали себя въ правѣ дѣйствовать по своему.

Примѣры этому обнаружились въ 1762 году. Должно замѣтить, что Бухарцы за нѣсколько лѣтъ до того времени начали ѣздить изъ Оренбурга въ Москву, и даже въ Петербугъ, большею частью съ драгоцѣнными камнями, и получали значительныя выгоды. Въ особенности отличался среди нихъ Бухарецъ, владѣнія Хана Мухамедъ-Рахимъ Хакимова, Мулла Ирназаръ Максютовъ; нѣсколько разъ онъ былъ представляемъ ко двору, и исполнялъ порученія Кабинета Ея Императорскаго Величества о

вывозѣ изъ Бухары различныхъ вещей (*). Отпущенный ный въ 1757 г. отъ Оренбургской Губернской Канцеляріи, въ С. Петербургъ съ драгоцѣнными камнями, Макеютовъ въ 1758 году, возвратясь оттуда, вывезъ съ собою голландское сукно отъ С Петербурскаго купца Кабацкаго, и сдѣлался его коммисіонеромъ, для продажи сукна въ Бухарѣ. Пограничная Таможня, пропустивъ Ирназара съ товарами за границу, донесла о томъ въ Коммерцъ Коллегію (15 Октября 1758 г. и 8 Іюля 1759

(*) Въ 1757 году, онъ вывезъ ко Двору нѣсколько парчей, халатовъ, драгоцѣнныхъ камней и сѣмянъ, въ 1761 г доставилъ двухъ мальчиковъ Арапов (Евгара и Алмаса), одного аргамака и разные плоды. Въ томъ же году онъ вывезъ въ Оренбургъ Петра Сулимова, сына одного Тульскаго купца. Сулимовъ въ 1759 году, идя изъ Оренбурга на мѣновой дворъ, схваченъ былъ за Яикомъ двумя Киргизами, находившимися при Нуралѣ, бывшемъ тогда въ городѣ. Киргизы эти взяли плѣннаго въ улусы свои, при рѣкѣ Илекѣ, продержали тамъ связаннаго 12 дней, а потомъ продали одному Киргизу, которыи отвезъ Сулимова въ Хиву, гдѣ его купилъ Искандеръ Атаныкъ, тесть Каинъ Хана Отецъ Сулимова долго хлопоталъ о выручкѣ сына чрезъ пріѣзжавшихъ Азіатцевъ. Наконецъ Ирназаръ выкупилъ его за 200 рупи (каждая рупія цѣнилась тогда въ 49 коп) и въ 1761 г. ввезъ въ Россію, взявъ на передъ подписку съ Сулимова, что отецъ выплатитъ за него 12 пудовъ канцелярнаго сѣмени (всякій пудъ стоилъ въ Петербургѣ 220 руб , слѣдовательно все вмѣстѣ составляло 2,640 руб). Такая сумма была слишкомъ высока отецъ Сулимова не могъ и не хотѣлъ уплатить ее, а Ирназаръ требовать настоятельно. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ была въ затрудненіи: принудить Сулимова къ уплатѣ, казалось ей несправедливымъ, съ другой стороны оставить безъ вниманія искъ Макеютова было опасно, тѣмъ что могло отбить у Азіатскихъ купцовъ охоту выкупать нашихъ плѣнныхъ (указъ Коллегіи въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію 20 Ноября 1762 г) Дѣло затянулось, Сулимовъ, отецъ и сынъ, между тѣмъ умерли, Ирназаръ согласился наконецъ ограничиться 600 рублями.

Въ явкѣ сего 1753 года въ Оренбургъ и Троицкую крѣпость изъ за границы Азіатскими купцами.

Съ 1 Января по 11 Октября.	Въ Оренбургѣ.			Въ Троицкѣ.			Итого въ обѣихъ Таможняхъ				
	Число вещей и вѣсу.			Число вещей и вѣсу.			Число вещей и вѣсу.			По цѣнѣ.	
	пуд.	фун.	золот.	пуд.	фун.	золот.	пуд.	фун.	золот.	Рубли.	коп.
Золота	6	20	45	28	—	77	7	9	26	69,425	—
Серебра	90	7	—	85	27	31½	175	34	31½	101,294	36¼
Товаровъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50,736	78
Въ вымѣнѣ отъ Киргизъ-Кайсаковъ скота:											
Лошадей и жеребятъ	9,936			3,847			13,783			118,830	—
Барановъ и ягнятъ	25,000			374			25,374			16,584	85
А всего изъ за границы по цѣнѣ на	—	—	—	—	—	—	—	—	—	356,870	99¼
Въ отпуску до Россійскихъ городовъ	Изъ	Орен	бурга	изъ	Троиц	ка и	того	въобѣ	ихъ	Тамож	няхъ
Золота	2	12	69	—	28	77	3	1	50	29,166	87½
Серебра	229	—	47¼	86	15	19½	315	15	66¼	181,666	5
Въ томъ числѣ куплено въ казну:											
Золота	22	—	93½	—	—	—	—	—	—	—	—
Серебра	106	36	16¼	—	—	—	—	—	—	—	—

	Изъ Оренбурга			Изъ Троицка.			Итого изъ обѣихъ мѣстъ.				
	вѣсъ.			вѣсъ.			вѣсъ.			По цѣнѣ.	
	Пуд	Фун.	Зол.	Пуд.	Фун.	Зол.	Пуд.	Фун.	Зол.	Рубли.	Коп.
Во взятье въ пошлину серебра .	1	37	15	—	27	84	2	25	3	—	—
За тѣмъ до Россійскихъ городовъ въ отпуску съ купцами.											
Золота	1	29	72¼	—	28	77	2	18	73¼	—	—
Серебра	120	7	16	85	27	31½	205	34	47½	—	—
Да противъ явки изъ за границы въ отпускѣ изъ Оренбурга не значится золота 4 пуда 7 фун. 71¼ зол. а серебра противъ приходу, въ отпускъ и въ покупку превзошло 139 пуд. 21 фун. 35 зол.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40,958	12½
Итого золота по приходу 7 пуд. 9 фун. 26 зол , а серебра по отпуску 315 пуд. 15 ф. 66¾ зол. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	251,091	5
Товаровъ вымѣненныхъ отъ Азіятскихъ купцовъ и отъ Киргизъ-Кайсаковъ также и скота на . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	237,466	4
а всего изъ за границы вошло на .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	488,537	9
Въ привозѣ изъ Россійскихъ городовъ товаровъ съ 1 Января по 1-е Октября.											
Въ Оренбуръ на . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95,312	55½
Въ Троицкую на . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12,362	63
Итого на	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107,675	18½
Въ сборѣ Таможенныхъ пошлинъ съ 1 Января по 1 Октября											
Въ Оренбургъ на . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24,249	19¼
Въ Троицкую на . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10,008	23¼
Вѣдомства оныхъ Таможенъ въ новыхъ крѣпостяхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,292	½
а всего въ обѣихъ Таможняхъ и крѣпостяхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35,549	22½

О торгѣ въ Оренбургѣ и въ Троицкѣ въ 1760, 1761 и 1762 г. можно заключить изъ слѣдующей таблицы о привозѣ золота и серебра, представленной Пограничною Томожнею на требованіе Оренбургской Губернской Канцелеріи отъ 29 Мая 1762 года.

		Въ привозѣ изъ за границы Азіятскими купцами.						Въ отпуску внутрь Россіи съ Россійскими купцами вымѣненнаго отъ Азіятскихъ купцовъ и вступившаго подробямъ отъ Киргизъ-Кайсаковъ.					
		Золото.			Серебро.			Золото.			Серебро.		
		Пуд.	Фун.	Зол	Пуд.	Фун.	Зол.	Пуд.	Фун.	Зол.	Пуд.	Фун.	Зол.
Въ 1760	Въ Оренбургѣ .	—	1	24	96	27	48	—	—	—	43	23	67
	Въ Троицкой по репорту Ноября 8 числа показано . . .	—	—	—	129	3	—	—	—	—	92	18	8½
Въ 1761 г.	Въ Оренбургѣ .	—	—	—	3	2	—	—	—	—	2	10	—
	Въ Троицкой крѣпости по репорту Декабря по 5 ч. показано.	—	—	—	73	2	—	—	—	—	26	35	—
Въ 1762 г.	Въ Оренбургѣ .	—	5	48	9	4	—	—	17	39	27	22	44
	Въ Троицкой по репорту Ноября по 1 число показано	—	4	—	—	79	18	—	—	—	34	25	48

года), прося запретить подобнаго рода *Коммисіонерства* и вообще, чтобы проѣзжая пошлина не могла пропадать, пресѣчь отпуски въ Петербургъ и Москву Бухарцевъ съ камнями, иначе какъ за препровожденіемъ Таможенныхъ служителей, подъ надзоромъ которыхъ вещи были бы продаваемы, а купленные товары привозимы въ Оренбургъ. Однако на эти донесенія отвѣта отъ Коммерцъ Коллегіи не было. Въ 1762 году, въ Маѣ мѣсяцѣ Бухарцы, прибывшіе съ алмазами въ Оренбургъ, объявили въ Таможнѣ, что никто изъ купцовъ не покупаетъ у нихъ камней, и просились ѣхать съ ними въ Москву и Петербургъ Напротивъ того Русскіе Тульскіе купцы Иванъ Лугининъ и другіе, подали въ Таможню донесеніе гдѣ говорили, что торгъ едва начался въ этомъ году, что купцовъ собралось еще мало, но какъ скоро они съѣдутся, то конечно найдутся охотники на камни Бухарцевъ, о чемъ можно судить по прежнимъ годамъ, когда въ 1760 г. куплено было ихъ на 10,000, а въ 1761 на 4000 рублей. Къ этому Купцы присовокупляли, что Бухарцы сами стараются отвлечь ихъ отъ покупки камней, прося за нихъ втрое противъ настоящей цѣны, что бы подъ предлогомъ невозможности сбыть товаръ выхлопотать себѣ дозволеніе ѣхать въ Петербургъ и Москву-гдѣ они часто продаютъ камни свои весьма дешево; случалось даже такъ, что проведя въ Москвѣ нѣсколько времени, и не найдя средствъ сбыть товары съ рукъ, они возвращались въ Оренбургъ, и охотно уступали его за

цѣну меньшую противъ той, которую имъ предлагали прежде. Ѣздятъ же Бухарцы въ Петербургъ и Москву только для того, чтобы узнать *тамошнія цѣны здѣшнимъ товарамъ*, и тѣмъ »противъ нихъ здѣшнихъ купцовъ » авантажъ имѣть, какъ де то они чрезъ то противъ нихъ »купцовъ всегда и получаютъ«. При томъ вѣроятно въ покупкѣ тамъ нужныхъ имъ вещей, они имѣютъ какой либо »вымышленный подлогъ«. Въ заключеніе жалобы своей, купцы просили прекратить отпуски Бухарцевъ съ камнями въ Петербургъ и Москву; и наче, по словамъ ихъ, могъ произойти подрывъ купечеству, съѣзжающемуся въ Оренбургъ для торга, изъ дальнихъ великороссійскихъ городовъ. Эта жалоба Русскихъ, вполнѣ справедливая, была передана вмѣстѣ съ объявленіемъ Бухарцевъ, на разсмотрѣніе Губернатора. Давыдовъ не могъ не признать ее законною: онъ задержалъ Бухарцевъ и въ донесеніи Сенату (16 Мая 1762 года), изложивъ всѣ обстоятельства дѣла, просилъ указа: слѣдуетъ ли отпускать Бухарцевъ въ столицы съ камнями, или нѣтъ: Въ донесеніи своемъ онъ писалъ въ пользу Русскихъ, и говорилъ, что если и отпускать Бухарцевъ, то развѣ по окончаніи мѣны, когда покупщиковъ вовсе не останется, и то съ условіемъ, что бы камни свои въ Москвѣ и въ Петербургѣ они не мѣняли на товаръ, а продавали на деньги, которыя бы предъявили въ Таможню въ Оренбургѣ, гдѣ и запасались бы нужными имъ товарами.

Вѣсть о такомъ стѣсненіи выгодъ, которыми Бухарцы

привыкли пользоваться, встревожила ихъ; они не переставали проситься у Давыдова въ столицы и шестерымъ изъ нихъ удалось послѣ окончанія мѣны, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда не предвидѣлось болѣе покупщиковъ, выхлопотать дозволеніе у Губернатора, который, неполучая еще отвѣта на свое донесеніе въ Сенатъ, полагалъ возможнымъ отпустить ихъ (*). Бухарцы, прибывъ въ Петербургъ, подали на Высочайшее имя жалобу, гдѣ ссылаясь на примѣры прежнихъ годовъ, просили не запрещать имъ ѣздить съ камнями въ столицы Жалоба эта поступила въ Сенатъ, который между тѣмъ предписалъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ справиться, нѣтъ ли между Россіею и Азіатцами какихъ либо трактатовъ и договоровъ, которые бы препятствовали прекратить поѣздки Бухарцевъ въ Москву и Петербургъ съ драгоцѣнными камнями. Коллегія (19 Февраля 1763 года) донесла въ Сенатъ, что ни съ Хивой, ни съ Бухарой, »ни съ другими тамошними небольшими областями«, нѣтъ ни какихъ трактатовъ, и постановленій, касающихся до торговли, но этому она думаетъ, что въ пропускѣ внутрь Россіи Азіатцевъ, пріѣзжающихъ въ Оренбургъ, слѣдуетъ поступать по Таможенному уставу 1755 г., равнымъ образомъ полагаетъ возможнымъ отпускать тѣхъ изъ нихъ, которые привезутъ камни, золото и серебро, по прежнему въ Москву и Петербургъ, по совершенномъ окончаніи торга въ

(*) За такой самовольный поступокъ Давыдова, Сенатъ предписалъ Конфискаціонной Канцеляріи взыскать съ него штрафа 50 рублей.

Оренбургѣ, »исключая только такихъ Азіатцевъ, кото»рые иногда будутъ имѣть особливыя Коммиссіи ко Двору »Ея Императорскаго Величества«. Сенатъ, получивъ подобнаго рода донесеніе, обратился къ существовавшимъ въ то время постановленіямъ о пропускѣ Азіатцевъ внутрь Россіи (*) съ товарами: ими хотя и дозволялось это съ уплатою проѣзжей пошлины по 10 к; однако Азіатцы употребляли это дозволеніе во зло, провозя одни камни, съ которыхъ по тарифу небыло положено пошлины.

(*) Они были слѣдующіе: въ 6 пунктѣ указа Императрицы Анны Іоановны 20 Августа 1739 года вельно торгу быть въ тогдашнемъ новомъ Оренбургѣ, а ежели кто изъ пріѣзжихъ Бухарскихъ и изъ другихъ таможнихъ купцовъ пожелаютъ съ своими товарами ѣхать въ Казань и въ другіе Россійскіе города, тѣхъ пропускать, а пошлины съ товаровъ ихъ брать по силѣ торговаго устава, противъ пріѣзжихъ изъ Астрахани въ Россійскіе города иноземцовъ, а кто изъ купцевъ будетъ торговать въ Оренбургѣ, съ тѣхъ для прихочивания ихъ, отъ того времени впредь на 10 лѣтъ пошлины съ продажныхъ товаровъ брать противъ торгующихъ въ Астрахани иноземцовъ съ уменьшеніемъ, а именно по 3 коп съ рубля, а по прошествіи 10 лѣтъ брать съ нихъ пошлины потому же торговому уставу по 5 копѣекъ съ руб.

Въ Таможенномъ уставѣ, состоявшемся 1 Декабря 1755 г. сказано было въ 6 глав въ 1 пунк: всѣмъ иностраннымъ купцамъ, торгующимъ при портахъ и пограничныхъ городахъ, товары свои продавать Россійскимъ купцамъ оптомъ. буде же кто изъ иностранцевъ пожелаетъ отъ портовъ и Пограничныхъ Таможенъ товары свои внутрь Россіи отпускать, оные имъ отпускать съ платежемъ, при портахъ и Пограничныхъ Таможняхъ сверхъ портовой пошлины проѣзжей ефимочной пошлины, имая по 10 коп. съ рубля. 14 главы-въ 2 пунктѣ: Азіатскихъ купцовъ съ ихъ заграничными товарами въ Казань и въ другіе Россійскіе города для продажи оныхъ ѣздить не допускать, развѣ которые сверхъ портовой и внутренней 13 копѣечной пошлины заплатятъ проѣзжую пошлину по 10 коп. съ рубля, Россійскими деньгами.

Сверхъ того ввозъ ихъ въ Россію уничтожалъ тѣ преимущества, которыми должны пользоваться въ торговлѣ Русскіе купцы предъ иностранными: съ камней пошлина не взыскивалась, съ Русскихъ же товаровъ бралась она со всѣхъ; слѣдовательно выгода была явно на сторонѣ Азіатцевъ, которые могли товаръ свой продавать безъ пошлинно. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Сенатъ обѣщалъ при распространеніи тарифа учредить по этому предмету особое Генеральное установленіе; между тѣмъ указомъ въ Оренбургскую Губернскую Канцеляцію (13 Мая 1763 г. приказалъ впредь до распространенія тарифа всѣмъ пріѣзжающимъ въ Оренбургъ изъ за границы Азіатскимъ купцамъ привозимые ими товары, также золото, серебро, и алмазныя вещи въ Оренбургѣ продавать по вольнымъ цѣнамъ или мѣнять на товаръ Русскимъ купцамъ; внутрь же Россіи для продажи товара не дозволять имъ ѣздить, »дабы они, Азіатцы, тѣмъ правомъ, кое »здѣшнему Россійскому купечеству принадлежитъ, не »пользовались! Еслибы изъ числа привозимыхъ въ Оренбургъ алмазовъ, или другихъ драгоцѣнныхъ камней, явился камень отмѣнной величины, или чрезвычайной доброты, то Оренбургской Губернской Канцеляріи слѣдовало представлять о томъ въ Правительствующій Сенатъ.

Къ такому запрещенію ѣздить внутрь Россіи, окончательно объявленному въ 1763 году, но какъ мы видѣли сдѣлавшемуся извѣстнымъ Бухарцамъ уже въ 1762 году, присоединилось въ то время еще другое запрещеніе,

столько же для нихъ непріятное, какъ и первое Оренбургская Губернская Канцелярія, на основаніи Таможеннаго устава (по которому всѣмъ иностраннымъ купцамъ, торгующимъ при портахъ и въ пограничнымъ городахъ, велѣно родавать товаръ свой оптомъ, а не врозь подъ опасеніемъ конфискаціи) уже давно запретила Азіатцамъ продавать товаръ въ разницу за деньги и сверхъ того предписала наблюдать, что бы ни кто изъ Русскихъ, какого бы онъ званія ни былъ, не торговалъ съ Азіатскими купцами на Русскую монету, а производилъ бы съ ними торгъ, мѣняя товаръ на товаръ. Постановленіе это, какъ видно, не строго исполнялось, и Азіатцы всегда находили средство сбывать вещи свои за деньги. Въ 1762 г. Инспекторъ Пограничной Таможни Обуховъ обратилъ на это вниманіе и сталъ принуждать ихъ къ исполненію предписаннаго законами.

Всѣ эти запрещенія раздражили Азіатцевъ, въ особенности же Бухарцевъ, которые приняли дѣло къ сердцу (*) и стали преступать правила, необходимыя для общаго спокойствія и тишины. Въ Маѣ мѣсяцѣ, 1762 г. вооружась палками и камнями, они приступили къ Таможеннымъ управителямъ (Обухову, Седекову и проч.) и съ трудомъ были удержаны отъ буйствъ, которыя однако не прекратились. 20 Іюня одинъ Бухарецъ, подойдя на

(*) Въ той же самой жалобѣ, гдѣ Бухарцы просили отмѣнить запрещеніе ѣздить въ Москву и Петербургъ, они обвиняли Обухова въ побояхъ и разнаго рода беззаконныхъ поступкахъ. Жалоба эта была разсмотрѣна по указу Сената и оказалась вполнѣ не справедливою.

мѣновомъ дворѣ къ Киргизъ-Кайсацкимъ воротамъ, думалъ выти въ стень Часовой остановилъ его и напомнилъ о запрещеніи. Бухарецъ разсердился и началъ бить солдата палкою по головѣ и рукамъ.—Тогда на помощь къ часовому вышелъ капралъ съ 6-ю солдатами: Бухарца, пришедшаго въ страшную ярость, схватили и вели уже въ таможню, какъ вдругъ сбѣжались на шумъ другіе Бухарцы, высвободили его изъ рукъ солдатъ и завязали съ ними драку Караульный Офицеръ Суровцовъ приказалъ запереть ворота и выслалъ на подкрѣпленіе еще 6-хъ солдатъ, думая тѣмъ окончить дѣло. Однако это оказалось невозможнымъ Бухарцы вооружились каменьями и палками, и стали отчаянно наступать на Русскихъ. Суровцовъ принужденъ былъ наконецъ выти со всѣмъ карауломъ и съ трудомъ прекратилъ драку при помощи таможенныхъ служителей и купцовъ. Бухарцы отступили, но не оставили своего злобнаго намѣренія: они набирали уже палки и каменья, и можетъ быть ссора продолжалась бы, если бы одинъ Бухарскій Старшина не уговорилъ ихъ оставаться спокойными (*) Нельзя было

(*) Сверхъ того 18 Августа на томъ же мѣновомъ дворѣ Бухарцы въ большомъ числѣ приступили къ пакгаузу. Часовой хотѣлъ было удержать ихъ, но они схватили его, потащили за собою, и стали бить сошкою, которую выдернули изъ фронта. На шумъ выбѣжалъ изъ караульной съ командою Капралъ Киселевскій, и выслалъ на помощь часовому нѣсколькихъ солдатъ, тогда Бухарцы, подхвативъ ножи и оглобли, бросились на Русскихъ, однако солдаты не довели дѣла до драки и высвободили часоваго. По окончаніи ссоры Бухарцы объявили, что они начали ее изъ за того, что какой-то солдатъ поймавъ былъ ими в

оставить такихъ важныхъ безпорядковъ безъ вниманія. Въ таможенныхъ пунктахъ, апробованныхъ Правительствующимъ Сенатомъ 18 Марта 1752 года, ни чего не было сказано, какъ наказывать Азіатцевъ, а предписано только въ уваженіе къ невѣжеству Азіатскихъ народовъ всегда на проступки ихъ смотрѣть снисходительно »дабы »тѣмъ въ желаемомъ разширеніи Комерціи не причи»нить онымъ торгующимъ Азіатскимъ народамъ салобле»нія и не отлучить вовсе отъ Оренбургскаго горта, но »паче придать къ тому торгу вящую охоту«.

Давыдовъ обратился въ Военную Коллегію съ просьбою разрѣшить затрудненіе (20 Іюня 1762 года), которая (12 Августа) прислала указъ учинить на мѣновомъ дворѣ караулъ, а сама донесла въ Сенатъ о безпорядкахъ, произведенныхъ Бухарцами, прося опредѣлить за нихъ мѣру наказанія. Правительствующій Сенатъ (17 Декабря 1762 года) предписалъ Оренбургской Губернской Канцеляріи слѣдующее: если бы замѣчены были въ буйствѣ Бухарцы знатные, то взять ихъ подъ караулъ на двѣ недѣли, и взыскать за увѣчье, въ пользу тѣхъ, съ которыми они дрались, вдвое противъ оклада обиженныхъ, объявивъ напередъ виновнымъ, что они подлежали жестокому наказанію, но въ уваженіе къ незнанію здѣшнихъ правъ, оно имъ прощается; если въ дѣлѣ замѣшаны и простые люди или работники, то учинить имъ наказаніе палкою.

воровствѣ денегъ, и веденъ къ гауптвахтѣ, но на дорогѣ убѣжалъ (рапортъ Киселевскаго 23 Августа 1762 года).

Для того же, чтобъ впредь отъ пріѣзжающихъ Азіатцевъ не происходило безпорядковъ, велѣно о томъ сочинить указъ на Бухарскомъ языкѣ и выставить его въ принадлежащихъ мѣстахъ.

Наказаніе, опредѣленное Сенатомъ, не было приведено въ исполненіе: указъ пришелъ зимою, когда Бухарцевъ уже не было въ Оренбургѣ; а въ слѣдующій 1763 годъ, тѣ изъ нихъ, которыхъ бы слѣдовало подвергнуть наказанію, не пріѣхали. Объявленіе же Азіатцамъ, согласно съ приказомъ Сената, было сочинено и опубликовано 31 Іюня 1763 года Сверхъ того для большаго обезпеченія спокойнаго и безопаснаго торга на мѣновомъ дворѣ составлена была въ томъ же 1763 году (30 Мая, для стоявшихъ тамъ въ карауле Оберъ-Офицеровъ новая инструкція Директоромъ Пограничной Тиможни Тимашевымъ Содержаніе ея заключалось въ слѣдующемъ. 1. Когда Киргизъ-Кайсаки по утру въ обыкновенное время станутъ подъѣзжать къ мѣновому двору и проситься для мѣны во дворъ, то, не отворяя Киргизскихъ воротъ, доносить сперва Директору Таможни, или за его отсутствіемъ давать знать въ Таможню. Какъ скоро отданъ будетъ приказъ впустить ихъ во дворъ, то при первомъ ихъ въѣздѣ самому Офицеру выступить къ воротамъ, а караульнымъ солдатамъ по нѣскольку человѣкъ, хотя и безъ ружья, но вблизи отъ воротъ, не отдаляяся отъ фронта, находиться при томъ же въѣздѣ. Унтеръ-Офицеру и Капралу по смѣнно во весь день стоять вмѣстѣ въ Та-

моженными при Киргизскихъ воротахъ. 2. Когда Киргизы будутъ приближаться къ воротамъ, если часовой замѣтитъ при нихъ ружья, сабли, копья или сайдаки, то объявлять имъ, что бы они отнюдь не въѣзжали съ ними на мѣновой дворъ, а оставляли бы ихъ въ своихъ кошахъ. 3. Ружья при фронтѣ и у часовыхъ, также пушки на флангѣ, имѣть всегда заряженными; ночью на обоихъ степныхъ флангахъ фитили при пушкахъ держать зажженными, а артиллерійскимъ служителямъ ночевать при нихъ Если при мѣновомъ дворѣ ночью случится какой »алярмъ« въ степи, то воротъ не отворять, и ни кого со двора безъ приказанія Директора Таможни не выпускать; солдатамъ же въ то время во всей готовности быть при фронтѣ, и офицеру отъ нихъ не отлучаться. 4. Если днемъ произойдетъ какой »алярмъ« за мѣновымъ дворомъ или внутри его, то тотчасъ велѣть, закинувъ рогатки и затворивъ ворота, умножать часовыхъ при воротахъ, именно сверхъ двухъ поставить еще четырехъ, кромѣ того на степные два фланга, на каждый послать по шести человѣкъ, на первый при Унтеръ-Офицерѣ, а на второй при Капралѣ; самому же офицеру съ остальными солдатами, оставя фронтъ, немедленно подступить къ степнымъ воротамъ и донести Директору Таможни, или же дать знать въ Таможню. За тѣмъ, если офицеръ замѣтитъ, что шумъ происходитъ внутри мѣноваго двора »но »безъ всякаго злодѣйства, какъ то и прежде часто бывало«, то стоять, и не дѣлая ни какого озлобленія Киргизамъ, ожи-

дать приказанія Директора или будущаго по немъ Командира. Въ небытность Директора можетъ Офицеръ и самъ вмѣстѣ съ тѣмъ Таможеннымъ Командиромъ усмирять шумъ пристойными разговорами, «какъ то и прежде бывало«; если же напротивъ того усмотрится со стороны Киргизовъ какое либо умышленное злодѣйство противъ Русскихъ Купцовъ, или всѣхъ обрѣтающихся на мѣновомъ дворѣ, то въ такомъ случаѣ непремѣнно поступать съ ними по воинскимъ регуламъ, »яко съ сущими злодѣями». Тогда на помощь солдатамъ должно выступить изъ лавокъ съ ружьями торгующее купечество, которому это было подтверждено приказомъ отъ Таможни. 5. Стоящимъ у Киргизскихъ воротъ часовымъ приказывать, чтобъ они Русскихъ, пріѣзжающихъ и выѣзжающихъ, и пѣшихъ, съ товаромъ и безъ товара, со двора и на дворъ, въ тѣ ворота ни съ чѣмъ и ни подъ какимъ видомъ не пропускали. Также смотрѣть, чтобъ и сами стоящіе на караулѣ ни чего въ тѣ ворота ни тайно, ни явно не проносили. Когда пробьется шабашъ торгу и всѣ Киргизы со двора съѣдутъ въ степь, то тотчасъ закинуть рогатку и затворить ворота и Киргизовъ уже не впускать; а если они пріѣдутъ и станутъ требовать пропуска, то немедленно доносить о томъ Директору Таможни, или спрашивать будущаго по немъ Таможеннаго Командира. 6. Въ тѣ ворота, что къ городу, съѣзжающихъ съ мѣноваго двора съ возами купцовъ, безъ приказа Директора, или будущаго по немъ Командира безъ ярлыка отнюдь не пропу-

скать. Хотя таможенные люди осматриваютъ выходящихъ изъ двора пѣшихъ и съѣзжающихъ на лошадяхъ верхомъ и въ порожнихъ телегахъ, однако караульнымъ слѣдуетъ смотрѣтъ и за ними; по этому всѣхъ входящихъ во дворъ, съ чѣмъ бы то ни было, приводить прямо въ пакхаузъ съ цѣловальникомъ. Если часовой замѣтитъ, что таможенный заставщикъ пропустилъ идущаго или ѣдущаго съ товаромъ, не объявя въ пакгаузѣ, то онъ долженъ тотчасъ же остановить его и донести Директору Таможни, или дать знать въ Таможню. 7. Русскимъ купцамъ кашу и прочее варить на мѣновомъ дворѣ въ дозволенныхъ Таможнею мѣстахъ, но только къ обѣду и вечеромъ къ ужину, а къ ночи огня отнюдь тамъ не оставлять, а заливать его; въ осеннее же время хотя имъ свѣчи въ лавкахъ и дозволяется зажигать, однако съ величайшею осторожностью. Что касается до Азіатскихъ купцовъ, то имъ кашу варить только поодаль, за большимъ мѣновымъ дворомъ къ городу, внутри же того двора, также и Азіатскаго двора, ни подъ какимъ видомъ этого недозволять и караульному офицеру строго за этимъ смотрѣть. Если случится, что Азіатцы внутри тѣхъ дворовъ, въ особенности же Азіатскаго, а Русскіе купцы, не въ показанное имъ время, станутъ варить кушанье, то у таковыхъ заливать огонь, а хозяина для штрафа прислать въ Таможню. Кромѣ того Офицерамъ строго смотрѣть, чтобы купцы и другіе не курили на дворѣ табаку, въ особенности, чтобъ того не дѣлали часовые, стоящіе при пушкахъ

и на прочихъ постахъ; однимъ словомъ всякаго званія людямъ запрещать внутри мѣноваго двора быть съ трубками, а ослушниковъ приводить въ Таможню; для этого днемъ и ночью ходить дозорамъ. 8. По пробитіи зари закидывать Русскіе ворота рогаткою, и безъ позволенія Директора Таможни, или безъ согласія дежурнаго Управителя, никого на лошадяхъ не пропускать; за проходящими же пѣшкомъ строго смотрѣть, какъ сказано выше, чтобъ они чего либо не пронесли съ собою тайкомъ. Равнымъ образомъ надзирать по обѣимъ сторонамъ мѣноваго двора за калитками. 9. Для большей предосторожности каждую ночь ходить дозоромъ во дворѣ одинъ разъ караульному Офицеру, и два раза находящимся при немъ Унтеръ-Офицеру и Капралу; при чемъ строго смотрѣть, чтобы исполнялось все, предписанное инструкціей. Днемъ также ходить дозорамъ и наблюдать за должною исправностью. 10. Не дозволять ни кому изъ стоящихъ на карауле при дворѣ вымѣнивать; вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать, чтобы въѣзжающимъ на мѣновый дворъ и обратно съѣзжающимъ оттуда Киргизамъ и прочимъ иновѣрцамъ, также Русскимъ купцамъ, никто не чинилъ обидъ безъ причины. 11. Съ фланговъ приказать смотрѣть, что бы въ Киргизскій кошъ ни кто изъ купцовъ и изъ другихъ людей съ товаромъ и безъ товара не ходилъ и не ѣздилъ. 12. Торговцевъ съ калачами, квасомъ и прочими харчевыми припасами, не впускать во дворъ, а велѣть имъ садиться внѣ мѣноваго двора, рядомъ съ кабакомъ и съ харчевниками, гдѣ

будетъ приказано отъ Таможни. 13. Слѣдить за случающимися на мѣновомъ дворѣ мошенниками, и если случится поймать кого либо изъ нихъ, то представлять въ Таможню. 14. Ссыльныхъ (кромѣ работныхъ) ни подъ какимъ видомъ на мѣновой дворъ не пропускать и приказывать смотрѣть за этимъ часовымъ, стоящимъ при воротахъ. Караульнымъ Офицерамъ не обижать Русскихъ купцовъ, тѣмъ болѣе Азіатцевъ; если же Офицеры замѣтятъ что либо къ пользѣ Высочайшаго интереса Ея Императорскаго Величества, то по присяжной должности тотчасъ же доносить Директору Таможни, или объявить въ Таможню.

Впрочемъ памятовать указъ 1724 года блаженной памяти Петра I-го и не объявлять ни кому того, что должно быть хранимо въ тайнѣ (*).

Обозрѣвъ такимъ образомъ въ короткихъ словахъ состояніе торга въ Оренбургѣ до 1763 года, обратимся назадъ и взглянемъ на положеніе Киргизовъ. Послѣ 1750 года Нурали Ханъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, перемѣнилъ обращеніе свое съ Начальствомъ, и дѣлалъ

(*) Эта же самая инструкція съ тою разницею, что она дана была не отъ имени Директора Таможни, а отъ лица самаго Губернатора (Тайнаго Совѣтника Князя Путятина) повторена была и въ 1765 г. (31 Мая) вслѣдствіе безпорядковъ не прекращавшихся на мѣновомъ дворѣ. Также (31 Мая) снова объявленъ былъ Азіатцамъ листъ 1763 г.

всякаго рода уступки. Неплюевъ и Тевкелевъ съ своей стороны старались ласками и возможными снисхожденіями утвердить его въ этихъ благопріятныхъ чувствахъ (*). Между тѣмъ прошелъ уже годъ, какъ старшій сынъ его, Пирали, содержался аманатомъ и прбилижалось время смѣнить его; Нурали самъ вызвался ѣхать въ Оренбургъ, для свиданія и переговоровъ и просилъ только назначить ему время. Тевкелевъ, который управлялъ тогда дѣлами за отсутствіемъ Неплюева, отправившагося въ С. Петербургъ, сперва просилъ Хана обождать Губернатора, который долженъ былъ возвратиться къ концу уразы, но какъ отпускъ Неплюева былъ отсроченъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ, то Тевкелевъ (Іюня 26 дня 1751 года) писалъ Нуралію, чтобъ онъ пріѣзжалъ, когда ему будетъ угодно, для смѣны Пиралія другимъ сыномъ своимъ или же сыномъ Иралія, и взялъ бы съ собою въ Оренбургъ не только братьевъ, но даже и Старшинъ, и что чѣмъ больше пріѣдетъ ихъ, тѣмъ для Правительства нашего будетъ это пріятнѣе. Пріѣздъ Нуралія дѣйствительно

(*) Такъ Дундукъ Даши, намѣстникъ Ханства Калмыцкаго, по требованію Начальства, возвратилъ Нуралію лошадей, отогнатыхъ Калмыками у Киргизовъ въ то время, какъ табуны ихъ находились по сю сторону Яика. Тевкелевъ, по просьбѣ Хана и брата его Иралія, хлопоталъ о возвращеніи на родину сына знатнаго Старшины Бахтыбая, Давлетбая, который находился солдатомъ въ С. Петербургѣ.

состоялся. Ханъ прибылъ не только со множествомъ Старшинъ и народа, но даже съ матерью своею Пупай Ханьшею, и провелъ съ Тевкевлевымъ цѣлый мѣсяцъ (отъ 8 Іюля по 7 Августа). Свиданіе это не имѣло ни какихъ важныхъ послѣдствій и ограничилось одною смѣною Пиралія другимъ сыномъ Хана Мухаммедъ-Али-Султаномъ.

Въ Августѣ Нурали со всею свитою, осыпанный подарками (*), возвратился въ степь, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ираліемъ прокочевалъ зиму ниже Каракума. Орда же его кочевьями своими расположилась подлѣ рѣки Яика »начавъ сверху отъ Илецкой станицы противъ Иртецкаго форпоста, а ниже Яицкаго городка разстояніемъ верстахъ въ 30, до самаго моря«.

Табуны Киргизскіе паслись на внутренней сторонѣ, а верблюды, коровы и овцы оставались подлѣ Яика, у самыхъ кибитокъ. Такое близкое сосѣдство съ линіей ко-

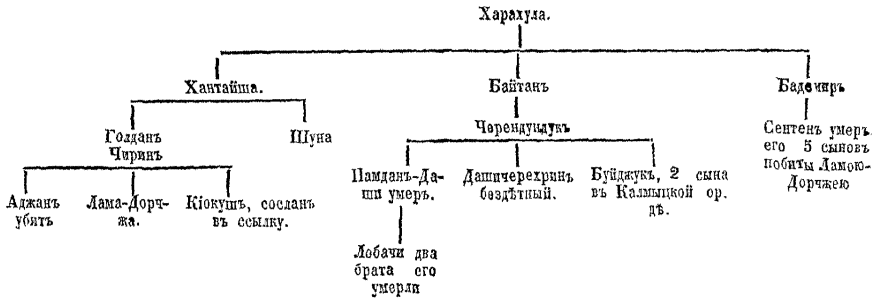
(*) На подарки Хану, содержаніе аманатовъ, и вообще на Киргизъ-Кайсацкіе расходы, по штату Оренбургской губерніи, утвержденному Сенатомъ »до будущаго разсмотрѣнія« разрѣшено было употреблять до 1500 рублей въ годъ. Между тѣмъ въ 1748, 1749 и 1750 годахъ, по указамъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, издержано было болѣе этой суммы и потребовалось еще на Хивинскіе расходы, на которые по штату ни чего небыло положено. По этому въ 1752 году Сенатъ въ Іюнѣ по представленію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ дозволилъ Оренбургскому Губернатору на заграничные расходы издерживать въ годъ 3000 рублей; а если бы потребовалось болѣе, то онъ обязанъ былъ доносить Сенату и ожидать разрѣшенія.

нечно не могло обойтись безъ споровъ и несогласій между Кайсаками и Яицкими казаками; къ тому же въ степи, къ концу зимы оказался недостатокъ въ кормѣ: тебеневка была плохая, такъ что верблюды, овцы и коровы немогли пробивать ледяной коры, образовавшейся отъ ранней оттепели и потому голодали. Киргизы, чтобъ прокормить ихъ, валили во множествѣ лѣсъ, росшій по берегамъ Яика, и травили сѣно у форпостныхъ казаковъ, пригоняя ночью къ стогамъ ихъ весь свой скотъ. Правда у нижнихъ форпостовъ Айчувакъ Султанъ обязывалъ за это Киргизовъ платою, а у верхнихъ—нѣкоторые изъ Ордынцевъ, кочевавшихъ около Яицкаго городка, добровольно отплачивались баранами или жеребятами; но большая часть Кайсаковъ безнаказанно травила сѣно, и за тѣмъ откочевывала вдаль; случалось даже, что когда казаки хватали Киргиза на самомъ воровствѣ, то сотоварищи его бросались къ нему на помощь и освобождали его. Казаки съ своей стороны, мстя Киргизамъ за обиды, нападали на нихъ за одно съ Калмыками, угоняли скотъ, и даже покушались на убійства (письмо Айчувака Тевкелеву, полученное 10 Марта 1753 года) Такія ссоры и несогласія заставили наконецъ Яицкое войско просить Оренбургскую Губернскую Канцелярію объявить Киргизамъ, чтобъ они на будущее время кочевали вмѣстѣ съ мелкимъ скотомъ, всегда по степнымъ рѣчькамъ вдали отъ Яика (табуны же могли по желанію ихъ оставаться на внутренней сторонѣ) и не валили бы

лѣса, котораго и безъ того мало противъ форпостовъ, (донесеніе 3 Февраля 1753 года). Между тѣмъ главное Начальство смотрѣло на этотъ предметъ иначе. Запретить Киргизамъ кочевать по Яику значило препятствовать сближенію ихъ съ Русскими, и утратить часть пріобрѣтеннаго надъ ними вліянія; Яицкому войску отказали въ его просьбѣ; велѣно было только отправить нарочнаго въ степь взыскать съ виновныхъ чрезъ Айчувакъ Султана плату за потравленное сѣно и строго наблюдать, чтобы Киргизы не рубили ни чего, кромѣ валежника и сухаго лѣса на дрова (указъ Оренбургской Губернской Канцеляріи 16 Марта 1753 года).

Здѣсь мы остановимъ разсказъ нашъ о Киргизахъ Малой Орды, и обратимся къ Средней, которая около этого времени вошла въ ближайшія сношенія съ Правительствомъ и привлекла его вниманіе. Причиною тому были важные перевороты, совершавшіеся въ Чжунгарскомъ Государствѣ. Галданъ Церынъ, умирая, (въ 1745 году) оставилъ по себѣ трехъ сыновей, двухъ законныхъ: Цеванъ-Дорчжи-Нямгала (Печанъ-Чаганъ, Аджанъ) и Кюкуша и одного не законнаго Ламо-Дарчжу, прижитаго имъ отъ наложницы Бурупкаго рода, бывшей служанкою жены его (*). По смерти Галдана, на мѣсто его былъ

(*) Для большей полноты разсказа считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь родословную Чжунгарскихъ владѣльцевъ, составленную, Кацитаномъ Яко-



За вѣрность этой родословной нельзя ручаться, она во многомъ противорѣчитъ извѣстному намъ по этому предмету изъ другихъ источниковъ.

возведенъ старшій сынъ его Цеванъ-Дорчжи, который и владѣлъ пять лѣтъ. Лама-Дорчжа, получившій отъ отца не большой удѣлъ (кибитокъ со сто) недовольный своимъ униженіемъ, согласился съ Саинъ-Болокомъ, (Саинъ-Белекомъ), за одно съ нимъ убилъ Цеванъ Дорчжу и захватилъ въ руки свои власть въ Маѣ 1750 года. Первымъ дѣломъ Лама-Дорчжи по вступленіи на престолъ было оградить себя со стороны родныхъ покойнаго владѣльца, изъ которыхъ каждый могъ предъявить права свои, и стать во главѣ опасной для него партіи. Самое легкое и удобное средство, конечно состояло въ убійствахъ и притѣсненіяхъ. Онъ не замедлилъ къ нем у прибѣгнуть. Кіокула онъ ослѣпилъ и сослалъ; пятерыхъ дѣтей Бодемира умертвилъ; сверхъ того многіе другіе подверглись той же участи, и родственникъ Даваціи, владѣлецъ Даши-Дава, былъ сосланъ. Но и этимъ Лама Дорчжа не успокоился; боясь найти враговъ въ рядахъ вельможъ своихъ, онъ смѣнилъ по всему государству всѣхъ старыхъ Цзайсановъ, и посадилъ на мѣсто ихъ новыхъ и молодыхъ. Такія жестокія мѣры безъ всякаго сомнѣнія повели бы его тотчасъ къ погибели, еслибъ онъ не съумѣлъ снискать любви и довѣрія простаго народа, который сталъ защитникомъ его незаконной власти »и весьма усилился

влевымъ, со словъ выбѣжавшаго изъ Чжунгаріи, жившаго тамъ при Даваціи Самданъ Цембеля.

потому что любимъ подлому Калмыцкому народу« показаніе Самтанъ Ценбеля).

На время спокойствіе и тишина водворились въ Чжуньгаріи, но это проодолжалось не долго: смуты и несогласія не замедлили явиться предвѣстниками скорой не минуемой гибели; все государство какъ бы распалось на три части; изъ нихъ одна только осталась при Ламѣ Дорчжѣ, другая откочевала къ Китаю, а третія къ Сибирской сторонѣ, къ рѣкѣ Иртышу (*) (показаніе Матвѣя Арапова, посланнаго къ Нуралію въ Апрѣлѣ 1752 года) Тогда владѣлецъ рѣшился прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ жестокости: Даваціи, остававшійся ближайшимъ законнымъ наслѣдникомъ, и можетъ быть дѣйствительно домогавшійся престола, казался ему соперникомъ опаснымъ и онъ замыслилъ умертвить его. Встревоженный Даваци, вмѣстѣ съ племянниками своими (дѣтьми двоюродной сестры его дочери Хонъ-Тайдзія, которая была за мужемъ тогда за Джалбаемъ, Амурсаною (Амурсанянъ) и Даньч-

(*) Такое извѣстіе не могло не порадовать Киргизовъ Средней Орды: имъ представлялся случай отомстить врагамъ своимъ за всѣ прежнія обиды и притѣсненія. Найманы и Гиреевцы хотѣли тотчасъ же ѣхать на Чжуньгаровъ »для воровства« и остановились только по совѣту прочихъ родовъ, которые, страшась одного имени Чжуньгаровъ, просили обождать, пока извѣстіе не сдѣлается достовѣрнымъ. Для этого Старшина Ходжа Берганъ послалъ нарочныхъ, которые подъ вымышленнымъ предлогомъ должны были освѣдомиться о настоящемъ положеніи Чжунгаровъ (показаніе Арапова Апрѣля мѣсяца 1752 года).

журомъ (Байнджуръ), вознамѣрился удалиться къ Сибирской границѣ, гдѣ онъ и прежде имѣлъ свое пребываніе; но едва стали они откочевывать съ улусами, какъ напало на нихъ высланное Лама Дорчжею войско, и завязалась упорная драка; наконецъ Даваци, и племянники его, видя себя не въ силахъ устоять противъ напора враговъ, бѣжали къ Киргизамъ Средней Орды, со многими приверженцами, и покинули улусы свои на произволъ судьбы. Непріятели раззорили ихъ въ корень: тѣхъ только людей, которые остались въ живыхъ, распредѣлили по другимъ разнымъ улусамъ. У Давація было 5 т. кибитокъ, у Амурсяна тысяча, у Баньчжура 900 кибитокъ (показ. Самтана Цепбеля) Старшина Бика съ 100 человѣкъ, гнался было за бѣглецами, по приказанію владѣльца, но услышавъ, что они добрались уже до кочевокъ Киргизовъ, возвратился (показ. Башкирскихъ Старшинъ Исая Тахтагулова, Янаева и другихъ отъ 18 Іюня 1752 г).

Положеніе Даваци и его племянниковъ было отчаянное: всѣ надежды свои они возлагали теперь на помощь, которую могли оказать имъ Киргизы по ненависти къ Чжуньгарамъ, и по желанію отомстить имъ. Расчетъ этотъ былъ довольно вѣрный. Князья, какъ и слѣдовало ожидать, получили пріемъ съ виду радушый. Они выѣхали въ степь осенью 1751 года, и съ честью были приняты въ Баклы Гирейскомъ роду Киргизами: Дусумбекомъ, Умиромъ, Казибергановъ и Каипомъ. Ставка ихъ сдѣлалась вскорѣ убѣжищемъ недовольныхъ Лама Дорчжею,

которые, надѣясь на счастливый переворотъ въ судьбѣ ихъ, смотрѣли на Давація, какъ на будущаго своего владѣльца. Весною 1752 г. выбѣжало къ нему сперва 13 Старшинъ, потомъ 4 человѣка, и наконецъ еще 6; въ слѣдъ за ними пришла одна женщина, которая вмѣстѣ съ помянутыми 13 Старшинами, стала отъ имени приверженцовъ его, оставшихся въ Чжуньгаріи, увѣщевать Давація дать имъ знать »нашелъ ли онъ себѣ мѣсто«, потому что они не хотятъ быть подъ властью настоящаго незаконнаго владѣльца; говоря ему: въ заключеніе »если онъ, Лобача, въ Киргизъ-Кайсакахъ владѣльцемъ будетъ, то прислалъ на выручку ихъ до 1000 чел. Киргизовъ, чего они и будутъ ждать чрезъ три мѣсяца«.

Эти слова, согласныя съ мыслями и желаніями Давація, не могли не произвести на него впечатлѣнія. Благоразуміемъ и щедростью какъ онъ, такъ и Амурсана и Баньчжуръ, успѣли уже внушить къ себѣ довѣріе и любовь въ окружавшихъ ихъ людяхъ; всѣ подарки, которые имъ приносились, они хотя и принимали, но раздавали тотчасъ же другимъ; сами же отъ Киргизовъ ни чего не требовали; чрезъ это они возбудили къ себѣ справедливое участіе народа. Въ настоящее время, они были въ правѣ думать, что требованіе помощи не будетъ отвергнуто. Ласкаясь такой надеждою, Давацы немедленно обратился къ Киргизамъ съ просьбою вооружить 1000 или 1500 человѣкъ, съ которыми онъ бы могъ перевесть къ себѣ въ степь приверженныхъ ему Калмыковъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ двухъ человѣкъ къ Аб-

лай Султану, требуя также отъ него разрѣшенія, оставаться ли на мѣстѣ, или ѣхать къ нему для свиданія

Между тѣмъ хитрый Аблай успѣлъ принять должныя мѣры предосторожности; ненавидя Чжунгаровъ, онъ радовался произшедшимъ у нихъ смутамъ и безпорядкамъ. Пріѣздъ Давація въ Орду преставилъ ему случай продлить ихъ, а современемъ можетъ быть, и употребить въ свою пользу. Однако вступать тотчасъ же прямо въ открытую борьбу съ Чжунгарами казалось ему опаснымъ; онъ зналъ, что Лама Дорчжа, еще могущественный, не замедлитъ потребовать выдачи бѣглыхъ Князей, а въ случаѣ отказа напасть на него съ оружіемъ въ рукахъ. Боясь не равной борьбы, Аблай рѣшился предупредить его; онъ отправилъ къ Дорчжѣ двухъ Киргизовъ, и велѣлъ сказать владѣльцу, что Давацп съ товарищами прибылъ Орду, самъ, а не по чьему призыву, и что по этому Чжунгарамъ не слѣдуетъ имѣть подозрѣнія ни на него Аблая, ни на прочихъ Киргизовъ, изъ которыхъ ни одинъ не желаетъ заводить вражды и несогласія изъ за Давація. Обезопасивъ себя нѣкоторымъ образомъ со стороны Лама Дарчжи, Аблай сталъ теперь принимать болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ. Посланныхъ Давація онъ принялъ ласково, подарилъ каждому изъ нихъ по лошади, и приказалъ имъ звать его къ себѣ въ Башантинскій родъ; онъ говорилъ даже, что если Князья того пожелаютъ, то онъ опредѣлитъ, согласно съ просьбою самихъ Киргизовъ, Давація главнымъ въ Башантинскомъ

родѣ, Амурсану въ Увакъ Гирейскомъ, а Баньчжура въ Найманскомъ. Но не такъ думали Баклы Гирейцы, которые, полюбивъ Давація, просили его обождать ѣздить къ Аблаю и принять надъ ними главное начальство.

Въ это время прибыли послы Лама Дорчжи. Чжуньгарскій владѣлецъ требовалъ настоятельно у Киргизовъ выдачи Князей. Требованіе это встревожило Аблая. Изъ собственной выгоды, онъ не долженъ былъ выпускать ихъ изъ рукъ своихъ; къ этимъ личнымъ видамъ присоединялось еще, какъ онъ самъ говорилъ, чувство признательности къ Давацію, который оказалъ ему не мало услугъ въ то время, когда онъ жилъ въ плѣну въ Чжуньгаріи; но отказъ Дорчжѣ могъ повлечь за собою пагубныя послѣдствія для Орды, которыхъ Аблай не былъ въ силахъ отвратить безъ помощи остальныхъ Султановъ и Киргизовъ, а въ расположеніи ихъ онъ не былъ еще вполнѣ увѣренъ. Съ этою цѣлью рѣшено было составить общій съѣздъ знатныхъ Старшинъ не только Средней Орды, но даже Большой и Малой, при урочищѣ Улутау. На совѣтъ звали и Нурали Хана, который чрезъ то самое, поставленъ былъ въ непріятное положеніе. Не ѣхать значило какъ бы отказаться отъ участія въ дѣлахъ Средней Орды и утратитъ на нее часть своего вліянія. Съ другой стороны онъ зналъ, что Правительство, встревоженное произшествіями въ Чжуньгаріи (*), съ трудомъ

(*) Указомъ Государственной Военной Коллегіи опредѣлено было умножить въ Сибири нарядъ войска изъ Яицкихъ казаковъ. Указомъ Орен-

согласится отпустить его на Совѣтъ. Въ не рѣшимости своей онъ вздумалъ хитростью выманить у Начальства дозволеніе, и увѣрялъ Тевкелева, что съѣздъ дѣлается для окончанія ссоры его съ дѣтьми Барака и другими Киргизами за убійство Абулъ-Хайра, но хитрость эта не удалась ему. Тевкелевъ отказалъ Нуралію, и Ханъ принужденъ былъ остаться, однако, какъ говорилъ дядя его Аурзатай, пріѣзжавшій въ Оренбургъ, онъ не замедлилъ послать на совѣтъ вмѣсто себя брата своего Прали Султана.

Такое тревожное положеніе Средней Орды должно было конечно имѣть нѣкоторое вліяніе на мѣну нашу въ Троицкѣ, въ 1752 году сравнительно съ прошлымъ годомъ пріѣздъ Киргизовъ въ крѣпость былъ весьма незначителенъ. Правда къ этому временному упадку торга послужило еще одно обстоятельство, съ виду ничтожное, но на самомъ дѣлѣ весьма непріятное для Начальства:

бургской Губернской Канцеляріи (3 Сентября 1752 года) подтверждено было соблюдать по линіи возможную осторожность. Пограничное Начальство полагало отчасти, что побѣгъ Давація и его племянниковъ есть хитрость, употребленная Чжунгарами »къ приглашенію и обольщенію Киргизовъ въ свое намѣреніе« и опасалось, чтобы чрезъ нихъ Кайсаки »не вымыслили чего не сходственно интересамъ Ея Императорскаго Величества«. Съ цѣлію освѣдомиться на мѣстѣ о расположеніи Киргизовъ, отправленъ былъ въ степь казакъ Матвѣи Араповъ, которыи подъ видомъ покупки лошадей долженъ былъ проѣхать сперва къ сыну умершаго Джанбекъ Тархана, Дауду, и свойственнику его знатному Старшинѣ Букенбаи Батырю, и потомъ слѣдовать къ самому Аблаю и даже далѣе (донесеніе Тевкелева Неплюеву 9 Іюля 1752 года).

въ Атачайскій, съ рѣки Ишима (*), прибѣжалъ Русскій-про котораго говорили, что онъ и прежде нѣсколько разъ зимовалъ у Киргизовъ. Человѣкъ этотъ распускалъ вѣсти, будто »не знаетъ на кого, на Калмыковъ или Киргизовъ, вверхъ по Ишиму, изъ Россіи идутъ служилые люди многолюдно и плавятъ запасу на три мѣсяца въ лодкахъ, и на пять человѣкъ по топору имѣютъ. Киргизы, испуганные этимъ извѣстіемъ, опасаясь ѣздить въ Троицкъ; человѣкъ 500, которые собрались было въ путь вмѣстѣ съ Башкирскимъ Старшиною Исаемъ (отправленнымъ въ степь Рейнекампфомъ, Командиромъ Троицкой крѣпости) остались на мѣстѣ; даже тотъ человѣкъ, ко-

(*) Кто былъ этотъ человѣкъ, неизвѣстно. Араповъ въ бытность свою въ степи встрѣтилъ въ улусѣ Аблаи Султана, 20 крестьянъ съ Ишима изъ Кормиповой слободы, про одного изъ нихъ говорили, что онъ Сотникъ и называли его Василіемъ, привезли же они для торга и имѣли при себѣ разные товары, какъ-то черныхъ лисицъ, камки, кожи, Китайскіе котлы, таганы, топоры, ножи, огнивы и прочія мелкія вещи. За все это выменяли они у Киргизовъ 150 лошадей, лисицъ, мерлушки, овчины и другіе товары, которые увезли съ собою на 30 телѣгахъ. Они говорили, что ихъ отпустилъ съ письмомъ къ Аблаю Командиръ ихъ, не называя его впрочемъ по имени. Когда Капитанъ Яковлевъ былъ въ степи, то на обѣдѣ у Янакъ Батыря, гдѣ былъ и Аблаи Султанъ и при немъ Старшины Конджагалинскаго рода Букенбаи Батырь, Аргаганскаго рода двоюродный братъ Янака, Ямашка Батырь и другіе, то Яковлевъ заговорилъ о помянутомъ бѣглецѣ и просилъ его выдать Аблаи согласился въ дѣйствительности самаго факта, говорилъ, что хотя онъ самъ и не видалъ, потому что кочевалъ тогда при урочищѣ Кавчакъ-Тау, однако знаетъ, что по улусамъ, ближнимъ къ крѣпостямъ, ходилъ бѣглецъ и распускалъ слухи, вредные для Русскихъ, но теперь онъ скрылся неизвѣстно куда и представить его нѣтъ возможности.

тораго Аблай послалъ при Исаѣ съ письмомъ въ Троицкъ, отказался ѣхать, и оставилъ у себя письмо, боясь, что бы его не задержали вмѣсто помянутаго бѣглеца. Киргизы, бывшіе уже на дорогѣ въ Троицкъ, возвращались всѣ въ свои улусы (донесеніе Тевкелева Неплюеву 9 Іюля 1752 г.) Наконецъ предположенный Совѣтъ дѣйствительно состоялся въ Средней Ордѣ. На него съѣхалось человѣкъ до 70-ти Старшинъ родовъ: Найманскаго, Увакъ-Гирейскаго и Башинтинскаго. Абулъ-Махмедъ Ханъ по приглашенію прибылъ изъ Туркестана и явился въ этомъ случаѣ, какъ послѣдовало ожидать, жаркимъ защитникомъ Чжунгарскаго владѣльца. Дорожа удѣломъ своимъ, Туркестаномъ, которымъ онъ правилъ, какъ вассалъ Лама Дорчжи, безсильный Абулъ-Махмедъ настаивалъ на выдачѣ Князей и утверждалъ, что отказомъ Киргизы могутъ навлечь на себя страшныя бѣды и несчастія. Слова его не произвели ни какого впечатлѣнія. Всѣ Старшины, во главѣ которыхъ стоялъ Аблай, рѣшили единогласно не выдавать бѣглецовъ, толкуя, что Даваци знатнѣе всѣхъ Князей Чжунгарскихъ и достоинъ всякаго уваженія. Со временемъ, говорили они, онъ больше, нежели настоящій владѣлецъ, можетъ принести пользы Киргизамъ; если же они выдадутъ его, а Даваци останется живъ, и по прежнему усилится, или сдѣлается владѣльцемъ, то мщеніе его будетъ страшнѣе, чѣмъ гнѣвъ Лама Дорчжи. Впрочемъ нельзя несознаться, что подобное рѣшеніе Старшинъ стоило не мало труда

Аблаю: только онъ одинъ, по сильному вліянію своему въ Средней Ордѣ, могъ это сдѣлать. Конечно, многіе Старшины по ненависти къ Чжуньгарамъ были рады случаю отомстить имъ (*) не были то же нѣкоторые, которые изъ частныхъ, выгодъ, или личныхъ опасеній гнѣва Лама Дорчжи готовы были выдать Давація, тѣмъ болѣе, что владѣлецъ дѣйствовалъ хитро. Въ числѣ посланныхъ его былъ жившій при дворѣ его, по доброй волѣ, сынъ одного знатнаго Киргизскаго Старшины Янякъ-Батыря, который пользовался особеннымъ уваженіемъ Лама-Дорчжи, и былъ даже пожалованъ имъ въ Тарханы (показ. Яковлева 3 Декабря 1752 года). Лама чрезъ сына строго приказывалъ отцу выдать бѣглецовъ. Тогда Янанъ съ Старшинами своего рода, Абулъ Махмедъ-Ханъ и еще одинъ знатный Старшина Малай-Сары, составили сильную партію и согласились отдать Давація и его товарищей. Много заботъ и стараній стоило Аблаю разстроить этотъ опасный союзъ, и склонить на свою сторону Яняка, который наконецъ, боясь досадить ему, рѣшился отказаться отъ своей мысли. Даже, чтобы отдалить отъ себя всякое подозрѣніе Султана, онъ разстался съ Малай-Сарыемъ и прикочевалъ ближе къ Аблаю.

(*) Сынъ Джанбека, Даудъ-Тарханъ и Букенбай-Батырь, которые не ѣздили на совѣтъ и даже небыли приглашены, посылали къ Аблаю освѣдомиться о Князьяхъ, и о послѣдствіяхъ съѣзда, и говорили, что они съ своей стороны согласны не выдавать Давація, а въ случаѣ опасности, готовы итти на помощь противъ Чжунгаровъ со Старшинами всѣхъ улусовъ своихъ.

Послы Лама Дорчжи, не смотря на всѣ угрозы, получили отказъ и отпущены были назадъ. Вслѣдъ за ними Аблай, уже увѣренный въ расположеніи Старшинъ, отправилъ и своихъ посланцевъ къ владѣльцу, объявить ему, что Князья выбѣжали въ Орду сами, и что, по обычаямъ Киргизскимъ, выдавать ихъ невозможно, хотябы между Чжуньгарами и Кайсаками произошла изъ того ссора Однако рѣшившись на такой отважный подвигъ, какъ онъ, такъ и Киргизы изъ предосторожности стали откочевывать вдаль отъ Чжунгаріи, и остановились только по извѣстію, которое пришло отъ Телябія, и успокоило ихъ на время —Телябій, знатный Старшина Большой Орды, владѣлъ на правахъ вассала Чжуньгаровъ, Ташкендомъ, и пользовался у нихъ равнымъ уваженіемъ съ Абулъ-Махмедъ-Ханомъ. Лѣтомъ настоящаго года (1752 года) по нѣкоторымъ наговорамъ отъ Киргизовъ, онъ ѣздилъ къ Лама Дорчжѣ, и хотя былъ обласканъ имъ, но не замедлилъ по возвращеніи своемъ, послать къ Аблаю нарочнаго съ просьбою не выдавать Князей. Въ письмѣ своемъ къ Султану, онъ говорилъ, что Даваци имѣетъ многихъ приверженцовъ, и что изъ за него смуты и безпорядки происходятъ внутри самаго владѣнія; 9т: кибитокъ откочевали уже съ однимъ знатнымъ Княземъ къ Китаю; сверхъ того въ Чжунгаріи свирѣпствуетъ голодъ, такъ что имъ Киргизамъ опасаться нечего. Извѣстія эти, казалось, оправдывались на самомъ дѣлѣ; къ Дацію не переставали выбѣгать новыя лица и увѣряли, что

Калмыки прежняго удѣла его ищутъ только случая соединиться съ нимъ. Число окружавшихъ его Калмыковъ увеличивалось съ каждымъ днемъ и наконецъ дошло до 150 чел. такъ что стало уже въ тягость Киргизамъ, обязаннымъ содержать ихъ. Желая облегчить себя, Кайсаки рѣшились было разлучить Князей по разнымъ родамъ, но Даваци, ссылаясь на отчаянное положеніе свое и тѣсную дружбу, связавшую ихъ во дни несчастія, умолялъ Аблая и другихъ Старшинъ оставить ихъ вмѣстѣ. Просьба его была принята и Князьямъ дозволили продолжать жить въ Увакъ-Гирейскомъ роду. При этомъ Увакъ-Гирейцы обязались кормить и содержать ихъ; прочіе же роды взялись снабжать ихъ лошадьми и помогать во всѣхъ нуждахъ. Такое дозволеніе было весьма важно для Даваця; какъ видно, онъ мало довѣрялъ Киргизамъ и угождалъ имъ по не волѣ, чувствуя, что это единственное средство къ спасенію. Правда, до сихъ поръ Даваци еще не могъ жаловаться на Кайсаковъ. Они сдѣлали много, и изъ за него готовили себѣ врага въ опасномъ сосѣдѣ Лама Дорчжѣ; но нельзя было не понять, что все это было совершено изъ однихъ видовъ личной пользы; что Султаны и Старшины смотрѣли на него, какъ на орудіе, которымъ думали, если не искоренить, то покрайней мѣрѣ ослабить соотечественниковъ его, Чжунгаровъ. Малѣйшій неожиданный поводъ могъ съ разу измѣнить судьбу его и погубить его навсегда. Въ этомъ затруднительномъ положеніи все, что оставалось дѣлать тремъ Князьямъ, было

то, чтобы живя *вмѣстѣ* и дружно, окружить себя какъ можно большимъ числомъ приверженцовъ, вывести при первой возможности людей, оставшихся имъ вѣрными въ Чжунгарію, и расположиться съ ними кочевьемъ въ степи Киргизской. Отсюда они могли всегда въ крайнемъ случаѣ пробраться къ Торготамъ, и стать подъ покровительство Русскихъ (*).

Какъ бы то ни было, Давацій не переставалъ ласкаться къ Аблаю и просить у него войска, что бы выручить прежніе свои улысы изъ Чжуньгарскихъ владѣній. По его словамъ, войску не пришлось бы вступать въ драку съ Чжуньгарами, оно бы только приблизилось къ границѣ и помогло принять и вывести оттуда всѣхъ приверженныхъ Калмыковъ. Аблай, видамъ котораго просьба Князя немного соотвѣтствовала (**), согласился исполнить ее. Въ это время выбѣжалъ еще одинъ Цзайсанъ съ 15

(*) Во время пребыванія Арапова въ степи приходилъ къ нему тайкомъ въ кибитку Калмыкъ, какъ видно отъ Давація, пріѣхавшаго тогда къ Аблаю, и распрашивалъ подробно о положеніи Торготовъ: многоли ихъ числомъ? кто у нихъ Ханомъ? и говорилъ, что слышалъ отъ Киргизовъ будто они раззорены и кочуютъ только при рѣкахъ, питаясь одной рыбою. Когда Араповъ успокоилъ его на этотъ счетъ, то Калмыкъ предложилъ ему слѣдующій вопросъ: если Даваци выведетъ изъ Чжуньгаріи прежній удѣлъ свой, и пожелаетъ перейти къ Торготамъ, то можноли ему будетъ пробраться къ нимъ и какими мѣстами?

(*) Мысли Аблая сходились съ мыслію Давація въ томъ, что и Су-

человѣками. Извѣстія, принесенныя имъ, были самыя утѣшительныя для Давація. Подтвердивъ слова всѣхъ бѣглыхъ, что друзей у него много, что нѣкоторые изъ нихъ даже бѣгутъ къ нему, но не могутъ добраться, не зная, гдѣ онъ кочуетъ, Цзайсанъ просилъ Давація, отъ имени роднаго брата его, поспѣшить наборомъ войска среди Киргизовъ и притти взять свои улусы. Должно замѣтить что у Давація оставался братъ въ Чжуньгаріи Хитрый Дорчжа опасался, чтобъ онъ не соединился съ Даваціемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся умертвить его, что могло произвести слишкомъ дурное впечатлѣніе на бывшіе улусы Даваціевы, въ преданности которыхъ онъ весьма сомнѣвался. Пріискивая средства удержать его въ своихъ рукахъ, Лама Дорчжа нашелъ лучшимъ обласкать его, осыпать милостями и передать въ его Управленіе все, чѣмъ владѣлъ Давацій. Но такое поведеніе не принесло пользы владѣльцу. Братъ Давація, наружно показывая видъ усердія и преданности, искалъ только случая отстать отъ Дорчжи и теперь вступилъ въ сношенія съ братомъ. Это извѣстіе еще болѣе утвердило Давація въ его мысляхъ. У Аблая и у прочихъ Старшинъ онъ сталъ

тамъ признавалъ необходимымъ вывести изъ Чжуньгаріи весь прежній удѣлъ Князей. Онъ надѣялся, кажется, удержать его навсегда въ степи и образовать отдѣльныя передовои улусъ, которыи бы изъ своей собственной выгоды защищалъ Киргизовъ отъ нападеній Чжуньгаровъ и даже при случаѣ самъ раззорялъ ихъ.

настойчивѣе просить вооруженныхъ людей. Людямъ, говорилъ онъ, стоило только подъѣхать къ Чжуньгарскимъ улусамъ его и подослать туда тайно человѣка, то всѣ они съ радостью перейдутъ на его сторону. Сверхъ того и готовы соединиться съ нимъ даже находящіеся между ними нѣкогда подвластные ему Сарты т. е. Кашгарцы, Алатайскіе Киргизы и другіе люди, »коихъ изъ завоеванныхъ не мало находится«. Въ заключеніе Даваци обязывался, переведя Калмыковъ своихъ въ степь, кочевать съ ними отдѣльнымъ улусомъ, а остальныхъ людей въ знакъ благодарности уступить въ полное распоряженіе Аблаю. Съ этимъ предложеніемъ онъ самъ ѣздилъ къ Султану и Аблай рѣшился помочь ему: по всѣмъ улусамъ Средней Орды онъ разослалъ печати свои и велѣлъ Киргизамъ собираться къ опредѣленному времени къ урочищу Баянъ-ула, лежащему недалеко отъ Семипалатинской крѣпости.

Казалось, сильная гроза предстояла Лама Дорчжѣ. Онъ долженъ былъ войти въ столкновеніе съ цѣлымъ полчищемъ Ордынцевъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что еще не задолго предъ тѣмъ выступилъ въ походъ противъ него особый отрядъ Киргизовъ, подъ начальствомъ Кабанбай Батыря, и сына Баракъ Султана, Ханбабая. Причины, побудившія ихъ къ тому, были слѣдующія. Въ 1751 г. Лама Дорчжа отправилъ посла, чтобъ отговорить отъ своевольства кочевавшихъ близъ Такшенда вверхъ рѣчки Чиртика Курамацевъ, которыхъ онъ считалъ своими

подданными наравнѣ съ Ташкендцами (рѣчка Чирчикъ, какъ значится въ показаніи Арапова, шла изъ горъ, лежащихъ въ Чжуньгаріи и идучи мимо Ташкенда, пала въ Сыръ-Дарью рѣку). Посолъ, въ бытность свою тамъ, убѣдилъ перейти на Чжуньгарскія земли верхнихъ Каракалпаковъ, жившихъ по той же рѣчкѣ Чирчику, около Туркестана. Каракалпаки эти много терпѣли отъ частыхъ нападеній Киргизовъ, такъ что осталось ихъ всего тысячи три семействъ и послу не трудно было склонить ихъ на свою сторону, обѣщая подъ покровительствомъ Чжуньгаровъ тихую и спокойную жизнь. Весною 1752 г. Дорчжа выслалъ уже нарочнаго Цзайсана при 1000 человѣкахъ съ приказаніемъ принять новыхъ подданныхъ; но на его несчастіе Каракалпаки успѣли перемѣнить намѣреніе. Опасаясь, что бы невѣрные Чжуньгары не заставили ихъ принять идолопоклонство, они отложились и объявили себя по прежнему независимыми. Вслѣдъ за тѣмъ пришло къ нимъ извѣстіе, что Дорчжа отправляетъ противъ нихъ 3000 человѣкъ войска Встревоженные Каракалпаки тотчасъ же послали по близости человѣка къ знатному Старшинѣ Средней Орды Найманъ-Гирейскаго рода Кабанбай-Бытырю объявить ему, что они готовы лучше отдаться на волю Киргизовъ и жить у нихъ въ Ордѣ, чѣмъ быть подданными Чжуньгаровъ. Посланный просилъ Кабанбая какъ можно скорѣе собрать людей и перевести Каракалпаковъ въ степь, гдѣ они станутъ кочевать своимъ улусомъ. Кабанбай съ радостію принялъ

предложеніе и тотчасъ двинулся въ походъ вмѣстѣ съ сыномъ Барака Хабанбаемъ (*).

Такаго рода происшествія въ Средней Ордѣ не могли не тревожить нашего Правительства. Еще прежде, какъ мы видѣли, Тевкелевъ отправилъ Арапова для развѣдыванія о Князьяхъ. Араповъ не успѣлъ пріѣхать и доставить вѣрныхъ свѣдѣній (что бы возвратиться, оставалось ему еще нѣсколько дней), какъ по указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ посланъ былъ нарочнымъ въ Среднюю Орду (23 Сентября 1752 г.) Уфимскаго пѣхотнаго полка Капитанъ Андрей Яковлевъ вмѣстѣ съ переводчиками Ерофѣевымъ и Арасланомъ. Ѣхалъ онъ собственно для того, чтобы предложить Князьямъ выти въ Россію, а въ случаѣ согласія обѣщать имъ съ нашей стороны помощь и защиту. Предложеніе это было расчитано вѣрно: выѣздъ Давація представилъ бы Русскимъ неоспоримое право вмѣшаться (**) въ дѣла Чжуньгаріи; кромѣ того разстроилъ бы замыслы Киргизовъ Средней Орды, которые, содѣйствуя видамъ Аблая, могли при благопріятныхъ обстоятельстахъ овладѣть ближними мѣстами Чжунь-

(*) Всѣ помѣщенныя нами до сихъ поръ извѣстія о Чжуньгарахъ и о Средней Ордѣ заимствованы большею частію изъ показанія Арапова 30 Сентября 1752 года.

(**) Вмѣшательство это было тѣмъ легче для Русскихъ, что на Чжуньгарію можно было дѣйствовать, какъ со стороны Оренбурга, такъ и со стороны Сибири.

карiи, отложиться отъ Русскихъ, только что начинавшихъ пріобрѣтать среди ихъ нѣкоторое вліяніе и сдѣлаться безнаказанными возмутителями своихъ соплеменниковъ въ Малой Ордѣ. Съ Яковлевымъ отправлено было письмо на имя »высокопочтенныхъ Ноіоновъ Лобачи и Амуръ Саяны« съ приглашеніемъ пріѣхать въ Оренбургъ. Самой же поѣздкѣ его приданъ былъ тотъ видъ, будто онъ посланъ къ Аблаю, просить Султана содѣйствовать торгу въ Троицкѣ и оказывать защиту проходящимъ чрезъ его улусы караванамъ Кашгарскимъ, Ташкендскимъ и проч. Предлогъ этотъ былъ тѣмъ болѣе уважителенъ, что еще лѣтомъ нѣсколько Кашгарцевъ на дорогѣ въ Троицкъ много потерпѣли отъ нападеній Киргизовъ Средней Орды, такъ что не рѣшались даже слѣдовать обратно (**).

Яковлевъ на другой день послѣ выѣзда изъ Оренбурга (24 Сентября) встрѣтился съ Араповымъ, который въ разговорѣ объявилъ ему, что Аблай кочуетъ при урочищѣ Кагикъ-Тау, въ шести дняхъ ѣзды отъ Красноярской крѣпости съ Сибирской стороны. Между тѣмъ обстоятельства въ степи измѣнились совершенно и приняли для Киргизовъ оборотъ не совсѣмъ благопріятный. Мы видѣ-

(**) Дѣйствительно на обратномъ пути едва они выѣхали въ степь съ линіи, (по которой для большей безопасности по распоряженію Начальства слѣдовали до Сибирскаго вѣдомства), какъ напали на нихъ Киргизы Средей Орды. Кашгарцы, которыхъ было 96 человѣкъ, защищались

ли, что Аблай собирался итти на выручку улусовъ Давація, и назначилъ даже мѣсто и время съѣзда. Но вскорѣ онъ перемѣнилъ мысль свою, и остался на мѣстѣ. Причины этому достовѣрно не извѣстны. На возвратномъ пути Арапова, ему говорили въ Атагайскомъ родѣ, что Гирейскаго рода Старшина Ходжа-Берганъ Батырь посылалъ нарочныхъ къ Аблаю, чтобъ уговорить его неѣздить къ Чжуньгарской границѣ. Киргизы, писалъ Ходжа Берганъ, хотя и не пойдутъ съ прямымъ намѣреніемъ воевать, однако едва ли будутъ въ силахъ удержаться отъ грабежа и насилія. Чжуньгары, нестолько изъ преданности къ Дорчжѣ, сколько сами для себя, не замедлятъ отомстить имъ, и завяжется борьба, во всякомъ случаѣ опасная для Киргизовъ. Слова эти вѣроятно подѣйствовали на Султана; къ тому же онъ не совсѣмъ довѣрялъ Давацію, хвалившемуся расположеніемъ къ нему прежнихъ его улусовъ, »понеже де онъ Лобача нынѣ и отъ народа нашего имѣетъ опасенія въ томъ, что многая явилась его ложь, и что де онъ сказывалъ не малое число вой-

---

храбро и убили до 15 Киргизовъ, но хищники одолѣли. Они убили двухъ Кашгарцевъ, четверыхъ ранили, и ограбили товаръ на 6000 руб. ассиг., такъ что Кашгарцы принуждены были укрыться въ редутъ, называемый при Дубровѣ, у Преснаго озера (на Сибирской линіи). Киргизы бѣжали съ перваго ружейнаго выстрѣла изъ редута (рапортъ Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 12 Декабря 1752 года).

ска, то де и нынѣ слышно, что какъ его Лобачи, такъ и племянниковъ его Амурсаняны и Байнджура улусы владѣльцемъ Ламой Дорчжею всѣ въ корень раззорены и по другимъ владѣльческимъ улусамъ раздѣлены и тако де нынѣ онъ Лобача ни какой надежды уже не имѣетъ « (Разговоръ Аблая съ Яковлевымъ). Что же касается до Чжуньгаровъ, то они не остались въ бездѣйствіи· Лама Дорчжа, раздосадованный отказомъ Киргизовъ въ выдачѣ Князей и можетъ быть встревоженный слухами о походѣ Аблая, рѣшился предупредить его. Три тысячи Калмыковъ подъ Начальствомъ Саинь—Болока (того самаго, который помогъ Лама—Дорчжѣ беззаконно овладѣть престоломъ) и Шадыра выступили противъ Киргизовъ (*). Два нападенія на Среднюю Орду послѣдовали другъ за другомъ; одно произошло при урочищѣ Улу-Тау и Кчитаю на Ушинскій родъ; другое при урочищѣ Чилянти, гдѣ въ особенности пострадали Найманскіе, Гирейскіе и другіе роды. Множество скота было отогнано, а около 3000 человѣкъ взято въ плѣнъ. Въ числѣ прочихъ захватили Увакъ-Гирейскаго рода знатнаго человѣка Баякъ-Батыря съ сыномъ и Акъ-Найманскаго рода сына знатнаго Азибякъ-Батыря; ихъ тотчасъ же отправили по

(*) Простые Киргизы говорили Яковлеву, что въ главѣ Калмыковъ стоялъ братъ Малай Сары Батыря Кайдяула, который велъ ихъ собственно на Баклы Гирейскій родъ, гдѣ находился Даваци и только ошибкою, но хотя, раззорилъ другіе рода.

почтѣ въ Чжуньгарію, но что съ ними сдѣлалось, неизвѣстно Испуганные Киргизы бѣжали отовсюду въ глубину степи. Днемъ и ночью кочевали они, ни гдѣ не останавливаясь, и бросали на дорогѣ все, что только могло затруднить ихъ. Даваци, какъ главный виновникъ раззоренія, принужденъ былъ, вмѣстѣ съ племянниками и Калмыками (которыхъ находилось при немъ уже человѣкъ 200), ѣхать въ погоню за Чжуньгарами. Къ нему присоединились еще Баклы-Гирейскаго рода Старшины Ходжа-Берганъ, Кочкарбай и Дусумбеть съ братомъ своимъ Умиромъ. По словамъ Аблая, они нагнали вскорѣ Чжуньгаровъ, побили изъ нихъ 200 человѣкъ, возвратили нѣсколько плѣнныхъ и отогнатаго скота и остановились близь Чжуньгарскихъ границъ, при урочищѣ Баянъ-Тау (это урочище находилось на разстояніи мѣсяца скорой ѣзды отъ урочища Аракарагая, гдѣ кочевалъ Аблай и въ 15 дняхъ ѣзды отъ урочища Абрали Тау, за которымъ не вдалекѣ начинались уже Чжуньгарскіе улусы). Впрочемъ слова эти не заслуживаютъ полнаго довѣрія. Что Лобача приблизился къ Чжуньгаріи и можетъ быть къ урочищу Баянъ-Тау, несомнѣнно: но едва ли успѣлъ онъ, какъ говорилъ Аблай, нагнать и побить Калмыковъ. По крайней мѣрѣ сами Киргизы и находившіеся въ Ордѣ плѣнные Башкиры утверждали, что извѣстія эти ложны. Слухи объ успѣхахъ оружія Давація, вѣроятно распущены были хитрымъ Султаномъ съ цѣлью успокоить умы подвластныхъ ему Ордынцевъ. Встрево-

женные прежними нападеніями, они ждали новыхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Чжуньгаріи. Киргизы, которымъ удалось бѣжать оттуда, объявляли, что Лама Дорчжа намѣренъ требовать чрезъ плѣнныхъ выдачи Давація, а въ случаѣ отказа продолжать свои нападенія. Носились вѣсти, что Калмыки уже выступили въ походъ и самъ Аблай утверждалъ, что ихъ шло болѣе тридцати тысячь. Страхъ до того овладѣлъ Киргизами, что за рѣками Тоболомъ и Убагою не оставалось ни души на зимнихъ кочевкахъ: все пространство за Убагою и часть степи между Тоболомъ и Тагузакомъ (которая впадаетъ въ Уй ниже Каракульской крѣпости, а имѣетъ вершины не далеко отъ Уклыкарагайской крѣпости) была выжжена. Вся средняя Орда откочевала на эту сторону Тагузака; одинъ только Баклы-Гирейскій родъ, гдѣ жили Даваци и его племянники, остался со Старшиною Ходжей Берганомъ зимовать по рѣкѣ Иртышу, при устьѣ Ишима только нѣкоторые Киргизы показывали будто этотъ родъ кочевалъ при устьѣ Убаги противъ Бакланской крѣпости). Надѣясь на силу Русскихъ крѣпостей, многіе Біи стали обращаться къ Начальству съ просьбами разрѣшить имъ зимовать при линіи. Даудъ Тарханъ. извѣщая Тевкелева о нападеніяхъ Чжуньгаровъ, просилъ дозволенія прикочевать къ Уйской линіи (письмо къ Тевкелеву, полученное 20 Сентября 1752 года (*). Старшина Кулсары,

(*) Просьба его была исполнена и приказъ объ этомъ по нижней и верхней дистанціямъ Уйской линіи отданъ былъ 27 Октября 1752 года.

который кочевалъ по Тоболу, пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ Киргизовъ и самаго Аблая и почитался даже у нихъ святымъ (ауліа), Куляка-Батырь и Алимбеть-Батырь обращались къ Яковлеву съ просьбою дозволить имъ прозимовать по Ую близь крѣпостей Каракульской и Крутоярской. Наконецъ самъ Аблай говорилъ Яковлеву, неможетъ ли онъ исходатайствовать для него разрѣшенія кочевать по Ую.

Въ такомъ критическомъ положеніи Средней Орды, когда Даваци и его племянники находились одни вблизи враговъ и почти въ рукахъ ихъ, когда сами Киргизы день ото дня опасались новаго нападенія со стороны Чжуньгаровъ, Аблаю оставалось выбирать одно изъ двухъ средствъ: или предать на произволъ судьбы Давація и

Даудъ Тархану съ улусами дозволено приблизиться къ линіи на разстояніе одного кочевья съ тѣмъ, чтобы не производить никакихъ безпорядковъ и не перепускать подвластныхъ своихъ ни чрезъ Уй, ни чрезъ Тоболъ, на внутреннюю сторону. Начальникамъ дистанцій дозволено разрѣшать на томъ же основаніи кочевье при линіи и прочимъ Киргизамъ, которые пожелаютъ, но не иначе какъ взыскивая напередъ аманатовъ изъ дѣтей лучшихъ людей, не менѣе двухъ съ каждаго улуса. Это дозволеніе Киргизамъ кочевать вблизи линіи кромѣ того, что могло сблизить ихъ съ Русскими, было полезно еще въ томъ отношеніи, что доставляло случай нашимъ плѣннымъ большею частью изъ Башкировъ, выбѣгать въ Россію Ожиданія эти оправдывались на самомъ дѣлѣ: когда Средняя Орда приблизилась къ линіи, то ихъ вдругъ выбѣжало большихъ и малыхъ 79 человѣкъ (рапортъ Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 12 Декабря 1752 года) Изъ нихъ одна Башкирка вывела даже съ собою мужа изъ Киргизовъ (рапортъ Премiеръ-Маіора Петрашевича въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію отъ 2 Ноября 1752 года).

спокойно ожидать къ себѣ непріятелей, или же двинуться на встрѣчу имъ и загладить первыя неудачи. Аблай рѣшился на послѣднее. Яковлевъ 13 Октября засталъ его за рѣкою Тоболомъ при урочищѣ Аракарагаѣ въ твердомъ намѣреніи выступить въ походъ съ началомъ новаго мѣсяца. Для этого, 17 Октября, Султанъ отъѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ крайнимъ Киргизскимъ улусамъ, кочевавшимъ по рѣкѣ Убагѣ. Здѣсь уже собрано было 300 вооруженныхъ людей. Вся степь начинала по немногу принимать воинственный видъ; Киргизы отовсюду выступали въ походъ, и ждали только пріѣзда Аблая съ Япкомъ. Даудъ Тарханъ и Букенбай Батырь, съ которыми положено было съѣхаться на рѣкѣ Тургаѣ, писали, что они съ людьми своими уже двинулись въ путь. Съ какою именно цѣлью шелъ Аблай на Чжуньгаровъ, трудно сказать; не извѣстно хотѣлъ ли онъ вступить съ ними въ открытый бой, или же возобновить мирный договоръ, заключенный имъ при Галданъ-Церынѣ (*). Старшина Япякъ говорилъ Яковлеву, что при настоящемъ раззореніи Кайсаковъ, всякая неудача можетъ быть гибельна для нихъ, и что по этому Киргизы не йдутъ сражаться, а только приближатся къ Чжуньгарскому войску, предложатъ возобновленіе Галдановскаго мира, и потребуютъ возвращенія плѣнныхъ и отогнаннаго скота. Съ своей же

(*) Договоръ этотъ былъ заключенъ по освобожденіи Аблая, бывшаго въ плѣну у Чжуньгаровъ, стараніемъ Капитана Миллера. Галданъ обязался впредь не заводить ни какой ссоры съ Киргизами.

стороны они обяжутся выдать Давація и его племянниковъ, однако съ условіемъ, что бы Чжуньгары не умертвили ихъ, а на противъ приняли съ честью и возвратили имъ прежніе ихъ улусы. Впрочемъ словамъ Япяка трудно довѣрять: онъ былъ человѣкъ, расположенный къ Ламѣ Дорчжѣ и даже не скрывалъ своей преданности (и я де до того не допущу, чтобы съ Калмыками въ войну вступить, ибо де Чжуньгарской Ханъ ко мнѣ очень милостивъ). Что же касается до Аблая онъ едва либы согласился выдать Давація: это прямо противорѣчило его видамъ.

Но такъ, или иначе походъ уже былъ назначенъ и Султанъ твердо рѣшился болѣе не отлагать его. Яковлевъ тщетно уговаривалъ Аблая и другихъ Старшинъ не ѣздить въ походъ, а послать нарочныхъ и возвратить Князей, которыхъ бы онъ доставилъ согласно требованію Правительства въ Оренбургъ. Тогда, говорилъ онъ имъ, обстоятельства примутъ другой оборотъ. Даваци найдетъ въ Русскихъ вѣрныхъ защитниковъ, и Чжуньгары, видя въ какой мѣрѣ Правительство принимаетъ участіе въ дѣлахъ, не посмѣютъ тревожить болѣе Ордынцевъ; но не такъ думалъ Султанъ Боясь утратить всякое вліяніе на происшествія въ Чжуньгаріи, въ особеноости опасаясь посредничества Русскихъ, которое онъ считалъ вреднымъ для независимости степи, Султанъ съ явнымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на предложеніе Князьямъ ѣхать въ Оренбургъ, и старался всячески отклонить Яковлева. На-

конецъ, чувствуя себя не въ силахъ разувѣрить его, онъ самъ вызвался исполнить требованіе Начальства и при первомъ свиданіи съ Даваціемъ объявить ему о сдѣланномъ приглашеніи. Яковлеву предоставилъ онъ на выборъ: слѣдовать ли вмѣстѣ съ войскомъ къ Чжуньгаріи, или же ѣхать обратно въ Оренбургъ, откуда, если пожелаетъ того Тевкелевъ, онъ можетъ снова прибыть въ степь по окончаніи похода и взять съ собою Князей. Посланный нашъ, не имѣвшій прямыхъ предписаній слѣдовать всюду за Аблаемъ, избралъ послѣднее. Къ тому же онъ опасался, чтобы присутствіе въ войскѣ Русскаго Офицера не имѣло дурнаго вліянія на дѣла, хотя сами Киргизы и увѣряли, что Чжуньгары отъ одного слуха объ этомъ обратятся въ бѣгство. 27 Октября Яковлевъ разстался съ Султаномъ и отправился въ Оренбургъ, куда и прибылъ 21 Ноября. Между прочимъ онъ привезъ съ собою письма отъ Кулсарыя и Куляка, которые, изъявляя преданность Русскимъ, брались передать Начальству Давація, Амурсяну и Баиньчжура. Вызовъ Старшинъ не могъ не обратить на себя вниманія Правительства. По первову пути, 13 Мая 1753 года, отправленъ былъ Тевкелевымъ въ степь Матвѣй Араповъ съ письмами къ Аблаю, Кулсарыю и Кулякѣ, чтобы напомнить о данномъ словѣ. Независимо отъ того Араповъ обязанъ былъ всячески ласками и обѣщаніями уговаривать Давація и его племянниковъ выѣхать въ одну изъ крѣпостей, лежащихъ

по Уйской линіи (*) откуда тамошнему Командиру Ренненкампфу предписано уже было доставить ихъ съ должною почестью въ Оренбургъ чрезъ Башкирію (но отнюдь не по линіи). Еслибы Арапову даже случилось замѣтить, что Князья пріобрѣли силу и вѣсъ въ степи (что конечно могло служить препятствіемъ къ ихъ выѣзду), то онъ долженъ былъ принять всѣ средства къ убѣжденію Князей просить убѣжища въ Россіи. Сверхъ того въ инструкціи, данной Арапову, Тевкелекъ предписывалъ собрать свѣдѣнія о состояніи Чжуньгаровъ, но самому ни подъ какимъ видомъ не приближаться къ ихъ границамъ, даже еслибы Князей не было еще въ Киргизскихъ улусахъ. Равнымъ образомъ онъ приказывалъ ему узнать, нѣтъ ли въ степи посланцевъ отъ Лама Дорчжи, а если есть, то слѣдить за ними—и остерегаться, чтобы они не вызвали къ себѣ Давація, однако при всемъ томъ отнюдь не вступать съ ними въ переговоры, въ особенности же не объявлять имъ причины пребыванія своего въ степи.

Поѣздка Арапова оказалась отчасти безполезною. Дѣла въ Средней Ордѣ и отношенія ея къ Чжуньгарамъ измѣнились совершенно неожиданно, и извѣстія объ этомъ пришли въ Оренбургъ только позже, въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

(*) Ѣхать съ ними степью до крѣпости могъ самъ Араповъ, впрочемъ, если бы Князья не захотѣли ему ввѣриться, а пожелали имѣть офицера съ письмомъ отъ Тевкелева, то Араповъ нимало не медля долженъ былъ возвратиться, и дать знать объ этомъ въ Оренбургѣ, условясь напередъ съ Князьями, какъ и куда пріѣзжать за ними.

Аблай выступилъ въ походъ. Долго не было о немъ ни какихъ вѣрныхъ слуховъ, Киргизы начинали уже безпокоиться и степь наполнялась вѣстями о неудачахъ Аблая и о новомъ нападеніи Чжуньгаровъ. 29 Марта 1753 года Атагайскаго рода Старшины Кулсары и Куляка Батырь (кочевавшіе по данному имъ разрѣшенію близь самой линіи) прибыли въ Троицкъ съ просьбою перепустить ихъ въ случаѣ опасности внутрь Россіи (рапортъ Ренненкампфа въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію 31 Марта 1753 года (*) Вслѣдъ за тѣмъ тотъ же Куляка Батырь и Гирейскаго рода Бекберды пріѣзжали въ Троицкъ и говорили, будто Аблай отступаетъ, а за нимъ

(*) Въ тоже время они обратились съ довольно замѣчательною просьбою, они желали, чтобъ имъ отвели на зарѣчной сторонѣ въ удобныхъ для поселенія мѣстахъ особые участки земли на каждый родъ Здѣсь они стали бы селиться и строиться, впрочемъ съ условіемъ, чтобы участки непереходили изъ одного рода въ другой, а оставались бы постоянно во владѣніи того же самаго рода Они говорили даже, что пошлютъ нарочныхъ съ этою просьбою въ Оренбургъ, какъ только переговорятъ съ Аблаемъ, которыи самъ по возвращеніи своемъ непремѣнно будетъ для этого въ Троицкѣ (рапортъ Ренненкампфа въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію 31 Марта 1753 года). Тевкелевъ (указъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи Ренненкампфу 28 Апрѣля 1753 года) требовалъ, чтобы Киргизы написали формальную просьбу на имя Ея Императорскаго Величества съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ причинъ и ожидаемыхъ выгодъ Аблая въ случаѣ пріѣзда въ Троицкъ предписано принять со всею почестью и въ разговорахъ внушить ему не обходимость выдачи Русскимъ Князей, равнымъ образомъ освобожденія плѣнныхъ и свободнаго пропуска каравановъ.

идетъ Чжуньгарское войско. Наконецъ выбѣжавшая изъ плѣну изъ Башантинскаго рода одна Башкирка показала 8 Мая 1753 года, что Аблай Султанъ прислалъ къ Киргизамъ, кочующимъ на Тоболѣ при устьѣ рѣки Ка ята, двухъ человѣкъ Малтай Найманскаго рода, съ приказаніемъ немедленно ѣхать къ нему на встрѣчу верхомъ, а скотъ, женъ и дѣтей проводить къ рѣкѣ Ори. Часть Киргизовъ, какъ утверждала Башкирка, дѣйствительно двинулась къ Аблаю; тѣ же изъ нихъ, у которыхъ лошади не были исправны, стали откочевывать съ женами и дѣтьми отъ Тобола къ Ори (Рапортъ Ренненкампфа въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію 8 Мая 1753 г.) Показаніе это подтвердили и Средней Орды Кипчакскаго рода Султанъ Умамбеть и Куляка Батырь, какъ вдругъ пришло въ Орду неожиданное извѣстіе, что Даваци, не дождавшись Аблая, ворвался въ кочевья Чжуньгарскаго владѣльца, убилъ Лама Дорчжу, и какъ законный наслѣдникъ принялъ бразды Правленія. Какимъ образомъ произошло нападеніе Давація и какъ удалось ему одолѣть Дорчжу,—объ этомъ можно судить изъ показаній нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, сообщенныхъ Тевкелеву изъ Сибири. Ясашный Татаринъ Башлыкъ 15 Февраля 1753 г. говорилъ, что онъ слышалъ отъ одного пріѣзжавшаго къ нему Калмыка, что въ Чжуньгаріи »все не по прежнему состоитъ« Даваци, о которомъ всѣ тамъ думали, что онъ уже въ Россіи, явился вдругъ съ войскомъ изъ Киргизовъ, съ Аптыкрымской стороны на озеро, откуда

Калмыки достаютъ желѣзо »для всеконечнаго раззоренія ихъ землицы.« Здѣсь произошло сраженіе, гдѣ войско Чжуньгарское погибло на половину »отчего де уже Зюнгорская землица въ самое крайнее раззореніе пришла« (показаніе это согласно съ показаніемъ еще другаго Ясашнаго Татарина 29 Декабря 1753 года) Удачу Даваціи легко приписать отчасти тому, что въ это время Лама Дорчжа находился въ довольно трудныхъ обстоятельствахъ, и, можетъ быть, не имѣлъ при себѣ значительнаго войска, которое онъ принужденъ былъ держать раздробленнымъ по границѣ. Съ одной стороны грозили ему Русскіе покровительствомъ, оказываемымъ Даваціи и въ какой степени онъ опасался ихъ, видно изъ того, что въ Нанскую и Каракалскую (*) волости Чжуньгаріи послано было предписаніе не причинять ни какой обиды Русскимъ и остерегаться съ ихъ стороны нападенія (показаніе того же Башлыка) Съ другой стороны Дорчжа ожидалъ ежеминутно битвы съ Китайцами, которые уже болѣе года находились съ нимъ въ сворѣ, и теперь стояли на самой границѣ между озерами Тесбе и Ленгицомъ (**) (показаніе двоеданца Кантырака 1 Февраля 1753 года).

(*) Можетъ быть Керзагалы, народъ состоявшій въ подданствѣ Чжуньгаріи.

(**) Не рѣки ли это Тола и Керулынь, текущія къ Монголіи отъ Кяхты на Юговостокъ?

Первымъ дѣломъ Давація по вступленіи на престолъ было отправить посланцевъ къ Аблаю, чтобы успокоить его и увѣрить въ своей дружбѣ и привязанности; сверхъ того онъ обязывался выдать всѣхъ Киргизовъ, нах-ящихся въ плѣну у Чжуньгаровъ. Аблай, свѣдавъ о такомъ счастливомъ оборотѣ дѣлъ, немедленно отправился въ обратный путь въ Орду, откуда думалъ проѣхать въ Троицкъ (рапортъ Ренненкампфа 15 Мая 1753 года) Киргизы же до того обрадовались извѣстію, обѣщавшему имъ безопасность, что принялись снова за воровство по разнымъ мѣстамъ вверхъ Яика, такъ что Тевкелевъ принужденъ былъ послать въ Орскую дистанцію указы о соблюденіи строгой осторожности.) Рапортъ Тевкелева Неплюеву 27 Мая 1753 года). Смѣлый подвигъ Давація не возстановилъ спокойствія въ Чжуньгаріи. Новый владѣлецъ нашелъ опаснаго врага въ лицѣ Амурсаны, того самаго, который не задолго предъ тѣмъ раздѣлялъ съ нимъ всѣ бѣдствія изгнанія. Амурсана, обиженный дядею, отказавшимся исполнить обѣщанное, обратился, послѣ неудачной попытки къ возмущенію, съ просьбою о защитѣ къ Китайцамъ, обязываясь привести въ подданство ихъ Чжуньгарскій народъ. Богдо-Ханъ не замедлилъ подать ему помощь и снарядилъ войско, которое подъ начальствомъ полководца Хашой-Чинъ-Вана, выступило вмѣстѣ съ Амурсаною. Давацы былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и представленъ въ Китайскій лагерь (1755 года). Амурсана тотчасъ послѣ побѣды вытребовалъ отъ имени Богдо-

Хана, у Хошой Чинъ-Вана 5000 человѣкъ, подъ предлогомъ скорѣйшаго приведенія Чжуньгаровъ въ Китайское подданство и произведенія поголовной переписи народа. Прямая же цѣль его, какъ оказалось, была другая. онъ отложился и сталъ распоряжаться самовластно, а Калмыки, которые еще до него разбили 15 тысячное Китайское войско, приходившее подчинить и переписать ихъ, истребили пятитысячный отрядъ. (Рапортъ Селенгинскаго Коменданта Якобія Сибирскому Губернатору Мятлеву отъ 23 Февраля 1756 года, рапортъ Неплюева и Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 10 Августа 1756 г.) Тогда Пекинскій Дворъ, раздраженный непокорностью Элютовъ, выслалъ противъ нихъ новое сильное ополченіе. Амурсана скрылся и въ сопровожденіи 200 человѣкъ искалъ убѣжища въ извѣстной ему Средней Ордѣ въ 1756 году (*).

Если мы взглянемъ на положеніи Чжуньгаріи за все это время съ 1753 по 1756 г., то увидимъ, что оно было отчаянное. Раздираемая внутренними междоусобіями и раздорами, которыми безщадно пользовались Китайцы, довольные случаемъ уничтожить опаснаго сосѣда, она стояла на краю погибели. Съ другой стороны

(*) Извѣстіе объ этомъ было привезено въ Оренбургъ Толмачемъ Араповымъ, который ѣздилъ отъ Тевкелева къ Нурали Хану. Араповъ слышалъ это отъ Абулъ-Махмедъ Хана, пріѣзжавшаго къ Нуралію просить дочь его въ замужство за сына своего Абулъ-Файзъ Султана (показаніе Арапова 2 Іюля 1756 г).

Киргизы Большой и Средней Ордъ, алчные къ добычѣ, тревожили ее безпрестанными набѣгами, не смотря на пограничную линію, учрежденную Даваціемъ; такъ что къ 1756 году Элюты уменьшились почти на третью часть Дерзость Кайсаковъ возрасла еще болѣе, когда бѣглый Амурсана началъ становиться во главѣ ихъ шаекъ и врываться въ Чжуньгарію. Въ стени число плѣнныхъ Чжуньгаровъ умножалось со дня на день: въ Малой Ордѣ получали ихъ »за столь прибыльный промѣнъ или торгъ», что Айчувакъ Султанъ, завлеченный примѣромъ, и увѣренный въ успѣхѣ, сбирался съ своими подвластными выступить осенью 1756 года въ походъ противъ Элютовъ показаніе писаря Айчувака Сеитъ Касимова 18 Іюля 1756 года).

Конечно Чжуньгары пытались отбивать Киргизовъ, и дѣлать нападенія на кочевья ихъ; но попытки эти, вовсе не похожія на грабежи прежнихъ временъ, оставались всегда почти не удачными, тѣмъ болѣе, что Аблай принималъ мѣры предосторожности и держалъ на границѣ довольно значительный караулъ, который не подпускалъ Калмыковъ къ Кайсацкимъ улусамъ. Такъ съ весны 1756 года онъ самъ стоялъ съ 2000 человѣкъ за рѣкой Ишимомъ, въ вершинахъ рѣки Нуры, при горѣ Казылыкъ (мѣсяцъ верховой ѣзды отъ Троицкой крѣпости; когда же болѣзнь принудила его возвратиться, то онъ, отойдя съ 1000 человѣкъ, оставилъ вмѣсто себя находившагося при немъ Куляка Батыря съ остальными 1000

человѣками. При Кулякѣ подходило къ рѣкѣ Нурѣ 2000 Чжуньгаровъ (которые сѣяли хлѣбъ между Чжуньгаріею и Китаемъ) Куляка три раза дрался съ ними и каждый разъ числомъ убитыхъ и плѣнныхъ перевѣсъ оставался на сторонѣ Кайсаковъ (*). Батырь простоялъ на карауле до перваго снѣга· тутъ Чжуньгары отошли, и въ погоню за ними бросился Амурсана съ 1000 человѣкъ Киргизовъ и приверженныхъ ему Калмыковъ. Куляка же былъ замѣщенъ Атагайскаго рода Чиндали Батыремъ, пріѣхавшимъ смѣнить его съ другими 1000 человѣками (рапортъ Бригадира и Оренбургскаго Коменданта Буметева Неплюеву 19 Декабря 1756 года).

Всѣ эти происшествія тревожили Пограничное Начальство. Средняя Орда, занятая враждою съ Чжуньгарами, прекратила сношенія съ Русскими; торгъ въ Троицкѣ пустѣлъ, Киргизы переставали ѣздить, и въ 1756 году прибыло туда всего нѣсколько человѣкъ Ташкенцевъ (рапортъ Неплюева и Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 10 Августа 1756 года). При такихъ обстоятельствахъ Неплюевъ и Генералъ-Маіоръ Тевкелевъ рѣ-

(*) Передъ сраженіемъ Киргизы, требуя отъ Чжуньгаровъ прекращенія набѣговъ, часто грозили имъ именемъ Русскихъ и местью Государыни, но Калмыки, полные еще самоувѣренности, пренебрегали этими угрозами, говорили что съ Россіею у нихъ не было ни какой ссоры, и что если Русскіе станутъ заступаться за Киргизовъ, то они съумѣютъ съ ними управиться

шились еще въ Августѣ (1756 г.) отправить въ степь человѣка надежнаго и опытнаго. Выборъ былъ затруднителенъ. Припомнимъ, что послѣ мятежа въ Башкиріи (1755 г.) множество бунтовщиковъ бѣжало въ Среднюю Орду и Правительство тщетно требовало ихъ выдачи. Наконецъ оно предписало Неплюеву задержать съ Верхнеяицкой крѣпости пойманныхъ въ грабежѣ на Уйской линіи осенью 1755 г., двухъ Киргизовъ Средней Орды, и не выпускать ихъ, пока бѣглецы не будутъ возвращены (указъ Сената 9 Марта 1756 г). Начальство справедливо опасалось послать теперь кого либо изъ Русскихъ, который легко могъ быть захваченъ Кайсаками въ отмщеніе за столь обидный для нихъ поступокъ По этому рѣшились отправить одного изъ вѣрныхъ Башкировъ и выборъ палъ на Старшину Исетской провинціи Бѣлокотайской волости Абдуллу Каскинова, уважаемаго въ народѣ, и доказавшаго свою преданность во время мятежа 1755 года (донесеніе Неплюева и Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 10 Августа 1756 года). Посланный, прибывъ въ Орду, долженъ былъ вручить Аблаю подарки и письмо (*), но не высказывая настоящей цѣли

(*) Все содержаніе письма состояло въ просьбѣ поощрить торгъ въ Троицкѣ и проѣздъ купцовъ чрезъ степь. Объ остальномъ же предоставлялось ему вѣрить словамъ Абдуллы.

своего пріѣзда, стараться сперва снискивать довѣріе Султана и вліятельныхъ Старшинъ, развѣдать о положеніи Чжуньгаровъ, узнать, гдѣ находится Амурсана и добиться свиданія съ нимъ. При встрѣчѣ же съ Княземъ, передать письмо Неплюева и Тевкелева (*) и уговорить его ѣхать въ Оренбургъ, подъ защиту Россіи, гдѣ онъ въ ожиданіи случая сдѣлаться, при помощи нашей, владѣльцемъ Чжуньгаріи можетъ найти вѣрное убѣжище, и жить пока среди Торготовъ или, если онъ того пожелаетъ, въ самой резиденціи Государыни. Абдуллѣ велѣно было также стараться склонять Аблая и Старшинъ, что бы и они съ своей стороны убѣждали Амурсану въ пользѣ и необходимости ѣхать въ Оренбургъ, тогда Каскиновъ долженъ былъ до наступленія зимы выпросить себѣ провожатыхъ у Султана или у вѣрныхъ Біевъ, вывести на счетъ казны Князя и всю свиту его, съ возможными почестями и ласками, на ближайшую изъ крѣпостей Уйской или Тобольской и Ишимской линій, и оттуда уже ѣхать въ Оренбургъ, требуя отъ мѣста до мѣста казенныхъ подводъ. Если бы напротивъ того онъ увидѣлъ, что не предстоитъ ни какой возможности вызвать Князя изъ степи, или же что онъ усиливается въ Ордѣ, то

(*) Письмо это заключало дружественное предложеніе защиты Россіи, всегда готовой помогать несчастнымъ и угнетеннымъ.

долженъ былъ по крайней мѣрѣ, внушить Аблаю и Старшинамъ опасность, грозившую всему Киргизскому народу отъ упроченія среди ихъ вліянія Амурсаны. Кромѣ этого главнаго порученія Абдуллѣ приказано было освѣдомиться о настоящей причинѣ, отвлекшей Кайсаковъ отъ ѣзды на Троицкій торгъ, и узнать, не опасаются ли они Русскихъ? Въ такомъ случаѣ велѣно успокоить ихъ. Что же касается до бѣглыхъ Башкировъ, то ему слѣдовало развѣдать объ ихъ положеніи въ Ордѣ, объявить имъ Высочайшій Манифестъ о помилованіи и объяснить, что всѣ возвратившіеся единоплеменники ихъ живутъ по прежнему въ домахъ своихъ свободно и тихо (инструкція Абдуллѣ 1 Августа 1756 года).

Снабженный такою инструкціею Абдулла Каскиновъ, въ сопровожденіи 10 Башкировъ, выступилъ въ Среднюю Орду, чрезъ Троицкую крѣпость 17 Августа 1756 года. Къ какимъ результатамъ повела эта поѣздка, неизвѣстно. Можно сказать только то, что онъ видѣлся съ Кулсарыемъ, который обѣщалъ ему вывесть Амурсану будущею весною въ Троицкъ. Кулсары и Куляка были одни изъ сильнѣйшихъ Старшинъ, преданныхъ Россіи. Оба они къ зимѣ 1756 года, приблизились къ Уйской линіи; (*) изъ

(*) Киргизы Средней Орды не рѣдко прикочевывали къ линіи. Въ такомъ случаѣ брались съ нихъ обыкновенно на все время одни аманаты изъ знатныхъ Старшинъ. Въ 1756 году взяты они были съ 15 кибитокъ, расположившихся по Тоболу близъ Усть-Уйской крѣпости, съ 25 кибитокъ Атагайскаго рода, жившихъ при Кочердыцкомъ редутѣ, и на конецъ со 150 кибитокъ, кочевавшихъ около Звѣриноголовской крѣпости

нихъ Куляка только что смѣнился съ караула на рѣкѣ Нурѣ. Батырь этотъ, обратившись съ просьбою дозволить ему перепустить скотъ на внутреннюю сторону, обѣщалъ доставлять всѣ свѣдѣнія о дѣлахъ Киргизовъ съ Чжуньгарами, и говорилъ про Аблая (кочевавшаго тогда на устьѣ рѣки Каята), что онъ пріѣдетъ въ Троицкую крѣпость, если только позовутъ его. Неплюевъ и Тевкелевъ непризнали нужнымъ приглашать Султана; впрочемъ на случай его пріѣзда, велѣно было Оренбургскому Коменданту Бахметеву, находившемуся тогда въ Троицкѣ, принять его съ почетомъ, склонить къ выдачѣ Амурсаны (*) и уговорить давать, по примѣру Нуралія, аманатовъ изъ дѣтей своихъ, или изъ ближнихъ родственниковъ, объяснивъ ему ту несообразность, что Средняя Орда, издавна подданная Россіи, до сихъ поръ не представляла ей аманатовъ, между тѣмъ какъ посылала ихъ къ Чжуньгарамъ.

Киргизы въ этомъ году обратились съ просьбою разрѣшить имъ отъ времени до времени перемѣнять аманатовъ. Дозволеніе это было дано, однако съ условіемъ, чтобы смѣна производилась всегда на людей знатныхъ, а не на *подлыхъ*.

(**) Тоже самое приказано было Бахметеву внушить Кумарѣ и Кулякѣ, представляя имъ, что Орда до тѣхъ поръ не будетъ въ безопасности отъ нападеній Чжуньгаровъ, пока Амурсана не будетъ выданъ Русскимъ.

Но оставимъ на время Среднюю Орду въ сношеніяхъ ея съ Чжуньгаріею, гибнувшею подъ ударами Китайцевъ, и обратимся снова къ Малой Ордѣ, гдѣ къ концу 1753 года, дѣла приняли оборотъ, непріятный для Правительства. Виновникомъ таковой неожиданной перемѣны обстоятельствъ, былъ самъ Нурали Ханъ, только, что предъ тѣмъ хвалившійся преданностью Россіи Уже три года, какъ отношенія его къ Пограничному Начальству казались дружелюбными и даже искренними; чувствуя себя не въ силахъ противиться, онъ ласкался къ Неплюеву и Тевкелеву, каждый годъ ѣздилъ въ Оренбургъ, и съ видомъ радушія принималъ отъ нихъ совѣты и наставленія; но въ душѣ его происходило иное. Онъ пребывалъ вѣрнымъ прежнимъ своимъ правиламъ, завѣщаннымъ еще отцомъ: не забывать обидъ, и вымогать у Русскихъ разныя права и послабленія. Онъ помнилъ оскорбленіе, нанесенное ему отказомъ въ войскѣ, котораго онъ просилъ прежде подъ видомъ постройки гробницы надъ могилою Абулъ-Хайра (рапорть Гуляева 1755 года Августа 25 дня); кромѣ того досадовалъ на Правительство, что оно, по его письмамъ, не задерживало на линіи Киргизовъ, и вообще не заботилось поддерживать и усиливать въ степи Хана, имъ же самимъ признаннаго и служившаго ему вѣрою и правдою, въ ущербъ своимъ прямымъ выгодамъ. Такой мнимой невнимательности Начальства Нурали приписывалъ упадокъ власти своей въ Ордѣ. Киргизы, по его словамъ, видя это, теряли

всякое уваженіе къ Хану, дѣлались непокорными, а Старшины, надѣясь на его безсиліе, управляли сами и независимо отдѣльными родами. Въ особенности грозила ему возрастающая власть Батырь Султана, который, пользуясь временемъ и обстоятельствами, успѣлъ пріобрѣсти сильное вліяніе на Ордынцевъ. Батырь, вѣрный враждѣ отца своего Каипа съ Абулъ-Хайромъ, издавна ненавидѣлъ Нуралія. Въ 1748 году онъ склонилъ, какъ мы видѣли, на свою сторону нѣсколько родовъ, которые торжественно провозгласили его Ханомъ. Избраніе это сначало успокоило Нуралія, который надѣялся, что соперникъ его удовлетворится однимъ титуломъ и забудетъ родовую вражду свою; но происшествія показали противное: Батырь, по природѣ тщеславный, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и властолюбивъ; вскорѣ онъ достигъ того, что вліяніемъ своимъ сталъ пересиливать Хана. Въ этомъ дѣлѣ помогалъ ему и сынъ его Каипъ, Ханъ Хивинскій, который съ своей стороны, слушая внушенія отца, искалъ только случая оскорбить Нуралія. Ссоры и непріязни съ Хивою сдѣлались постоянными, и наконецъ съ 1750 г. приняли видъ очень важный. Въ Февралѣ этого года Меньшой Орды Айчувакъ Султанъ и Утятлявъ Тарханъ (онъ былъ пожалованъ въ это званіе Русскимъ Правительствомъ, по просьбѣ Нуралія) и Средней Орды Джанбекъ Тарханъ съ 3000 человѣкъ, пошли разграбить Каракалпаковъ и Аральцевъ, кочевавшихъ по той сторонѣ рѣки Сыръ-Дарьи, съ тѣмъ, что бы итти дальше

къ Хивѣ и напасть тутъ на Садырскихъ Трукменовъ, которые постоянно тревожили Киргизовъ, пріѣзжавшихъ на торгъ.

Въ этомъ походѣ участвовалъ и Батырь Султанъ; онъ шелъ съ Чиклинцами, по зову сына своего Каипа, который просилъ взять его изъ Хивы (*). На дорогѣ Батырь разграбилъ улусъ Тулугабека брата Куразбекова. Все это, взятое вмѣстѣ, раздражило Каракалпаковъ и Аральцевъ до того, что, соединившись съ Мангутскими Аральцами, они напали на роднаго дядю Нуралія, Адайскаго рода Мурзатай Батыря, который слѣдовалъ въ Хиву съ караваномъ изъ 160 вьючныхъ верблюдовъ и 500 лошадей. При немъ находилось 500 Киргизовъ и гналось на торгъ 40,000 барановъ, принадлежавшихъ родамъ: Байулинскому, Алтыбашскому, Аккитенскому и Каракитенскому (каждый баранъ цѣнился тогда въ 10 рупій.). Весь скотъ и товаръ были разграблены, пять че-

(*) Каипъ не разъ призывалъ отца своего къ себѣ на помощь; такъ когда въ 1748 г. Трукмены и Аральцы, соединившись вмѣстѣ, подступили къ Хивѣ и грозили убить Хана, а Куразбекъ Аталыкъ бѣжалъ со страху и безъ вѣсти исчезъ, то испуганный Каипъ писалъ »безъ всякихъ закрышекъ« къ Батырю, чтобъ онъ, какимъ бы то нибыло образомъ, выручилъ его изъ Хивы (показаніе Смаила Муллы 20 Ноября 1748 г.)

ловѣкъ погибли на мѣстѣ, а остальные Кайсаки съ трудомъ воротились къ себѣ пѣшіе. Едва вѣсть объ этомъ достигла Орды, какъ Ирали Султанъ, всего съ 130 Киргизами, поспѣшилъ выступить противъ Аральцовъ и Каракалпаковъ, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Тогда Нурали объявилъ, что самъ идетъ на освобожденіе брата. Аральцы испуганные этою вѣстью, не только отпустили Иралія, и подарили ему шубу, но даже стали просить его остаться у нихъ Ханомъ; однако Ирали не согласился на ихъ предложеніе и возвратился въ свои улусы. Такимъ образомъ споръ казался оконченнымъ; на самомъ дѣлѣ же вышло иначе. Аральцы находились подъ покровительствомъ Хивинскаго Хана; кромѣ того въ грабежѣ, учиненномъ ими надъ Мурзатаемъ, вѣроятно участвовали и сами Хивинцы, въ руки которыхъ, какъ видно, перешли похищенныя вещи. Нурали уже въ Апрѣлѣ 1750 г. отправилъ Мурзатая къ Каипу требовать возвращенія скота и таваровъ, награбленныхъ у Киргизовъ. Въ случаѣ отказа, онъ грозилъ по первому зимнему пути выступить со всѣмъ народомъ своимъ и разграбить Хивинцевъ. Угрозы эти вовсе не подѣйствовали на Каипа. Нурали еще нѣсколько разъ отправлялъ посланцевъ въ Хиву, и все безуспѣшно; только послѣ долгихъ стараній, удалось ему заставить Каипа и Куразбека собрать съ Хивинскихъ обывателей цѣну ограбленнаго скота товаромъ, но и этотъ товаръ остался въ рукахъ у тѣхъ же Каипа и Куразбека.

Нельзя не понять, какъ тяжко было для Нуралія смотрѣть на такіе оскорбительные поступки со стороны его соперника; однако все это было ничтожно въ сравненіи съ другими обидами, которыя наносили ему, съ общаго согласія, Батырь и Каипъ. 24 Апрѣля 1750 г. прибылъ въ Оренбургъ изъ Хивы, чрезъ улусы Батыря, посланецъ Ширбекъ, въ сопровожденіи людей Батырь Султана. Прибытіе посланца отъ Каипа возбудило въ Неплюевѣ сомнѣніе, на которое онъ требовалъ резолюціи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 9 Мая 1750 года. Хива, говорилъ онъ, всегда имѣла и имѣетъ особливыхъ владѣльцевъ; но Узбеки, пользуясь большою силою, убиваютъ Хановъ по своему произволу и на мѣсто ихъ нерѣдко сажаютъ Султановъ Киргизскихъ, какъ это видно изъ предшествовавшихъ примѣровъ и избранія Каипа, присягавшаго вмѣстѣ съ другими Султанами на подданство Россіи. Подобнаго рода избранія могутъ повторяться довольно часто; запрещать же ихъ трудно, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Хивинцы сдѣлались независимы отъ Персіи. Въ заключеніе Неплюевъ просилъ опредѣлить заблаговременно, какъ слѣдуетъ Губернатору поступать въ такихъ случаяхъ. Коллегія указомъ отъ 13 Августа 1750 года, дозволила Киргизскимъ Султанамъ вступать на Ханство въ Хивѣ, въ отмѣну указа 21 Октября 1745 года, изданнаго въ слѣдствіе того, что Хивою владѣлъ тогда Надыръ Шахъ. Оренбургскій Губернаторъ долженъ былъ привѣтствовать новоизбранна-

го Султана, одарить его и требовать только того, чтобы новый Ханъ поощрялъ торгъ и отправлялъ болѣе купцовъ въ Оренбургъ.

Пріемъ Ширбеку былъ весьма ласковый; такъ какъ это былъ первый посланецъ изъ Хивы, пріѣхавшій прямо въ Оренбургъ, и еще не было установлено правилъ для содержанія здѣсь пріѣзжавшихъ пословъ, то уже 2 Ноября 1749 года, когда дошли слухи о скоромъ его прибытіи, указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ велѣно было на случай его пріѣзда, отвести ему квартиру и производить кормовыя деньги по примѣру Астраханской дачи, по 40 копѣекъ, а людямъ его по 5 коп. въ день каждому. Однако по ходатайству Неплюева и въ уваженіе къ тому, что вся свита Ширбека состояла изъ Узбековъ (*) (ихъ было 8, именно: 1, Купчина Гаширбай Мулланадыровъ, 2, Казначей Нуралабай Кутлубаевъ, 3, Ключникъ Кутлубай Давлетбаевъ, 4, Конюхъ Джанкабулъ Баитляевъ, 5, Постельникъ Кадыбердыбай Худайбердинъ, 6, Есаулъ Гумербай Бабаевъ, 7, Кухмейстеръ Авязханды Ніязовъ и 8, Кощей Уразмухаммедъ Ніязовъ) указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 18 Августа 1750 года

(*) Узбеки рѣдко употреблялись въ посольство, обыкновенно посылались Сарты,

велѣно было выдавать имъ тоже самое, что платили на время пріѣзда Киргизскимъ Султанамъ, именно: посланнику 50 коп., чиновнымъ людямъ по 10, а служителю по 5 коп. на день *съ тѣмъ, чтобъ это могло служить образцомъ на будущее время.*

Посланецъ отъ имени Хана благодарилъ Государыню за построеніе Оренбурга, предвѣщающее быстрое развитіе торговли въ Азіатскихъ владѣніяхъ и Хивѣ, которая уже стала независимою отъ Персіи, гдѣ разбойникъ Надыръ явился и исчезъ подобно водяному пузырю; говорилъ о свободномъ проѣздѣ каравановъ *и жаловался на обиды и грабительства, причиняемыя купцамъ отъ Киргизовъ.* Для отвращенія ихъ на будущее время, онъ предлагалъ поручать караваны въ особливое Ханское смотрѣніе Нуралія, или же учредить для этого особаго Старшину (предложеніе это по своей неудобоисполнимости не было принято). Тутъ же онъ представилъ письма отъ Капна Неплюеву и Тевкелеву, и копію съ листа его къ Государынѣ. Ханъ, въ пышныхъ выраженіяхъ изъясняя необходимость частыхъ сношеній для обѣихъ сосѣднихъ державъ, требовалъ возвращенія Артыкъ Батыря (*) и просилъ *чтобы караваны, для*

(*) Этотъ Артыкъ Батырь отправленъ былъ прежнимъ Ханомъ посланцемъ въ Россію и жилъ, какъ видно, въ Астрахани, откуда люди

большей безопасности, ходили впредь чрезъ улусы отца его Батыря, а не чрезъ владѣнія Нуралія, которому, равно какъ и сыну его, Адилю, слѣдовало бы запретить брать пошлины. Хотя Ширбекъ и утверждалъ, что между обоими Ханами, Хивинскимъ и Киргизскимъ, ни когда не было вражды, и доказывалъ это тѣмъ, будто Ирали освобожденъ изъ плѣна Каракалпаками и Аральцами, единственно по приказанію Каипа (рапортъ Неплюева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 9 Мая 1750 года); однако было ясно, что подобнаго рода предложеніе сдѣлано съ цѣлью уничтожить всякое вліяніе Нуралія на торговлю и лишить его съ товаровъ всѣхъ доходовъ, утвержденныхъ обычаемъ, потому что взысканіе пошлинъ въ степи существовало издревле.

Предложеніе Каипа было отвергнуто и посланцу отвѣчали, что торговый путь довольно обезпеченъ ручательствомъ самого Нуралія, и обѣщаніемъ, даннымъ имъ еще на свиданіи въ 1746 году, гдѣ присутствовали всѣ Султаны, исключая Батыря; что Батырю слѣдуетъ дѣйство-

---

его пріѣзжали каждое лѣто на торгъ въ Оренбургъ. Начальство отозвалось въ отвѣтѣ своемъ Каипу, что оно не знаетъ, гдѣ онъ находится, что онъ пріѣзжалъ къ Неплюеву въ бытность его въ Самарѣ и отправленъ былъ оттуда по указу Ея Императорскаго Величества въ Астрахань

вать за одно съ своимъ Ханомъ, а купцамъ не избѣгать, какъ они дѣлаютъ, уплаты незначительной пошлины, и брать себѣ въ провожатые надежныхъ людей (что конечно обойдется имъ немного дороже); и тогда торгъ пойдетъ успѣшно, и грабежи непремѣнно прекратятся. Равнымъ образомъ Ширбеку отказано было въ просьбѣ его представиться ко Двору, согласно желанію Хана, и лично вручить Государынѣ листъ своего Хана, не смотря на ходатайство Неплюева (рапортъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 9 Мая 1750 года), который опасался, что бы это не раздражило Хивинцевъ и не повредило торгу. Впрочемъ такой отказъ былъ основанъ на особаго рода соображеніи. Правительство не имѣло еще точныхъ свѣдѣній о совершенной независимости Хивы отъ Персіи и по этому считало неприличнымъ, чтобы Ханъ Хивинскій »будучи не самовластнымъ владѣльцемъ« присылалъ посланцевъ своихъ по прежнему прямо ко Двору; оно полагало достаточнымъ ограничиться одними сношеніями съ нимъ чрезъ Губернаторовъ Оренбургскаго или Астраханскаго, и такъ Ширбеку предложено было передать листъ Неплюеву, который бы отослалъ его въ Петербургъ; до полученія же на него отвѣта посланецъ могъ оставаться въ Оренбургѣ, или же отправиться обратно въ отечество (указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Неплюеву 13 Августа 1750 года). Ширбекъ избралъ послѣднее и рѣшился ѣхать въ Хиву, предъявивъ напередъ еще двѣ просьбы, которыя, какъ видно, онъ

берегъ до представленія своего ко Двору, именно: 1) разрѣшить желающимъ изъ Хивинцевъ ѣздить для моленія въ Мекку чрезъ Астрахань; 2) дозволить ему купить для Хана въ Башкиріи птицъ для охоты, какъ то беркутовъ, ястребовъ и соколовъ (дозволеніе было дано самимъ Неплюевымъ, однако чтобы не задержать Ширбека посылкою въ Башкирію, ему присовѣтовали купить птицъ на Оренбургскомъ мѣновомъ дворѣ). Въ слѣдъ за тѣмъ Ширбеку вручили отвѣтныя письма (*) къ Хапу отъ Губернатора и Бригадира, гдѣ Неплюевъ и Тевкелевъ, излагая всѣ обстоятельства дѣла, писали Хану, что листъ его отправленъ съ особымъ офицеромъ ко Двору, откуда не замедлятъ выслать ему отвѣтъ; между тѣмъ если пожелаетъ, онъ можетъ узнать о бывшихъ переговорахъ чрезъ своего посланца. При прощаніи, Ширбеку

(*) Письма эти были сочинены по образцу присланныхъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ двухъ писемъ Графа Бестужева—Рюмина, бывшаго Канцлера, къ Эбульказы-Махоммедъ-Батырь Хану. *Первое*, отъ 9 Декабря 1743 г, было отправлено по случаю пріѣзда Хивинскаго посланца Алла-Вердія, который просилъ усиленія торговыхъ сношеній и требовалъ возвращенія Артыка, прибывшаго посломъ еще при отцѣ Эбуль-Казыя, *Второе*, отъ 19 Декабря 1746 г., было отправлено съ посланцемъ Мулла-Адли-Мухамедомъ, пріѣзжавшимъ въ Астрахань поздравить Государыню съ возшествіемъ на Престолъ и предложить возстановленіе торга на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

дано было различныхъ подарковъ на 100 рублей, съ общаго согласія Неплюева и Тевкелева, которымъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ по указу 13 Августа 1750 года предоставила наградить его по ихъ усмотрѣнію съ тѣмъ, чтобы это служило примѣромъ на будущее время. Къ этому Неплюевъ и Тевкелевъ отъ себя прибавили еще вещей на 100 рублей въ награду за готовность, съ которою онъ взялъ на себя трудъ препроводить изъ Хивы въ Бухару и даже до Индіи, парочно снаряженный на этотъ случай, по указу Коллегіи, караванъ Хаялина, при которомъ находились Сакмарскій казачій Старшина Кубекъ Байназаровъ и прикащики: Надыръ Саферовъ и Агаферъ Абдюковъ (для препровожденія до Нуралія они сданы были. на руки Китенскаго рода Куманъ Ходжѣ—сыну Аралъ Мурзы, племяннику его Мутлубаю и присланному отъ Хана Малыбаю).

Наконецъ, по окончаніи всѣхъ сборовъ, 11 Сентября 1750 года Ширбекъ, къ которому присоединились и Хивинцы, бывшіе для торга въ Оренбургѣ, отправился въ обратный путь. Онъ шелъ теперь не по прежней дорогѣ, а чрезъ улусы Нуралія, рѣшившись на это только по настоянію Неплюева, который, для большаго ручательства въ безопасности, далъ ему въ провожатые до Ханской ставки Переводчика Усмана Арасланова, съ письмами къ Нуралію. Спутники Ширбека не долго оставались при немъ; уже на четвертый день, когда они пере-

ѣхали Илекъ, Ягоферъ за усталостью верблюдовъ остался съ Куманъ-Ходжею и Кутлубаемъ въ ихъ улусѣ, а вслѣдъ за тѣмъ чрезъ восемь дней, на вершинѣ рѣки Упла Хивинскіе купцы, договорившись съ Чиклинскаго рода Кучкарбаемъ доставить ихъ въ Хиву за 8 рупій съ каждаго, отстали отъ посланца, чтобы не заѣзжать къ Хану, отговариваясь тѣмъ, что имѣютъ уже печать его сына изъ Оренбурга. Въ замѣнъ ихъ присоединились къ Ширбеку торговые Трукмены, которые гнали его скотъ. (Въ числѣ ихъ находились двое бѣглыхъ: одинъ Казанскій Татаринъ, а другой Башкирецъ). Такимъ образомъ 29 Сентября прибыли они, проѣхавъ сперва улусъ Китенскаго рода Туначи Батыря, въ ставку Хана, который кочевалъ тогда при рѣкѣ Соленомъ-Уплѣ.

Прежде чѣмъ мы объяснимъ пріемъ, которымъ Нурали встрѣтилъ у себя Ширбека, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на его умъ, еще въ Апрѣлѣ, пріѣздъ въ Оренбургъ посланца Каншова, и какія мѣры думалъ онъ принять чтобы оградить себя отъ соперника. Припомнимъ, что въ то время онъ находился съ Чжуньгарами въ дружескихъ сношеніяхъ, заставлявшихъ его вѣрить въ свою силу и пренебрегать внушеніями Начальства и совѣтами находившагося при немъ Переводчика Гуляева. Въ надеждѣ на близкій родственный союзъ съ Цеванъ-Дорчжи-

емъ, онъ считалъ себя могущественнымъ, какъ вдругъ дошло до него извѣстіе о прибытіи въ Оренбургъ отъ Каипа посланца, осмѣлившагося не только ѣхать мимо его улусовъ чрезъ Батыря, но даже предъявить Начальству предложенія, явно клонившіяся ко вреду Ханской власти въ степи. Самонадѣянный Нурали, зная, какъ дорожатъ имъ Русскіе, и ложно увѣренный въ невозможности отказа, тотчасъ же въ гнѣвѣ своемъ отправилъ письмо къ Неплюеву и Тевкелеву, гдѣ подъ благовиднымъ и вымышленнымъ предлогомъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Каипа и Батыря противъ Россіи, онъ настоятельно и даже съ угрозами просилъ ихъ задержать Ширбека и всю свиту его вмѣстѣ съ людьми Батыря до своего пріѣда въ Оренбургъ (письмо Нурали 6 Апрѣля). Въ разговорѣ съ Гуляевымъ, онъ не упускалъ случая намекнуть на необходимость завоеванія Хивы, представляя это выгоднымъ для торга Русскихъ (паче де всего мнѣ со всей нашей фамиліей полезно было, когда городъ Хива во владѣніе на нашу фамилію достался, тогда серебра болѣе въ десять мѣръ нежели нынѣ вывозу было и всѣхъ Киргизовъ въ лучшую вѣрность и подобострастіе привесть могъ. Рапортъ Гуляева 15 Іюня 1750 года). Сверхъ того онъ сталъ искать себѣ союзниковъ, которые бы, при случаѣ, могли оказать ему дѣйствительную помощь, именно: передъ отъѣздомъ въ Оренбургъ, отправляя человѣка своего Укубаша къ Такаямудскимъ Трукменамъ (кочевавшимъ между Хивой и Персіею) про-

сить Хана ихъ Акмамета и Старшинъ выдать обѣщанную жену бывшаго Хивинскаго Хана Ильбарса, (*) онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ посланному уговорить Трукменовъ помогать ему, когда онъ пойдетъ войною на Хиву. Укубащъ возвратился къ Хану уже осенью при Ширбекѣ и Арасланозѣ. Привезенный имъ отвѣтъ былъ не удовлетворителенъ. Трукмены приняли дурно Ханскаго посланнаго, не отдали ему жены Ильбарса, а велѣли объявить только, что они всегда готовы помогать Нуралію, но что онъ не умѣетъ держать слова, давно уже собирается на Хиву, а все медлитъ; что если это еще будетъ продолжаться, то кончится тѣмъ, что они соединятся съ Персіянами, завоюютъ Хиву, »тогдабъ Ханъ не пенялъ на нихъ«. Угрозы эти подтверждались

(*) Нурали, вѣроятно, съ цѣлью придать законный видъ притязаніямъ своимъ на Хиву, должно быть требовалъ ее себѣ въ жены, но крайней мѣрѣ въ началѣ 1751 г. она дѣйствительно прибыла, и сдѣлалась супругою Хана (письмо Нурали 7 Мая 1751 г.) Требованіе выдачи ея у Трукменовъ оправдывалось тѣмъ, что она была за мужемъ и имѣла сыновей, которые приходились по отцѣ двоюродными братьями Нуралію, именно: 1. Дусали, одинъ изъ значительныхъ Султановъ Малой Орды, 2. Газизъ Мухаммедъ, 3. Мухаммедъ-Рахимъ, 4. Сафаръ, 5 Джангиръ, 6. Шахъ-Гази, 7. Абулъ-Гази Изъ нихъ послѣдніе шесть содержались вмѣстѣ съ матерью въ Мешхедѣ и въ одно время съ нею выручены были оттуда Ахмагомъ, а въ 1751 г. возвращены Дусалію

на самомъ дѣлѣ: Ямудскіе, Тякинскіе и Ераклинскіе Трукмены сбирались итти сами на Хиву, выгнать Каипа и возвести на Ханство Аккожду, сына убитаго Надыръ-Шахомъ Ильбарса. Во главѣ этой партіи стоялъ Акмаметъ Хань. Человѣкъ этотъ, родомъ изъ простыхъ Трукменовъ, уже при Ильбарсѣ Ханѣ успѣлъ достигнуть званія главнаго Бека. Когда Ильбарсъ былъ убитъ и Хивою овладѣлъ Надыръ Шахъ, то Акмаметъ отъѣхалъ въ Персію, добился Ханскаго званія, а по смерти Надыра взялъ себѣ въ жены бывшую за нимъ дочь Ильбарсъ Хана, чрезъ это выручилъ изъ Персіи содержавшихся въ городѣ Мешгедѣ жену (ту самую, которая сдѣлалась потомъ супругою) Нуралія и сына его Аккоджу, котораго и думалъ теперь провозгласить Ханомъ въ Хивѣ, надѣясь самому сдѣлаться по прежнему Бекомъ. Такимъ-то честолюбивымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснымъ замысламъ Акмамета вынужденъ былъ бы потворствовать Нурали, если бы согласился заодно съ Трукменами немедленно итти на Хиву.

Кромѣ того были еще другія причины болѣе уважительныя, которыя заставили его на время отложить явную вражду съ Каипомъ. Отношенія Нуралія къ Чжунгарскому владѣльцу изъ дружелюбныхъ сдѣлалились враждебными и, какъ мы видѣли, угрозы Цеванъ Дорчжія сильно подѣйствовали на Хана, хотя вскорѣ опасенія его миновались въ слѣдствіе не ожиданнаго переворота,

произведеннаго Лама Дорчжею, но тѣмъ не менѣе власть Хана понесла тяжкій ударъ. Лишившись союзника, котораго, вѣроятно, онъ хотѣлъ противуставить Русскимъ, Ханъ утратилъ всякую надежду на самостоятельность и вынужденъ былъ снова прибѣгнуть къ Русскимъ, которые теперь одни были въ состояніи поддержать еще шаткую власть его въ степи и защитить отъ нападокъ Батыря. Между тѣмъ изъ сношеній съ Начальствомъ онъ не могъ не замѣтить, съ какимъ перасположеніемъ оно принимало представленія его о походѣ въ Хиву и съ какой настойчивостію отказывало въ высылкѣ людей подъ какимъ бы предлогомъ онъ не просилъ ихъ. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ Нурали, предоставленный собственнымъ своимъ силамъ, конечно не могъ начать борьбы съ Каппомъ. Этимъ онъ бы возстановилъ не только Батыря, всегда готоваго вооружиться, но и Русскихъ, въ глазахъ которыхъ онъ едва успѣлъ загладить свою вину. Ханъ рѣшился ждать, въ надеждѣ склонить со временемъ Правительство на свою сторону.

Вотъ въ какомъ состояніи духа засталъ Ширбекъ Нуралія когда онъ прибылъ въ ставку его 29 Сентября 1750 года. Положеніе Хана было затруднительно: обязанный укрощать свою злобу, онъ долженъ былъ сверхъ того усмирять подвластныхъ Киргизовъ, которые не переставали волноваться. По прежнимъ внушеніямъ своего владѣльца, привыкнувъ смотрѣть на Хивинцевъ, какъ на непримиримыхъ враговъ, они не знали невольной перемѣны, происшедшей въ образѣ мыслей Нуралія; еще недавно Алчинцы и Алтыбашцы со Старшиною Байсаубіемъ, увѣренные въ покровительствѣ Хана ограбили Хивинскій караванъ изъ 40 верблюдовъ. Теперь же, свѣдавъ о пріѣздѣ посланца, они не замедлили воспользоваться случаемъ: двое изъ нихъ, отцы которыхъ были убиты Хивинцами въ грабежѣ, тотчасъ же явились съ сайдаками прямо къ палаткѣ Ширбека и спрашивали: »здѣсь ли Сарты? мы бы съ нихъ кожу спяли,« такъ что Ханъ изъ предосторожности долженъ былъ перевести его въ кибитку къ своему писарю. На 4 день прибыло еще къ Хану сто Киргизовъ Алача-Кызылъ-Куртскаго рода, съ требованіемъ выдать имъ Ширбека, для отмщенія за то, что Хивинцы ограбили Киргизовъ и убили у нихъ четырехъ человѣкъ. Нурали отказалъ имъ въ требованіи; тогда, не тая своей злобы, они стали просить у него человѣка съ Ханскою печатью, что бы нагнать Хивинцевъ, выѣхавшихъ изъ Оренбурга. Нурали снова отказалъ. Они же вмѣсто того, чтобъ разъѣхаться по улу-

самъ, соединились съ нѣсколькими людьми, и подъ предводительствомъ кочевавшаго при Ханѣ Алачинскаго рода Киргиза Карабая, погнались вслѣдъ за Хивинцами и настигли ихъ за р. Эмбою при урочищѣ Шамматаѣ. Здѣсь, увидѣвъ многочисленность народа, находившагося при караванѣ, они не осмѣлились ограбить его; однако за одно съ провожатыми, которыхъ увѣрили, что посланы нарочно отъ Хана и имѣютъ при себѣ печать его, собрали съ купцевъ кармазиннаго сукна на 60 кафтановъ и 60 кожъ. Карабай взялъ даже на Ханское имя два кафтана.

Нурали, видя такое озлобленіе Алчинцевъ, пренебрегавшихъ его приказами, справедливо опасался, чтобъ они не нанесли посланцу какихъ либо обидъ во время пути и не рѣшился отпустить его, пока не пришло достовѣрное извѣстіе о возвращеніи ихъ въ улусы и не пріѣхалъ изъ Оренбурга Чиклинскаго рода Карабай Батырь, который, принадлежа къ сильному роду, и пользуясь вліяніемъ въ степи, могъ служить вѣрнымъ провожатымъ. (*) Такія предосторожности оказались во все не излишними. Проѣздъ въ степи со дня на день становился опаснѣе и хищничества не прекращались. Такъ, едва замолкъ слухъ

(*) Въ этихъ ожиданіяхъ прошелъ почти мѣсяцъ. Ширбекъ, жившій въ ежеминутномъ страхѣ, до того обрадовался, когда дошла вѣсть о возвращеніи Алчинцевъ, предвѣщавшая ему возможность скораго отъѣзда, что подарилъ принесшему ее Булакъ-Чура-Чиклинскаго рода, Киргизу камышевую красную чашку.

о грабежѣ Киргизовъ Алача-Кызыль-Куратскаго рода, и Ширбекъ успѣлъ уѣхать, какъ пришло извѣстіе, что Алача-Алтыбашскаго рода Кулсары, Тлявберды и Утявли съ товарищами разбили Хивинскій и Бухарскій караванъ, слѣдовавшій изъ Оренбурга на 60 верблюдахъ. При этомъ грабежѣ одинъ Хивинецъ былъ убитъ, а нѣкоторые попали въ плѣнъ. За тѣмъ остальные раздѣлились на двое: одни вернулись въ Оренбургъ, другіе, нанявъ у знакомыхъ Киргизовъ за дорогую цѣну лошадей, отправились на скоро въ Хиву, что бы застать поѣхавшихъ туда на торгъ Кайсаковъ, въ особенности изъ сильнѣйшихъ въ степи родовъ: Чикли-Каракисякскаго и Тюртькаринскаго, задержать ихъ и чрезъ это выручить обратно все ограбленное. Алтыбашцы то же не замедлили принять мѣры. Въ надеждѣ угодить Хану и оградить себя отъ взысканія, они предложили Нуралію принять изъ ограбленныхъ вещей товара на двухъ верблюдахъ, но Ханъ отказался отъ ихъ предложенія, попрекалъ ихъ разбоемъ и требовалъ возврата всего похищеннаго. Онъ самъ жаловался Арасланову на безразсудство своего народа (я де прежнее возвратить стараюсь, а они де вновь еще прибавляютъ) и говорилъ ему, что Хивинцы будутъ въ правѣ, если задержатъ Киргизовъ.

26 Окрября, Нурали въ первый разъ послѣ пріѣзда къ нему Хивинскаго посланца, призвалъ его къ себѣ, чтобъ отпустить въ дорогу. Прощаніе продолжалось недолго. Ханъ велѣлъ только спросить отъ себя Каипа:

когда онъ перестанетъ ссориться и зачѣмъ не возвращаетъ пожитковъ, награбленныхъ Хивинцами у Киргизовъ. Ширбекъ просилъ было письма къ Каипу, однако Нурали отказалъ, говоря, что онъ уже не разъ писалъ въ Хиву и отправлялъ посланниковъ, но письма его всегда раздирали, а посланниковъ возвращали со стыдомъ, къ тому же, продолжалъ Ханъ, въ настоящую минуту намъ не за чѣмъ переговариваться Ты не ко мнѣ присланъ и долженъ быть благодаренъ, если по просьбѣ Губернатора и Бригадира препроводятъ тебя безопасно въ Хиву. Съ этими словами Ханъ простился съ нимъ и въ тотъ же день Ширбекъ, Кубекъ и Надыръ за препровожденіемъ Кара Батыря, брата Малыбая Янгилдыя и Ханскаго Теленгута Тауша выступили въ путь.

И такъ Нурали съ своей стороны сдѣлалъ все, что бы защитить и обезопасить посланца ввѣреннаго ему Русскими, но какъ это было больно и оскорбительно для его самолюбія, легко замѣтить изъ того самаго, что онъ до послѣдняго дня не могъ рѣшиться на свиданіе съ Ширбекомъ, а еще болѣе изъ разговора его съ Аралановымъ, когда тотъ явился къ нему въ первый разъ (для чего де онъ Ширбекъ сюда пріѣхалъ, ибо де въ Оренбургъ отъ Хана своего не чрезъ него отправленъ былъ, ежели де отъ Господъ Тайнаго Совѣтника и Бригадира письма и въ препровожденіи за нимъ посланникомъ, его переводчика не было, тобъ де онъ зналъ, что съ нимъ учинить и для того де хотябъ онъ и завтра по-

ѣхалъ, ему Хану нужды нѣтъ). Дѣйствительно одно благоразуміе, которое требовало безусловнаго уваженія къ приказамъ Правительства, могло только заставить Хана въ продолженіи цѣлаго мѣсяца довольствовать пищею и охранять посланца, своего злѣйшаго врага, (*) когда онъ видѣлъ возможность гибелью Ширбека отомстить Каипу за часть его обидъ. Къ чести Нуралія должно сказать, что побѣда, которую онъ одержалъ надъ собою, была полная. Переставъ потворствовать грабежамъ, онъ сталъ избѣгать всякаго повода къ открытой враждѣ съ Каипомъ. Во время прощанья съ Арасланомъ, (**) Ханъ велѣлъ ему благодарить Неплюева и Тевкелева за всѣ ихъ благодѣянія, жаловался на своихъ подчиненныхъ,

---

(*) Можетъ быть въ этомъ случаѣ дѣйствовали и подарки Ширбека, который, опасаясь гнѣва Нуралія, поднесъ ему по совѣту Пупай Ханьши чрезъ Малыбая 9 вещей: беркута, двѣ головы сахару, кожу красную, сукна кармазиннаго и коричневаго по 4 аршина, голи и кутни по косячку, и два конца китайки.

(**) Арасланъ 15 Ноября выѣхалъ изъ Ханской ставки. До улуса Серки Батыря провожали его братъ Хана, Адиль, и дядя его, Мурзатай Адиль ѣхалъ собственно для того, что бы видѣться съ невѣстою своею, дочерью находившейся въ улусѣ Серки Ханьши, жены бывшаго Аральскаго Хана Шахтемира (Ильбарсъ Ханъ по смерти ея мужа отдалъ ее съ двумя сыновьями и дочерью Серкѣ, опасаясь, что бы Хивинцы не убили его самаго и непровозгласили Ханомъ кого либо изъ дѣтей ея), а Мурзатай долженъ былъ получить Калымъ за сговоренную прошлаго года за сына той же Ханьши Алявша Султана, дочь Нурали Хана. Арасланъ, въ Декабрѣ прибылъ въ Оренбургъ. Всѣ приведенныя нами

которые вмѣсто того, что бы служить ему въ помощь, только вредятъ, и своими безчинствами подвергаютъ его ежечасной отвѣтственности. Въ заключеніе, онъ просилъ успокоить ихъ на счетъ грабежей, которые, говорилъ онъ, обойдутся тѣмъ, что Хивинцы по обыкновенію, задержатъ у себя Киргизовъ, а тѣ возвратятъ ограбленное; ручался, что торгъ ни сколько не пострадаетъ отъ происшедшихъ безпорядковъ, что онъ самъ не преминетъ приложить старанія къ лучшему окончанію дѣлъ, соберетъ нѣсколькихъ Киргизовъ, и съ купеческимъ караваномъ, поѣдетъ въ Хиву съ предложеніемъ о мирѣ, и только въ крайнемъ случаѣ, если его вынудятъ на то, рѣшится при бѣгнуть къ оружію. Эти словесныя увѣренія Хана оправ-

---

свѣдѣнія о пріемѣ Ширбека и о грабежахъ въ степи заимствованы изъ его показанія Малая Орда кочевьями своими располагалась при немъ слѣдующимъ образомъ: Нурали съ Шупан Ханышею, съ зятемъ своимъ Джанбекъ Султаномъ и съ братомъ Адилемъ, оставался съ Байулинцами при рѣкѣ Эмбѣ, съ тѣмъ чтобы зимовать при Гурьевѣ городкѣ. Ираш съ Бохтыбан Біемъ и съ Чиклинцами, при урочищѣ Бурсукѣ, Айчувакъ съ Исеть Тарханомъ, Тюлебай Біемъ, Серка Батыремъ и съ Семиродцами при рѣкѣ Яикѣ, а для зимовки думалъ перенти на Каракумъ (Семиродцы къ этому времени избрали себѣ Айчувака въ Правители, предоставивъ ему полное право распоряжаться ими Дустали съ Чиклинцами кочевалъ не далеко отъ Хана и хотѣлъ остаться тутъ зимовать, Батырь Султанъ располагался у Сыръ-Дарьи, а Джанбекъ Тарханъ при урочищѣ Каракумѣ Что касается до Среднем Орды, то многіе роды ея кочевали при Сыръ-Дарьѣ. Аргинъ Кипчакцы осенью подъ предводительс твомъ Сяркан Батыря ѣздили противъ Каракалпаковъ, но возвратились съ большимъ урономъ и потеряли даже Сяркана.

дывались и на самомъ дѣлѣ. Когда въ Декабрѣ 1750 года пріѣхалъ отъ Каипа нарочный, вмѣстѣ съ Булякъ Чура Чиклинскаго рода Кучкарбаемъ, требовать возвращенія товара, ограбленнаго Байсаубіемъ, Нурали, согласно съ волею Начальства, не только отдалъ двумъ пріѣхавшимъ Хивинцамъ вещи ихъ и хотѣлъ отправить съ дружескимъ отвѣтомъ того же Кучкирбая къ Каипу, но даже собралъ Старшинъ Алчинскаго и Алтыбашскаго родовъ (Байсаубія, Бабатая и Джулбая) и настоятельно требовалъ отъ нихъ возвращенія всего похищеннаго. Наконецъ когда тѣ стали медлить и отговариваться' а Байсаубій отправилъ нѣсколько ограбленныхъ рупій въ Оренбургъ для промѣна, то Нурали отъ себя просилъ Тевкелева (письмо 20 Мая 1751 года) задержать посланныхъ непослушнаго Бія.

Между тѣмъ Каипъ дѣйствовалъ совершенно иначе и, какъ бы на зло Хану, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ повредить ему. При первомъ извѣстіи о грабежахъ Киргизовъ, онъ сталъ задерживать у себя пріѣзжавшихъ въ Хиву для торга Кайсаковъ; вслѣдъ за тѣмъ, узнавъ объ отказѣ Правительства на его просьбу, онъ запретилъ купцамъ своимъ ходить въ Оренбургъ изъ Хивы и обратно, иначе какъ чрезъ аулы отца; даже посланецъ Ширбекъ навлекъ на себя гнѣвъ Каипа и Куразбека и лишился большей части своего имущества за то, что осмѣлился ѣхать въ степи чрезъ ставку Нура-

лія, а не слѣдовалъ тракту, который ему былъ назначенъ. Запрещеніе Каипа сильно подѣйствовало на купцовъ его, которые и безъ того избѣгали уплаты пошлины: съ каждымъ днемъ уменьшался проѣздъ чрезъ Ханскіе аулы, и всѣ почти торговцы ѣздили въ Оренбургъ по дальнимъ улусамъ. Нурали пытался было положить этому предѣлъ, но тщетно. Когда въ 1751 г. онъ замѣтилъ, что Хивинцы пріѣзжали въ Оренбургъ не большими партіями, то онъ писалъ (20 Мая) къ Тевкелеву и просилъ его не только теперь, но и впредь не отпускать Хивинцевъ въ небольшомъ числѣ, а отправлять ихъ всѣхъ вдругъ, увѣдомивъ его сперва чрезъ нарочнаго Киргиза для того, что бы онъ успѣлъ приготовить побольше провожатыхъ, которые бы могли доставить ихъ безопасно въ Хиву. Предлогъ былъ благовидный. Ханъ, казалось, опасался, что бы Киргизы, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, не разграбили всѣхъ купцевъ, каждую партію порознь. На самомъ же дѣлѣ слова Хана вовсе небыли такъ чистосердечны: онъ зналъ, что Хивинцамъ, если они станутъ слѣдовать малолюдными караванами, еще легче будетъ миновать его улусы и избавляться отъ уплаты пошлины. Тевкелевъ хорошо понялъ мысль Хана, и въ отвѣтѣ своемъ (1 Іюня 1751 г.) писалъ, что опасенія его на этотъ счетъ не основательны что купцы не избѣгаютъ слѣдующей съ нихъ платы, а если имъ случается не бывать въ Ханской ставкѣ, то берутъ тогда печати въ Оренбургѣ у сына его, которо-

му и взносятъ пошлину. Запретить Хивинцамъ слѣдовать по степи небольшими партіями было бы слишкомъ стѣснительно. Оставя уже въ сторонѣ, что они составляли народъ независимый, должно было еще припомнить, что Хивинцы нанимали провожатыхъ не всѣ вмѣстѣ и не изъ одного улуса, а каждый для себя, какъ кому покажется сходнѣе по цѣнѣ. Договоръ обыкновенно состоялъ въ томъ, что нанимавшіеся Киргизы брались доставить купцовъ въ Оренбургъ и обратно въ Хиву, но не иначе какъ чрезъ свои кочевья; платежъ производился неровно; почти всегда Хивинцы давали Киргизамъ плату впередъ за оба пути. Въ такомъ случаѣ потребовать отъ купцовъ, чтобъ они ѣздили за разъ, было бы несправедливо: Хивинцы, принужденные нанимать другихъ Киргизовъ, потеряли бы деньги, заплаченные прежнимъ вожакамъ, которые ни за что не взялись бы провожать ихъ чрезъ чужіе улусы.

Такой обидный отказъ Тевкелева на просьбу Нуралія былъ для него въ это время оскорбительнѣе, чѣмъ когда либо, потому что Каипъ не прекращалъ своихъ притѣсненій; за одно съ Куразбекомъ, онъ сталъ сбирать въ Хивѣ огромную пошлину съ торгующихъ Киргизовъ, (съ барана, который продавался за 5 рупій, онъ бралъ себѣ 2 рупіи) между тѣмъ, какъ до тѣхъ поръ во все не взималось съ нихъ никакой пошлины (письмо Нуралія къ Неплюеву отъ 30 Августа 1753 г.).

Нурали, долго таившій злобу, наконецъ потерялъ тер-

пѣніе. Онъ дозволилъ подчиненнымъ своимъ грабить Хивинскіе караваны, которые будутъ проходить по степи. Киргизы тотчасъ же воспользовались дозволеніемъ и грабежи начали повторяться одинъ за другимъ Въ началѣ Іюня 1753 г. выѣхало изъ Хивы для торга въ Оренбургъ, 24 человѣка Хивинцевъ; при нихъ было вьючныхъ 6 верблюдовъ и 4 лошади; въ числѣ товара, состоявшаго изъ бязи, выбойки, кисеи, сусы, алачи, парчи, мерлушекъ, кушаковъ и халатовъ, находились и вещи Казанскаго Татарина Аита Усѣева. Караванъ шелъ за препровожденіемъ Старшины Асабая и еще 3 Киргизовъ Малой Орды Булякъ-Чура-Чиклинскаго рода. Въ 25 дней доѣхалъ онъ изъ Хивы до улусовъ Чиклинскаго рода; тутъ проночевалъ и на другой день съ разсвѣтомъ выступилъ снова въ дорогу. Проѣхавъ 20 верстъ, онъ расположился для отдыха въ степи на вершинѣ рѣки Сагиза, какъ вдругъ напало на него человѣкъ 70 или 80 Киргизовъ Меньшой Орды Каракитенскаго и Черкесскаго родовъ и разграбили почти весь товаръ, прямо говоря, что это дѣлалось по приказанію Хана. Несчастные Хивинцы принуждены были ѣхать назадъ съ Асабаемъ въ его улусъ. Чрезъ три дня Асабай, при 100 Чиклинцахъ взялъ ихъ съ собою и отправился къ Каракитенцамъ; но не доходя до улусовъ ихъ, останавился и самъ съ 15-ю Старшинами, и съ Хивинцами, поѣхалъ къ Нуралію. Представъ предъ него, они жаловались на грабежъ, столь вредный для торга въ степи, и просили возвратить по-

хищенный товаръ. Нурали отказалъ имъ съ перваго слова, говоря, что съ этихъ поръ Хива дѣлается для него непріятельскою землею, и приказывалъ Старшинамъ участвовать въ будущихъ грабежахъ; одинъ только Русскій товаръ дозволилъ онъ возвратить, но и тотъ небылъ отданъ. Такимъ образомъ Хивинцы, не получивъ удовлетворенія, снова отъѣхали къ Чиклинцамъ и уже оттуда послали одного изъ своихъ съ жалобою въ Оренбургъ. Почти въ одно время съ этимъ грабежемъ, произошелъ другой: человѣкъ 15 Хивинцевъ и Садырскихъ Трукменовъ, ѣхавшихъ обратно съ 20 вьючными верблюдами изъ Оренбурга, за препровожденіемъ Чиклинскаго рода Урманъ Батыря, были ограблены на дорогѣ. Носились слухи, будто самъ Нурали выслалъ на нихъ одного изъ племянниковъ, или братьевъ своихъ съ Алчинцами и получилъ даже часть изъ похищеннаго товара, именно семь вьючныхъ верблюдовъ (одинъ изъ нихъ былъ навьюченъ квасцами, которые Алчинскія женщины раздѣлили между собою по блюдамъ. Рапортъ Гуляева 15 Августа 1753 года). Наконецъ подъ самымъ Оренбургомъ Киргизы Средней Орды Кипчакскаго рода обобрали одного Хивинца, который не задолго предъ тѣмъ едва спасся изъ рукъ Чиклинцевъ, ограбившихъ двухъ его товарищей.

Вѣсть объ этихъ грабежахъ скоро разнеслась по степи и возродила негодованіе въ врагахъ Хана. Съ собранія, бывшаго у Кушумъ Ходжи по случаю смерти брата его Савранбая, Батырь Султанъ, Бахтыбай Бій и нѣсколько

другихъ знатныхъ Старшинъ съ общаго согласія, отправили къ Нуралію сына Бахтыбаева съ приглашеніемъ пріѣхать къ нимъ на собраніе и объяснить причину своего укоризненнаго поведенія (показаніе Хивинца Балтаніаза 10-го Августа 1753 года). Но Нурали вовсе не былъ расположенъ слушать замѣчаній своихъ противниковъ. Теперь онъ убѣдился въ необходимости и даже пользѣ для него вступить въ открытую вражду съ Каипомъ и тѣмъ самымъ показать неудовольствіе свое на Начальство, которое, по мнѣнію его, не смотря на его трехлѣтнее тѣрпѣніе и покорство, не думало соображаться съ его видами. Зная, какъ Правительство дорожитъ свободнымъ пропускомъ каравановъ и сношеніями съ Среднею Азіею, Ханъ надѣялся, что частые грабежи заставятъ Русскихъ, какъ скоро они поймутъ причину ихъ, если не помочь въ искорененіи соперниковъ, то по крайней мѣрѣ дать ему нѣкоторыя льготы.

Нурали не ошибся. Правительство съ безпокойствомъ приняло извѣстіе о происшествіяхъ въ степи, грозившихъ пресѣчь торгъ, и увидѣло необходимость принять не отлагательныя мѣры (донесенія Неплюева и Тевкелева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и въ Сенатъ 19 Августа 1753 года). Съ этою цѣлью Переводчикъ Гуляевъ отправленъ былъ 13 Августа къ Хану. Въ то же время (17 Августа) посланъ былъ къ Чиклинцамъ Копіистъ Курчеевъ съ письмомъ къ Казабаю и Асабаю отъ Тевкелева, который благодарилъ ихъ за покровительство, ока-

запное Хивинцамъ, и предписывалъ препроводить купцевъ немедленно подъ своимъ прикрытіемъ съ наличнымъ товаромъ, въ Оренбургъ (*). Гуляевъ съ своей стороны, дѣйствуя отъ имени Тевкелева, долженъ былъ показать Нуралію всю неразсудительность его поступковъ и настоять на возвращеніе ограбленныхъ товаровъ. Сверхъ того ему дозволено было отъ себя внушить Хану, что только въ этомъ случаѣ онъ можетъ пріобрѣсти снова довѣріе Начальства и въ награду за свою покорность получить право на годовой окладъ жалованья, такъ какъ одинъ недостатокъ содержанія, вѣроятно, принудилъ его къ дурному обращенію съ проѣзжими купцами.

Порученіе Гуляева было трудно. Едва прибылъ онъ въ Хивскую ставку, на Уплъ рѣку (19 Августа), какъ Ханъ подъ предлогомъ поминовенія одного изъ Старшинъ отъѣхалъ въ Каракитенскій родъ и только по возвращеніи оттуда и то послѣ неотступныхъ требованій Гуляева, рѣшился принять его наединѣ. Пріемъ этотъ былъ чрезвычайно холоденъ. Ханъ, какъ въ разговорѣ, такъ въ письмѣ, тутъ же отправленномъ имъ къ Неплюеву, въ рѣзкихъ выраженіяхъ изложилъ всѣ причины вражды съ Батыремъ и Канцомъ. Батырь, утверждалъ онъ, нашелъ себѣ сообщниковъ въ Біяхъ Чиклинскаго рода Му-

(*) Хивинцы были дѣйствительно доставлены въ Оренбургъ, какъ видно изъ донесенія Неплюева въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 21 Октября 1753 года.

накѣ, Бахтыбаѣ и Айдангалiѣ, и Аккитепскаго рода Аджибаѣ, (*) которые, обличая меня въ безполезномъ ласкательствѣ къ Русскимъ и, надѣясь на помощь Канпа, думаютъ предоставить власть Батырю. Мало того, еще на дняхъ они осмѣлились прислать ко мнѣ, ихъ Хану, парочнаго и сказать, что я врежу имъ, и что они идутъ на Русскихъ. Причина такихъ самовольныхъ поступковъ, продолжалъ Нурали, конечно лежитъ въ невниманiи ко мнѣ Начальства, которое недало мнѣ войска, когда я просилъ о немъ, и не задерживаетъ по моимъ письмамъ Киргизовъ; однимъ словомъ вовсе не думаетъ оказывать мнѣ ни малѣйшей помощи, между тѣмъ какъ я съ моей стороны дѣлаю все, что могу, и еще недавно ходилъ, подъ видомъ отмщенiя за смерть отца, противъ Аблая и Аргинцевъ, которые, обиженные тѣмъ, что Русскiе отбирали у нихъ Башкирскихъ плѣнниковъ, когда они кочевали при линiи, хотѣли было напасть на границы и за тѣмъ откочевать къ Чжуньгарiи, куда ихъ приглашалъ

(*) Братъ его Аралъ Мурза кочевалъ на урочищѣ Биль-Агачь въ 15 верстахъ отъ Илека. Онъ говорилъ Гуляеву, когда тотъ проѣзжалъ его улусъ, что грабежи производятся по приказанiю Нурали, по ненависти его къ Батырю и Канпу, приверженными ему родами Каракитенскимъ и Алачи Алтыбашскимъ, и что теперь нечего полагаться на слова Хана, который, если бы даже и захотѣлъ возвратить товары, не въ состоянiи этого сдѣлать. Въ заключенiе совѣтовалъ онъ задержать въ Оренбургѣ по три человѣка изъ обоихъ родовъ; тогда они сами добровольно исполнятъ требованiе Начальства (рапортъ Гуляева 15 Августа 1753 года).

Даваци. Въ настоющую минуту выведенный изъ терпѣнія Хивинцами, я принужденъ былъ вступить въ открытую вражду съ ними и приказать грабить товаръ, конечно не разумѣя подъ этимъ Русскаго, который я тотчасъ же готовъ возвратить. И такъ я въ правѣ теперь надѣяться, что Правительство, видя упадокъ моей власти въ степи, не откажетъ дать мнѣ тысячь до 10 войска съ пушками; съ ними я ручаюсь въ 1 день взять Хиву (письмо Нуралія отъ 25 Августа 1753 г.)

По полученіи такого извѣстія не трудно было Неплюеву и Тевкелеву угадать къ чему клонились мысли Хана, тѣмъ болѣе, что не одни слова, но и самые поступки его доказывали твердую рѣшимость продолжать начатое. Чиклинцы разграбили въ степи еще одинъ караванъ (рапортъ Гуляева 29 Августа 1753 года). Тогда Неплюевъ вынужденъ былъ предписать по всѣмъ крѣпостямъ соблюдать »крайнюю и ежечасную осторожность и смотрѣть, чтобы ни кто не отлучался въ степь безъ конвоя«. Между тѣмъ къ Нуралію отправлено было письмо, полное упрековъ за его невнимательность къ порученіямъ Начальства, и настоятельныхъ требованій возвратить ограбленный товаръ. Нурали съ гнѣвомъ принялъ такой не ожиданный для него отвѣтъ. Въ сердцахъ онъ приказывалъ Гуляеву ѣхать тотчасъ же назадъ; говорилъ что не хочетъ служить Русскимъ и предлагалъ выбрать на свое мѣсто въ Ханы любаго изъ братьевъ или Старшинъ. Не извѣстно, долго ли продолжался бы гнѣвъ его, если бы

Гуляевъ, который въ то же время получилъ приказъ обѣщать Хану окладъ жалованья, не прибѣгнулъ къ этому средству. Оно видимо подѣйствовало на корыстолюбиваго Нуралія, издавна уже просившаго себѣ денежнаго содержанія; по крайней мѣрѣ съ этой минуты онъ сталъ гораздо уступчивѣе; на словахъ и письменно объявлялъ Начальству, что въ надеждѣ получать по 1000 руб. въ годъ, онъ рѣшился запретить грабежи и возвратить ограбленный товаръ, для чего и отправилъ уже въ Каракитенскій родъ Джанбекъ Тархана. Въ доказательство преданности своей, онъ обѣщалъ зимой кочевать при линіи около Яицкихъ Форпостовъ, и просилъ назначить на зиму къ себѣ одного изъ Русскихъ офицеровъ (рапортъ Гуляева 21 Сентября 1753 года). Сверхъ того, предупреждая виды Правительства, онъ самъ вызвался ѣхать въ Хиву, или же отправить вмѣсто себя нарочныхъ, для разбирательства ссоръ, происходящихъ между Киргизами, и Хивинцами, и просилъ назначить двухъ или трехъ человѣкъ, которые бы присутствовали при этомъ со стороны Русскихъ, какъ свидѣтели (письмо Нуралія 21 Сентября 1753 года).

Такое предложеніе Хана было принято съ удовольствіемъ Неплюевымъ и Тевкелевымъ. Желая воспользоваться имъ въ торговомъ отношеніи, они немедленно снарядили купеческій караванъ на 20,000 руб., назначивъ изъ Оренбурга Чучалова, и изготовили дружескія письма къ Хану. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не забыли по-

слать письма и подарки къ Куразбеку, пользовавшемуся огромнымъ вліяніемъ на Хана, и употреблявшему его, сколько можно было замѣтить, на развитіе торга въ пользу своему отечеству и Русскимъ; по крайней мѣрѣ, не смотря на всѣ грабежи Киргизовъ, онъ постоянно заставлялъ купцовъ ѣздить въ Оренбургъ, вывозить золото, серебро и драгоцѣнные камни, и всегда принималъ посланныхъ нашихъ ласково и дружелюбно. (Донесеніе Неплюева и Тевкелева въ Государств. Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 5 Мая 1754 г.) Казалось дѣло шло успѣшно; караванъ благополучно прибылъ къ Нуралію, гдѣ присоединился къ нему Гуляевъ, назначенный отъ Неплюева главнымъ посланцемъ. Ханъ съ своей стороны не замедлилъ избрать одного Бія, именемъ Мусульманъ Бій, нѣсколькихъ Старшинъ и простыхъ Киргизовъ (въ томъ числѣ находились и дядя Хана Мурзатай, братъ Мусульманъ—Бія Бура, Малыбай, Ульджа и другіе).

Наконецъ соединенное посольство, вмѣстѣ съ караваномъ, выступило въ путь; когда они доѣхали до горы Пряка (разстояніемъ отъ Хивы около 4 дней ѣзды) то учредили между собою совѣтъ, и съ общаго согласія отправили напередъ сына Мусульманъ-Бія, Турмамбета, Кайсару Багыря, Оренбургскаго жителя Алея Армякова и трехъ Хивинцевъ объявить о своемъ пріѣздѣ Хану и Куразбеку, и просить ихъ отвести лавки для помѣщенія товара. Лавки были дѣйствительно отведены въ городѣ и на встрѣчу каравана выслано было двое Ханскихъ людей

съ приказаніемъ, осмотрѣвъ и запечатавъ тюки, вести купцовъ въ Хиву. Люди эти 17 Декабря 1753 года, довели караванъ до пригородка Шабата (около 25 верстъ разстоянія отъ Хивы) и тутъ остановили его на удобномъ мѣстѣ, чтобы приступить къ печатанію товаровъ, какъ вдругъ прискакалъ изъ Хивы Достарханчи (т. е. скатертникъ) Елкайдаръ съ извѣстіемъ, что Каинъ убилъ Куразбека (который возпамѣрился было умертвить его по разнымъ неудовольствіямъ). Достарханчи отъ имени Хана приказалъ оставить печатаніе тюковъ и ѣхать каравану немедленно въ городъ, пока Трукмены, живущіе около Хивы, еще не свѣдали о происшедшемъ переворотѣ. Иначе, какъ это обыкновенно бываетъ при подобныхъ случаяхъ купцамъ угрожалъ бы грабежъ, тѣмъ болѣе не маловѣжный, что Куразбекъ славился своею храбростію и пользовался огромнымъ уваженіемъ у Хивинцевъ, Трукменовъ и Каракалпаковъ. Получивъ такое извѣстіе, караванъ тотчасъ же тронулся вмѣстѣ съ Достарханчіемъ, и 17 человѣками конвоя, высланными Ханомъ на встрѣчу ему, подъ начальствомъ Аталыка Въ этотъ же день, доѣхалъ онъ до пригородка Кошъ Купера, гдѣ и переночевалъ по совѣту Елкайдара и конвойныхъ Здѣсь, какъ потомъ узнали, онъ едва не подвергся гражебу со стороны Трукменовъ, которые отказались отъ своего намѣренія только по словамъ Начальника ихъ Дяпакъ Бія, гроэившаго имъ силою и мщеніемъ Русскаго Государства. Изъ нихъ только человѣкъ 10 подходили ночью къ ка-

равану, но, услышавъ ружейные выстрѣлы, бросились тотчасъ бѣжать. Въ Кошъ-Куперѣ догнали караванъ изъ Шабата 50 узбековъ и присоединились къ нему, пріѣхавшіе въ Кошъ-Куперъ человѣкъ 110 Трукменовъ съ знатнымъ Аталыкомъ Курагузя, и около 100 человѣкъ Кунградцевъ при Старшинѣ Мусульманъ Гулѣ; всѣ они вмѣстѣ 18 Декабря утромъ доѣхали до строенія Рабатъ, откуда встрѣтись съ отправленными къ нимъ отъ Канпа 50 Мергенами при Миранѣ Аллагулѣ, продолжали путь свой Не доходя одной версты до Хивы, встрѣтилъ ихъ Хивинскій Шигаулъ съ 12 Мергенами, который поздравивъ съ благополучнымъ пріѣздомъ посланцевъ Нуралія и Русскихъ, ввелъ пригажихъ въ городъ и размѣстилъ по квартирамъ, а караванъ поставилъ въ Караванъ-Сараѣ. Гуляеву и Чучалову велѣлъ онъ хранить у себя письма къ Хану, пока не послѣдуетъ особаго приказа.

Въ это время Киргизъ-Кайсацкіе Старшины, жившіе при Канпѣ, (*) и другіе успѣли наговорить Хану, будто Неплюевъ и Тевкелевъ прислали двухъ вероломовъ,

---

(*) Канпъ, какъ Киргизскій Султанъ, всегда имѣлъ при дворѣ Кайсацкихъ Старшинъ, частью изъ своихъ приверженцевъ, частью изъ подластныхъ Батыря. Трудно объяснить настоящую причину злобы ихъ Въ рапортѣ своемъ, Гуляевъ пишетъ: а по какимъ еще причинамъ, и кѣмъ именно о семъ ему, Хану, было объявляемо, о томъ я не изъясняя о семъ обстоятельно за особливыми резонами, ссылаюсь на подателя сего нашего нижайшаго доношенія Сентовскаго Татарина Килчура Аскарова.

навьюченныхъ разными подарками къ Куразбеку, который былъ ихъ другомъ, что Гуляевъ пріѣхалъ во все не для свидѣтельства при разборѣ ссоры, а »для примѣчанія Хивы и предѣловъ оной«. Въ довершеніе своего доноса они жаловались на притѣсненія, чинимыя Киргизамъ состороны Русскихъ; говорили, что Русскіе не возвращаютъ бѣглыхъ изъ степи Персіянъ и другихъ плѣнныхъ, хватаютъ Киргизовъ по разнымъ клеветамъ, заковываютъ ихъ въ желѣзо, сажаютъ въ тюрьму, бьютъ плетьми и кнутомъ и т. п., наконецъ, что причина всему злу Гуляевъ, котораго слѣдуетъ теперь убить или отравить. Канъ повѣрилъ лживымъ словамъ своихъ совѣтниковъ и велѣлъ приставить къ квартирѣ Гуляева и Чучалова караулъ изъ 9 Мергеновъ своихъ, которымъ приказано было смотрѣть, что бы посланцы ни куда не бѣжали и чтобъ Русскіе плѣнные, находившіеся въ Хивѣ, неходили къ нимъ и не передавали ни какихъ вѣстей. 27 Декабря вечеромъ Канъ чрезъ Шигаула своего вытребовалъ у нихъ грамоты къ себѣ и къ Куразбеку для того только, что бы убѣдиться, дѣйствительно ли прислалъ подарокъ на имя покойнаго Бика.

Между тѣмъ Мусульманъ Бій и прочіе послы Пуралія 21 Декабря представлялись владѣльцу и вручили ему письмо Хана. Канъ принялъ ихъ весьма ласково; 25 числа вечеромъ онъ пригласилъ ихъ къ себѣ и тутъ съ общаго согласія постановили они, что Киргизы за ограбленныхъ въ 1751 году Утявли Батыремъ 40 Хивин-

скихъ верблюдовъ заплатятъ 150 кобылъ холостыхъ; что же касается до прошлогодняго грабежа Киргизовъ надъ Трукменами, то Каипъ распорядился самъ: по просьбѣ Трукменовъ, онъ дозволилъ имъ взять Милибая и Ульджу (участвовавшихъ въ грабежѣ) и не выпускать ихъ, пока не возвратятъ всего похищеннаго. Трукмены тотчасъ же схватили Малыбая и Ульджу, заковали ихъ въ желѣзо и увезли въ свои улусы. Впрочемъ заключеніе ихъ продолжалось не долго: 11 Января 1754 года они были высвобождены по приказанію самаго Хана, котораго принудилъ къ тому слѣдующій случай

Въ 1752 году, когда пріѣзжалъ въ Хиву по своимъ дѣламъ родной братъ Мусульманъ Бія Черкаскаго рода Бура, то Каипъ просилъ его сосватать за него среднюю дочь Нуралія, Мысырь-Ханикей. На возвратномъ пути, Бура заѣхалъ къ Нуралію и передалъ ему предложеніе Хивинскаго владѣльца; Ханъ выслушавъ слова его, сказалъ только, что если Каипъ пришлетъ сватами добрыхъ и надежныхъ людей, то онъ исполнитъ его желаніе. Этимъ дѣло и кончилось. Мусульманъ Бій и Бура, отъѣзжая въ Хиву, забыли спросить Нуралія объ его дочери: Каипъ же съ перваго слова возобновилъ свое предложеніе и началъ спрашивать Мусульманъ Бія, не можетъ ли онъ совершить вмѣсто Хана брачной молитвы. Бій, боясь оскорбить Каипа, принужденъ былъ отвѣчать утвердительно. Въ этой рѣшимости поддержали его Гуляевъ и Чучаловъ, къ которымъ онъ приходилъ (3 Янва-

ря) совѣтоваться, вмѣстѣ съ Мурзатаемъ. Находя родственный союзъ Каипа съ Нураліемъ лучшимъ средствомъ прекратить вражду ихъ и обезопасить проѣздъ купцовъ, Русскіе чиновники поручились за Нуралія, говорили, что онъ не станетъ ничему противиться, чтобы не сдѣлали повѣренные его, въ особенности когда въ числѣ ихъ находится родной дядя его Мурзатай. Гуляевъ присовокупилъ даже, что въ бытность его при Нураліѣ, онъ слышалъ »отъ дворовыхъ его бабъ«, что Ханъ »весьма склоненъ и намѣренъ отдать дочь свою за Каипа.« Однимъ словомъ 6 Января вечеромъ Мусульманъ Бій, Мурзатай и прочіе были приглашены ко Двору, гдѣ должны были прочесть брачную молитву и совершить обычныя поздравленія. Бій воспользовался этимъ случаемъ, что бы спросить Хана: отчего онъ такъ долго недопускаетъ до себя Гуляева, и за чѣмъ велѣлъ Трукменамъ схватить Малыбая и Ульджу, пріѣхавшихъ къ нему посланцами. Каипъ отвѣчалъ, что онъ давно желалъ бы видѣть Русскихъ и не замедлитъ принять ихъ, какъ скоро дѣла придутъ въ порядокъ; теперь же этого сдѣлать неможетъ, потому что слишкомъ занятъ пріемомъ знатныхъ людей, пріѣзжающихъ къ нему отовсюду и усмиреніемъ разныхъ мятежей (*). Что же касается до Малыбая и Ульджи, то онъ утверждалъ, что одна необходимость приласкать Трукменовъ и желаніе

(*) Слова Каипа были справедливы. Каждый день пріѣзжало къ нему множество народа. Трукмены, Каракалпаки и Аральцы, родственники

удержать ихъ чрезъ это въ повиновеніи принудили его прибѣгнуть къ насилію. Знатнѣйшіе изъ Трукменовъ, говорилъ онъ, пріѣзжали къ нему жаловаться на грабежи Киргизовъ и требовали удовлетворенія; въ противномъ случаѣ грозили откочевать отъ Хивы въ дальнія мѣста къ верхнимъ Калмыкамъ или къ Бухарѣ и вступить въ подданство тамошнихъ владѣльцевъ. Однако не смотря на это, Ханъ 7 Января отправилъ къ Трукменамъ нарочнаго и 11 числа они были въ Хивѣ Въ тотъ же день вечеромъ Ханъ призвалъ къ себѣ Малыбая и распрашивалъ его о Русскихъ, не прибыли ли они для примѣчанія его владѣнія, что бы со временемъ отомстить за погибель Бековича. Тщетны были усилія Малыбая разубѣдить его; Ханъ, какъ видно, остался при своей мысли и, жалуясь, что посланецъ его не былъ допущенъ къ Императорскому Двору, а торговцамъ его не дозволяютъ ѣздить внутрь Россіи, объявилъ, что онъ не только ни куда не пропуститъ пріѣхавшихъ купцовъ, но даже не станетъ ни кого изъ своихъ отправлять для торга въ Россію.

Легко себѣ представить, какъ затруднительно было положеніе Гуляева и его спутниковъ, до которыхъ доходили всѣ эти непріятныя извѣстія. Безпокойство ихъ возросло еще болѣе, когда они (12 Января) услышали отъ сына Мусульмана Бія, Туршамбетя, что

покойнаго Куразбека, волновались, и Ханъ употреблялъ всѣ средства, чтобы привести ихъ снова въ повиновеніе.

Каинъ уже одарилъ Киргизскихъ посланцевъ и намѣренъ отправить ихъ обратно къ Нуралію, что бы требовать отъ него возвращенія всего погрѣбленнаго и выдачи дочери; Русскихъ же рѣшился задержать до тѣхъ поръ, пока требованія эти не будутъ исполнены. Тогда Гуляевъ и Чучаловъ, чувствуя всю необходимость немедленнаго свиданія съ ханомъ, прибѣгнули къ послѣднему средству и начали дѣйствовать чрезъ любимцевъ Каина. Они призвали Ханскаго Шигаула, подарили ему на кафтанъ 5 арш. голландскаго алаго сукна, (которое взяли въ долгъ у купцовъ за 6 червонцевъ) и просили доложить о себѣ Хану. Хотя Ханъ ни чего не сдѣлалъ по этому докладу, однако наши посланцы не потеряли надежды: они обратились (13 Января) съ тою же просьбою къ самому любимому Ханскому Достарханчею Утягану, и подарили ему голову сахару, и кармазиннаго краснаго сукна на кафтанъ (цѣною въ 8 червонцевъ и 3 рупіи). Каинъ не уважилъ и этого ходатайства. Въ такомъ тревожномъ состояніи Гуляевъ и Чучаловъ (14 Января) призвали къ себѣ на совѣтъ Мусульманъ Бія, Мурзатая и прочихъ Киргизовъ; они просили Бія подъ какимъ нибудь предлогомъ отложить отъѣздъ до весны и тогда уже отправиться, взявъ съ собою караванъ и расторговавшихся купцовъ Русскихъ; они говорили Бію о холодахъ, которые ожидали его на дорогѣ и могли, по старости лѣтъ его, свести его въ могилу, напоминали о приказаніи Нуралія не возвращаться розно съ караваномъ, и наконецъ гро-

зили потерею награды, (*) которая ожидала его отъ Неплюева и Тевкелева и платы, обѣщанной Нураліемъ отъ имени купцовъ за безопасное препровожденіе ихъ (Бію одному приходилось получить до 100 рупій). Присутствовавшіе Киргизы подтвердили эти слова, и сами присовѣтовали Бію уговорить Хана, чтобъ онъ не посылалъ его, а отправилъ кого нибудь »по младше«; въ случаѣ же отказа, Мусульманъ долженъ былъ просить Каипа принять къ себѣ Русскихъ посланцевъ. Бій при первомъ свиданіи съ Ханомъ, сталъ настаивать на дозволеніе остаться въ Хивѣ; Каипъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказалъ ему и только послѣ неотступной просьбы всѣхъ Киргизовъ согласился видѣть Гуляева. 6 Февраля вечеромъ прислалъ онъ Шигаула своего на квартиру къ Русскимъ посламъ. Человѣкъ этотъ взялъ Гуляева, вмѣстѣ съ Мусульманомъ и Мурзатаемъ, и повезъ ихъ къ къ Ханскому двору; впереди шли съ ружьями стоявшіе на караулѣ 9 Мергеней.—Какъ скоро они пріѣхали къ двору, то у воротъ Шигаулъ снялъ ихъ съ лошадей и ввелъ въ передній залъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ стояло человѣкъ 200 Мергеней съ ружьями. Тутъ посадили ихъ и подчивали Ханскою пищею, не допуская еще до Хана; когда же кончилось угощеніе, то Шигаулъ отвелъ Бія, Мурзатая и другихъ Киргизовъ въ особливый

(*) Мусульманъ Бій еще ни разу не бывалъ въ Оренбургѣ и Пурали, назначивъ его главнымъ посланникомъ, желалъ доставить ему случаи видѣть Оренбургъ и получить награжденіе.

покой; Гуляева же взяли два Есаула, и вмѣстѣ съ Шигауломъ ввели въ покой »тотъ, гдѣ Ханъ присутствуетъ« Каипъ сидѣлъ на золотомъ престолѣ, во всемъ Ханскомъ нарядѣ и въ золотомъ вѣнцѣ (жившіе при его дворѣ говорили, что еще ни одного посла такъ не принималъ) Шигаулъ доложилъ ему о Гуляевѣ; тогда Ханъ сдѣлалъ знакъ, чтобы его подвели ближе къ нему, что было немедленно исполнено. Гуляевъ подошелъ на колѣняхъ, и по обычаю Хивинскому, преклонилъ правое плечо, на которое Ханъ наложилъ руку. Потомъ Есаулы взяли и поставили Гуляева у порога. Посолъ нашъ (*) проговорилъ обычную у Мусульманъ при свиданіи молитву; какъ скоро онъ прочелъ ее, то Ханъ обратился къ нему съ привѣтствіемъ: здравствуешь ли ты, посолъ? Гуляевъ молча поклонился. Каипъ прододжалъ: пріѣздъ твой я за благо пріемлю. Гуляевъ снова поклонился и только что хотѣлъ начать разговоръ, какъ Есаулы вывели его изъ комнаты и отвезли обратно на квартиру. Свиданіе это было единственное, котораго владѣлецъ удостоилъ посла нашего въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Между тѣмъ Мусульманъ Бій, понуждаемый Каипомъ, уже совершенно собрался въ дорогу; но вдругъ неожиданный случай удержалъ его на время въ Хивѣ. 10 Февраля, Ханъ получилъ извѣстіе, что родственники покойнаго Куразбека, Тулгабекъ и Калметьнакъ съ сообщниками своими привезли изъ Киргизской степи въ по-

(*) Гуляевъ былъ изъ Татаръ и Мухаммеданинъ.

строенный Куразбекомъ городъ Чапъ, Ирали Султана и намѣрены провозгласить его Ханомъ въ Хивѣ. Каипъ, встревоженный этимъ извѣстіемъ, оставилъ при себѣ Бія, а только 12 числа послалъ къ Нуралію Койсару Батыря просить его выдать за него дочь и приказать Иралію выѣхать изъ Чапа. Самъ же онъ, послѣ отъѣзда Кайсары, старался чрезъ покорныхъ Хивинцевъ погубить мятежныхъ сродниковъ Куразбека и избавиться отъ Иралія. Наконецъ послѣ многихъ трудовъ ему удалось достигнуть цѣли: родственники покойнаго Бика были почти всѣ перерублены, а сообщники ихъ приведены въ покорность. Иралія онъ одолѣлъ и съ находившимися при немъ 100 Киргизами и 700 Каракалпаками вытѣснилъ изъ Чапа. Султанъ бѣжалъ изъ города, но на дорогѣ былъ захваченъ со всѣми приверженцами своими; при этомъ Каракалпацкихъ Старшинъ убили, остальныхъ же Каралпаковъ и Киргизовъ отпустили въ дома. Самъ Ирали съ немногими Киргизами былъ отвезенъ въ Хиву. Ханъ продержалъ его у себя дней шесть и 9 Марта, одаривъ его на равнѣ съ Мусульманъ Біемъ и прочими Киргизскими посланцами, отправилъ ихъ всѣхъ обратно съ дарами къ Нуралію, котораго приказалъ просить невыѣзжать войною, а выслать дочь и возвратить разграбленное; съ своей стороны онъ обязывался удовлетворить Киргизовъ за всѣ обиды и прекратить сборъ пошлины.

При мировой сдѣлкѣ этой Каипъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Россіи во все нѣтъ дѣла до разбирательства,

отстранилъ свидѣтельство Гуляева и Чучалова. Этого недовольно; не смотря на неотступныя требованія Киргизскихъ Старшинъ и самаго Иралія, онъ ни какъ не согласился отпустить съ ними Русскихъ пословъ и объявилъ, что вышлетъ ихъ особо съ караваномъ и съ посланцами своими, но не раньше, какъ получитъ отвѣтъ Нуралія и усмиритъ Трукменовъ, которые только что взбунтовались.

Такимъ образомъ послы наши, вопреки всякой справедливости, остались задержанными въ Хивѣ на произволъ властолюбиваго Хана (*). Тойже тяжкой участи подверглись и купцы, пріѣхавшіе съ ними для торга. Неговоря уже о томъ, что Каипъ подъ разными предлогами полмѣсяца не приказывалъ осматривать товары, онъ сверхъ тото не только запретилъ продавать ихъ и отказалъ желающимъ ѣхать въ Бухару, но даже приставилъ караулъ ко всѣмъ привезеннымъ вещамъ и забралъ для себя большею частью въ долгъ (тысячь на шесть золотыхъ) лучшія вещи, которыя употреблялъ на подарки приходившимъ въ повиновеніе Хивинскимъ, Трукменскимъ,

(*) Гуляевъ воспользовался пребываніемъ въ Хивѣ, что бы, согласно съ полученнымъ имъ наставленіемъ, дать знать въ Бухару о прекращеніи грабежей въ степи и просилъ тамошнихъ купцовъ ѣздить безъ всякаго опасенія въ Оренбургъ Впрочемъ этимъ лѣтомъ трудно было ожидать большаго пріѣзда торговцевъ Бухару со всѣхъ сторонъ осаждали (числомъ, какъ говорятъ до 200,000). Не мало опасности представлялъ и проѣздъ чрезъ жилища Трукменовъ и кочевавшихъ по Сыръ-Дарьѣ Киргизовъ, которые подъ предводительствомъ Карабашъ-Султана и еще недавно ограбили одинъ Хивинскій караванъ. Кромѣ того нельзя было надѣяться, чтобы Хивинскіе или Бухарскіе рынки наполнялись издѣліями изъ Персіи, вступившей въ непріязненныя сношенія съ Хивой. Шахъ

Каракалпацкимъ и Киргискимъ Старшинамъ. Вѣроятно, онъ бы отобралъ и остальной товаръ, если бы купцы, видя это, не стали тайкомъ вывозить его изъ Караванъ-Сарая по немногу въ Ургенджъ и продавать тамъ за самую дешезую цѣну. Словомъ торговцы наши распродали товаръ свой безъ всякой прибыли: даже нѣкоторые изъ нихъ распрятали его, не находя сбыта, потому что Ханъ запретилъ обывателямъ Хивы покупать его. Между тѣмъ Каипъ не думалъ платить имъ долга и обманывалъ пустыми обѣщаніями отдать деньги, какъ скоро получитъ отвѣтъ отъ Нуралія и усмиритъ Трукменовъ. Купцы, не предвидя конца дѣлу, теряли всякое терпѣніе, и многіе соглашались ѣхать обратно, не дождавшись уплаты, но Ханъ велѣлъ не только не отпускать ни куда хозяевъ, но даже приказалъ задерживать работниковъ съ верблюдами и если нѣкоторымъ удалось отправить работниковъ своихъ, такъ это было сдѣлано тайно и съ большою опасностью. Разъ, когда Ирали былъ въ Чапѣ, купцы рѣшились напомнить Каипу объ его долгѣ чрезъ Мурзатая. Ханъ вмѣсто того, чтобы исполнить справедливое требованіе ихъ, грозилъ умертвить ихъ, если они неперестанутъ докучать своими просьбами (рапортъ Гуляева и Чучалова изъ Хивы 9 Марта 1754 года).

Персидскій, врагъ Каипу, услышавъ о смерти Куразбека, грозилъ умертвить Хивинцевъ, пріѣхавшихъ къ нему для торга, и отобралъ у нихъ всѣ серебро, вывезенное ими въ рупіяхъ (ходъ серебренныхъ рупій былъ въ то время запрещенъ въ Хивѣ; они были замѣнены мѣдными тенгами, удобными для бѣдныхъ, серебреныя рупіи не въ большомъ количествѣ отбирались на Хана).

Такое тягостное положеніе нашихъ торговцевъ въ Хивѣ продолжалось долго Одинъ изъ нихъ Родіонъ Михайловъ, прикащикъ Сызранскаго купца Кандалаева, въ письмѣ отъ 28 Мая 1754 года къ Самарскому Бургомистру Рукавкину сообщилъ ему, что Ханъ ни подъ какимъ видомъ не соглашается отпустить ни ихъ, ни работниковъ, и требуетъ, чтобъ они ждали уплаты денегъ за забранный имъ товаръ, но неизвѣстно, когда и сколько (*) именно онъ думаетъ отдать имъ. Самарскій купецъ Данила Рукавкинъ уѣхалъ было изъ города, не дождавшись денегъ, но Ханъ, узнавъ объ этомъ чрезъ три дня, послалъ за нимъ въ погоню 40 человѣкъ, которые возвратили его въ Хиву (письмо Родіона (**) отъ 28 Мая къ Кандалаеву.)

Задержаніе пословъ нашихъ и каравана въ Хивѣ не могло не тревожить Пограничнаго Начальства, и безъ того обремененнаго ежеминутными заботами и обязаннаго безпрестанно слѣдить за дикими и безпокойными Киргизами, которые не упускали ни одного случая удовлетво-

(*) Въ это время въ Хивѣ цѣны на товаръ были слѣдующія: кожа 2 червонца, юфть по 6 черв., сѣчія канцелярное по 60 черв , пудъ, сахаръ по 6 черв. пудъ, воскъ по 8 черв пудъ, голь по 10 черв поставъ кармазинъ 60 черв. половинка, карновыя суѣна по 8 черв. половинка (два письма Родіона Михайлова, одно отъ 28 Мая къ Кандалаеву, а другое отъ того же числа къ Сызранскому купцу Пешкову).

(**) При этомъ письмѣ Михайловъ прислалъ къ своему хозяину на пробу одну щепоть даршинскаго песку (?). Песокъ этотъ былъ отправленъ для разсмотрѣнія къ Доктору Риндеру, который не нашелъ въ немъ никакихъ особенныхъ свойствъ.

рить страсти къ грабежу и добычѣ. Лѣтомъ 1754 года часть изъ нихъ, большею частью Семиродцы вѣдѣнія Айчувакъ Султана, который самъ расположился въ 10 верстахъ отъ Гиряльскаго редута и въ 6 верстахъ отъ Озерной крѣпости, кочуя близь линіи (*), тѣснили Пограничныхъ жителей Уйской-Верхней, Красногорской и Орской дистанцій набѣгами и угонами. Выбирая минуты, когда разъѣзды, посылаемые отъ одной крѣпости до другой, не могли усмотрѣть за ними, Киргизы, собираясь вооруженными партіями въ 10, 18 или 20 человѣкъ, разъѣзжали во кругъ крѣпостей (**), перебирались на внутреннюю сторону Яика, угоняли скотъ (***), захваты-

(*) Киргизы, какъ видно, издавна любили кочевать при линіи, куда привлекали ихъ лучшіе корма. Во все лѣто 1754 г продолжалось прикочевываніе ихъ къ границѣ, въ Іюлѣ 600 кибитокъ Табынскаго рода расположилось около Колпацкаго редута (рапортъ Командира Орской дистанціи Полковника Родена отъ 14 Іюля 1754 г.), а сто кибитокъ при Старшинѣ Исеть Батырѣ у Озерной крѣпости (рапортъ Командира Красногорской дистанціи Секундъ-Маіоръ Спижарнаго отъ 25 Іюля 1754 г.) Въ Августѣ подошло и къ Красногорской крѣпости значительное число кибитокъ (рапортъ Спижарнаго 17 Августа 1754 г.) Начальство дозволяло это близкое кочеваніе къ линіи и требовало только, чтобъ Киргизы не потравляли сѣнокосныхъ луговъ. Для этого на мѣстахъ, гдѣ находились покосы приказано было ставить вехи и колья, которые должны были служить знаками для Киргизовъ (указъ Неплюева 1753 г. 2 Іюля къ Секундъ-Маіору Спижарному).

(**) Небольшія партіи Киргизовъ не разъ приближались къ Оренбургскому редуту и къ Таналыцкой крѣпости, и въ отвѣтъ на дѣланные имъ вопросы, требовали возвращенія лошадей, будто бы угнанныхъ у нихъ, въ противномъ случаѣ грозили хватать людей и забирать скотъ (рапортъ Родена 16 Іюля 1754 г)

(***) Въ двухъ верстахъ отъ Озерной крѣпости Киргизы угнали 20

вали людей и покушались даже на убійство (*), часто разбивали они разъѣзды и конвой (**), иногда попадались имъ въ руки наши солдаты и драгуны (***), ко-

лошадей (рапортъ Секундъ Маіора Спижарнаго 17 Іюня 1754 года.) Въ Іюлѣ 1754 г. партія Киргизовъ пробралась въ Башкирскую деревню Уметову и отогнала тамъ скотъ (рапортъ Подполковника Исакова 9 Августа 1754 г.). Пять человѣкъ Киргизовъ съ ружьями и копьями около Губерлинской крѣпости отняли у одного Капрала двухъ лошадей (рапортъ Родена 12 Іюля 1754 г.). Въ четырехъ верстахъ отъ Петропавловской крѣпости два Киргиза захватили у двухъ драгунъ двухъ лошадей (рапортъ Горина, Командира Уйскои Верхнеи дистанціи 24 Августа 1754 г.).

(*) 12 Августа 1754 года 5 Киргизовъ, около Самарскаго форпоста, напали на двухъ драгунскихъ женъ, ѣхавшихъ изъ Степной крѣпости въ Троицкую и одну изъ нихъ убили.

(**) Около Тереклинскаго редута четыре Киргиза, вооруженные сайдаками и ружьями, бросились на разъѣздъ, состоявшій изъ одного драгуна и двухъ Башкировъ (рапортъ Родена 29 Іюля 1754 года). Въ 18 верстахъ отъ Губерлинской крѣпости 15 Киргизовъ, вооруженные сайдаками и копьями, стали стрѣлять въ трехъ драгуновъ и трехъ Башкировъ, сопровождавшихъ Сергіевскаго полка Поручика Карауловскаго, ѣхавшаго въ Подгорный редутъ. Когда Русскіе открыли огонь, то хищники кинулись на нихъ, укрюками поймали одного драгуна и одного Башкира, перебрались чрезъ Яикъ въ степь, избили драгуна саблями, ободрали плѣнныхъ и отпустили ихъ.

(***) Восемь Киргизовъ въ четырехъ верстахъ отъ Гирьяньскаго форпоста увели изъ лѣса солдата Деньщикова (рапортъ Секундъ-Маіора Спижарнаго 17 Іюня 1754 года) Около Озерной крѣпости человѣкъ 10 Киргизовъ напали на Сержанта Иванова, ѣхавшаго съ двумя Башкирами отобрали у нихъ лошадей и одежду, а Иванова избили саблями и плетьми (рапортъ Командира Красногорской крѣпости 30 Іюля 1754 года) Изъ Подгорнаго редута выслано было 10 солдатъ для рубки лѣса, одинъ изъ нихъ, Шенохинъ, имѣлъ неосторожность отойти вдаль отъ команды, какъ вдругъ бросились на него 15 человѣкъ Киргизовъ и захватили его. На другой день нашли его въ степи въ ущельяхъ между горъ, голаго и связаннаго по рукамъ и ногамъ (рапортъ Родена 9 Сентября 1754 года).

торые, не смотря на строгія запрещенія начальства, отлучаясь, худо вооруженные, часто безъ прикрытія, изъ форпостовъ или редутовъ для рубки лѣса или за сѣномъ, дѣлались жертвою неосмотрительности своей и терпѣли отъ Киргизовъ побои и оскорбленія. Тщетно Начальство прибѣгало къ различнымъ мѣрамъ, предписывало соблюдать возможную осторожность (указъ Неплюева Командирамъ Дистанцій 23 Августа 1754 г.), высылало партіи для преслѣдованія хищниковъ, или удерживало на линіи пріѣзжавшихъ Киргизовъ, думая чрезъ это вернуть плѣнныхъ или пограбленное. Партіи возвращались обыкновенно послѣ безполезныхъ поисковъ въ степи, а Киргизы, признаные невинными, отпускались обратно въ аулы. Наконецъ Неплюевъ, приказомъ отъ 31 Августа 1754 года, объявилъ, чтобъ выше Краснаго яра, лежащаго въ 5-ти верстахъ отъ Нѣжинскаго редута ни кого по сю сторону Яика не отпускать изъ командъ безъ билета и не увольнять изъ командъ людей, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ по одному человѣку, а не менѣе какъ по шести, и то вооруженныхъ.

Буйства Киргизовъ не прекращались. Въ 1756 году они начались даже раньше обыкновеннаго, вѣроятно потому, что зимою не выпадало большихъ снѣговъ и они стали таять по немногу, такъ что не было распутицы и проѣздъ былъ свободный вездѣ. Къ тому тебеневка случилась хорошая и лошади Киргизовъ были исправны (рапортъ Неплюева въ Сенатъ 15 Марта 1756 года) Ночью

11 Марта 15 человѣкъ Кайсаковъ напали между Разбойнымъ редутомъ и Губерлинскою крѣпостью на Крестьянина Графа Шереметева, Пономарева и пятярыхъ его товарищей, ѣхавшихъ съ товаромъ на 4000 руб. изъ Орской крѣпости въ Оренбургъ. Хищники схватили ихъ, посадили верхомъ, подвязавъ имъ ноги подъ брюхо лошадей, и перевезли на ту сторону Яика, вмѣстѣ съ обозомъ. Проѣхавъ верстъ 10, они остановились при одной рѣчкѣ, раздѣлили между собою добычу, обыскали Русскихъ, связали имъ руки и ноги, и выбравъ глубокое мѣсто въ рѣкѣ, стали колоть ихъ и бросать въ воду. Такимъ образомъ погибли всѣ, исключая одного Пономарева, который, раненый и избитый, успѣлъ выползть изъ рѣки и добраться до Разбойнаго редута (рапортъ Коменданта Орской дистанціи Сумарокова 12 Марта 1756 года). Виновниками столь безчеловѣчнаго поступка оказались Киргизы Джагалбайлинскаго рода и Башкиры (*) (изъ числа бунтовщиковъ, выбѣжавшихъ въ степь). Встревоженное Начальство не знало, чѣмъ положить предѣлъ подобнаго рода неистовствамъ. По линіи тогда стояли одни обыкновенные гарнизоны, у которыхъ лошади отъ недостатка въ овсѣ и зимнихъ доставокъ провіанта, были

(*) Пономаревъ обвинялъ тѣже Орскихъ Казаковъ (которые были Татары), но они оказались невинными, впрочемъ подтверждено было, что бы ни кто изъ нихъ не отлучался безъ вѣдома, и то не долѣе какъ на одинъ день; въ противномъ случаѣ, если бы кто и заночевалъ гдѣ, приказано было считать его за подозрительнаго и поступать по указамъ (указъ Сумарокову 26 Марта 1756 года).

не исправны, тотъ же недостатокъ въ кормѣ не позволялъ до травы двинуть добавочныхъ командъ. Неплюевъ доносилъ объ этомъ въ Сенатъ (15 Марта 1756 г.) и просилъ указа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ по всей линіи соблюдать возможную осторожность и не пропускать ни подъ какимъ видомъ проѣзжихъ безъ конвоя (Ордеръ Генералъ Лейтенанту Салтыкову 15 Марта 1756 года). Однако это строгое предписаніе было вскорѣ смягчено. По линіи слѣдовало слишкомъ много проѣзжихъ, такъ что еслибы каждому изъ нихъ давали конвой, то не достало бы командъ. Въ особенности шло много обозовъ съ хлѣбомъ на продажу или по подрядамъ въ казну. Обозы эти, довольно значительные по числу людей, сопровождавшихъ ихъ, могли сами защищать себя отъ нападеній; заставлять же ихъ ожидать конвоя, значило бы стѣснять торговцевъ, которые потерпѣли бы большіе убытки (рапортъ Генералъ-Лейтенанта Салтыкова 20 Марта; Рапортъ Салтыкову Командира Нижней Яицкой дистанціи Бутурлина); по этому только на дистанціи, которая шла отъ Татищевой крѣпости внизъ по Яику, по близости тутъ кочевья Киргизовъ, велѣно не выпускать ни кого безъ конвоя. Что же касалось до ѣдущихъ отъ рѣки Самары къ Оренбургу, и обратно чрезъ Татищеву крѣпость, го дозволено не удерживать ихъ; однакожъ на всякій случай приказано, пока не разлились воды, высылать для осмотра, раза три въ недѣлю, человѣкъ по 12 казаковъ съ урядниками за Яикъ, по обѣ стороны Оренбурга, до

впаденія первыхъ степныхъ рѣчекъ въ Яикъ; какъ то вверхъ отъ города до Берды, и внизъ отъ него до Дунгуза (Ордеръ Генералъ-Лейтенанту Салтыкову 20 Марта 1756 г.).

Между тѣмъ Начальство, въ видѣ наказанія Киргизамъ, заботилось и о вознагражденіи Пономарева за пограбленный у него товаръ. Оно писало къ Айчуваку и требовало взысканія съ виновныхъ, но по самый Августъ 1754 г. требованія эти оставались безполезными. Наконецъ, съ согласія самого Султана, рѣшили производить уплату Пономареву Семиродскими лошадьми (*), отыскиваемыми въ Башкиріи. Башкиры безпрестанно отгоняли скотъ у Киргизовъ; скотъ этотъ отбирался у нихъ Начальствомъ съ цѣлію возвратить Киргизамъ, но теперь онъ задерживался и шелъ въ уплату Пономареву. Уплата эта производилась весьма медленно, такъ что къ 1759 г. успѣли возвратить всего на 668 руб. ассигнац. По этому, на основаніи указа Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 25 Мая 1759 г, думали было прибѣгнуть къ барантѣ, разрѣшенной еще въ 1749 г. Самъ Нуралп на свиданіи съ Тайнымъ Совѣтникомъ Давыдовымъ совѣтовалъ задержать изъ виновнаго рода лучшихъ людей. Од-

(*) Эта система уплаты за пограбленное была въ то время употребительна. Въ случаѣ отгона Киргизами лошадей и скота, лошади ихъ, попадавшіяся въ руки къ Русскимъ, или взысканныя съ Башкировъ за побѣгъ Кансаковъ, распредѣлялись между потерпѣвшими убытокъ.

нако баранта не была употреблена и Пономаревъ получилъ только въ 1766 г. все, что ему слѣдовало. Во все это время Начальство платило ему лошадьми Семиродскими, отбираемыми у Башкировъ, а впослѣдствіи и лошадьми, на которыхъ выбѣгали изъ того же рода плѣнные разныхъ націй (*) (по закону эти лошади плѣнныхъ слѣдовали къ возвращенію Киргизамъ. Указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 26-го Февраля 1752 года).

Въ 1758 и 1759 годахъ, Киргизы, кочевавшіе прилиніи (Красногорской дистанціи), были спокойнѣе и не оказывали ни какой явной непріязни. Мы можемъ судить объ этомъ по частнымъ просьбамъ, съ которыми обращались многія лица въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію о выдачѣ имъ дозволенія искать и разработывать мѣдные рудники въ степи, за рѣкою Яикомъ. Всѣ эти поиски производились не вдали отъ Яика, не доѣзжая Илека, по небольшимъ рѣчькамъ, впадающимъ въ

(*) Ихъ выбѣгало много. Это были большею частью Чжуньгары и Башкиры, которые, по опубликованіи Высочайшаго Манифеста о помилованіи, стали выбѣгать изъ степи на родину Положеніе большей части Башкировъ въ степи было весьма тягостное. Кайсаки обращались съ ними безжалостно. Киргизъ Бердали держалъ у себя Башкирца Чирубая по ночамъ привязаннымъ за шею, и выпускалъ только днемъ (показаніе жены Чирубая, Султанбики 10 Апрѣля 1756 г.). Одна Башкирка Хадиджа, не въ силахъ будучи переносить тяжкаго рабства, бѣжала изъ степи и кормилась 20 дней, пока не вышла на линію, кореньями, листьями и травами (рапортъ Неплюева въ Сенатъ 25 Апрѣля 1756 г.)

Яикъ, какъ-то: тремъ Буртямъ, Донгузлавѣ, Тиктурмасѣ, Ибѣю, Ярыклѣ, Сувундуку, между Яикомъ и Сакмарою по рѣкѣ Таналыку и т. д. (донесенія: Сотника Аптикулова 8 Апрѣля 1759 года, Сотника Азнаева 16 Апрѣля 1759 года). Лица, производившія поиски, были заводчики. Обыкновенно, они нанимали для этого Башкировъ, знакомыхъ съ мѣстностью. Изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи выдавались билеты на свободный пропускъ чрезъ линію, срокомъ на одинъ мѣсяцъ и на два, при именномъ спискѣ всѣхъ отъѣзжавшихъ, которые должны были слѣдовать вооруженными партіями и съ надлежащимъ конвоемъ, отнюдь не обижая Киргизовъ, и прибѣгая только въ крайнемъ случаѣ къ силѣ (*). Иногда вмѣсто билетовъ, разрѣшалось самимъ заводчикамъ выдавать отправлявшимся партіямъ копіи съ указовъ о дозволеніи посылать людей для пріиска и разработки рудниковъ (**). Прикащикамъ Покровскаго мѣдиплавильнаг завода Графа Шувалова дозволено было даже самимъ выдавать билеты Башкирамъ, которыхъ они нанимали для

(*) Дозволеніе, данное содержателямъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ Твердышеву и Мясникову 10 Марта 1759 г.

(**) Указъ Присутствующему въ Губернской Канцеляріи Надворному Совѣтнику Тимашеву, повѣренному въ дѣлахъ Графа Шувалова 12 Апрѣля (у Шувалова за Яикомъ было 5 рудниковъ. Для пріиска же рудниковъ на внутренней сторонѣ Яика, какъ то: по Сакмарѣ, Самарѣ и др. рѣкамъ, велѣно Тимашеву поступать по Бергъ-Привиллегіи, Регламенту и по опредѣленіямъ главнаго Начальства (указъ Тимашеву 18 Мая 1759 г.).

возки на заводъ мѣдной руды, находившейся противъ Красногорской крѣпости, впрочемъ съ тѣмъ, чтобы въ каждой партіи было не менѣе 200 или 300 человѣкъ Башкировъ вооруженныхъ и при нихъ находились бы добрые и надежные приставники изъ заводскихъ служителей, обязанныхъ смотрѣть, чтобы Башкиры отнюдь не заводили ссоры съ Киргизами (указъ Командиру Красногорской дистанціи Тихомирову 16 Ноября 1759 г.). Кромѣ заводчиковъ, Башкиры сами не рѣдко просились партіями за Яикъ искать рудниковъ, думая потомъ за извѣстную плату предлагать свои услуги. Оренбургская Губернская Канцелярія выдавала и имъ срочные паспорты на свободный проѣздъ въ степь. Въ нихъ обозначалось мѣсто, гдѣ разрѣшалось производить поиски и приказывалось не заѣзжать въ Киргизскіе улусы, соблюдать возможную осмотрительность и отнюдь не отлучаться другъ отъ друга. Въ противномъ случаѣ подвергались они всей строгости наказанія (паспортъ партіи Башкировъ изъ 9 человѣкъ пр сотникѣ Айткуловѣ 8 Апрѣля 1759 г ; паспортъ Сотнику Азнаеву съ 11-ти Башкирами 16 Августа 1759 г).

Однако, не смотря на всю предосторожность Начальства, частые поиски рудъ не обошлись безъ неудовольствій и безпокойствъ Причиною тому былъ мстительный характеръ Киргизовъ, которые, питая вражду къ Башкирамъ, не могли видѣть ихъ у себя въ степи безъ того, чтобъ не обвинить въ преступленіи. Конечно Башкиры, съ своей стороны, подавали имъ къ тому поводъ безпре-

станными нападеніями и грабежами. Пренебрегая строгимъ запрещеніемъ переходить чрезъ Яикъ, они въ значительныхъ партіяхъ переѣзжали рѣку, бросались на улусы, отгоняли скотъ и возвращались съ богатою добычею (*). Наконецъ въ Сентябрѣ 1760 года, 400 Башкировъ напали на улусы Джагалбайлинскаго рода, расположенные по рѣкѣ Темиру, впадающей въ Эмбу, убили 14 человѣкъ, въ томъ числѣ Старшинъ Елань—Батыря и Тангрикула, а женъ и дѣтей ихъ счетомъ 67 человѣкъ увезли съ собою При этомъ же захватили они много имущества и угнали 46 верблюдовъ и 500 лошадей (письмо Нуралія 4 Февраля 1761 года). Начальство заботилось объ отысканіи виновныхъ, какъ вдругъ въ Ордѣ разнеслась молва о новомъ злодѣйствѣ Башкировъ. На дорогѣ къ Илеку, называемой Тюя-Ташъ и далѣе у рѣки Тегаретъ-Алды, нашли тѣла убитыхъ. Это были Мамбеть-Али-Султанъ, племянникъ Нуралія и 20 человѣкъ знатныхъ Киргизовъ разныхъ родовъ (Уджурайскаго, Чиклинскаго, Таминскаго и Кипчакскаго), сопровождавшихъ его. Убійство произошло въ Сентябрѣ 1760 года, когда Мамбеть-Али возвращался изъ Оренбурга, куда онъ

(*) Лѣтомъ 1760 г. отогнали они въ Таминскомъ родѣ отъ рѣки Тобола 300 лошадей, отъ рѣки Камшакты 650 лошадей, отъ рѣки Сагиза 600 лошадей; въ Табынскомъ родѣ: отъ урочища Бурюкъ-Дудатъ 1500 лошадей; въ Алчинскомъ родѣ отъ Магальярскихъ горъ 400 лошадей и 24 верблюда, въ Джагалбайлинскомъ родѣ отъ рѣки Илека 200 лошадей (письмо Нуралія къ Давыдову отъ 4 Февраля 1761 года).

ѣздилъ,, вмѣстѣ съ тестемъ Хана, Мурза Ходжею, для свиданія съ Давыдовымъ и отдачи въ аманаты сына Нураліева, Бегали-Султана. Мамбеть-Али, по приказанію дяди, намѣревавшагося послать его по дѣламъ въ Хиву, оставилъ Оренбургъ раньше другихъ, именно за три дня до того, какъ была произведена смѣна аманатовъ и розданы подарки Киргизамъ. Подозрѣніе Ордынцевъ въ убійствѣ Султана пало тотчасъ же на Башкировъ, которые въ то время, вмѣстѣ съ Тимашевымъ, отыскивали мѣдные рудники за Яикомъ. Степь взволновалась; Киргизы, раздраженные грабежами Башкировъ и частыми угонами скота, производимыми иногда въ видѣ баранты и взысканія по распоряженію Начальства, думали, что и убійство совершенно съ его вѣдома (письма Нуралія отъ 21 Ноября и 1 Декабря 1760 года). Въ гнѣвѣ своемъ, они хотѣли итти на линію и разграбить форпосты и крѣпости. Ирали Султанъ, зимовавшій по Сыръ-Дарьѣ, выѣхалъ даже съ 10 т. въ походъ противъ границы и отложилъ намѣреніе свое только по увѣщанію Нуралія и Айчувака. Многіе рода, досадуя на Русскихъ, откочевали вдаль къ Сыръ-Дарьѣ, или къ Хивѣ, и нѣкоторые изъ народа думали было перейти въ Среднюю Орду, однако Средняя Орда не приняла ихъ (донесеніе Толмача Рахима Сейнова отъ 8 Января 1761 года).

Неудовольствіе Киргизовъ на Русскихъ увеличивалось еще длившимися переговорами о лошадяхъ, отогнанныхъ Калмыками и Яицкими Казаками. Должно замѣтить, что не за-

долго передъ тѣмъ Калмыки и Яицкіе Казаки захватили лошадей, которыхъ Киргизы, не смотря на запрещеніе, перепустили чрезъ Яикъ. Ордынцы въ отмщеніе угнали скотъ, находившійся при форпостахъ, и взяли въ плѣнъ нѣсколько Яицкихъ Казаковъ. Дѣло затянулось: Киргизы требовали возвращенія лошадей своихъ; Начальство же настаивало, чтобы они отдали сперва плѣнныхъ и скотъ. Тогда Нурали выслалъ нѣсколько плѣнныхъ въ Яицкій городокъ и двое сыновей его отправились туда за пограбленнымъ, но получили только часть лошадей. Обиженный такимъ отказомъ, въ сущности справедливымъ, Ханъ, и безъ того недовольный Давыдовымъ, вознегодовалъ еще болѣе, какъ вдругъ пришло извѣстіе объ убіеніи Мамбеть-Алія. Подозрѣвая въ преступленіи, какъ мы видѣли, Башкировъ, Нурали и Айчувакъ отправили нарочныхъ (*) съ письмами къ Давыдову (1 Декабря 1760 гдоа), полными упрековъ, и требовали выдачи убійцъ, надъ которыми бы могли утолить месть свою. Сверхъ того Ханъ писалъ, что самъ ѣдетъ въ Яицкій городокъ, гдѣ будетъ ожидать высылки преступниковъ. Начальству нельзя было оставить подобнаго рода жалобы и Давыдовъ, чувствуя, какъ вредны могли быть послѣдствія из-

(*) Нарочнымъ этимъ дано было, какъ кажется, порученіе узнать о намѣреніяхъ Русскихъ. Киргизы были напуганы однимъ Кайсакомъ, выбѣжавшимъ отъ Волжскихъ Калмыковъ, который говорилъ имъ, будто 600 Калмыковъ и 2000 Русскихъ идутъ въ походъ противъ Орды. Устрашенные Киргизы, бросая кибитки и скотъ, начали было откочевывать въ глубь степи (рапортъ Атамана Бородина 6 Декабря 1760 года).

лишняго невниманія къ претензіямъ Ордынцевъ, рѣшился, предписавъ напередъ по всей линіи соблюдать возможную осторожность (указы Командирамъ дистанцій 10 Декабря 1760 г.), успокоить умы Киргизовъ и самого Нуралія. Атаману Яицкаго войска Бородину предписано было возвратить лошадей, захваченныхъ Калмыками и Казаками, какъ скоро Ханъ пріѣдетъ въ Яицкій городокъ, или пришлетъ отъ себя нарочныхъ, если только Кайсаки приведутъ хотя сколько нибудь плѣнныхъ и награбленнаго скота (указъ Бородину отъ 11 Декабря 1760 года) Въ то же время отправленъ былъ въ степь къ Айчуваку и Нуралію Толмачь Рахимъ Сейповъ съ порученіемъ успокоить ихъ и вручить имъ отвѣтныя письма, въ которыхъ Губернаторъ обѣщалъ строжайше изслѣдовать дѣло объ убійствѣ Мамбеть-Алія, и подвергнуть виновныхъ тяжкому наказанію. Сейновъ вскорѣ прибылъ къ Айчуваку (*) и пріѣздъ его имѣлъ благопріятное вліяніе· Киргизы смирились. Однако Султанъ не дозволилъ Толмачу продолжать пути къ ставкѣ Нуралія, подъ тѣмъ предлогомъ, что жизни его грозитъ неминуемая опасность отъ раздраженныхъ Киргизовъ. Онъ не отпустилъ его отъ себя и заставилъ выждать пріѣзда Хана (ра-

(*) Айчувакъ зимовалъ на Каракумѣ При немъ находились роды: Машкарскій, Таминскій, Байбактинскій и Семиродскій. Ханъ, которому велѣно было по Высочайшему повелѣнію зимовать на Эмбѣ, располагаясь въ трехъ дняхъ ѣзды отъ устья этой рѣки, на мѣстѣ, называемомъ Карачунгулъ (рапортъ Сейнова 8 Января 1761 года. Письмо Хана отъ 1 Декабря 1761 года).

портъ Сейнова отъ 8 Января 1761 г.), который въ началѣ Января 1761 г. прибылъ въ улусы брата (письмо Айчувака и Бородина 21 Января 1761 г.), Между тѣмъ Айчувакъ, ободренный уступчивостью Начальства, снова отправилъ нарочныхъ (*) къ Яицкому Атаману и Губернатору, жаловался на убіеніе племянника, напоминалъ объ обидахъ Башкировъ, указывая именно на прошлогодній грабежъ въ Джагалбайлинскомъ родѣ, и требовалъ немедленнаго возвращенія всего погабленнаго (письмо отъ 21 Января 1761 года. Въ этомъ только случаѣ Русскіе могли надѣяться получить обратно изъ рукъ Киргизовъ захваченныхъ ими Яицкихъ Казаковъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, Давыдовъ согласился удовлетворить требованіямъ Айчувака тѣмъ болѣе, что они имѣли видъ справедливости и Кайсаки дѣйствительно много потерпѣли отъ нападеній Башкировъ. Плѣнные Джагалбайлинцы, скотъ и пограбленное имѣніе уже прежде были собраны, чрезъ нарочно посланныхъ въ Башкирію, и находились въ Оренбургѣ. Десять человѣкъ женъ и дѣтей убитыхъ Старшинъ Елана и Тангрикула были отправлены съ посланными Айчувака. Остальныхъ

(*) Бородинъ подозрѣвалъ нарочныхъ въ дурныхъ намѣреніяхъ и боялся, чтобъ они не слѣдили за дѣлами въ Яицкомъ войскѣ. Въ настоящую минуту это могло быть особенно вредно. Казаки съ 22 Января собирались итти внизъ по Яику до форпоста и Соленыхъ Орѣшковъ на рыболовство, называемое *Коловерстное багренье*, которое обезпечивало все ихъ содержаніе. По этому Бородинъ просилъ задержать въ Оренбургѣ Киргизскихъ посланныхъ и не выпускать ихъ, пока Казаки не окончатъ багренья (рапортъ Бородина 17 Января 1761 года).

же за тѣмъ людей обѣщано было выслать чрезъ двѣ недѣли въ Яицкій городокъ Вмѣстѣ съ тѣмъ повторено увѣреніе объ отдачѣ лошадей, отогнанныхъ Калмыками и Казаками Ордынцамъ оставалось только доставить Русскихъ Казаковъ, томившихся у нихъ въ неволѣ письмо къ Айчувaку, отъ 30 Января 1761 года Снисходительность Начальства этимъ не ограничилась. Когда Нурали, въ письмѣ отъ 14 Февраля, повторяя жалобы свои, обратился съ настоятельнымъ требованіемъ возвращенія остальныхъ Джагалбайлинцевъ, захваченныхъ Башкирами, и приложилъ реэстръ всѣмъ отнятымъ у нихъ вещамъ, Начальство поспѣшило выслать ему 41 человѣка плѣнныхъ съ лошадьми, скотомъ и имуществомъ . письмо къ Нуралію отъ 20 Февраля 1761 г); не зависимо отъ этого, для успокоенія Хана, который докучалъ своими просьбами, оно, согласно указу Правительствующаго Сената, старалось всячески отыскать убійцъ Мамбеть-Алія - Однако поиски остались тщетными Башкиры, сопровождавшіе Тимашева, оказались по допросамъ совершенно невинными въ преступленіи.

Едва окончилось это дѣло, какъ открылась для Начальства новая забота. Переводчикъ Абдярашитъ Алтышевъ, посланный изъ Астрахани въ Персію »для секретнаго развѣданія о тамошнихъ обращеніяхъ«, донесъ (6 Іюня 1761 г. ', что на сѣверѣ Персіи въ Мазандеранѣ *появилась опасная болѣзнь* Болѣзнь эта оказалась даже на одномъ суднѣ, гдѣ находились Русскіе. Изъ

нихъ нѣсколько человѣкъ умерло; остальные же восемь, въ томъ числѣ одинъ, на которомъ были знаки болѣзни, прибыли изъ Персіи къ Четыребугорной брандвахтѣ. Пріѣзжихъ тотчасъ же задержали въ карантинѣ, а судно было потоплено. Сверхъ того Астраханская Губернская Канцелярія предписала по всѣмъ командамъ и городамъ соблюдать возможную осмотрительность и сообщила обо всемъ (18 Іюня 1761 года) въ Оренбургъ. Такія мѣры предосторожности были необходимы, потому что болѣзнь могла легко проникнуть внутрь Россіи Съ одной стороны провезли бы ее торговцы, которые ѣздили изъ Персіи, мимо Кизляра, чрезъ Кабарды, на Донъ въ Черкаскъ и въ Калмыцкіе улусы къ самой Волгѣ, съ другой стороны Мазандеранъ прилежитъ къ Астрабаду, около котораго кочевали Трукмены, находившіеся въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Киргизами, посѣщавшими Оренбургъ и пристанейныя селенія.

При видѣ подобнаго рода опасности, грозившей краю, Оренбургское Начальство не замедлило сдѣлать надлежащія распоряженія. Оно тотчасъ же послало Толмача Мухаммедъ-Рахима Сейнова въ меньшую Орду, въ кочевья, прилежавшія къ Трукменамъ, чтобы узнать, нѣтъ ли тамъ заразы. Во всѣ города и къ Командирамъ дистанцій отправлены были секретные указы и инструкціи съ строгимъ подтвержденіемъ имѣть возможную осторожность и доносить о благосостояніи ввѣренныхъ имъ мѣстъ Если

бы къ несчастію, гдѣ либо появилась *моровая язва*, то мѣстное Начальство обязывалось немедленно донести Оренбургской Губернской Канцеляріи и сообщить изъ предосторожности во всѣ окрестныя мѣста. Между тѣмъ оно должно было разставить караулъ во кругъ селенія, затѣмъ сдѣлать засѣки, гдѣ содержать всѣхъ, на комъ окажутся признаки болѣзни, пока они не выздоровѣютъ. Въ особенности обратили вниманіе на Ставрополь, Самару и Гурьевъ городокъ, такъ какъ чрезъ эти мѣста, которыя лежатъ на водяномъ пути, сообщеніе было легче. Въ Гурьевѣ велѣно было всѣхъ пріѣзжихъ изъ народовъ, кочующихъ близь Персидскихъ границъ, останавливать, не впуская въ города: если бы пріѣздъ случился моремъ, то слѣдовало задержать, не допуская до брандвахты, которая находилась при взморьѣ; если же сухимъ путемъ, то останавливать отъ города верстахъ въ пяти, гдѣ нарочно учреждена была застава при 1-мъ капралѣ и 6 казакахъ. На брандвахтѣ и заставѣ пріѣзжіе должны были выдержать шестинедѣльный карантинъ, за тѣмъ свидѣтельствовались чрезъ Подлекаря, нарочно посланнаго изъ Оренбурга. Если по истеченіи карантина, они бы оказались *безъ язвъ*, то Гурьевскій Командиръ обязанъ былъ, не выпуская ихъ, доносить, откуда они ѣдутъ, къ кому и для чего, и ждать указа Губернской Канцеляріи, куда при этомъ препровождалъ и всѣ письма, находившіяся у пріѣзжихъ Письма эти заранѣе отбирались у нихъ, окуривались, мочились въ уксусѣ, потомъ три раза пере-

писывались (*) и послѣднія только копіи отсылались въ Оренбургъ. Всѣ вещи пріѣзжихъ то же окуривались три раза. Наконецъ для большей осторожности, приказано было заставу окопать ровомъ, а для людей вырыть землянку и содержать при ней огонь и курево; сверхъ того, чтобы отнять всякую возможность пробираться водою, велѣно было на другой отъ опасныхъ мѣстъ берегъ собрать суда, плоты, доски и бревна и приставить къ нимъ караулъ. Всѣмъ этимъ карантиннымъ правиламъ должны были подвергаться въ Гурьевѣ и Трукмены, которыхъ по указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 6 Января 1761 года, дозволено было пропускать послѣ надлежащаго таможеннаго осмотра чрезъ Гурьевъ въ Калмыцкіе улусы, съ большимъ количествомъ товара противъ прежняго, именно на 500 рублей. Впрочемъ если бы Трукмены не пожелали выдержать карантина, то могли ѣхать обратно. Что же касается до плѣнныхъ, выбѣгавшихъ изъ Орды изъ чужеземцевъ (Персіянъ, Араповъ и Чжунгаровъ), которые бы захотѣли принять Православную вѣру, или изъ Русскихъ подданныхъ (Башкировъ, Калмыковъ и другихъ), то изъ опасенія, чтобъ они не привезли съ собою болѣзни, предписано было въ Гурьевѣ и всѣхъ принадле-

(*) Если бы въ Гурьевѣ не нашлось искусныхъ переписчиковъ, то велѣно было вытребовать ихъ изъ Яицкаго войска.

жавшихъ къ нему форпостахъ, верстахъ въ двухъ или трехъ »въ пристойныхъ и безопасныхъ мѣстахъ« вырыть землянки, гдѣ бы бѣглецы, по донесеніи объ ихъ прибытіи въ Губернскую Канцелярію, выдерживали карантинъ подъ присмотромъ надлежащаго числа людей; между тѣмъ, какъ лошади ихъ паслись бы въ Киргизской степи. Пищу для плѣнныхъ велѣно было покупать въ счетъ опредѣленнаго для плѣнниковъ расхода, полагая на каждаго по 1 коп. въ день; изготовленную же пищу слѣдовало относить и ставить, гдѣ либо вдалекѣ отъ содержавшихся въ карантинѣ, давая имъ знать объ этомъ »какимъ нибудь сигналомъ« (*).

Контора Правительствующаго Сената, которой Давыдовъ отъ 26 Іюля 1761 года доносилъ объ этихъ мѣрахъ предосторожности, нашла ихъ недостаточными. Она опасалась, чтобъ, не смотря на нихъ, болѣзнь не проникла внутрь Россіи, тѣмъ болѣе что язва съ 1760 г. появилась и въ Крыму; въ 1761 г она усилилась тамъ и Астраханскій Губернаторъ отъ 27 Іюля доносилъ въ Сенатъ, основываясь на показаніи Кизлярскаго Нагайца Даингелдія, бывшаго на Кубанѣ, что она свирѣпствуетъ въ Бахчи-Сараѣ, Камышловахъ, Карасудѣ, Кафѣ и прочихъ мѣстахъ. Даже въ домѣ самаго Хана умерло

(*) Эти же правила касательно плѣнныхъ, выбѣгавшихъ изъ степи, предписано было соблюдать по всѣмъ дистанціямъ.

двое прислужницъ и встревоженный Ханъ переѣхалъ изъ Бахчи-Сарая и поселился у Акмечети и Акчокрака. По этому Контора Сената, подтвердивъ во всѣ мѣста, прилежавшія къ Крыму, соблюдать возможную осторожность, поставила на видъ (указъ 22 Августа 1761 г.) Оренбургской Губернской Канцеляріи, что она, при видѣ грозившей опасности ограничилась назначеніемъ въ Гурьевъ одного Подлекаря, (*) а на заставу отрядила только 6 Казаковъ при 1 Капралѣ, между тѣмъ, какъ ей слѣдовало бы отправлять всюду, гдѣ предстоитъ въ томъ надобность, Докторовъ, Штабъ-Лекарей и Лекарей съ надлежащими лекарствами, и наряжать туда изъ полковъ команды при Штабъ и Оберъ-Офицерахъ чиномъ не мѣнѣе Капитана. Сверхъ того, такъ какъ въ Гурьевѣ были рыбные про-

(*) Оренбургская Губернская Канцелярія отозвалась Сенату 6 Сентября, что она вынуждена была это сдѣлать по недостатку въ лекаряхъ. При Оренбургскомъ главномъ госпиталѣ находился всего одинъ Докторъ (Риндеръ) и хотя по штату положенъ былъ Штабъ-Лекарь, но его не было, за тѣмъ оставались всего два Подлекаря, изъ которыхъ одинъ и былъ отправленъ въ Гурьевъ. Что же касается до Лекарей, то ихъ не только не имѣлось при Госпиталѣ, но даже и ни было при двухъ Оренбургскихъ полкахъ, расположенныхъ по разнымъ крѣпостямъ, такъ что Начальство вынуждаемо было употреблять 1 Лекаря въ четырехъ и пяти крѣпостяхъ, придавая ему уже въ помощь кого либо изъ Подлекарей или Лекарскихъ учениковъ. Сенатъ указомъ 5 Октября сообщилъ что онъ предписалъ Медицинской Канцеляріи выслать немедленно нужное число Лекарей.

мыслы на откупу отъ Камеръ-Коллегіи у Яицкаго войска, (*) то Контора, боясь заразы, могущей произойти при рыболовствѣ, велѣла обратить вниманіе и на это обстоятельство, и по указу Камеръ-Коллегіи отъ 8 Сентября 1761 г. вышло временное запрещеніе Яицкимъ Казакамъ, производить рыбную ловлю »въ Гурьевѣ и ниже«, и приказано было всѣхъ рыбопромышленниковъ обязать подпискою, что онъ не станетъ посылать для ловли рыбы людей въ мѣста, признанныя опасными.

Въ это время Толмачъ Сейновъ возвратился изъ Орды. Ни въ бытность его у Ирали Султана, ни на пути, онъ не слыхалъ о существованіи болѣзни среди Киргизовъ и Мангышлакскихъ Трукменовъ. Вездѣ было благополучно и Кайсаки даже откочевывали на зиму въ мѣста, прилежащія къ Трукменамъ (рапортъ Сейнова 17 Сентября 1761 г.). Равнымъ образомъ всѣ Командиры дистанцій и крѣпостей доносили, что ни гдѣ не показывалось болѣзни. Сверхъ того наступила глубокая осень; плѣнники, выдерживавшіе карантинъ въ землянкахъ, страдали отъ холода и приближалось время, когда расположенные по

(*) Указомъ Сената отъ 25 Мая 1752 года, по которому Гурьевъ городокъ отведенъ въ вѣдомство Оренбургской губерніи, велѣно всѣ находящіеся при Гурьевѣ «учуги съ рыбными ловлями, Таможенной и Кабацкой сборы« отдать въ содержаніе по контракту отъ Камеръ-Коллегіи Яицкому войску изъ платежа въ казну »трехъ лѣтъ сложнаго оклада«.

линіи на форпостахъ воинскія команды отпускались обыкновенно на прежнія мѣста. Тогда Оренбургская Губернская Канцелярія. видя, что опасность миновалась, вѣлѣла по линіи снять карантинъ и впредь не задерживать, плѣнныхъ Одинъ только Гурьевъ городокъ былъ исключенъ изъ общаго правила и оставленъ на прежнемъ временномъ положеніи (указъ 1 Октября 1761 г. рапортъ Конторѣ Сената 25 Октября 1761 г.)

Однако преждевременность этой мѣры открылась вскорѣ Абдяряшитъ Алтышевъ доносилъ въ Астрахань, что болѣзнь, начавшаяся отъ мѣстечка Таянкабуна, дошла до Астрабада и распространилась въ Мазандеранѣ, гдѣ число умирающихъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Встревоженные Персіяне учредили даже на морѣ при Зинзилѣ карантинъ и всѣ приходившія суда должны были выстаивать по 40 дней. Такимъ образомъ задержали они и прикащика новоучрежденной Персидской компаніи Армянина Петра Сносова. Сами жители Мазандерана со страху стали переѣзжать со всѣми пожитками въ городъ Рештъ. Астраханская Губернская Канцелярія, получивъ такое донесеніе не замедлила сообщить его Оренбургской Губернской Канцеляріи, которая съ своей стороны отправила во всѣ дистанціи указы, чтобы »наикрѣпчайшая »осторожность чинена была по Ея Императорскаго Ве»личества указамъ и по Губернскому наказу во всемъ »безъ наималѣйшаго упущенія« (указъ 26 Оттября 1761 года).

Между тѣмъ безпорядки въ Ордѣ не прекращались воровскіе набѣги Калмыковъ на Киргизовъ становились чаще; (*) при нижнихъ Яицкихъ форпостахъ они, тай-

---

(*) Со смертью Хана Дундукъ-Даши 1761 г. Калмыки, управляемые разными владѣльцами, и не имѣя Хана такъ какъ Убаши былъ только намѣстникомъ, стали гораздо своевольнѣе и безпокойнѣе. Жившіе среди ихъ, подданные Россіи 230 Трукменскихъ кибитокъ, бѣжали чрезъ Киргизскую степь въ Мангышлакъ Отчасти бѣжали они потому, что Калмыки требовали себѣ въ замужство дочерей ихъ, которыхъ они не хотѣли выдать за невѣрныхъ, но главнымъ образомъ дѣйствовалъ на Трукменовъ страхъ потерпѣть раззореніе отъ несогласій между Калмыцкими владѣльцами, изъ которыхъ каждый искалъ старшинства и начальства. Дѣйствительно безпорядки, неминуемыя слѣдствія раздоровъ, становились значительны. Воровскіе набѣги Калмыковъ въ виду форпостовъ повторялись безпрестанно, а находившіеся въ Ставрополѣ крещеные Калмыки, прослышавъ о своевольствахъ въ Волжской Ордѣ, стали выбѣгать туда въ большомъ числѣ (отъ 1758 до 1762 г ихъ бѣжало изъ Ставрополя и Оренбурга 52 человѣка, 42 мужчины и 10 женщинъ) и по дорогѣ грабить и злодѣйствовать, трое изъ нихъ при Новосергіевской крѣпости бросились на двухъ драгуновъ, ѣздившихъ для рубки лѣса, одного убили, а другаго привязали къ дереву. Сверхъ того волновалъ Орду вышедшій не задолго предъ тѣмъ изъ Чжунгаріи владѣлецъ Сэрынъ (Шеаренгъ), который склонялъ подвластныхъ своихъ къ грабежамъ и буйствамъ Уже при самомъ переходѣ своемъ по линіи чрезъ Яицкій городокъ для соединенія съ Волжскими единоплеменниками, Сэрынъ навлекъ на себя подозрѣніе Начальства тайными переговорами съ Нурали Ханомъ и Арали Султаномъ: сперва думалъ онъ съ подвластными своими бѣжать въ Киргизскую Орду, потомъ разрѣшилъ имъ отгонять Каспійскій скотъ! Аблай жаловался тогда на него въ угонѣ значительнаго числа лошадей При видѣ такихъ безпорядковъ въ Волжской Ордѣ, грозившихъ благосостоянію края, въ особенности Киргизовъ, Давыдовъ, приписывая ихъ слабости Намѣстнической власти и несогласіямъ владѣльцевъ, предста-

комъ перебираясь чрезъ Яикъ, ночью отгоняли табуны и почти всегда ускользали отъ преслѣдованія командъ, высылаемыхъ изъ форпостовъ въ погоню (*). Равнымъ образомъ они разбойничали на форпостахъ, принадлежавшихъ къ Гурьеву городку (**). Дерзости эти склоняли къ грабежу и Киргизовъ, которые, помня обиды, не переставали также тревожить Яицкіе форпосты, какъ-то

вилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ отъ 3 Сентября 1762 г. о необходимости немедленно учредить Хана, который бы, стоя выше всѣхъ в адѣльцевъ, строгими мѣрами искоренилъ раздоры.

(*) Въ 1762 г. 15 Сентября, при крѣпости Индерскія-горы замѣчены были четыре Калмыка въ переплавѣ чрезъ Яикъ Одинъ изъ нихъ Бурутъ, владѣнія Сарыня, доставленъ былъ на другой день Киргизами Кердаринскаго рода. Партія Калмыковъ перебралась чрезъ Яикъ между форпостовъ Красныхъ-Яровъ и Харьина, отогнала у Кердаринцевъ 247 лошадей, и разъѣздъ поймалъ только одного Калмыка, поименн Хасана, котораго, поднявъ на рычагѣ, Казаки жгли огнемъ и заставили сознаться въ воровствѣ. Въ погоню за ворами отряжена была команда изъ Казаковъ, которой велѣно было итти до самыхъ Калмыцкихъ улусовъ, Калмыки возвратили 191 лошадь, Киргизы жаловались, говорили, что у нихъ отогнали болѣе 300 лошадей, и просили дозволенія послать отъ себя нарочныхъ въ Калмыцкіе улусы По указу Губернской Канцеляріи отъ 15 Ноября 1762 г , это было запрещено имъ Начальство опасалось, чтобы по ненависти между Киргизами и Калмыками, не произошло какого либо безпорядка.

(**) 4 Сентября 1762 года, 16 человѣкъ Калмыковъ подбѣжали къ Тополинской крѣпости, и завязали драку съ выбѣжавшими противъ нихъ Казаками Казаки, не смотря на всѣ старанія, не могли захватить ни одного изъ нихъ Калмыки отбились и ушли (рапортъ Капитана Хирьякова отъ 5 Сентября 1762 года)

захватывать людей и отгонять скотъ (***). Давыдовъ, думая прекратить подобнаго рода безпокойства, подтвердилъ по всѣмъ Яицкимъ форпостамъ соблюдать строгую осторожность и посылать какъ можно чаще отъ мѣста до мѣста установленные разъѣзды. Сверхъ того приказалъ непремѣнно преслѣдовать каждый разъ воровъ и подвергать ихъ всей строгости законовъ. Къ Нуралію Давыдовъ писалъ (11 Октября 1762 года), чтобъ онъ удерживалъ Киргизовъ въ повиновеніи, а Командующему при Калмыцкихъ дѣлахъ Бригадиру Бехтееву велѣно было довести до свѣдѣнія Убаши и Сэрыня о набѣгахъ Калмыковъ и требовать отъ нихъ полнаго удовлетворенія.

(*) 2 Октября 1762 г, при Коленовскомъ форпортѣ, они напали на караульныхъ, находившихся при конскомъ табунѣ и угнали за Яикъ 12 лошадей 20 Сентября между Сахарной крѣпостью и Коленовскимъ форпостомъ Кердарницы угнали 13 лошадей, за ними вышла команда и захватила 7 человѣкъ. При Каршинскомъ форпостѣ 19 Кендарницевъ бросились на табунъ и отбили 11 лошадей, команда изъ форпоста въ числѣ 13 человѣкъ погналась за ворами въ улусы ихъ, гдѣ напали на нее 5 человѣкъ Киргизовъ, завязалась драка и команда едва спаслась, отойдя въ небольшой лѣсъ; тутъ получила она подкрѣпленіе изъ Сахарной крѣпости, Киргизы разбѣжались и Казаки захватили изъ ихъ табуна тоже 11 лошадей и взяли въ плѣнъ одного раненаго въ руку Кердарница. Указомъ Губернской Канцеляріи отъ 11 Октября 1762 г. велѣно было возвратить его въ улусы, если онъ тяжело раненъ и въ опасности жизни, если же нѣтъ то приказано было держать въ Сахар, пока крымскій его и пятерыхъ Киргизовъ, захваченныхъ еще прежде пока Киргизы не возвратятъ всего награбленнаго.

Говоря о Средней Ордѣ, мы остановились на сношеніяхъ Аблая съ Амурсаною. Въ надеждѣ сдѣлаться Ханомъ Чжуньгарскимъ, Амурсана удалился изъ Орды, но счастіе не благопріятствовало ему; онъ принужденъ былъ бѣжать и вскорѣ умеръ въ предѣлахъ Россіи. Вся Чжуньгарія въ 1758 г. покорилась власти Китайцевъ и нѣкогда страшное Ойратство пало навсегда. Къ этому времени относится начало сношеній Аблая съ Китайцами. По Чжуньгаріи сдѣлавшись съ ними близкимъ сосѣдомъ, онъ еще въ 1756 г. призналъ себя вассаломъ Богдо-Хана, однако это не помѣшало ему остаться подданнымъ Россіи. Льстя и повинуясь обѣимъ державамъ, онъ склонялся то на ту, то на другую сторону и выманивалъ себѣ подарки и милости. Такимъ образомъ шли дѣла до 1763 г. Въ этомъ году, посланцы изъ Средней Орды отъ Аблая, Баиръ Султанъ съ 3-мя Старшинами Асыръ Утѣевъ, Зіансара и Культа) и однимъслужителемъ, а отъ Султанъ-Маметъ Султана, сынъ его Урусъ Султанъ, съ двумя Старшинами (Байтукъ и Тюнмасъ) присутствовали при коронаціи Государыни Императрицы Екатерины II. Въ память этого событія были выбиты медали и посланцы удостоились получить ихъ: Баиру и Урусу велѣно выдать золотыя, а находившимся при нихъ Старшинамъ серебреныя Такъ какъ посланцы уже были въ Ордѣ, то Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ 8 Апрѣля 1763 г., препроводила медали къ Давыдову съ приказаніемъ доставить ихъ по назначенію, къ этому приложены были

письма къ Аблаю и Султанъ-Мамету отъ Канцлера Графа Воронцова Исполнить порученіе Коллегіи отправленъ былъ изъ Оренбурга Переводчикъ Гордѣевъ, (*) который вмѣстѣ съ тѣмъ, по данной ему инструкціи (отъ 30 Іюня 1763 г.), получилъ предписаніе развѣдать о состояніи Средней Орды и окрестныхъ земель, въ особенности же о Китайцахъ (въ какомъ нынѣ Средней Орды Аблай и Султанъ-Маметь и другіе Султаны съ подчиненными имъ Киргизами состояніи находятся, не имѣютъ ли съ Китайцами какого соглашенія и тайной переписки, и наклонности къ Китайской сторонѣ; о здѣшней же сторонѣ, въ какомъ они мнѣніи находятся, и въ вѣрности ихъ не имѣютъ ли колебанія, по какой причинѣ, Китайцы, какъ нынѣ находятся, не имѣютъ ли съ кѣмъ войны и за что и не пріемлютъ ли худаго намѣренія противъ Россіи; по какой причинѣ, нѣтъ ли нынѣ на пустой Чжуньгарской землѣ войска ихъ, буде есть, то сколько именно, и для чего оно находится, и не имѣютъ ли построенныхъ городковъ, и сколько, и еще вновь не строятъ ли, не производятъ ли съ Киргизами и съ другими Азіятцами на

(*) Съ Гордѣевымъ послано было ласковое письмо къ Аблаю отъ новаго Губернатора. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Волкова (заступившаго мѣсто Давыдова). Волковъ извѣщалъ Султана о вступленіи своемъ въ должность.

свои товары торговъ; буде производятъ, то въ какихъ именно мѣстахъ, и каковы торги ихъ, малой Бухаріи городки, яко то: Ташкендъ, Ходжантъ, Яркендъ и прочія въ какомъ нынѣ состояніи; купцы тамошнія производятъ ли гдѣ торги, не имѣютъ ли отъ нихъ Китайцевъ какой опасности, или уже не покорены ли ими Китайцами, и не обложены ли данью, и какою именно; въ какомъ мнѣніи тамошнія купцы и народъ о здѣшней сторонѣ находятся?)

Гордѣевъ въ концѣ Іюля засталъ Аблая за рѣкою Ишимомъ, на рѣчкѣ Камышаклѣ, противъ Звѣриноголовской крѣпости, а Султанъ-Мамета на рѣкѣ Иртышѣ, противъ крѣпости Ямышевской. Аблай не задолго предъ тѣмъ возвратился изъ похода противъ нижнихъ Каракалпаковъ, на которыхъ онъ осенью 1762 г. выступилъ съ 500 Киргизовъ, чтобы отмстить смерть зятя своего Бури Султана, убитаго ими въ 1755 году. Походъ этотъ кончился для Султана не благополучно: болѣе ста человѣкъ его были побиты; Сверхъ того весною 1763 г. у Киргизовъ, кочевавшихъ при Сыръ-Дарьѣ (*), гдѣ стоялъ тог-

(*) Киргизы эти были тѣ, которые прошлою зимою 1762 г. откочевали изъ Средней и Малой Ордъ къ Сыръ-Дарьѣ и въ »пустопространную Каракалпацкую землицу« Весною разразилась у нихъ [illegible] такая

да Аблай съ своимъ войскомъ, открылась на скотѣ моровая язва Султанъ понесъ большой уронъ: многіе Киргизы пришли въ аулы свои пѣшіе, другіе же умерли съ голода. Веля войну, и испытывая со всѣхъ сторонъ не удачу, Аблай отправлялъ къ Каракалпакамъ нарочныхъ съ извѣстіемъ, что если они не внесутъ платы за смерть Бури Султана или поймавъ убійцъ, не выдадутъ ихъ съ семействами, то онъ выпроситъ у Русскихъ и Китайцевъ по 10,000 человѣкъ и искоренитъ ихъ; Русское войско приведетъ онъ на корабляхъ по Аральскому морю съ артиллеріею, а Китайцевъ и своихъ Киргизовъ сухимъ путемъ. Однако слова эти ни сколько не подѣйствовали на Каракалпаковъ, они задержали посланныхъ и возвратили ихъ только предъ самымъ пріѣздомъ Гордѣева. Также не удачно было и другое посольство Аблая: предъ началомъ войны съ Каракалпаками, еще не доѣзжая до нихъ, онъ отправилъ къ сосѣднимъ съ ними Трукменамъ десять человѣкъ при знатномъ своемъ Старшинѣ Мамытѣ,

---

сильная моровая язва, что у многихъ не осталось въ живыхъ ни одной скотины. Киргизы мужчины и женщины умирали съ голода. Тогда, вынуждаемые крайностью, они стали подбѣгать къ улусамъ, гдѣ не было язвы, и чинить тамъ воровства и убійства, наконецъ они навели такой страхъ, что другіе Киргизы не осмѣливались переѣзжать изъ одного улуса въ другой иначе, какъ партіями въ 50 человѣкъ; кругомъ табуновъ днемъ и ночью стояли вооруженные караулы.

съ угрозами, что если Трукмены осмѣлятся вступиться за Каракалпаковъ. то онъ сдѣлаетъ на нихъ нападеніе Трукмены въ отвѣтъ на это убили Старшину Мамыта, а другихъ посланныхъ ограбили и отпустили.

Вотъ съ какою неудачею возвратился Аблай въ свои улусы; но онъ вовсе не тревожился ею, въ это время вниманіе его было устремлено на Среднюю Азію, гдѣ завязывалось важное по существу своему дѣло. Тридцать три сэна Афганскаго войска Ахмедъ-Шаха съ артиллеріею расположились между Ташкентомъ и Коканомъ, и ждали возвращенія 40 человѣкъ посланцевъ, отправленныхъ Ахмедъ-Шахомъ въ Китай. Постараемся объяснить это происшествіе

Китайцы, овладѣвъ Чжуньгаріею, рѣшились дать ей новое устройство, которое бы навсегда упрочило ихъ власть надъ Элютами. Съ этой цѣлью стали они понемногу строить тамъ городки и заселять ихъ; уже лѣтъ за 7 до 1763 г. войскомъ, присланнымъ изъ Китая, и состоявшимъ изъ сорока сановъ (въ каждомъ санѣ до 10,000 людей) были построены на отграниченной ими землѣ, »именно по ту сторону рѣки Или, при озерахъ, начиная отъ Студенаго моря и озера Боркуля, четыре великія крѣпости изъ деревяннаго и каменнаго строенія. 1., Баркульская, 2 , Ленская, 3., Улустайская, 4., Кульзякайнятская, лежащая къ Яркенду.«

Войско, заселявшее эти крѣпости, частію кочевало тутъ со всѣми домами, женами, дѣтьми, и скотомъ, частью же жило „въ зимовыхъ деревянныхъ и каменныхъ покояхъ“; многіе изъ нихъ занимались хлѣбопашествомъ, сѣяли пшеницу, пшено сорочинское, просо, гречиху и хлопчатую бумагу. Весною 1762 г. явилось здѣсь моровое повѣтріе, которое продолжалось почти во весь 1763 годъ, люди умирали въ большомъ числѣ, и Китайскій дворъ пересталъ на время высылать новыя войска и умножать селенія. Крѣпости эти, составляя военные пункты въ Чжуньгаріи, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были служить къ распространенію Китайскаго вліянія на окрестныя земли. Поселенцы открыли у себя торгъ, и старались сдѣлать его выгоднымъ для Азіятцевъ. жители Кашгара, Яркенда, Туркестана и Ташкенда стекались къ нимъ во множествѣ, даже Киргизы водили лошадей и покупали отъ Китайцевъ за весьма дешевую цѣну панцыри, луки,-сайдаки со стрѣлами, разныя Китайскія парчицы, черныя канфы, дорогіе атласы, серебро и золото. Киргизы, ѣздя на торги эти, обыкновенно возвращались оттуда въ 6 или 5 мѣсяцевъ, зимуя въ улусахъ Кайсаковъ, кочевавшихъ на Чжуньгарской землѣ.

Однако Пекинскій Дворъ не довольствовался однимъ тихимъ распространеніемъ своего вліянія путемъ торговымъ. Простирая свои виды на всѣ мелкія владѣнія Средней Азіи, онъ дѣйствовалъ и силою. Лѣтъ за 8 до

1763 г., Богдо Ханъ, предъявивъ древнія права свои на Кашгаръ, Яркендъ, равнымъ образомъ на Ташкендъ, Ходжентъ и Туркестанъ, объявилъ обитателей ихъ своими подданными. Наконецъ послѣ долгой войны и большаго урона, удалось ему покорить Кашгаръ и Яркендъ, жителей которыхъ онъ обложилъ данью, опредѣливъ, сколько они должны выплачивать ему чрезъ каждые три года (дань до самаго 1763 г. не поступала къ нему; Кашгарцы и Яркендцы ограничивались одною отсылкою подарковъ). Овладѣевъ этими двумя пунктами, Богдо Ханъ сталъ добиваться завоеванія остальныхъ городовъ. Думая напередъ увѣриться въ расположеніи Киргизовъ и, если возможно обмануть ихъ, онъ осенью 1762 г. отъ имени «Фельдмаршала своего» (по Китайски называемаго Занзюнгъ) отправилъ 130 человѣкъ посланцевъ къ Абулъ-Махметъ Хану, къ Аблай Султану и къ знатнымъ Старшинамъ Кабанбаю и Кабякбію. Посланцы объявили, будто Государь ихъ намѣренъ съ наступленіемъ весны 1763 г. выслать войско и велѣть ему итти между Туркестаномъ и Ташкендомъ въ Самаркандъ, для принесенія, по Китайскому обычаю, жертвы въ Туркестанѣ гробницѣ Хазретъ-Ходжи, а въ Самаркандѣ Синей Горѣ того же святаго. Въ заключеніе они просили одного сана Киргизовъ будто для препровожденія войска и требовали на прокормъ солдатамъ дать нѣсколько скота, лошадей, быковъ, барановъ, и съ каждой кибитки на примѣръ по пуду крута. Абдулъ Махмедъ и Аблай, напуганные та-

кимъ требованіемъ, и подозрѣвая въ Китайцахъ дурное намѣреніе, отказали посланцамъ, и отвѣчали, что безъ согласія Государя Русскаго, они не пропустятъ Китайскаго войска до означенныхъ городовъ, и не дадутъ ему ни провожатыхъ, ни запасовъ. Между тѣмъ Пекинскій дворъ, готовясь къ завоеваніямъ, не переставалъ льстить Киргизамъ и, опасаясь найти въ нихъ противниковъ, старался привлечь и удержать въ рукахъ своихъ главу ихъ Аблай Султана. Въ Мартѣ 1763 г., возвратился изъ Пекина племянникъ Аблая, Давлетъ Гирей, посланный дядею еще весною 1761 г. Давлетъ Гирей привезъ съ собою грамоту отъ Богдо Хана (грамота эта была писана на тонкой бумагѣ, наклеенной на желтую тафту, она составляла свертокъ въ 2 аршина длины и 1 аршинъ ширины и имѣла внутри 5 большихъ красныхъ печатей. Киргизы называли ее Кызыль-Пичикъ т. е. «замирительная грамота». По переводу одного Чжуньгарца, жившаго въ улусахъ Аблая, и съумѣвшаго прочесть ее, грамота эта была написана въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ для Султана. Богдо Ханъ позволялъ ему со всѣми Киргизами кочевать до рѣки Или на мѣстахъ, оставшихся пустыми послѣ Элютовъ, просилъ его имѣть всякій торгъ съ его подданными и отправлять посольства ко Двору его. Съ своей стороны онъ обязывался не тревожить войною Киргизовъ и защищать ихъ въ случаѣ какого либо утѣсненія; наконецъ онъ писалъ, что въ знакъ дружбы и союза онъ призналъ племянника его

Давлетъ Гирея своимъ сыномъ, котораго и отпустилъ со всею свитою съ большими награжденіями. Въ заключеніе же всего, Богдо Ханъ просилъ Аблая прислать къ нему въ аманаты отца бывшей жены его, Найманскаго рода Кинзя-Батыря съ его родственниками, который, еще при жизни Чжуньгарскаго владѣльца Галданъ-Церына, находился въ великой милости и по этому былъ извѣстенъ Китайскому Государю. Богдо Ханъ обѣщалъ давать Батырю въ годъ жалованья по 500 лановъ (10,000 руб.), а родственникамъ его по 500 руб., иным по 1000 руб., а другимъ по 100 руб. Аблай, получивъ такое извѣщеніе, поспѣшилъ исполнить требованіе Пекинскаго Двора; въ Іюнѣ 1763 г. онъ отправилъ тестя своего, съ его родственниками въ 500 кибиткахъ, съ женами, дѣтьми и скотомъ и послалъ съ ними въ подарокъ Богдо Хану 29 свѣтлосѣрыхъ лошадей. Къ этому поѣзду присоединились сынъ Султанъ-Мамета, Урусъ Султанъ, и посланные отъ Нурали Хана и Ирали Султана Киргизы въ числѣ 50 человѣкъ, равнымъ образомъ отправились послы отъ зятя Нуралія Абульфаизъ Султана, и отъ Батырь Султана (*).

(*) Цѣль посольства со стороны Нуралія и Султановъ состояла въ томъ, чтобы завести сношенія съ Пекинскимъ дворомъ и быть тамъ въ такомъ же почтеніи, какъ Аблай.

Однако Аблай, дѣйствуя въ возможныхъ случаяхъ по волѣ Китайцевъ, былъ слишкомъ хитеръ, чтобы вполнѣ вѣрить ихъ льстивымъ увѣреніямъ; онъ равно опасался какъ дружбы ихъ, такъ и непріязни. Вѣсть о скоромъ походѣ Китайцевъ къ предѣламъ его владѣній, сильно тревожила его; кромѣ завоеванія Туркестана, который здавна считался достояніемъ Киргизовъ, они могли простирать свои виды еще далѣе и наложить иго на Кайсаковъ. Аблай въ этомъ случаѣ мало надѣялся на Русскихъ даже боялся ихъ: всякое прямое вмѣшательство сосѣдней сильной державы въ дѣла Орды казалось ему опаснымъ, потому что грозило окончательною потерею самостоятельности. Но не одинъ Аблай думалъ такъ; почти всѣ Киргизы раздѣляли его мысли. Страхъ овладѣлъ ими при первомъ извѣстіи о походѣ Китайцевъ Что же говорить о самихъ народахъ Средней Азіи, которымъ угрожало нашествіе враговъ? они искали себѣ помощи и не находили. Въ такомъ критическомъ положеніи, Абулъ-Махметъ-Ханъ, Аблай Султанъ, Ташкендцы (*), Кашгарцы, Яркендцы, Ходжандцы еще въ началѣ 1763 года наскоро написали жалобу къ Афганскому Государю Ахмедъ-Шаху и умоляли его, какъ истиннаго Мусульманина, защитить ихъ и не допускать, чтобы безбожные Китайцы овладѣли землями, и достояніемъ правовѣрныхъ.

(*) Въ Ташкендѣ во всю зиму 1762 г. по самую весну 1763 года происходило междоусобіе и кровопролитіе за неправильное разбпрательство двумя ихъ Беками народныхъ дѣтъ, наконецъ безпорядки эти были

Жалобу эту взялись доставить два сына двухъ Бековъ Айхузи и Кунхузи (Айходжа и Кунходжа) Айходжа и Кунходжа правили прежде въ Кашгарѣ и Яркендѣ; тѣснимые Китайцами и не имѣя силъ противиться, они искали убѣжища въ Бадакшанѣ, но тамошній правитель умертвилъ ихъ, а дѣтей взялъ въ плѣнъ. Дѣти вскорѣ бѣжали и предстали предъ Ахмедомъ съ просьбою о защитѣ; объяснивъ ему обстоятельства дѣла, они выпросили 30 лековъ (въ каждомъ лекѣ 10 сановъ; въ каждомъ санѣ 10,000 войска) и весною 1763 года съ 33 санами Афганцевъ возвратились назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ привезли съ собою приказъ Ахмеда, быть имъ, вмѣсто убитыхъ отцовъ, Беками въ Кашгарѣ и Яркендѣ, а Правителей, назначенныхъ Китайцами отрѣшить отъ должностей. Приказъ этотъ былъ исполненъ, и новые Беки вступили въ управленіе городами.

Ахмедъ, принимая на себя защиту своихъ собратій на сѣверѣ, какъ видно, намѣревался дѣйствовать рѣшительно. Посылая туда войско, онъ тотчасъ же отправилъ въ Пекинъ одного изъ Визирей своихъ съ 40 человѣками объявить Богдо-Хану, чтобы онъ, какъ невѣрный Государь, отнюдь не дерзалъ держать долѣе въ рукахъ своихъ Кашгаръ и Яркендъ, и простирать виды на другіе Мусульманскія владѣнія. Въ противномъ случаѣ, если бы

прекращены Кокандскимъ Бекомъ Арзеня Бикомъ, который вызвалъ къ себѣ изъ Ташкенда обоихъ Бековъ, виновниковъ междоусобія и опредѣлилъ на ихъ мѣсто Кокандскихъ Бековъ.

онъ не захотѣлъ исполнить этого требованія, то назначилъ бы Ахмедъ-Шаху мѣсто битвы, или ожидалъ у себя появленія его войска, которое пока въ числѣ 33 сановъ уже выступило и получило приказаніе ждать возвращенія пословъ во владѣніи Арзяня Бека, между Ташкендомъ и Коканомъ, или во вновь построенной Китайцами Кульзакайнатской крѣпости (*). Посланцы Ахмеда по дорогѣ въ Пекинъ возмущали всѣхъ противъ Китая, запрещали Киргизамъ водить лошадей на мѣну въ крѣпости, построенныя въ Чжуньгаріи, и строго наказывали Сартамъ неѣздить на тамошніе торги.—Увѣщанія ихъ оказывались вездѣ дѣйствительными, и торгъ въ четырехъ крѣпостяхъ значительно упалъ (въ бытность Гордѣева въ Ордѣ поѣхало туда всего 500 человѣкъ Киргизовъ).

Кто же былъ этотъ Ахмедъ-Шахъ, который силою оружія осмѣливался грозить столь сильному Государству, какъ Китай, и дерзалъ принимать на себя посредничество между Мусульманами и невѣрными. Ахмедъ-Шахъ, имѣвшій пребываніе свое въ главномъ Афганскомъ городѣ Кандагарѣ (отъ Мешгеда разстояніемъ 10 дней ѣзды) былъ, какъ и всѣ подобные ему герои Азіи, происхожденія низкаго. Когда Надыръ покорилъ Афгановъ и, уважая храбрость этого народа, взялъ часть изъ нихъ

(*) Самъ Ахмедъ-Шахъ писалъ къ Абулъ-Махмедъ-Хану въ Туркестанъ объ отправленіи посольства въ Пекинъ, въ слѣдствіе жалобы, принесенной ему на Китайцевъ. Письмо это было сообщено Абулъ Махметомъ Аблаю 20 Іюля 1763 г. Мулла Бабязанъ давалъ читать его Гордѣеву, но Переводчику нашему не удалось снять съ него копіи.

въ свое войско, Ахмедъ успѣлъ попасть въ число избранныхъ и вскорѣ добрымъ поведеніемъ своимъ и ревностью къ службѣ достигъ званія Есаула. Въ этомъ чинѣ онъ постоянно отличался исправностью и проворствомъ, такъ что Надыръ употреблялъ его чаще другихъ Есауловъ на разныя порученія Наконецъ во время войны съ Турціею Ахмедъ, будучи посланъ Надыромъ въ Турецкій лагерь, оказалъ ему такую услугу, что Шахъ возвелъ его въ ханское достоинство и полюбилъ больше всѣхъ Хановъ По окончаніи войны, онъ возвратился съ Надыромъ въ Персію; когда же Шахъ былъ умерщвленъ придворными своими, то Ахмедъ со всѣми Афганами, находившимися въ войскѣ Надыра, возвратился на родину. Въ это время онъ былъ еще молодъ (въ 1764 г. ему было не болѣе 50 лѣтъ), но природный умъ и врожденная дѣятельность привязали къ нему вскорѣ всѣхъ Афгановъ; тогда, подражая Надыру, Ахмедъ предался завоеваніямъ. Сначала онъ покорилъ ближнія Персидскія области.; но томъ подчинилъ себѣ часть Индіи и другія окрестныя земли. Власть его росла быстро, онъ признанъ былъ Шахомъ и всѣ Мусульманскіе народы Азіи изъявляли готовность повиноваться ему и посылали ко Двору его посланцевъ. Въ 1763 году Ахмедъ-Шахъ собрался съ войскомъ итти сперва на Бухару, а потомъ на Индію, какъ пріѣхали къ нему посланцы отъ городовъ Малой Бухаріи съ жалобою на Китайцевъ. Ахмедъ, который вездѣ искалъ случая расширить власть свою, не за-

медлилъ, какъ мы уже сказали, подать руку помощи своимъ единовѣрцамъ (*).

Очертивъ такимъ образомъ въ короткихъ словахъ личность Ахмедъ-Шаха, мы не въ правѣ винить жителей Яркенда и прочихъ городовъ, что они обратились съ просьбою о защитѣ именно къ нему, а не къ другому Мусульманскому Государю. Конечно, Ахмедъ, имѣя войско, привычное къ бою, и располагая (если считать всѣ покоренные имъ народы) силами вдесятеро большими противъ Китая (**), одинъ только изъ всѣхъ владѣльцевъ Азіи могъ противиться Богдо Хану и разрушить его честолюбивые замыслы. Но какъ бы то ни было Афганское войско стояло уже между Ташкендомъ и Кокандомъ; со всѣхъ сторонъ посылались приглашенія участвовать въ войнѣ съ невѣрными: Фазыль-Бій, изъ Ходжанта, звалъ Аблая къ себѣ для свиданія и совѣта, а можетъ быть и для переговоровъ съ Афганскимъ войскомъ. Аблай въ Сентябрѣ думалъ ѣхать и тайкомъ собиралъ Киргизовъ подъ предлогомъ вымышленной войны съ Шибанскимъ и Кураманскимъ народами, жившими по Сыръ-Дарьѣ, выше большой Бухаріи и ниже Ташкенда, въ горахъ между Большою Ордою и Ташкендомъ. (Показаніе Казанкула

(*) См. донесеніе Лачинова въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 15 Января 1764 г. Свѣдѣнія эти объ Ахмедъ-Шахѣ были доставлены ему четырьмя купцами изъ Ходжанта, пріѣхавшими въ Троицкъ съ золотомъ и серебромъ.

(**) Такъ по крайней мѣрѣ говорили пріѣхавшіе купцы изъ Ходжанта (донесеніе Лачинова 15 Января 1704 г.)

31 Декабря 1763 года). Причиною войны полагалъ онъ ежегодныя нападенія Кураманцевъ на караваны, пріѣзжавшіе въ Орду изъ Азіатскихъ городовъ, и обиды, наносимыя ими Киргизамъ (*).

Справедливъ ли былъ предлогъ этой войны, или нѣтъ— неизвѣстно Аблай сбирался въ путь и всѣ какъ Киргизы, такъ и другіе народы, съ нетерпѣніемъ ожидали развязки вмѣшательства Афгановъ. Въ эту минуту, полную ожиданій, Гордѣевъ прибылъ въ Среднюю Орду къ Аблаю и Султанъ-Мамету. Перваго увидѣлъ онъ Аблая. Положеніе Султана, хотя и двусмысленное, однако было выгодно· съ Китайцами онъ жилъ въ ладу; Дворъ Пекинскій ласкалъ его, осыпалъ милостями и, казалось, готовъ былъ на всякаго рода снисхожденія; на случай же малѣйшаго притязанія со стороны этихъ мнимыхъ покровителей и друзей, Аблай имѣлъ вѣрнаго защитника въ лицѣ Ахмедъ-Шаха, который не изъ привязанности къ единовѣрнымъ Киргизамъ, а изъ личныхъ выгодъ и честолюбія не допустилъ бы Китайцевъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. И такъ Аблай на время былъ внѣ всякой опасности, ни кто не угрожалъ его независимости; слѣдовательно въ Русскихъ онъ не нуждался, и льстить имъ было ему не за чѣмъ. Увидѣвъ у себя Гордѣева, онъ счелъ лишнимъ скрывать отъ него такія чувства. Предугадывая мысли Начальства, которое, какъ онъ думалъ,

(*) Всѣ свѣдѣнія объ Афганахъ и о положеніи Средней Орды заимствованы большею частью изъ показаній Гордѣева.

не перенесетъ, безъ внутренняго страха, извѣстія о слишкомъ близкихъ сношеніяхъ его съ Китаемъ и Афганами, онъ рѣшился изложить посланному всѣ неудовольствія свои на Русскихъ, какъ вымышленныя, такъ и справедливыя, и, если возможно, вытребовать нѣкоторыя льготы и снисхожденія. Медали принялъ онъ съ видомъ удовольствія и тотчасъ же вручилъ ихъ Баиру и Старшинамъ, заставивъ ихъ напередъ стать на колѣни и поцѣловать медали; но на третій уже день по пріѣздѣ Гордѣева отношенія измѣнились. Призвавъ посланнаго къ себѣ, онъ при собраніи многихъ знатныхъ Киргизовъ сталъ »въ великомъ азартѣ« попрекрать его, что Русскіе Командиры не перестаютъ несправедливо обижать и раззорять подвластный ему народъ; въ особенности винилъ онъ Русскихъ въ томъ, что они не возвращаютъ бѣжавшихъ изъ степи Чжуньгарскихъ плѣнниковъ, составляющихъ военную добычу Киргизовъ, также и дѣтей Кайсацкихъ, прижитыхъ отъ Калмыковъ; далѣе жаловался на Волжскихъ Калмыковъ, на Яицкихъ Казаковъ и на Башкировъ, которые ежегодно отгоняютъ въ Малой Ордѣ скотъ и лошадей. Киргизы, говорилъ Султанъ, до того раздражены этими поступками, что удержать ихъ отъ мщенія невозможно; въ подтвержденіе словъ своихъ, онъ приводилъ нѣкоторые улусы, которые изъ неудовольствія откочевали уже »въ постороннія землицы«. Быть можетъ, продолжалъ Аблай, и вся Киргизская Орда не останется на прежнихъ мѣстахъ; что касается до

меня, то я не буду сожалѣть объ этомъ; я знаю, что куда бы Киргизы не пришли, всюду найдутъ они хорошій пріемъ, а для отпора врагу всегда могутъ выставить изъ среды своей не менѣе 30 сановъ. Гордѣевъ въ отвѣтъ на такія угрозы объяснялъ Аблаю всю невыгоду и не возможность для Кайсаковъ откочеванія въ дальнія земли, и представлялъ ему, что въ случаѣ воровства и обиды слѣдуетъ обращаться имъ къ главному Начальству, которое не замедлитъ, какъ оно всегда дѣлаетъ, наказать виновныхъ и вознаградить обиженныхъ. Однако убѣжденія эти мало подѣйствовали на Аблая; онъ рѣшительно объявилъ Гордѣеву, что въ послѣдній разъ будетъ писать Губернатору о не принимании плѣнныхъ Калмыковъ. Рѣшимость противодѣйствовать видамъ Начальства раздѣляли съ Султаномъ почти всѣ находившіеся при немъ Киргизы; по крайней мѣрѣ подстрекаемые, какъ видно, Аблаемъ, они явно порицали Русскихъ за не отдачу плѣнниковъ и грозили захватывать людей въ крѣпостяхъ. Нѣкоторые Киргизы проговаривались даже, что когда придетъ къ нимъ Мусульманское войско Ахмедъ-Шаха, »то уже Русскіе придутъ въ чувство, и не будутъ обижать ихъ (*)«. Гордѣевъ, видя дурное расположеніе Аблая, пересталъ возражать ему, и отправился къ Султанъ-

(*) Впрочемъ не всѣ Киргизы были такъ дурно расположены къ Русскимъ. Старшины Кулсары, Куляка и Турсунбай (кочевавшіе тогда близъ линіи по рѣкѣ Ишиму) въ разговорахъ съ Гордѣевымъ обвиняли Аблая, и увѣряли переводчика въ преданности къ Начальству.

Маметъ Султану, чтобъ передать медали, слѣдующія сыну его, Урусу, и сопровождавшимъ его Старшинамъ; но ни Уруса, ни Старшинъ онъ не нашелъ въ Ордѣ; они были уже на дорогѣ въ Пекинъ. Султанъ-Маметъ, хотя и былъ на словахъ ласковѣе, чѣмъ Аблай, однако съ своей стороны тоже попрекалъ Русскихъ въ обидахъ и притѣсненіяхъ и обѣщалъ написать жалобу Губернатору.

Гордѣевъ 28 Сентября 1763 г. возвратился изъ Орды въ Оренбургъ. Онъ привезъ съ собою письма отъ Аблая и Султанъ-Мамета на имя Волкова. Оба Султана жаловались Губернатору на Командировъ, жившихъ по линіи; говорили, что они вопреки правилъ чести и справедливости тѣснятъ Киргизовъ и держатъ у себя притонъ всѣмъ плѣннымъ. Сверхъ того Султанъ-Маметъ, напоминая о прошлогодней просьбѣ своей наградить его саблею, требовалъ, въ уваженіе къ усердной и долговременной службѣ, назначить ему окладъ годоваго жалованья. Въ этомъ случаѣ онъ ссылался на примѣръ Кулсарыя, Куляки, и другихъ незначительныхъ въ сравненіи съ нимъ лицъ въ Ордѣ, которые получали жалованье.

Генералъ-Поручикъ Лачиновъ (ему велѣно было управлять Оренбургскимъ краемъ на время отсутствія Волкова, отозваннаго 11 Октября по дѣламъ въ Петербургъ) донесъ (13 Ноября 1763 года) о результатахъ поѣздки Гордѣева Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, которая, узнавъ о заселеніи Китайцами Джунгаріи и о распространеніи вліянія ихъ на Киргизовъ, указомъ отъ 23

Октября, предписала употреблять всѣ возможныя мѣры для удержанія Средней Орды въ нашихъ рукахъ, и послать туда чрезъ Троицкую крѣпость надежнаго человѣка, чтобы развѣдать о тамошнихъ обстоятельствахъ. Предписаніе это прежде, чѣмъ дошло въ Оренбургъ (26 Ноября), было уже исполнено мѣстнымъ Начальствомъ. На основаніи указа Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ Давыдову отъ 18 Іюля 1760 года, (которымъ велѣно было подъ разными приличными предлогами отправлять иногда къ Аблаю и Султанъ-Мамету, а иногда къ Кулсарыю и Кулякѣ, изъ Троицка вѣрныхъ людей для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ Средней Ордѣ), Башкирскій Старшина Шукуръ Абзяновъ, Казанкулъ Казанбаевъ и прочіе не разъ ѣздили въ степь. 6 Ноября 1763 года они снова были туда посланы отъ Командира Уйской Нижней дистанціи Абатурова. Какъ бы нарочно къ этой поѣздкѣ представился предлогъ, болѣе чѣмъ удовлетворительный: Киргизамъ слѣдовало объявить о дозволеніи имъ по Высочайшей милости мѣнять въ крѣпостяхъ хлѣбомъ безпошлинно.

Шукуръ Абзяновъ и Казанкулъ Казанбаевъ прибыли къ Аблаю чрезъ полмѣсяца послѣ выѣзда изъ Троицка, и застали его за рѣкою Ишимомъ при горѣ Сарымбетъ. Первымъ ихъ дѣломъ было увѣрить Султана въ расположеніи Начальства и объявить ему о дозволеніи Киргизамъ мѣнять безпошлинно хлѣбомъ въ крѣпостяхъ, впредь на три года. Аблай, вѣроятно, заключивъ изъ объявленія о

готовности Русскихъ на разныя уступки, и желая притворною лестью побудить ихъ къ еще большимъ снисхожденіямъ, приказалъ тотчасъ собрать всѣхъ кочевавшихъ съ нимъ Киргизовъ, и велѣлъ писарю своему прочесть въ слухъ письмо Абатурова. Киргизы, въ которыхъ Аблай былъ увѣренъ, что они припишутъ это его ходатайству, радовались данному имъ дозволенію, и обѣщали разгласить объ немъ по всей степи. Съ болѣе искреннимъ чувствомъ приняли извѣстіе о Высочайшей милости Кулсары и Куляка (кочевавшіе тогда при Сибирской линіи, первый въ 15 верстахъ отъ Петропавловской крѣпости, а второй въ 4 верстахъ отъ Прѣсновской крѣпости), къ которымъ посланные наши заѣзжали на возвратномъ пути отъ Аблая (*).

И такъ Средняя Орда на всемъ протяженіи своемъ была спокойна, и ни гдѣ не зымышляли ничего противъ Русскихъ. Кромѣ дружескаго обращенія Начальства, не было ли къ тому какой либо другой причины, болѣе основательной? Для этого снова взглянемъ на Востокъ и посмотримъ, какъ измѣнились дѣла Малой Бухаріи, послѣ пребыванія Гордѣева въ Ордѣ. Войско Богдо Хана въ довольно значительномъ числѣ стояло въ Чжуньгаріи и продолжало строить города, заселяя ихъ по прежнему частью своими людьми, частью покоренными Элютами. При двухъ изъ этихъ селеній, именно при рѣчкѣ Кулас-

(*) Казанкулъ привезъ письмо отъ Аблая, гдѣ онъ жаловался, что ему не исправно стали выдавать положенное жалованье хлѣбомъ (по 200 пудовъ въ годъ.)

таѣ и при урочищѣ Иранъ-Хаберге, производился торгъ съ Кайсаками. На ряду съ заселеніями шли и притязанія Китайцевъ. Нѣкоторые Киргизы Средней Орды, вѣроятно, на основаніи грамоты, данной Аблаю, перешли было со скотомъ зимовать на Чжуньгарскую землю. Китайское войско не допустило ихъ къ тому и объявило, чтобы Киргизы и впредь не переходили кочевать въ Чжуньгарію, а зимовали бы только по сю сторону рѣки Аягузъ (впадающей въ Иртышъ, а вершиною простирающейся къ Алтайскимъ горамъ, лежащимъ близъ города Ташкенда, гдѣ Китайцы для заведенія торга съ Азіатцами намѣревались строить еще городъ, и нѣкоторые матеріалы были уже приготовлены). Китайцы положили границею владѣній своихъ рѣку Аягузъ; Киргизамъ дозволялось переѣзжать ее для одного торга. Аблай тревожно слѣдилъ за всѣми дѣйствіями Пекинскаго Двора и видѣлъ, какъ онъ явно стремился къ распространенію власти и не встрѣчалъ ни гдѣ преградъ: 12 городовъ Малой Бухаріи оставались въ рукахъ его и платили уже дань золотомъ и серебромъ. Что же дѣлалъ въ это время Ахмедъ-Шахъ, на котораго правовѣрные взирали, какъ на единственное средство къ спасенію? Посланцы его уже нѣсколько мѣсяцевъ возвратились изъ Китая. Тамъ они были приняты весьма дурно. Богдо Ханъ не побоялся угрозъ Ахмеда, и отвѣчалъ, что не откажется отъ завоеванныхъ городовъ. Послы на пути изъ Пекина возмущали противъ Китая народы, по землямъ которыхъ

проѣзжали, и убѣждали ихъ соединиться за одно съ Шахомъ. Фазыльбій писалъ къ Абулъ-Махметъ-Хану и просилъ его вмѣстѣ съ Афганами взяться за оружіе противъ невѣрныхъ. Ханъ переслалъ это приглашеніе къ Аблаю, и Султанъ отложилъ походъ на Шибанцевъ съ тѣмъ, чтобы весною ѣхать въ Туркестанъ и совѣтоваться съ Абулъ-Махметомъ. Эти наружные знаки приготовленія къ бою заставляли вѣрить, что Ахмедъ съ наступленіемъ весны начнетъ походъ; но Аблай какъ бы предчувствовалъ противное и начиналъ сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія Афгановъ. Уже прошло около года, какъ Шахъ сбирался вести войну; посланцы его давно возвратились изъ Китая, а онъ все медлилъ. Видя это, Султанъ начиналъ понимать, что дѣло можетъ затянуться, а малѣйшая проволочка дастъ Китайцамъ случай усилиться. Но этому онъ рѣшился на время, пока сами обстоятельства не укажутъ ему настоящаго образа поведенія, продолжать льстить Китайцамъ, склоняться на призывы Афгановъ, но при этомъ не забывать и третьей державы-Россіи, чтобы въ случаѣ крайности и неудачи противопоставить ее Богдо Хану.

Эта послѣдняя мысль, весьма простая, была вѣрно расчитана. Россія, по политическому положенію своему легко бы могла вмѣшательствомъ своимъ разстроить честолюбивые замыслы Пекинскаго Двора. Доказательствомъ служили самыя силы Правительства. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ,

Указомъ 16 Декабря 1763 г., предписала Лачинову развѣдать отъ Киргизовъ Малой Орды о степени могущества Ахмеда и уговаривать кого либо изъ надежныхъ Оренбургскихъ татаръ отправиться въ Хиву, и склонить ее къ содѣйствію Афганамъ. Исполненіе такого предписанія Коллегіи оказалось невозможнымъ: холодъ и бураны, дѣлающіе зимою проѣздъ по степи весьма затруднительнымъ, не дозволяли отправить нарочнаго ни въ степь, ни въ Хиву. Къ тому же посольство въ Хиву, по мнѣнію Лачинова (донесеніе 8 Января 1764 г.), едва ли бы принесло какую пользу. Хива, говорилъ онъ, лежитъ въ весьма неблизкомъ разстояніи не только отъ Афганистана, но и отъ всѣхъ Азіатскихъ городовъ, и жители ея, какъ извѣстно, не ѣздятъ далѣе Бухары. Если Ахмедъ-Шахъ на самомъ дѣлѣ рѣшится вести войско противъ Китайцевъ, то путь въ городки Малой Бухаріи лежитъ ему чрезъ Большую Бухарію; слѣдовательно Хива останется далеко въ сторонѣ. Хивинцы »народъ весьма непостоянный и злостный« и въ особенности дурно расположены къ Русскимъ: всякій, кого только посылали въ Хиву, испытывалъ тамъ крайнее бѣдствіе, начиная съ Князя Бековича-Черкасскаго до переводчиковъ Гуляева и Чучалова въ 1754 году. Кромѣ этихъ причинъ Лачиновъ приводилъ еще другія: 1., Киргизы нынѣшнимъ лѣтомъ »по разнымъ междоусобіямъ своимъ», разграбили Хивинскій караванъ, ѣхавшій въ Оренбургъ. Хивинцы, считая ихъ подданными Россіи, конечно воспользуются удобнымъ случаемъ отомстить за

грабежъ, и непремѣнно захватятъ какъ самого посланнаго, такъ и Киргизовъ, которые будутъ служить ему провожатыми. 2., Если нашъ посолъ станетъ внушать Хивинцамъ необходимость соединиться съ Афганами противъ Китая, и будетъ обѣщать содѣйствіе Русскихъ, то они конечно примутъ его за шпіона и удержатъ у себя. 3., Даже если Хивинцы выслушаютъ представленіе Русскаго посла, то едва ли рѣшатся они заступиться за своихъ единовѣрцевъ, »будучи отъ нихъ и отъ Китайцевъ весьма въ отдаленіи, и въ такомъ состояніи, въ которомъ находятся, они болѣе въ домашней экономіи, нежели въ военныхъ дѣйствіяхъ«. 4., Хивинцы народъ вѣтреный, и среди ихъ живутъ люди разныхъ націй, слѣдовательно внушенія Русскихъ безъ всякаго сомнѣнія откроются Китайцамъ. 5., Если послать въ Хиву, какъ предполагается, татарина, то будучи мусульманиномъ, онъ самъ можетъ легко остаться тамъ по своей волѣ »ибо та»мошнее мѣсто здѣшнимъ магометанскимъ народамъ будетъ во всемъ выгоднѣе; примѣры тому не рѣдко встрѣчаются и изъ отпущенныхъ въ хиву, для торговли татаръ многіе и понынѣ не возвращались.» Въ заключеніе, Лачиновъ доносилъ Коллегіи, что онъ при первомъ удобномъ случаѣ отправитъ въ Среднюю Орду нарочнаго человѣка, который бы еще разъ развѣдалъ о расположеніи Киргизовъ.

Дѣйствительно, 14 Мая 1764 года, Переводчикъ Матвѣй Араповъ былъ посланъ къ Аблаю съ письмомъ отъ Лачинова, который въ ласковыхъ выраженіяхъ просилъ

Султана отвѣчать ему благополучно ли онъ пребываетъ въ степи, и не терпитъ ли отъ кого притѣсненія? Араповъ, прибывъ въ Орду, встрѣтился съ Аблаемъ при рѣчкѣ Кылчаклѣ. Султанъ принялъ его хорошо, говорилъ, что онъ весьма доволенъ Начальствомъ, и что ни какія убѣжденія Китайцевъ не заставятъ его измѣнить Русскимъ. Слова эти находили отголосокъ въ Киргизахъ Средней Орды, которые держали себя тихо, ѣздили безъ всякаго опасенія торговать въ Троицкѣ, и вообще явно клонились на нашу сторону. Только зимою на 1764 г., 3,000 кибитокъ Тюртуулнайманскаго рода вслѣдствіе воровства, которому они подвергались отъ другихъ Киргизовъ, перешли въ Чжунгарію, и стали тамъ кочевать, однако такая попытка грозила имъ дорого обойтись. Аблай, сердясь на нихъ за то, что они откочевали безъ его дозволенія, собирался ихъ разграбить, съ другой стороны тѣснили ихъ Китайцы, думая обратить въ неволю.

И такъ Русскіе въ короткое время пріобрѣли себѣ явнымъ образомъ расположеніе Киргизовъ. Причиною тому былъ хитрый умъ Аблая: онъ сдѣлалъ то, чего бы трудно было достигнуть другимъ путемъ. Вліяніемъ своимъ давая произвольное направленіе мыслямъ Кайсаковъ, Султанъ изъ собственныхъ видовъ склонилъ ихъ теперь на сторону Русскихъ. Обстоятельства были такого рода, что ему не предстояло другихъ средствъ къ обереженію власти: до того опасною сдѣлалась для него политика Пекинскаго Двора. Къ лѣту 1764 г. Китайцы значительно

умножили войско въ Чжуньгаріи.—Въ разныхъ мѣстахъ являлись новые городки, гдѣ заставляли помѣщаться Элютовъ, и даже Монголовъ; 15,000 семействъ были уже приготовлены для заселенія. Китайцы не щадили и жителей завоеванныхъ ими городовъ Малой Бухаріи, и переселяли ихъ внутрь своей линіи. Богдо Ханъ ни сколько не обращалъ вниманія на Афгановъ: по крайней мѣрѣ Малая Бухарія оставалась въ томъ же несчастномъ положеніи; подати и поборы съ нея не прекращались; жители ея по прежнему просили помощи у Ахмедъ-Шаха и даже клятвенно обязались содѣйствовать ему (*), но Ахмедъ-Шахъ, занятый войною съ народомъ, жившимъ въ горахъ »Сякъ«, прилежащихъ къ Индіи, не имѣлъ времени защищать своихъ собратій. Онъ только рылъ по дорогѣ, ведущей къ Китаю, въ безводныхъ мѣстахъ колодцы и каналы, собиралъ и приготовлялъ у себя и «въ прочихъ окольныхъ земляхъ« запасъ для пропитанія войска. Похода же онъ не могъ предпринять раньше весны 1765 г. (показаніе Арапова 13 Августа 1764 г.). Предчувствіе Аблая сбывалось; Афганы только обѣщали помощь, на самомъ же дѣлѣ не приносили ея.

(*) Объ этомъ писалъ къ Аблаю, въ бытность при немъ Арапова, правитель Кокана Арзяня—Бекъ, прося Султана участвовать въ общей войнѣ за вѣру и независимость. Аблай изъявилъ согласіе, и послалъ съ отвѣтомъ къ Бику Киргиза Мамыка.

Араповъ пробылъ недолго въ ставкѣ Султана. Въ первыхъ числахъ Августа онъ собрался въ путь и Аблай, сдѣлавшійся теперь вѣрнымъ слугою Россіи, отправилъ вмѣстѣ съ нимъ посланцемъ ко Двору Ея Императорскаго Величества пасынка своего (сына одной Чжунгарки, которую онъ взялъ за себя) Бури Султана при 8 Старшинскихъ дѣтяхъ; въ томъ числѣ двое Каракисякскаго рода, Тулябай, и Тюртуульскаго, Хашимъ Тагъ, съ особливымъ листомъ къ Государынѣ были отправлены отъ сыновей извѣстнаго Баракъ Султана, Тагиръ и Букей Султановъ. Посланные 13 Августа прибыли въ Оренбургъ. Араповъ представилъ Лачинову письма Аблая, полныя изъявленій дружбы и преданности. Въ нихъ Султанъ между прочимъ просилъ, чтобы ему снова выдавали серебромъ жалованье (300 руб. въ годъ), которое въ прошломъ году доставили мѣдью и жаловался на ограбленіе одного Киргиза, ѣздившаго три года тому назадъ въ Троицкъ. Но главная просьба Аблая состояла въ слѣдующемъ: разстояніемъ сутокъ ѣзды отъ Красноярской крѣпости, онъ уже сдѣлалъ себѣ деревянный домъ; теперь онъ просилъ Лачинова выслать знающихъ людей, которые бы выстроили ему хорошій сосновый домъ и обучили Киргизовъ хлѣбопашеству. Просьба эта была передана на разсмотрѣніе Генералъ-Поручику Шлиндеру, Главнокомандующему на Сибирской линіи; что же касается до выдачи жалованья, то приказано было доставлять его впредь серебреною монетою; а жалоба на разграбле-

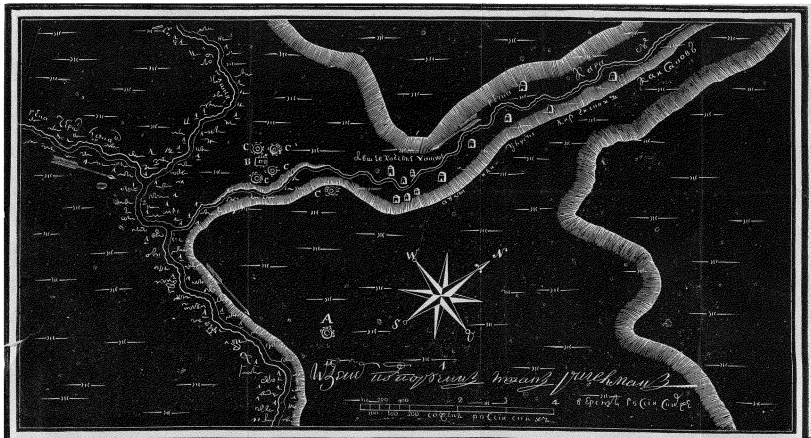
ніе Киргиза отослана была для разбирательства Командиру Троицкой крѣпости. Отказъ Аблаю и сыновьямъ Барака сдѣланъ только на отправленіе посланцевъ ихъ ко Двору, такъ какъ не имѣлось въ виду ни одной уважительной причины, которая бы могла заставить Начальство отправить ихъ въ Петербургъ (письмо къ Аблаю 19 Августа 1764 г.). Этотъ отвѣтъ былъ пересланъ къ нему чрезъ Бури Султана и Старшинскихъ дѣтей, которыхъ препроводили обратно въ Орду.

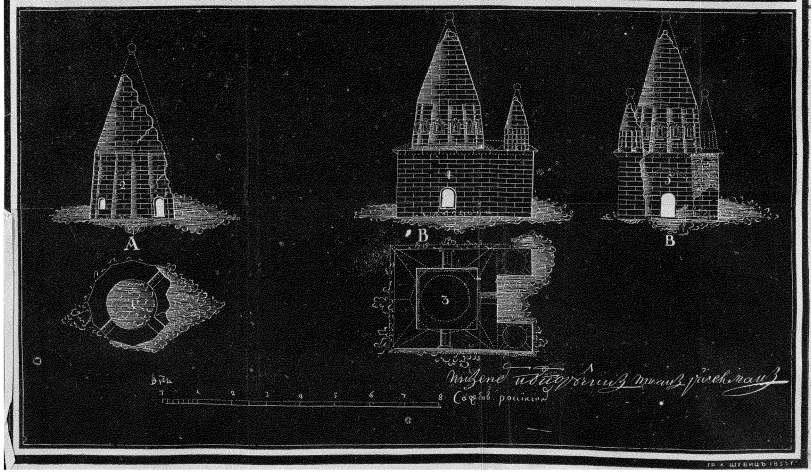
Въ другое время подобнаго рода отказъ можетъ быть и обидѣлъ бы Аблая; но теперь онъ, казалось, ни мало не оскорбился. Султанъ болѣе, чѣмъ когда либо, старался снискать благорасположеніе Русскихъ, и Башкиры (Шукуръ и Упакъ Абзяновы и Мустай Утяшевъ), посланные 17 Сентября изъ Троицка для развѣдыванія объ Ордѣ, привезли (24 Октября) такія извѣстія, которыя должны были совершенно успокоить Начальство.—Аблай, кочевавшій тогда при горѣ Кскучѣ (въ 200 верстахъ отъ Петропавловской крѣпости) принялъ ихъ гораздо лучше, чѣмъ въ прежніе годы. Всѣ Киргизы, въ страхѣ отъ Китайцевъ, возлагали надежды свои на Русскихъ. Что же было тому причиною? Въ это время возвратился изъ Пекина посланный Султаномъ въ прошломъ году Кинзякара съ товарищами. Богдо Ханъ принялъ ихъ дурно, чего прежде ни когда не дѣлалъ, и отпустилъ безъ всякихъ подарковъ. Содержаніе письма его къ Аблаю осталось не извѣстнымъ; только Султанъ, прочтя его, говорилъ всему

предстоявшему народу своему, что »имъ нынѣ отъ Китайцевъ ни какого добра нѣтъ, и лучше де намъ сообщась къ сторонѣ нашей Всемилостивѣйшей Государыни жить, и Китайцы чрезъ то ни чего имъ не могутъ учинить«. Опасенія со стороны Китайцевъ увеличивались еще другими обстоятельствами: нѣкоторые роды Большой и Средней Ордъ, расположившіеся въ 1764 г. кочевьемъ близь Чжуньгаріи по рѣкѣ Или, потерпѣли три сильныя нападенія отъ Киргизовъ, жившихъ въ подданствѣ Китая; множество ихъ было уведено въ плѣнъ; остальные пришли въ крайнее разстроеніе. Абулъ-Махметъ Ханъ писалъ о томъ къ Аблаю и прислалъ къ нему сына своего Булата, просить его набрать войско и ѣхать на Китайскихъ Киргизовъ. Аблай разослалъ объявленія во всѣ подчиненные улусы, и приготовился къ походу, какъ вдругъ остановился, и рѣшился сначала отправить въ Пекинъ Урусъ Султана, и узнать тамъ, по приказанію ли Богдо-Хана разграбили Киргизы Кайсаковъ, или сами по своей волѣ. Но не столько тревожили его на счетъ этихъ Кайсаковъ, грабежи Киргизовъ, сколько другія важнѣйшія дѣла. Китайскій военачальникъ, стоявшій въ Чжуньгаріи, »за всегда,« посылалъ къ нимъ людей своихъ, и уговаривалъ перейти въ подданство Китая, обѣщая имъ за то разнаго рода снисхожденія и милости. Тогда Абулъ-Махметъ Ханъ, узнавшій объ этомъ, съ согласія Аблая, отправилъ къ Кайсакамъ Абуль-Файзъ Султана съ приказаніемъ силою согнать ихъ съ кочевья близь Китайской границы,

къ ставкѣ Аблая. Абуль-Файзъ еще не возвращался изъ похода, и Султанъ ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ его не переставали безпокоить непріятные слухи. Кайсаки, ѣздившіе для торга въ Чжуньгарію, сообщили ему, что Китайскіе военачальники собираются пригласить его къ себѣ на свиданіе чрезъ жившихъ у нихъ родныхъ его шуриновъ, дѣтей Кинзя-Батыря, и умертвить. Сверхъ того Китайцы проговорились Киргизамъ, посѣщавшимъ ихъ новыя крѣпости, что они въ числѣ тридцати тысячь думаютъ итти къ Самарканду и Кукташъ—горѣ, и десять тысячь пройдутъ чрезъ Кайсацкія земли и не причинятъ имъ ни малѣйшаго вреда.—Конечно, ни Аблай, ни Киргизы не вѣрили добросовѣстности Китайцевъ. Когда въ глазахъ ихъ стоялъ живой примѣръ несчастной, разоренной Чжуньгаріи; когда кругомъ ихъ, воздвигались крѣпости, и Китайцы часъ отъ часу болѣе и болѣе тѣснили ихъ, то могли ли они безъ внутренняго безпокойства смотрѣть на возрастающую власть Богдо-Хана и не признать всего превосходства мирнаго и спокойнаго владычества Русскихъ надъ управленіемъ Китайцевъ, грозившихъ имъ неминуемою гибелью (*).

(*) Слѣдующія къ этой статьѣ приложенія будутъ немедленно помѣщены въ газетѣ.





Малая часть Киргисъ-Кайсацкой Орды карта показывающемъ политерами где и при какихъ местахъ находятся и по нынѣ старинное каменное нагайское строение надмогилами знатныхъ людей называемые Астаны.

НАДПИСЬ

А. Астана образомъ пирамиды.

В. Астанамъ образомъ мечети надмогилою знатнаго Нагайца Байтемъ где сказываютъ и городъ бывалъ а нынѣ тутъ киргиское кладбище имольбище а какою манерою оные две Астаны построены и въ какой ветхости ныне находятся явствуетъ ниже предъставляемыхъ планахъ и фасадахъ подъ ныне означенными литерами.

С. Малые развалившие астаны число ихъ пять.

НАДПИСЬ

Планамъ и фасадамъ имеющимся въ Киргисъ-Кайсацкой Орде астанамъ то есть каменнымъ строениямъ.

А ИМЯННО

Политерою А. где значитъ № 1 планъ двенатцати угольному астане.

Поз № 2 явствуетъ фасадъ егожъ.

Политерою В. где № 3 планъ другой астане.

Поз № 4 изображается боковой его фасадъ.

Поз № 5 представляется передней его фасадъ.

Пунктирные же линеи на оныхъ планахъ и фасадахъ значитъ каковымъ образомъ прежде сего они построены были.

И якоихъ местахъ оные астаны находятся и приликихъ речкахъ значатъ оные же два литера А. и В. на ныне означенной сей малой Карте при яву рекахъ.

1750 году.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О КИРГИЗЪ-КАЙСАКАХЪ И СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ АБУЛЪ-ХАЙРЪ ХАНА. (1748—1785 Г.)

СОЧИНЕНІЕ

В. В. Вельяминова-Зернова,

Дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ 1.

ПРИЛОЖЕНІЯ

УФА.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1853

Перепечатано изъ Оренбургскихъ Губернскихъ

Вѣдомостей.

Киргизы промѣнивали Персіянъ у Трукменовъ на скотъ и другія вещи. Такимъ образомъ въ 1754 г. попался имъ въ руки одинъ Персіянинъ, по имени Шуджа-еддинъ-Ханъ Зендъ, родомъ изъ Хамаданской области, изъ города Пири (родина Керимъ-Хана). Отецъ его Ибрагимъ Ханъ былъ тотъ самый, который, состоя при Надиръ-Ханѣ, былъ посланъ имъ въ 1737 г. противъ Лезгинцевъ и убитъ ими. Такъ какъ племя Лекзіе Джарутиле, которое расположено на Альборзѣ, гдѣ жилища ихъ полны горъ, густыхъ лѣсовъ и непроходимыхъ дорогъ, полагаясь на неприступную мѣстность свою, выходили по временамъ изъ должнаго повиновенія, то Загир-еддауле Ибрагимъ Ханъ, военачальникъ въ Адербиджанѣ, отправился наказать ихъ по приказанію Царскому.— Лучи отъ сіянія блестящихъ мечей поборниковъ вѣры бросили тѣнь на существованіе мятежниковъ, и жилища ихъ

сгибли, сгорѣвши отъ огня, бѣдъ и несчастія.—На послѣдокъ многіе изъ нихъ, которые обратили собою высоты горъ въ засаду и мѣстопребываніе отборныхъ стрѣлковъ, открыли со всѣхъ сторонъ бой столь отчаянный, что онъ сдѣлалъ сраженіе невозможнымъ даже для храбрецовъ, испытанныхъ въ дѣлѣ. Ибрагимъ Ханъ по волѣ провидѣнія сдѣлался цѣлью ружейной пули (см. стр. 347, исторіи Над. Шаха, изд. Тебризскаго, 1260 г.). Сынъ Шуджа-ед-динъ, въ 1752 г. ходилъ съ войскомъ при двоюродныхъ братьяхъ своихъ Керимъ-Ханѣ, (въ послѣдствіи Шахѣ Персіи) и Шейхъ-Али-Ханѣ подъ Казбинъ и подъ Рудбаръ, гдѣ они побѣдили Шахъ-Магомедъ-Хасанъ Хана; оттуда они прибыли въ Рештъ, а потомъ чрезъ Лагиджанъ, въ Фарфуръ, Амоль, Али-Абадъ, Сари, Эшрефъ, Кубадъ и Астрабадъ.—Здѣсь, во время сраженія съ Хасанъ Ханомъ, лошадь подъ Шуджа-ед-диномъ была убита, а самъ онъ попалъ въ плѣнъ къ Трукменамъ, которые чрезъ три мѣсяца продали его, за пять кобылъ, Киргизамъ Кипчатскаго рода. Отъ нихъ онъ бѣжалъ и вышелъ въ Октябрѣ 1754 г., на Оренбургскую линію. Въ Оренбургѣ онъ принялъ православную вѣру, названъ былъ въ святомъ крещеніи Лукьяномъ Ивановымъ, и посланъ въ Петербургъ, гдѣ по представленію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и по указу Правительствующаго Сената, ему пожаловали чинъ Прапорщика. Въ слѣдъ за тѣмъ его отправили, согласно съ желаніемъ его, обратно въ Оренбургъ, гдѣ онъ и опредѣлился на службу. Но

въ 1758 г. по жалобѣ Нурали Хана, который писалъ, что онъ насильно приводитъ къ крещенію Персіянъ, выбѣгающихъ изъ степи, Лукьянъ Ивановъ былъ переведенъ въ г. Ставрополь Командиромъ тамошнихъ крещеныхъ Персіянъ (указъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію отъ 20 Октября 1759 г.).

У Шуджа-ед-дина остались въ Персіи родные, именно: братъ Мухаммедъ Ханъ и двоюродные братья Керимъ-Ханъ (Шахъ Персіи), сынъ Агалы Хана, Шейхъ Али Ханъ и Незеръ-али-ханъ, сыновья Айнала Хана (доп. Ставропольской Канцеляріи въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію 8 Января 1760 г.) Шейхъ Али Ханъ не замедлилъ прославиться подвигами своими въ войнѣ съ Мугаммедъ Хасанъ-Ханъ-Коджаромъ. Хасанъ-Ханъ, добиваясь верховной власти, овладѣлъ многими городами и подступилъ къ Ширазу, но былъ разбитъ и бѣжалъ съ немногими въ Мазандеранъ, а оттуда въ Астрабадъ, гдѣ и заперся.—Противъ него высланъ былъ Сердаръ Шейхъ Али Ханъ. Когда Шейхъ Али прибылъ въ Мазандеранъ, то тамошніе жители, наскучивъ обидами и притѣсненіями Мухаммедъ Хасана, приняли Сердара съ радостью и отвели ему въ квартиру городъ Эшрефъ.—Между тѣмъ Хасанъ Ханъ, все еще надѣясь на счастіе свое, обратился съ требованіемъ о помощи къ Хорасанцамъ, Ямудамъ, Кукелянамъ, Текеямъ и Трукменамъ.—Племена эти доставили ему отъ 10 т. до 15 т. войска; съ ними Ха-

санъ выступилъ изъ Астрабада, и обѣ непріятельскія арміи встрѣтились между Эшрефомъ и Кубатомъ.—Сраженіе не долго длилось· въ короткое время все войско Хасана было разбито, одни гибли отъ меча, другіе бѣжали въ горы, третьи попадались въ плѣнъ. Самъ Мухаммедъ Ханъ палъ на полѣ битвы, и голова его была отправлена ко двору, а Шейхъ Али вступилъ побѣдителемъ въ Астрабадъ въ 1759 г. (*) Свѣдѣнія эти извлечены изъ письма (7 Мая 1759 г.) къ Лукьяну Иванову изъ Решта отъ брата Шейхъ Алія, Незеръ Али Хана, Правителя Гилянской области. Незеръ-Али, извѣщая своего двоюроднаго брата о происшествіяхъ въ Персіи, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ и къ Астраханскому Губернатору Жилину, прося доставить ему свѣдѣнія о Шуджа-ед-динѣ, и принять за него выкупъ, если онъ дѣйствительно выбѣжалъ отъ Киргизовъ въ Россію (доп. въ Коллегію Жилина отъ 7 Іюня 1759 г.). Правительство, чувствуя невозможность возвратить Иванова, какъ христіанина, велѣло только (въ 1760 г.) отправить его въ Астрахань, гдѣ онъ бы могъ жить ближе отъ своего брата.

(*) Шейхъ Али оставался нѣсколько лѣтъ Правителемъ Астрабада, онъ былъ человѣкъ храбрый, достойный и уважаемый народомъ, и по этому не избѣжалъ подозрѣній Керима, который вызвалъ его ко двору когда Шейхъ Али явился къ Шаху, то Керимъ сидѣлъ пьяный, среди

Въ Хивѣ Кубекъ Байназаровъ, Надыръ и Ягоферъ, въ присутствіи Ширбека, были представлены Каипу, который принялъ ихъ весьма ласково, благодарилъ за пріѣздъ и просилъ, что бы Русскіе купцы посѣщали его чаще. Здѣсь они пробыли двадцать дней, но какъ торгъ оказался весьма не удачень, и они во все время не успѣли ни чего продать, то рѣшились наконецъ ѣхать въ Ургенчь (который де отъ Хивы день ѣзды и жиломъ еще болѣе Хивы). Отсюда Надыръ отправился чрезъ 10 дней вмѣстѣ съ Хивинскимъ караваномъ въ Бухару, съ тѣмь, чтобы ѣхать въ Бальхъ, Бадакшанъ, и еще далѣе, »куда способъ допуститъ«. Путь въ Бальхъ въ то время былъ довольно опасенъ въ слѣдствіе ссоры Бухарцевъ съ тамошними Узбеками; еще прошлою осенью Бухарскій знатный Бикъ Рахимъ Аталыкъ ходилъ съ 5000 человѣкъ для завоеванія Бальха; правда походъ этотъ не удался: Аталыкъ возвратился съ большимъ урономъ, и Бухарцы намѣревались уже отправить посланцевъ и примириться съ Узбекачи города Бальха.

Ягоферъ изъ Ургенча прибылъ вскорѣ обратно въ Хиву, гдѣ продалъ часть товара своего Кутлѣ, Казначею и сборщику податей съ привозныхъ товаровъ при Ханѣ.—

своихъ приближенныхъ. Въ злобѣ своей онъ приказалъ выколоть Шейхъ Алію глаза, но ничья рука не поднялась на храбраго воина.—Тогда Керимъ самъ вырвалъ ему глазъ, а одинъ изъ приближенныхъ докончилъ уже казнь Впрочемъ Керимъ протрезвившись раскаялся въ своемъ поступкѣ, и строго наказалъ многихъ присутствовавшихъ за то, что они не удержали его.

Кубекъ же остался въ Ургенчѣ, отдалъ весь свой товаръ (360 яловыхъ кожъ, съ которыхъ пошлина 20 бухарскихъ червонцевъ была еще съ него взята въ Хивѣ) за 200 бухарскихъ червонцевъ и 640 серебреныхъ рупій (*), и поѣхалъ обратно въ Хиву, чтобы выпросить себѣ дозволеніе слѣдовать въ Оренбургъ. Въ Хивѣ онъ былъ снова представленъ,« первымъ по Ханѣ повелителемъ Каразъ Алейбекомъ» Каипу, который долго говорилъ съ нимъ о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Хивой, и жаловался, между прочимъ, отчего купцовъ его не пускаютъ далѣе Оренбурга, на примѣръ въ Казань и Москву. Затѣмъ Кубекъ съ разрѣшенія Хана прибылъ благополучно въ Оренбургъ и привезъ съ собою дружеское письмо отъ Куразбека на имя Неплюева и Тевкелева.

Въ это время торгъ въ Хивѣ не былъ значителенъ и производился почти исключительно съ Бухарой, куда отправлялись Хивинскіе караваны; равнымъ образомъ изъ Бухары пріѣзжали тамошніе купцы большею частью въ Хиву и Ургенчъ.—Съ прочими сосѣдними землями торговля была въ упадкѣ.—Каипъ, напуганный разграбленіемъ (лѣтомъ 1750 г.) Киргизами 40 Хивинскихъ верб-

(*) Червонцы и серебреныя рупи Хивинцы получали большею частью Бухарскіе и Индѣйскіе; изъ Бухары также доходили до нихъ и Персидскіе изъ Персіи —Они вымѣнивали ихъ на Русскіе товары, и на лошадей и барановъ, которыхъ пригоняли къ нимъ на мѣну, Киргизы (показаніе Кубека 1751 г. Марта 28)

людовъ съ товаромъ, не хотѣлъ посылать каравановъ своихъ въ Оренбургъ, пока Кайсаки не возвратятъ похищенныхъ ими вещей; даже онъ рѣшился задерживать пріѣзжавшихъ въ Хиву для торга Киргизовъ, и началъ съ Ягильдыя, сопровождавшаго Кубека. Съ другой стороны караванная торговля съ Персіею на время прекратилась.— Курды не давали проѣзда купцамъ, и еще прошлаго 1750 года весною ограбили Хивинскій караванъ (въ немъ было и нѣсколько Бухарцевъ), ѣхавшій въ Персію. Кромѣ того самая Персія была въ опасности отъ Афгановъ, которые угрожали и Хивѣ.—Каипъ боялся, чтобы Ханъ Афганскій и Маметали (Ахмедъ Шахъ) не завоевалъ сосѣдственныхъ ему Курдовъ, и съ помошію Тякаямудскихъ и Садырскихъ Трукменовъ, кочевавшихъ между Персіею и Хивою, не повторилъ съ нимъ того, что сдѣлалъ Надыръ Шахъ съ его предшественникомъ.—Опасенія эти были довольно справедливы. Маметали уже овладѣлъ Мешгедомъ, и оставивъ тамъ своего Правителя, шелъ на завоеваніе Курдовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ звать къ себѣ на помощь Трукменовъ Тякаудскихъ и Садырскихъ.— Подобнаго рода обстоятельства не могли не имѣть вліянія на торговлю.—Хивинцы съ годъ уже, какъ перестали ѣздить караванами въ Персію; изрѣдка и то съ большимъ «рискомъ» они ввѣряли товары свои Тякаямудскимъ Трукменамъ, или же сами подъ именемъ Трукменовъ доѣзжали до крайнихъ Персидскихъ предѣловъ (показаніе Кубека Байназарова 1751 г. Марта 25 дня)

къ счастію Хивы, дѣла въ Персіи приняли скоро благопріятный для нея оборотъ.—Персіяне, соединившись въ довольно значительнымъ числѣ, напали на Афганскій городъ Кандагаръ; Афганы, узнавъ объ этомъ, должны были бросить завоеваніе Курдовъ и итти къ себѣ назадъ.— Случай этотъ возродилъ торговлю. Хивинцы стали ѣздить въ Персію и проѣзжать туда благополучно (показаніе Киргиза Утятляева 1751 г. Іюня 4 дня).

Что же касается до Ягофера, то онъ изъ Хивы отправился въ Бухару, гдѣ соединился съ Надыромъ, что бы ѣхать въ Индію.—Въ Бухарѣ видѣлись они съ жившимъ тамъ Грекомъ Николаемъ Григорьевымъ, который помогъ имъ совѣтами и наставленіями.

Этотъ Грекъ въ Декабрѣ 1752 г. самъ выѣхалъ въ Россію.—Показаніе, снятое съ него, довольно любопытно и мы сообщаемъ его въ подлинникѣ:

»1752 г. въ Октябрѣ мѣсяцѣ выѣхалъ сюда изъ Бухаріи въ тамошнемъ каравнѣ жившій тамо Грекъ Николай Григорьевъ, съ котораго въ Оренбургкой Губернской Канцеляріи по призывамъ его во оную, 8 числа Декабря взята сказка въ слѣдующемъ:«

»Родиной онъ грѣкъ Турецкой области волошской землицы города Ясъ, въ которомъ отецъ и братья его отъ него остались, а женатъ онъ тамъ небылъ, и назатдѣ тому лѣтъ здѣветнадцать отлучился отъ туда для купечества, сперва въ мало-россійской городъ Нежинъ, а отъ толь чрезъ недолгое время въ Астрахань; изъ Астраха-

ни жъ чрезъ годъ съ товаромъ своимъ, имѣвъ онаго тысячи на три рублевъ, въ купеческомъ караванѣ съ грѣкомъ же Ямандичиримовымъ (который въ Астрахань прибылъ послѣ уже его Григорьева) да съ бывшими тамъ Бухарскими купцами въ Персидскіе города съѣхалъ и былъ въ Ленгурутѣ мѣсяцъ, вмешедѣ мѣсяца стри, а оттоль, за не продажею въ оныхъ товаровъ, оба въ Бухарію пробрались, но и тутъ товаровъ своихъ на наличные деньги вскорѣ продать немогли и затѣмь дѣ оныя Бухарцамъ въ долгъ раздать принуждены были, токмо дѣ тѣ должники и долгу отдавать имъ нестали; зачѣмъ пробыли тутъ лѣтъ сшесть, а какъ назадъ тому лѣтъ съ дѣсять Персидской Шахъ Надыркулъ съ воіскомъ къ Бухаріи приходилъ, и Бухарцы видя свое противъ войска его не состояніе ему поддалися, то товарищъ его Ямади на своихъ должниковъ уже просилъ онаго Шаха, почему онъ Шахъ объ отдачѣ ему того долга повѣленіе и учинилъ, и онъ Ямандн весь съ нихъ Бухрцевъ получилъ; и въ его Шаха войскѣ въ Персію отъѣхалъ;—а онъ Николай былъ тогда боленъ, хотя же по выздоровленіи и о своемъ долгу, отъ него Шаха такое же имъ повѣленіе испросилъ токмоде какъ онъ Шахъ при самомъ отъ Бухаріи отъѣздѣ своемъ тогда былъ, то при немъ взыскать онаго не успѣлъ и хотя они Бухарцы и по отъ бытіи его Шаха, немалое время заплатою того обнадѣживали еще, но на послѣдокъ нетолько сотъ на шесть Бухарскихъ червонцевъ у него завладѣли, но уже за

разными бывшими замѣшаніями и самого его тамъ удержали.

И того дѣ ради въ бытность его тамъ принужденъ былъ производить уже торгъ, почему на немалую сумму и расторговался, да и деревни при томъ городѣ было нажилъ, кои дѣ достались ему отъ тамошнихъ знатныхъ, и богатыхъ людей за долги, одна лучшая называемая Гаранша, отъ города верстахъ въ двадцати семи, въ коей тутошныхъ природныхъ бухарцовъ дворовъ съ десять, за шесть сотъ червонцевъ, а прочіе три отъ города верстахъ въ тридцати, называемыя Анкентъ, Кучулбай, да Чиланту червонцовъ за триста, но въ нихъ собственныхъ его людей небыло, а пришущалъ, семей по пяти и болше изъ тутошнихъ же пахотныхъ бухарцовъ изъ трехъ частей того, что они живучи на той землѣ хлѣба вышахивали; почему ди и отъ оныхъ не малую прибыль получалъ; да и у Хана дѣ и аталыка и прочихъ лучшихъ и всѣхъ тутошнихъ жителей, какъ за доброе его повѣдѣніе такъ и за особливые многіе его инымъ благодѣяніи довольной кредитъ и почтеніе имѣлъ; а какъ дѣ въ довольной капиталъ вступилъ то уже тамошнимъ шелковымъ и бумажнымъ товаромъ, въ другіе мѣста, то есть какъ въ Персидскіе города Мешедъ и Испагань, такъ и въ Бѣдекшанъ, и въ Индіи, въ Ташкентъ, и въ Зенгорское владѣніе, отпуски чинить сталъ; но самъ за опасностію частыхъ тамъ отъ Трухменцовъ и Узбековъ грабежей ни куда не ѣздилъ, и посылалъ съ

прикащиками изъ Бухарцовъ, и хотя отъ оныхъ временемъ небезъ прибыли имѣлъ, но на послѣдокъ въ самомъ дѣлѣ, сколько было тутошнимъ Бухарскимъ торгомъ успѣлся, столько тѣми отпусками въ убытокъ пришелъ, потому что въ одной Персіи по причинѣ прошедшаго по убивствѣ Надыркула Шаха междоусобія, отъ прикащиковъ его Персіянами на сорокъ тысячь рупей отнято, въ Индіи за смертію посланнаго отъ него прикащика на двѣ тысячи червонцовъ, въ Ташкентѣ данныхъ прикащикомъ его въ долгъ тамошнему Батырь Бѣку-Хану, за убивствомъ его Ташкенцами, на шесть сотъ червонцевъ же Бухарскихъ пропало; посыланнаго отъ него въ Бѣдекшанъ прикащика въ возвратной въ Бухарію путь ѣхавшіе съ нимъ товарищи, а какіе люди незнаетъ, убили, и на сто червонцовъ взяли; а къ тому и въ Бухаріи, сверхъ вышеписаннаго долгу, копми Бухарцы сперва покорыстовались, данныя бывшему при Абулфаисъ Ханѣ Митеру т. е. находящемуся у збора пошлинъ и усодержанія Ханской казны, вадуллѣ больше четырехъ сотъ червонцевъ безвозвратно остались, и хотя въ нихъ отъ него вадуллы деревня Навкасъ заложена была, въ которой отъ него и письмо запечатью его и по нынѣ при себѣ имѣетъ, но посмерти его, уже завладѣлъ ею тамошнѣй камаулъ, то есть при публичныхъ строеніяхъ Смотритель Мурза Бадъ между тѣмже де Бухарцы во обязательство его къ тамошнему мѣсту, и жешиться его тамъ принуждать стали, но какъ онъ всегда больше къ выѣзду

оттоль въ Россіи желаніе имѣлъ, а ежели бы Бухаркою обязался, тобъ выпускъ оттоль никакимъ образомъ имѣть уже не могъ, то избѣгая такого обязательства, назадъ тому лѣтъ съ семь купилъ посторонюю, тамошняго по Ханѣ Правителя Регима Аталыка служителя ево ислоджанскихъ жителей Батыръ Бѣка дочь, Фатму, кою и за жену имѣть сталъ, и имъ объявилъ, что болѣе одной по закону ево имѣть ему невозможно; изъ зачего они къ женидьбѣ его принуждать и перестали, и съ него Фатмою, сына именемъ по тамошнему Артыка, прижилъ по за неимѣніемъ тамъ Русскаго священника, и по нынѣ онъ некрещенъ, и остался отъ него полутора года ни въ какомъ законѣ, и яко тамъ того, чтобъ Русскихъ къ магометанскому закону принуждать и въ обычаѣ нѣтъ; и какъ дѣ нынѣ Бухарцы въ караванѣ сюда отправлятся стали, то онъ имѣя давно къ выѣзду оттуда желанія, отъ иныхъ скрытно, а отъ иныхъ подъ видомъ отлучки его на небольшое время, сюда и отъѣхалъ, въ каковой надеждѣ и оной Аталыкъ Рагимъ Бѣкъ ево отпустилъ, однакожъ дѣ онъ Николай выѣхалъ сюда съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ уже невозвращаяся туда, остатся здѣсь; и за препровожденіемъ четырехъ Киргизовъ до Хивы плыли по Аму рѣкѣ въ большихъ лоткахъ водою десять дней, а отъ Хивы до Оренбурга ѣхали уже сухимъ путемъ тихою ѣздою тридцать пять дней,—затѣмъ что кочующіе около Хивы Трукменцы двадцать пять человѣкъ, по выѣздѣ ихъ изъ оной чрезъ три дня набѣжавъ на ка-

раванъ ихъ напздали, отъ чего они принуждены были приблизится къ кочующимъ близь дороги Аральцамъ, и чрезъ подарки защищенія отъ нихъ просить, которыми дѣ отъ тѣхъ Трукменовъ и защищены, и уже чрезъ ихъ Аральскіе кочевья пропущены, а для лучшей безопасности и самими ими Аральцами нѣсколько препровождаемы были; ежели жѣ прямою дорогою и безъ медленія ѣхать, то отъ Хивы до Оренбурга въ двадцать пять дней можно доѣхать.

Въ Бухаріи ждѣ, какъ помянутыхъ деревень, такъ и дому ево которой ему коштовалъ въ шесть сотъ червонцовъ, за нимъ уже не осталось, потому что какъ онъ къ выѣзду сюда намѣреніе имѣлъ то и ихъ старался уже продать и иное продалъ а иное подзакладъ отдалъ, но и то весьма дешево, а иное дѣ и даромъ у него отнято, а жена де и сынъ его, осталйсь тамъ въ домѣ тестя его, но унее дѣ кромѣ платья и не большаго числа посуды ни чего не осталось, да и ссобою дѣ къ вывозу сюда больше того собрать немогъ, какъ только мѣрлушекъ Бухарскихъ тысячи на двѣ рублей вывѣзъ жены же дѣ, и сына его сюда ссобою вывѣсть было ему ни какъ неможно, за тѣмъ что означенной Рагимбѣкъ и прочіе тамошніе жители ежели дѣ прямое его намѣреніе увѣдали тобъ и безъ нихъ его не отпустили, а ежели бы на по таенной имъ вывозъ поступить, чего учинить весьма трудно, тобъ и погубить за то его не оставили, чего дѣ ради, и доставаніе онаго сына его будучи уже здѣсь,

чрезъ тестя своего старатся будетъ, яко онъ самъ какъ для купечества, такъ и для свиданія съ нимъ пріѣзжать сюда неоставитъ.

Городъ дѣ Бухарія окружностію вѣсьма немалъ, а жители въ нѣмъ, кромѣ Хана и знатнаго тамошняго Правителя Рагимъ Бѣка, такъ же нѣкоторыхъ другихъ чиновныхъ людей, всѣ почти нахотные, торговые, мастеровые и ремесленные.—Хотя же въ области той и особливо имѣнитыхъ, на подобіе владѣльцовъ, называемыя Узбѣки есть, но внѣ Бухаръ въ особливыхъ принадлежащихъ этому городу городскихъ; и такъ въ самомъ томъ городѣ между жителями въ преимуществѣ однихъ передъ другими раздѣленія ни какого нѣтъ, людства же въ томъ городѣ подворамъ на примѣръ тысячь съ пятнадцать ибо дворы ихъ весьма малы, и притомъ и строеніе весьма тѣсно, а по душамъ числа и на примѣръ сказать не можетъ; укрѣпленія же дѣ около того города больше нѣтъ, какъ токмо одна глиняная стѣна вышиною вполтретья и шириною вполторы сажени, но и та какъ въ давные времена дѣлана, во многихъ мѣстахъ обвалилась только нынѣ они Бухарцы извѣстясь, что Авганскої Ханъ намѣреніе имѣетъ Бухарію подъ свою власть покорить чего ради оную по правлять, и въ толщину еще на четыре аршина прибавлять, а сверхъ того и ровъ дѣлать начали; рѣки при ономъ городѣ въ такой близости какъ обыкновенно бываетъ ни какой нѣтъ, но течетъ рѣка называемая Куянъ отъ города верстахъ двѣ-

надцати отъ которой дѣ ими какъ въ городъ такъ и въ сады и на пашни провѣдены каналы, копми воду изъ нее и получаютъ, токмо и та вода для пріѣзжающихъ туда вновь людей весьма нездорова, тѣмъ что ежели кто невыварпвая просто въ пищу употреблять ее станетъ, у того чрезъ годъ въ ногу или въ руку или въ бокъ изъ тѣла выходятъ тонкіе и длинные черви, какъ то и унего Григорьева съ пребытія его туда чрезъ годъ было, но сіе признавается болѣе оттого что тутошнія жители чистоты наднѣю неимѣютъ, и въ тѣхъ каналахъ всѣ, чтобъ кому ни понадобилось, моютъ безъ разбору а смотрѣнія въ томъ ни отъ кого нѣтъ; отъ той же болѣзни пользуются травою называемою Держана, коя родится у Каракалпакъ, да онъ Григорьевъ ее пилъ чрезъ что и выздѣчился, во время жедѣ не пріятельскаго къ тому городу приступа, та рѣка за онымъ отдаленіемъ, непріятелями и запирается, отъ чего они и каналами воды лишатся принуждены бываютъ, и въ такомъ случаѣ на пропитаніе воду достаютъ, выкапывая уже у себя изъ земли, но оная дѣ, яко солѣная въ пищу еще хуже той рѣчной, и почти негодная.

Прежде сего въ Бухаріи, Ханы бывали по наслѣдству изъ тутошныхъ; и назадъ тому лѣтъ пять ханствовалъ тамъ Абулфаисъ Ханъ, но какъ дятка его означенной знатной Рагимъ Бекъ, будучи въ Персидской службѣ, и по убійствѣ его Шаха Персіанами, не только самъ изъ Персіи возвратился, но и бывшихъ въ войскѣ его Авган-

цовъ человѣкъ до пяти сотъ съ собою вывѣлъ; то интригами своими, Бухарцовъ возбудилъ къ тому, что они его Абулфаисъ Хана безъ всякой причины убили, а хотя послѣ того Ханомъ учредили было сына его Абулфаиса Абдулмамина, но его жъ Рагимъ-Бека возбужденіемъ; и онаго убили, и такъ тутошное Ханское поколѣніе кончилось, въ чемъ во всѣмъ онъ Рагимъ-Бекъ простирался для того одного, что Бухарское Ханство самъ заступить желалъ, въ которое по усильству его Авганцами вступатся было и сталъ, токмо отъ того отвращенъ братомъ его роднымъ, потому что какъ онъ не Ханскаго роду, тобъ оное отъ тутошныхъ же благополучно окончить ни какъ не могъ, чего ради онъ Бекъ своею партіею въ Ханы тутъ выбралъ уже посторонняго, и только для виду народу бывшаго Аральскаго Шатемиръ Хана сына Байдуллу, которому и нынѣ не больше шеснадцати лѣтъ, и ни смыслу, ни силы ни въ чемъ не имѣетъ, да и содержитъ его онъ Рагимъ Бекъ въ своихъ рукахъ, какъ когда хочетъ, и такъ всею Бухаріею, больше нежели настоящій Ханъ, властвуетъ самъ, чего ради въ подкрѣпленіе силы своей и означенныхъ вывѣденныхъ съ собою изъ Персіи Авганцовъ содержитъ всѣ при себѣ съ особливымъ ласкательствомъ, чрезъ что народъ, хотя имъ и не доволенъ и весьма ему нерадъ, но опровергнуть его не могутъ; но какъ къ тому хотя малой случай возымѣютъ, то они, особливо Узбѣки, учинить того не оставятъ, по немже Рагимбѣкѣ хотя и другіе знатные Де-

влеть Диванбій и прочіе нѣкоторыя, тамъ есть, но въ народное правленіе кромѣ его никто изъ нихъ вступиться неможетъ.

Домашніе де у тамошнихъ жителей промыслы больше въ хлѣбопашествѣ состоятъ, и сѣютъ пшено сорочинское, пшеницу, ячмень да поихъ названію югара, что все родится довольно, и въ хлѣбѣ они, когда непріятели къ посѣву препятствія не учинятъ, нужды не имѣютъ такъ же и скота какъ лошадей такъ и рогатаго и овецъ довольно, нѣкоторые же по нѣсколько и верблюдовъ имѣютъ, а для корму онаго, за неимѣніемъ тамъ натуральной травы, нарочно сѣютъ, которая такъ родится, что въ одно лѣто неоднократно ее косятъ, и лѣтъ чрезъ шесть одинъ посѣвъ продолжается; а притомъ его и соломою кормятъ; свѣрхъ того лучшее у нихъ изобиліе въ садахъ и овощахъ, и родятся дыни, арбузы, дули, нашпати анаршъ и по гречески роди, яблоки, сливы, финики, мигдали, инзиръ, огурцы и прочіе огородные, да и винограду, шафталы чернослив у и прочихъ ягодъ въ садахъ не мало (*)

(*) Бухара и Хива славились у насъ дынями и арбузами. Тайный Совѣтникъ Черкасовъ просилъ Неплюева выписать оттуда для Императрицы сѣмянъ: дынныхъ и арбузныхъ (каждаго сорту по пуду, изъ нихъ 10 фун. отослать для посѣву въ Петербургъ, а остальные въ Астрахань) въ Астрахани, откуда привозились обыкновенно плоды эти ко двору, они до того переродились, что сама Государыня, это замѣтила (письмо Черкасова къ Неплюеву 18 Сентября 1752 г,) Неплюевъ тогда же воспользовался отъѣздомъ въ Бухару и Хиву прикащиковъ Казанскихъ Татаръ,

и въ хожденіи заняти, какъ охоту такъ и знаніе имѣютъ не малое и сады свои въ лѣтнее время напояютъ изъ помянутой Куянъ рѣки каналами, для того что дождей хотя оныя весною въ маѣ да подосень въ Сентябрѣ мѣ-

---

и поручилъ имъ доставить лучшихъ сѣмянъ; на слѣдующій годъ (1753) къ веснѣ они ихъ вывезли, именно изъ Хивы слѣдующіе сорта дынь: бѣкскои или суческой (который къ тамошнему Хану въ подарки носятъ бабашенъ (употребляемый знатными духовными лицами) зярдаханъ (т. е. желтыи) сюкъ-сюкъ, Изюрганскій, залочи (т. е. сладкое мелкое) Каль-лябы (т. е. наливное) Калнябашъ, Азгунъ т. е. (ординарное, нашбута, хасулаты (т. е. весма вкусное) Карабабашахи —Кромѣ того прикащики доставили еще сѣмя тыковное Мазы и сѣмя по Хивински канфетное, похожее на конопляное (изъ онаго дѣлаютъ масло, сѣютъ же его перемьшавъ съ землею), впрочемъ привозъ этихѣ сѣмянъ не былъ удаченъ, дыни ни въ Петербургѣ, ни въ Астрахани не родились хорошо; однако требованія Кабинета Ея Императорскаго Величества не прекратились. Бар. Черкасовъ (10 Іюня 1756 г.) просилъ Неплюева выписать для двора чрезъ Бухару и Хиву не только плоды (дыни, арбузы, яблоки, груши, названи, по татарски Накъ) камни (алмары, яхонты, лалы, изумруды, сафиры, знатные жемчуги, лаписъ-лазури) парчи Индейскіе, коленкоры лучшей породы лошадей, но даже сѣмяна всякаго рода хлѣба (въ томъ числѣ, и пшена сарочинскаго) и разныя медицинскія растенія, въ которыхъ былъ тогда недостатокъ въ аптекахъ, реэстръ этимъ растеніямъ былъ составленъ еще въ 1754 г. медицинскою канцеляріею, которая думала достать ихъ тогда чрезъ Астрахань изъ Персіи и Индіи. Цитварное сѣмя было тогда весьма рѣдко. Баронъ Черкасовъ еще прежде 16 Апрѣля 1753 г. просилъ Неплюева достать его чрезъ купцовъ пріѣзжавщихъ на торгъ въ Оренбургъ. Азіатцы, хотя и обкадеживали Неплюева и говорили, что его родится весьма много около Туркестана въ степи, по Сыръ-Дарьѣ, и даже въ самомъ городѣ Туркестана, гдѣ его сѣютъ въ городахъ, и называютъ Дермень,—однако же ни разу невывозили его.

сяцахъ бываютъ, но весьма мало; носей дѣ въ дождяхъ недостатокъ для овощей и залучшее еще почитаютъ, тѣмъ что оные на корни крѣпче быть признаваютъ, къ тому же тамъ для садовъ больше та польза, что какъ зимою морозовъ такъ и лѣтомъ, большихъ жаровъ нѣтъ, а зимняго времени больше трехъ мѣсяцевъ унихъ небываетъ, прежде оне дѣ унихъ для садовъ и такое обыкновеніе бывало что ихъ постороннимъ пріѣзжимъ къ нимъ, непоказывали для того чтобъ одни они кромѣ прочихъ мѣстъ пользовались, чего дѣ ради посланцевъ и въ городъ невпущали, а содержали ихъ загородомъ въ нарочно большихъ для того дворахъ, а пріѣзжавшихъ дѣ къ нимъ для купечества постороннихъ въ городъ хотя и въ пущали но имъ дѣ видѣть ихъ не допущали, потому что ихъ обыкновенно на мѣновомъ дворѣ ставятъ; только то изъ обыкновѣнія ихъ вышло съ того времени, какъ они назадъ тому лѣтъ двадцать пять, Киргизами весьма раззорены, причемъ и сады ихъ и прочее опустошены были, такъ что послѣ того чрезъ долгое время едва возобновить ихъ могли, да и понынѣ въ такое состояніе какъ преждѣ до того Киргизскаго раззоренія были, привести немогутъ, лѣсъ же унихъ отъ города ѣзды день, дѣловой имѣется »только саженной, до итого немного, а хотя при томъ и не саженной есть, но къ строенію негодной.«

Унихъ же Бухарцевъ изъ червивыхъ семянъ отъ тутоваго дерева ишелкъ такожъ хлопчатая бумага родится,

и хотя манафактурная фабрика тамъ только одна собственная помянутаго Рагимбѣка, да ита не большая, въ которой дѣлаютъ шелковые парчи и бархатъ, однакожъ дѣ оныя и прочіе жители у себя въ домахъ своими руками прядутъ, и платки, кисеи и другія шелковыя, также и бумажныя вѣщи изъ нихъ и ткутъ; другихъ же фабрикъ и заводовъ никакихъ тамъ нѣтъ.

Сверхъ того они Бухарцы и золото въ своихъ предѣлахъ находить мѣсто и способъ имѣютъ, и промышленники дѣ изъ нихъ всегда его ищутъ въ вышепомянутой же рѣкѣ Куянъ, которая течетъ изъ озера чрезъ гору называемую Бѣдекшанъ, состоящую отъ Бухаріи ѣзды дней съ семь, изъ которой та рѣка его и вымываетъ, а какъ дѣ оное озеро называется, того онъ Николай не упомнитъ, токмо дѣ оно такъ велико что, какъ сказываютъ около ево ѣзды мѣсяца три или больше будетъ; и хотя ево временной и малыми кусочками, по удачѣ находятъ но уже натурально такъ чисто, что руды въ немъ ничего нѣтъ, и плавкою ево вычищать иужды не имѣютъ какъ употребляютъ самороднымъ, а далѣе дѣ Бухарскихъ мѣстъ, въ коихъ они ево ищутъ ближе къ той горѣ, по горамъ же живетъ народъ Калчинцы, которые въ томъ больше промыселъ свой имѣютъ, что въ той же рѣкѣ ближе къ оной Бѣдекшанъ горѣ ево ищутъ, почему Бухарцы какъ сами собою изъ той рѣки достаютъ, такъ на разные свои вещи и унихъ оное покупаютъ, и такъ-дѣ

ево и по нынѣ имѣютъ усебя немало, и предпрежнимъ умѣншенія ему уніихъ нѣтъ, руды же какъ золотой, такъ и серебряной и прочихъ около Бухаріи въ горахъ, а особливо въ помянутой называемой Бедекшанѣ весьма много, токмо дѣ какъ знающихъ къ тому людей и заводовъ уніихъ нѣтъ, то оныхъ добывать и изъ нихъ дѣлать ни чего не умѣютъ; онъ же дѣ Николай отъ многихъ слыхалъ, что въ оной Бѣдекшанѣ горѣ и каменья лалы и прочія, а на верхъ ее и изумруды есть, токмо Бухарцы яко незнающія въ нихъ искуства, и объ нихъ непростираются къ тому же дѣ изумруду заимѣющеюся тутъ водою и доставать не можно.

А серебро дѣ въ рупѣяхъ, мѣдь, желѣзо, и чугунъ въ дѣлѣ, и не въ дѣлъ получаютъ они торгомъ, а имянно серебро и не въ дѣлѣ медь изъ Персіи, токмо дѣ серебра уніихъ противъ прежняго весьма умалилось, для того что изъ Персіи выходъ ему пресѣкаться сталъ, но нежедѣ какъ слышно и въ Персіи уже за истощаніемъ Надыркулъ Шаха казны, очень ево мало; желѣзо и чугунъ изъ города Исарь состоящаго отъ Бухаріи ѣздою въ шесги дняхъ; и изъ мѣди и желѣза посуду и всякіе потребныя домовые вѣщи, и не давно изчугуна и пушки а изъ желѣза ружья, турки и винтовки, тако жъ и порохъ чрезъ персіанина, который прежде при Надыркулѣ Шахѣ быль и по убивствѣ ево Шаха отъ тамошняго не

спокойства отлучась изъ Персіи въ Бухарію пришелъ, дѣлаютъ уже усебя.

Сверхъ жедѣ того принадлежащія Бухаріи подъвластные и другіе города и деревни есть, токмо не большія, а имянно города Менкаръ, Серисахъ, Карши, Пайнапъ, Апкенцъ, Кадживанъ, Ваджанжи, Каракуль и Чашлибѣ и всѣ не подалеку, и живутъ въ нихъ все пахатные люди, а сколько имянно деревень и какое въ нихъ такожъ и въ помянутыхъ городахъ людство, то онъ точно сказать неможетъ. А на предъ сего при бытности Абулфаисъ Хана и дальные разные города подъ властію Бухарскою были а именно: Ташкентъ, Ходжантъ, Куканъ, Намангашъ, Маргилянъ, Бѣдекшанъ, Энхой, Балхъ Андизанъ (въ которомъ какъ Бухарцы и многіе тамошніе жители по ихъ книгамъ сказываютъ, якобы и Царя Соломона строеніе не большое, въ коемъ дѣ онъ молился богу есть, чего дѣ ради и Бухарцы и протчіе тамошніе народы и для мольбы въ оной ѣздятъ, при ономъ же дѣ городѣ изъ горы течетъ рѣка въ которой якобы вода зѣленая) и еще другіе нѣкоторые, окоихъ онъ точно показать не упомнитъ, токмо дѣ оныя при немъ же Абулфаизъ Ханѣ отложились и состоятъ уже каждой самъ о себѣ, а ни кому не подвержены, да и нынѣ щисляются тѣ кои ближе къ Бухаріи, и мѣнше, яко то Менкарь Серисафъ Карша Пайнапъ и прочіе сами только своею отъ послушанія Бухарскаго не отрекаются, а иные деньгами когда что будетъ потребно, имъ помогаютъ.

Торгъ же они, Бухарцы, и у себя съ пріѣзжими къ нимъ, и отъѣзжая въ другія мѣста; имѣютъ, и сверхъ здѣшней ярморки караванами каждогодно или когда выдумаютъ, въ разные города ѣздятъ, а имянно: въ Персицкія-Мешедь, Испоганъ Каршань, Ирежъ, въ Индейскую сторону въ состоящія своею властію въ первой городъ Энхой, которой отъ Бухаріи караванной ѣзды семь дней, въ Балхъ, которой отъ Бухаріи девять дней да вточныя и Индейскія, въ Кабулъ, которой границей Индейской почитается, разстояніемъ отъ Бухаріи девятнадцать дней. Въ Ляхужъ, разстояніемъ отъ Бухаріи пятьдесять четыре дня, а за тѣмъ и до столичнаго Индейскаго города Джанабата отъ Бухаріи въ шестьдесять шесть дней, а отъ Ляхужа въ двѣнадцать дней доѣзжаютъ, но товаровъ, кромѣ золота, ни какихъ не возятъ, и сверхъ того хорошихъ лошадей такожъ въ Персію и верблюдовъ, и барановъ, прикупая для того и отъ Киргизовъ, гоняютъ, для того, что хотя въ Индіи и въ прочихъ вышепомянутыхъ къ той сторонѣ лежащихъ городахъ, и сами золотомъ богаты, но какъ тамъ шелковыя и бумажныя матеріи весьма дешевы, то оныя имъ Бухарцамъ сходнѣе всего на золото покупать, а хотя на лошадей еще и свясчшею прибылью могутъ доставать, но вмѣсто того въ прогонѣ ихъ великія трудности, и отъ того упадокъ въ нихъ бываетъ, чрезъ что они самимъ имъ дороже нежели золото становятся, да и въ Ташкентдѣ по немногому дѣлу ѣздятъ, но и туда такъ же золото возятъ, тамъ

же вымѣниваютъ; и вывозятъ изъ Индіи и изъ Персіи больше шелковыя парчицы, и зарбаты, и прочіе бумажные, а изъ Ташкента кожи называемыя по тамошнему сагры и бумажныя жъ вещи, а сверхъ того и барановъ и во всѣхъ дѣ тѣхъ проѣздахъ всегда не безъ препятствія опасностію отъ воровскихъ набѣговъ и нападенія, потому что около тамошнихъ городовъ вездѣ есть кочевныя народы изъ убогихъ Узбѣковъ, и прочихъ подлыхъ людей, кои собираясь воровскими партіями человѣкъ по двадцати посороку и до ста, такихъ проѣзжихъ высматриваютъ, и грабятъ, однакожде тѣ купцы отъ нихъ воровъ ружьями и копьями остерегаются, чрезъ что имъ ворамъ удача рѣдко бываетъ.

Въ Индію же оттоль и кромѣ вышеписаннаго, другой трактъ есть чрезъ Энхой же, а потомъ чрезъ города Гератъ, которой де отъ Энхоя ѣзды на примѣръ двадцать дней, Кандагаръ, которой отъ Герата ѣзды дней пятнадцать, отъ Кандагара въ вышеписанной же городъ Кабулъ, но сколько между ими разстоянія, того незнаетъ, но для проѣзду въ дальнія Индѣйскія города купеческимъ караванамъ, вышеписанной чрезъ Балхъ и Кабулъ трактъ способнѣе, тѣмъ что поближе.

А на противъ того изъ помянутыхъ, къ Индіи лежащихъ городовъ Энхоя, Балха, Кабула, Ляхужа также и изъ Ташкента, и въ Бухарію, хотя не часто, однакожъ временно купеческія караваны, какъ когда случится, пріѣзжаютъ, но всѣ съ такимижъ товарами, которые и са-

ми они Бухарцы отъ туда вывозятъ; изъ Персидскихъ же городовъ карабановъ къ нимъ Бухарцамъ не бываетъ для того, что у Бухарцовъ кромѣ лошадей и барановъ, на ихъ Персидскую руку товаровъ нѣтъ; къ тому ждѣ они Персіяни и одними чинимыми къ нимъ ихъ Бухарцовъ пріѣздами довольны.

Съ сосѣдственными де народами, яко то съ Хивинцами, и прочими, они Бухарцы, какъ твердаго согласія, такъ и точной ссоры не имѣютъ, да и ссорится ни съ которою стороною, а особливо съ сильными народами, и не въ состояніи, понеже дѣ они и къ военному дѣйству ни мало не искусны и не способны, но токмо къ однимъ земледѣльнымъ и прочимъ домашнимъ своимъ промысламъ сродны, и когда къ нимъ Бухарцамъ назадъ тому лѣтъ семнадцать бывшаго Персицкаго Шаха большой сынъ Ризакулмурза съ войскомъ Персидскимъ, въ числѣ тридцати тысячь человѣкъ, подъ состоящей отъ Бухаріи въ дву дняхъ городъ Карши подходилъ, то хотя у нихъ Бухарцовъ людства нѣсколько и согненнымъ оружіемъ, т. е. стурками и винтовками, а прочія по большой части съ копьями какъ изъ тутошнихъ, такъ и изъ всѣхъ вышеозначенныхъ городовъ, кои тогда при бытности Абулфаизъ Хана, подъ властію еще Бухаріи были, тысячь до ста собрано было, но какъ дѣ то Персидское войско и строго на нихъ стали наступать, то по своевольству и по не опытности ихъ, во первыхъ тѣ кои изъ другихъ городовъ были, всѣ разбѣжались изъ зачего быдѣ го-

родъ тотъ оной Шахской сынъ и взять могъ, но за наступившимъ тогда зимнемъ временемъ, и что тогда Хивинцы, Ургенцы, Аральцы и Трукменцы для вспоможенія Бухарцамъ, къ Бухаріи до тридцати тысячь приходили, отъ коихъ онъ и опасность возымѣлъ, ни счемъ возвратиться принужденъ былъ (*), а потомъ назадъ тому лѣтъ здесять какъ самъ оной Надыркулъ Шахъ, съ войскомъ же своимъ, уже къ Бухаріи приходилъ, то замножествомъ Персидскаго войска, Абулфаизъ Ханъ и противится ему Шаху уже не смѣлъ; но, посовѣтовавъ тогда съ нимъ Николаемъ, и принявъ скрытно отъ прочихъ ево разсужденіе, ему Шаху со всѣмъ народомъ добровольно здался, чемъ отъ него и спасся, такожъ и прочихъ спасъ, а ему

(*) Историкъ Надиръ Шаха, Мирза Мегди, разсказываетъ это происшествіе не много иначе. По словамъ его, Абулъ-Фаисъ Ханъ, свѣдавъ о приближеніи Ризакуль Мирзы, выпросилъ помощи у Ильбарса, Правителя Харезмскаго, собралъ до сорока тысяч. либо до пятидесяти тысяч. челов изъ Узбековъ, и племенъ Туркестанскихъ и двинулся къ г. Каршу. Хотя у Ризакуль Мирзы было не больше 22,000, однако онъ рѣшился на битву и побѣда осталась на его сторонѣ; множество Бухарскаго войска было перебито, самъ Абулфаисъ Ханъ заперся въ крѣп. Каршѣ, Харезмцы, безъ боя, бросились бѣжать, тогда Мирза обратилъ оружіе свое на замокъ Шельдукъ, лежавшій недалеко отъ Карша, по дорогѣ, гдѣ должно было итти его войско. Замокъ былъ взятъ и разоренъ —Едва извѣстія эти дошли до Надира, какъ онъ отправилъ къ Хану Бухарскому и къ вельможамъ Туркестанскимъ письмо, въ которомъ онъ объявлялъ имъ, что во вниманіе къ ихъ прямому происхожденію отъ Чингизъ-Хана, онъ не желалъ бы, чтобъ сынъ его продолжалъ воину въ Бухарѣ —Въ заключеніе онъ требовалъ чтобъ они отправили ко двору его уполномоченныхъ для переговоровъ. Надиръ своему сыну приказалъ

дѣ Николаю за то что совѣтъ ево удался особливую честь и почтеніе здѣлалъ; въ помощъ же свою отъ не пріятеля посторонних, ни наймомъ и ни какимъ договоромъ, ни отъ кого, они не присовокупляютъ, да и обыкновенія такого у нихъ нѣтъ, и такъ отъ Персіи, Зюнгорскихъ Калмыковъ, и Авганцовъ сами всегда опасаются а особливо нынѣ сихъ послѣднихъ по означенному произшедшему у нихъ о намѣреніи Авганскаго Хана слуху, однакожъ кромѣ Авганцовъ отъ Персіи, и отъ Зюнгорцовъ противъ ихъ намѣренія не слышно, да и отъ Авганцовъ дѣ станется ли то за подлинно неизвѣстно, ибо дѣ отомъ только еще одно эхо носится.

Ежели бы въ помянутыя Индейскія Кабулъ, Лухужъ

отослать это письмо, и за тѣмъ возвратиться въ Балхъ. Ризакуль-Мирза повиновался, тотчасъ отослалъ письмо, снялъ осаду Карша, переправился чрезъ Аму и сталъ лагеремъ на равнинахъ Балха (Исторія Надиръ Шаха, писанная Мирзою Мегдіемъ стр. 325, изд. въ Тербизѣ 1261) Мнѣ кажется, что, согласно съ показаніемъ Григорьева, отступленіе Ризакуль Мирзы слѣдовало бы отнести къ грозившей ему опасности отъ сосѣднихъ народовъ — Самое письмо Надира къ Абулфанзу, вѣроятно, было отправлено съ цѣлью прекратить войну, опасную для сына, не смотря на первыя удачи Мирза имѣлъ при себѣ войско не значительное, въ сраженіи съ тѣмъ, которое могли выставить Бухарцы; къ тому же онъ оставался отрѣзаннымъ отъ отца безъ всякой надежды на помощъ въ случаѣ пораженія. Въ настоящую минуту не великодушіе, а самый родъ дѣлъ, требовалъ прекращенія войны Что это былъ простой расчетъ стороны Надира, видно еще изъ того, что чрезъ 7 лѣтъ, когда всѣ окрестные народы были уже подъ его властію, онъ самъ двинулся на Бухару и завоевалъ ее.

и Джанабадъ, и въ прочіе тамошніе города по надобилось кому изъ здѣшнихъ ѣхать, то дѣ въ проѣздѣ тамъ хотя дальнаго затрудненія нѣтъ, но сколько дѣ Бухарцамъ, и самимъ тѣхъ городовъ жителямъ, толь на ипаче изъ другихъ дальнихъ сторонъ проѣзжимъ, опасно, потому что нѣтолько въ пути всякихъ пріѣзжихъ грабители ищутъ, но такихъ отдаленныхъ чужеземцовъ въ самыхъ городахъ тамошнія народы по своевольству и легкомыслію своему для одной своей корысти иногда и убиваютъ, зачемъ дѣ и онъ самъ изъ Бухаріи въ тамошнія города ѣздить опасался, къ тому ждѣ туда здѣшнимъ людямъ и Бухарцы отъ пріѣхавшихъ отсѣль въ 749 и 750 годахъ здѣшняго торговаго татарина Абдуллы Хаялина прикащикахъ татарахъ Надырѣ Саферовѣ и Якупѣ Баймурзинѣ коихъ дѣ онъ въ Бухаріи зналъ (хотя отъ бывшаго здѣсь въ томъ 750 г. Хивинскаго посланника къ тамошнему Бухарскому купцу, а какъ ево зовутъ незнаетъ и о въ споможеніи къ выѣзду ихъ Надыра и Якупа изъ Бухаріи въ дальные лежащіе къ Индіи города писано), въ пропускѣ ихъ въ даль не мало подозрѣнія имѣли, и особливо таможней Митеръ, именемъ Рахимъ, по причинѣ имѣвшаго на немъ ихъ Якупа и Надыра долгу, препятствовалъ, развѣдѣ пошлется кто куда изъ татаръ же не многимъ числомъ, и не больше какъ человѣка три или четырѣ и съ не большимъ товаромъ, подъ такимъ видомъ, что ѣдутъ они для молитвы, по закону ихъ въ Мекку къ магометову гробу и товаръ везутъ для

одного только своего содержанія, какъ дѣ онъ Николай и вышеозначенныхъ Надыра и Сафера съ товарищи въ Бухаріи сказать научилъ, почему дѣ они Бухарцовъ и увѣрили и чрезъ то одно выѣхать отъ нихъ могли ибо дѣ всѣ тамъ къ такимъ людямъ обыкновенно склоннѣе; а къ отправленію дѣ туда Россійскихъ каравановъ и къ возбужденію къ здѣшней комерціи тамошнихъ народовъ, надежды онъ не признаваетъ, для того что дѣ создѣшней стороны въ проѣздѣ, крайняя опасность, да и того нельзя узнать, могутъ ли отсѣль какія товары походъ тамъ имѣть, ибо дѣ Индѣйцы, а нѣкоторыя и изъ прочихъ тамошнихъ народовъ нѣтолько потребные для извороту въ тамошнихъ мѣстахъ вещи у себя здовольствомъ имѣютъ, но изолотомъ, жемчугомъ и каменьями богаты, а къ тому дѣ, какъ онъ слышалъ въ Индіи, Галанскія купцы съ товарами на карабляхъ пріѣзжаютъ, но съ какими имянно, того незнаетъ, токмо дѣ вѣдаетъ, что на сукна у нихъ походу нѣтъ, ибо дѣ они на одежду ихъ (кромѣ того что лошадямъ на попоны и развѣ еще на не большія какія потребы) не употребляютъ, зачѣмъ дѣ имъ ни для обогащенія, и ни для своего употребленія въ здѣшнихъ вещахъ нужды не уповательно; отсюда же дѣ разстояніе отдаленное, къ тому ждѣ они въ проѣздѣ сюда Киргизъ-Кайсацкіе орды за опасность признавать будутъ, а хотя дѣ они съ Бухарцами торгъ не большой имѣютъ но какъ выше значитъ для однихъ лучшихъ лошадей. Отъ нихъ ждѣ туда караваны рѣдко да ито отъ не богатыхъ людей

бываютъ, а богатые дѣ и въ Бухарію какъ сами не ѣздятъ, такъ и прикащиковъ не посылаютъ.

Гдѣ же дѣ вышеписанные поѣхавшіе въ Индѣйскія города татара Надыръ и Якупъ нынѣ находятся, и живыль того незнаетъ, но гдѣ они ни есть токмо дѣ имъ чрезъ Бухарію возвращенія уже не уповаетъ, развѣ чрезъ Турецкой городъ Багдатъ а потомъ Чернымъ моремъ чрезъ Крымъ и Астрахань очемъ дѣ и сами они при отъѣздѣ изъ Бухаріи Николаю говорили, что то возвращеніе чрезъ Бухарію по причинѣ учиненнаго ими о себѣ къ пропуску ихъ изъ Бухаріи претексту, Бухарцамъ весьма уже подозрительно бы было.

А что принадлежитъ до отправленія здѣшнихъ же каравановъ въ Бухарію, и къ возбужденію ихъ Бухарцовъ къ здѣшнему торгу, въ томъ хотя нынѣ надежности точно показать онъ неможетъ, потому что изъ Рагимъ-Бѣка происходитъ у нихъ не согласіе ибо нѣкоторые его извѣргнуть желаютъ, а иныя по оболщенію, ево Рахимбѣка партію держатъ, отъ чего и въ торгу ихъ не беспомѣшательства, но впредь какъ туда здѣшнія караваны отправлять такъ и ихъ сюда пріѣздамъ быть, не безъ пользы признаваетъ, особливо же когда у нихъ между собою совѣршенная тишина и лучшій порядокъ установится, потому что они Бухарцы здѣшніе товары какъ наєвои изворотьі, такъ и на продажу другимъ пріѣзжающимъ къ нимъ купцамъ, берутъ по нему, чрезъ что и къ полученію отъ нихъ сюда золота, а отъ части и серебра надежность не малая есть.

Отъ Бухаріи дѣ въ разстояніи ѣзды три дни, есть рѣка называемая Аму, коя теченіе имѣетъ отъ Индѣйской стороны къ городамъ Хивѣ и Урганичу, и пала въ Аральское море, по которой же съ того мѣста, къ коему изъ Бухаріи сухимъ путемъ чрезъ оныя три дни пріѣздъ есть, и въ вѣрхъ есть по оной до самаго города Балха, и внизъ до помянутыхъ Хивы и Урганича такими лодками, кои человѣкъ по сороку, и по пятьдесять могуть поднять водяной ходъ есть, какъ дѣ Ургенцы такъ и кочующіе близь Хивы и Урганича, Трукменцы въ Бухарію, да и Бухарцы дѣ въ Хиву и дѣйствительно для торгу въ такихъ лодкахъ ѣздятъ да и они, Николай съ товарищи, какъ выше упомянуто, до Хивы плыли, а бывшей дѣ Персидской Надыркулъ Шахъ будучи для войны въ Индейской сторонѣ при возвращеніи оттуда, и отъ самаго города Балха по той рѣкѣ, до состоящаго на устье Трукменскаго города Чартжова на судахъ же провіанта довольно сплавливалъ и какъ дѣ онъ Николай слышалъ воодной лодкѣ пудъ по тысячѣ онаго кладено было.

1752 года Декабря 16 числа въ Оренбургской Губернской Канцеляріи выѣхавшей изъ Бухаріи Грекъ Николай Григорьевъ явясь къ преждѣ взятой съ него скаскѣ въ дополненіе объявилъ:

Что дѣ какь съ него Григорьева брана въ рѣченной Губернской Канцеляріи обстоятельная о бытности его въ Бухаріи и опрочемъ сказка, то дѣ отъ Индейскаго города Ляхужа до столичнаго Индейскагожъ города Джа-

набата, разстоянія ошибкою показалъ онъ только двенадцать дней, но разстоянія дѣ между оными, какъ онъ нынѣ вспомнитъ, ѣзды тридцать дней, и тако дѣ и отъ Бухаріи до Джанабата ѣзды будетъ уже восемъдесятъ четыре дни, а не шездесятъ шесть, какъ въ преждней показано.»

Подлинное донесеніе Гуляева и Чучалова.

Въ военную Его Превосходительства Господина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Кавалера и Оренбургской губерніи Губернатора Ивана Ивановича Неплюева Канцелярію по Пограничной Экспедиціи.

Переводчика Гуляева да Канцеляриста Чучалова.

Нижайшее доношеніе.

Послѣ посланнаго отъ насъ въ речепную Канцелярію съ Утявміемъ Батыремъ, отъ 19 ч. Ноября, рапорту при отправленномъ изъ Оренбурга Караванѣ съ посланнымъ съ нами отъ Нурали Хана для разбирательства произшедшихъ и происходящихъ Киргизъ-Кайсакскихъ съ Хивинцами ссоръ и обидъ, Біемъ и Старшинами, по проѣздѣ горы Ирняка (которая отъ Хивы отстоитъ на примѣръ въ четырехъ дняхъ ѣзды) учинили совѣтъ; и на ономъ положили послать, и послали на передъ сюда въ городъ для объявленія о караванѣ и о всѣхъ при немъ бывшихъ Каинъ-Хану и Куразбеку изъ Киргизовъ сына Мусюл-

манъ Бія, Туршамбетя да дядю предупомянутаго Утявлія, Каисару Батыря, изъ купцовъ Россійскихъ Оренбургскаго жителя Алея Ярмякова, да изъ Хивинскихъ трехъ. Которые прибывъ въ городъ и объявили, и о изготовленіи подъ поклажу товара лавокъ просили, почему отъ оныхъ Хана и Куразбека здѣсь лавки и изготовлены, и на встрѣчу каравана изъ рѣченныхъ посланныхъ съ Алѣемъ присланы для осмотру и запечатанія тюковъ въ препровожденіи до города, Ханскихъ два человѣка, которые 17 чис. Декабря проведя пригородокъ Шабатъ, состоящей отъ Хивы на примѣръ въ двадцати пяти верстахъ, въ удобномъ мѣстѣ остановили и намѣрены были печатать тюки, токмо въ короткомъ времени прибѣжалъ туда отъ Хана еще Достарханчей (т. е. скатертникъ) Елкандаръ, и объявилъ что Каинъ Ханъ Куразбека (который намѣренъ былъ ево Хана за разные учиненные имъ ему Куразбѣку недовольствія убить) убилъ, а дабы увѣдавъ осмерти ево, около Хивы живущіе Трукменцы немогли на оной караванъ учинить нападенія и грабежа, какъ дѣ у нихъ во время таковыхъ случаевъ много того случается, и безъ возвращенія пропадаетъ, а тутъ же напаче случится можетъ, яко дѣ онъ Куразбекъ былъ человѣкъ славной храброй, и какъ Хивинскаго такъ Трукменскаго и Каракалпацкаго народовъ крѣпкой державецъ, того ради приказалъ не печатавъ тюковъ, и не мѣшкавъ ничего, ѣхать въ городъ съ поспѣшеніемъ, почему мы съ нимъ Достарханчеемъ, и съ присланнымъ за нимъ къ намъ

на встрѣчу отъ Хана для обѣрежи отъ рѣченныхъ Трукменцовъ подъ командою Аталыка Ибрагима, въ числѣ семнадцати человѣкъ, конвоемъ отъ этого мѣста и въѣхали, и доѣхавъ до пригородка Кошъ Купера, по совѣту того Достарханчея, и конвойныхъ въ немъ переночевали. А по утру 18 чис. съ тѣми же конвойными, такожъ съ догнавшими изъ прописаннаго пригородка Шабата Узбеками пятидесятми, и еще съ пріѣзжавшими въ оной кошъ куперъ Трукменцами стамя человѣками, при которыхъ былъ знатный Аталыкъ Курагузя, да съ сообщившимися въ Кошъ Куперѣ при Старшинѣ Мусюмангулѣ Конграгнами стомя же человѣками, доѣхали до строенія робата, и хотя вышеписанные Трукменцы какъ то послѣ здѣсь нами увѣдомленось, намѣрены были на оной караванъ напасть, и разграбить, токмо начальной ихъ Дянякь Бій разговорилъ, претя силою Россійскаго Государства, но и изъ за того нѣкоторые бѣздѣльники человѣкъ съ десять ночью приступали, но какъ отъ нашей стороны выпалили изъ ружей, то они пришедъ въ страхъ, и чая быть въ каравнѣ многому числу людей, убѣжали; а отъ вышеписаннаго строенія съ ними же, да съ присланными отъ Хана еще пятидесятми человѣками при Мираше Аллагуле, мергенами, пріѣхали за версту до Хивы, гдѣ встрѣтилъ Ханской Шигаулъ, при двънадцати человѣкахъ мергеневъ же, съ поздравленіемъ отъ Хана всѣхъ отъ Нурали Хана прибывшихъ пословъ, въ томъ числѣ и насъ, съ благополучнымъ пріѣздомъ, и потомъ взявъ

всѣхъ, ввелѣ въ городъ и разставилъ по квартирамъ, а Караванъ въ Караванъ Сарай; причемъ намъ приказалъ грамоты подать Хану, и что надлежитъ, объявить тогда когда отъ Хана приказано будетъ. И тако мы до него Хана до ниже означеннаго числа не допущаемы были. Между чемъ отъ разныхъ при немъ Ханѣ находящихся Киргизъ Кайсацкихъ Старшинъ, и прочихъ ему Хану внушено, якобы при ономъ Караванѣ, прислано рѣченному покойному Куразбеку, отъ Его Высокопревосходительства Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и кавалера и его Высокородія Бригадира Тевкелева въ презентъ разнаго товару на двухъ верблюдахъ, ибо дѣ онъ Куразбекъ былъ имъ весьма другъ, и якобы мы присланы для примѣчанія Хивы и предѣловъ оной, а не для свидѣтельства при разборѣ ихъ дѣлъ; и притомъ объявлено съ жалобою, якобы имъ Киргизцамъ отъ Россіи чинятся великія обиды а именно выбѣгающихъ отъ нихъ Персіанъ и прочихъ невозвращаютъ, Киргизовъ многихъ по разнымъ якобы клеветамъ захватываютъ, заковываютъ въ желѣзы и сажаютъ въ тюрму, и по томъ бивъ плетми и кнутомъ, отпущаютъ, и прочія ругательства чинятъ, а все же то чинится чрезъ меня Гуляева, и совѣтано чтобъ меня Гуляева, ими убить или зѣльемъ отравить; а покакимъ еще причинамъ, и кѣмъ имянно о семъ ему Хану было объявлено, отомъ я непзъясняю всѣмъ обстоятельно, за особливыми резонами, ссылаясь на подателя сего нашего нижайшаго доношенія, Сентовскаго татарина Кильчуру Аска_

рова. Почему оной Ханъ, пришедъ въ великое огорченіе, приставилъ къ квартирѣ нашей, караулъ а имянно девять человѣкъ мергеневъ своихъ, и приказалъ имъ наблюдать что бы мы отъ сель убѣжать немогли, и что бы къ намъ находящіяся здѣсь Россійскіе пленники неходили, и вѣстей никакихъ не переносили. А 27 ч онаго же ввечеру прислав къ намъ Шигаула своего не допуская до себя, и посланные съ нами грамоты, какъ на имя его, такъ и Куразбека вымогъ, и то недля иного чего какъ только для увѣданія опредписанномъ презентѣ, Амусюльманъ Бій съ прочими отъ Нурали Хана допущены 21-го числа тогожъ. Причемъ отъ Хана и грамоту подали, которыхъ онъ принялъ съ почтеніемъ и объявилъ, что онъ ихъ пріѣздъ пріемлетъ заблаго. Потомъ они паки 25 числа ввечеру къ нему Хану были призываны, причемъ разсуждали и постановили, чтобъ запограбленныхъ въ 1751 г, предписашнымъ Утявлемъ Батыремъ съ Киргизами, Хивинскихъ сорокъ верблюдовъ, заплатить имъ Киргизцомъ сто пятьдесятъ кобылъ холостыхъ. Что же принадлежитъ до прошлагодняго грабежа, то по прошенію Трукмецовъ, Ханъ бывшихъ въ ономъ Киргизовъ Малыбая и Улджу приказалъ имъ взять на свои руки и чрезъ нихъ товаръ свой взыскивать, которыхъ они схвативъ и заковавъ въ желѣза, и возили въ улусы свои гдѣ они и содержаны были до 15 числа Генваря, и хотя ихъ рѣченной Ханъ велѣлъ было до тѣхъ поръ у себя имъ Трукмецамъ дер-

жать, до колѣ они удовольствіе свое получатъ, но одна-
ко для ниже означеннаго случая вышеписаннаго числа
освободить приказалъ, а именно, въ прошломъ въ 1752
году, когда пріѣзжалъ сюда черкаскаго роду вышерѣчен-
наго Мусюлиманъ Бія, Братъ родной Бура для испра-
вленія своихъ нуждъ, тогда оной Ханъ употребилъ его
Буру завести сватовство съ Нурали Ханомъ объ отдачѣ
занего Хана, средней дочери его Нуралеевой Мысыри
Ханикей, почему онъ Бура возвратясь къ нему Нурали
Хану заѣзжалъ, и объ ономъ объявлялъ, то де на то
онъ Ханъ (какъ-то онъ Бура объявляетъ) сказалъ, чтобъ
онъ Каипъ прислалъ къ нему настоящихъ добрыхъ и на-
дежныхъ людей сватовъ; и тогда де онъ желаніе его
Каипово исполнить можетъ; но нынѣ де какъ Мусюл-
манъ Бій, и онъ Бура сюда отправились, то де осемъ
у него Нурали Хана, что онъ тое дочь свою за него
Каипа отдаѣтъ дѣйствительно будетъ ли склоненъ спро-
сить запамятовали: но какъ сюда прибыли тогда Каипъ
Ханъ изъ нихъ Мусюлмана, такъ онъ сказываетъ, спра-
шивали, что рѣченной Нурали Ханъ ему Бію объ отдачѣ
дочери своей наказывали, и можетъ ли онъ Бій вообразъ
его Нурали Хана во время сватанія бывающую по закону
Мусюльманскому молитву проговорить; но онъ де Бій,
какъ вообразѣ его Хана посланной, отговорится не по-
смѣлъ, то принужденъ сказать что онъ тое молитву про-
говорить можетъ, и 3 чис. Генваря пришедъ къ намъ съ
онымъ Бурою, якоже и Мурзатаемъ, требовали совѣта

можно ли имъ безслова Нурали Хана о дочери его молитву проговорить, то на то мы имъ въ разсужденіи предбудущаго посредству ихъ согласія, и чрезъ то въ пользу Россіи безпрепятственнаго проѣзда разнаго званія купцовъ, присовѣтали, такимъ образомъ, когда де они Бій и Мурзатай, во образѣ его Хана, сюда отъ него присланы, то что они яко во всемъ повѣренные его что бы, а собливо Мурзатай, яко его дядя родной, низдѣлаютъ, онъ Нурали Ханъ прекословить не можетъ, объявя при томъ, что я Гуляевъ во время бытія моего при немъ Ханѣ, до отправленія сюда между дворовыхъ его Нурали Хана бабъ слышалъ что онъ тое дочь свою за него Каипа отдать весьма склоненъ и намѣренъ; почему они Бій съ Мурзатаемъ, и съ прочими 6 чис. онагожъ, ввечеру паки были призываны къ нему Каипу Хану и притомъ угоравиваны, что тое молитву проговорить, которую онъ Бій, обще съ Мурзатаемъ, и со всеми Киргизцами и принуждены прочесть и прочли; по силѣ чего и поздравленіе междо-усобное учинили; причемъ онъ Бій ему Хану употребилъ: для чего онъ такъ долговремянно насъ до себя недопускаетъ, и Малыбая съ Улджею, пріѣхавшихъ въ послахъ, Трукменцамъ схватать и въ улусы свои увести приказалъ. На то онъ Ханъ объявилъ, что онъ насъ видѣтъ усердствуетъ и намѣренъ, только де за пріѣздомъ къ нему изъ всѣхъ подданныхъ ему мѣстъ, знатныхъ людей, и запріемомъ его ихъ, яко въ подданство приходящихъ и за разныимн не истовствами, случая не

имѣетъ (оное правда, ибо то намъ самимъ ежедневно видно что къ нему Хану многое число всякаго его народа пріѣзжаетъ; а особливо Трукменцы, Каракалпаки, и Аральцы предупомянутаго покойнаго Куразбека родственники, и свойственники, великіе смятенія наводятъ и противу его возстаютъ, которыхъ онъ всякими образами приводитъ въ покареніе) однако же въ срокъ по успокоеніи народа допустить не преминетъ, Амалыбая же и Улджу приказалъ онъ Трукменцамъ для того схватать, и къ себѣ въ улусы увести, чтобъ ихъ Трукменцовъ чрезъ то, хотя мало приласкать и въ подданство себѣ утвердить, ибо де изъ нихъ знатные къ нему Хану приходили, и ораззоренія ихъ ими Киргизцами жалобу произносили; и притомъ употребили, что ежели де онъ Каипъ желательно ими резолюціи имъ не учинитъ то де они отъ Хивы имѣютъ откочевать въ дальніе мѣста, т. е. подъ верхніе Калмыки или подъ Бухарію, и далѣе и утамошнихъ Хановъ въ подданствѣ быть, почему де онъ (Каипъ Ханъ) не желая ихъ упустить, и приказалъ ихъ схватать и усебя задержать нѣкоторое время. Однако 7 числа тогожъ, приказалъ чрезъ нарочно-посланнаго, ихъ обоихъ обратно сюда къ нему Хану привести, почему и привезены, и по прежнему оставлены, что все прислав онъ Бій дѣтей своихъ вышеписаннаго Турмамбетя, Кубу и брата ихъ Буру намъ 7-го числа велѣлъ объявить; а 15 ч. повысвобожденіи Малыбая, Ханъ ввечеру призвавъ его одного между прочаго употреблялъ, какъ то онъ Малыбай намъ объявилъ

для чего де Русскіе купцы, и послы сюда пріѣхали или де для примѣчанія его владѣнія, къ отмщенію смерти прежде посыланнаго сюда изъ Россіи Бригадира Бѣгича ссилою; на то де онъ Малыбай сказалъ, что оной Караванъ, и мы предъ глазами ихъ отъ Его Высокопревосходительства, и Господина Бригадира отправлены по желанію Нурали Хана, Купцы для торгу, а мы для свидѣтельства при разборѣ Киргизскихъ съ Хивинцами ссоръ и представленія ко отворенію дороги Купцамъ; потомъ онъ Ханъ еще сказалъ, поне же дѣ изъ Оренбурга посыланно бывшихъ отъ него къ двору Ея Императорскаго Величества недопустили, и Купцовъ во внутрь Россіи не пропущаютъ, того де ради, и онъ Русскихъ Купцовъ отсѣль никуда непропуститъ, да и своихъ отпускать для торгу въ Россію небудетъ; что услыша принуждены мы были искать способа, что бъ хотя чрезъ любезныхъ его Ханскихъ Совѣтниковъ, какъ можно, допущенія до него Хана испросить, а особливо какъ еще ввечеру 12 ч., услышавши отъ сына Мусюльманъ Бія Турмамбетя, и прочихъ что онъ Ханъ намѣренъ его Бія съ прочими отправить обратно до Нурали Хана, съ требованіемъ сего, чтоб онъ пограбленной нынѣ Трукменской товаръ возвратилъ, и прошлогодней Хивинской отдалъ и такожъ и сватовство дочери его учинилъ, и посланные отъ него дары приняли, а насъ Купцовъ нашихъ до тѣхъ поръ пока всего того пограбленнаго невозвратитъ, задержать то наипаче принуждены того искать, и отвѣта о себѣ

просить, къ чему вопервыхъ призвавъ Ханскаго Шигаула и подаря ему на кафтанъ сукна Галланскаго алаго пять аршинъ, взявъ у купцовъ въ долгъ здѣшнею цѣною за шесть червонцовъ, просили чтобъ онъ ево Хана доложилъ, дабы онъ насъ до себя допустить приказалъ; и хотя онъ Шигаулъ какъ слышно было, и докладывалъ, однако онъ Ханъ и потому недопустилъ, и только сказалъ, что еще будутъ допущены; потомъ спустя нѣсколько времени т. е. 13 чис. призвавъ еще въ квартиру свою самаго любезного Ханскаго Дастарханчея Утягѣна; и подаря ему также, взявъ въ долгъ, сахару голову, да на кафтанъ сукна кармазиннаго краснаго цѣною за восемь червонцовъ, и за три рупей, просили чтобъ и онъ доложилъ Хану, дабы мы до него допущены были, которой хотя такъ же докладывалъ, но и потому ничего онъ Ханъ не учинилъ же. Изъ зачего принуждены мы 14 чис. призвавъ къ себѣ Мусульманъ Бія, Мурзатая, и прочихъ Киргизовъ, учинить совѣтъ чтобъ онъ Бій не уѣзжалъ, но какъ можно старался чтобъ пробыть здѣсь до вѣсны, и взявъ отсѣль караванъ и расторгозавшихся нашихъ купцовъ, яко же и насъ со всѣмъ уже отсѣль выѣхалъ, напоминая ему приказаніе Нурали Хана ибо онъ приказывалъ ему при персональномъ его свиданіи, и отправленіи сюда чтобъ возвращался отсѣль съ караваномъ и съ нами, и притомъ объявляя желаніе Его Высокопревосходительства и Г. Бригадира, и страшая ево стужею, что онъ яко старой человѣкъ, не доѣхавъ домой

въ дорогѣ умерѣть можетъ, и что онъ обѣщанной Нурали Ханомъ отъ нашихъ кущовь за препровожденіе (ибо онъ Ханъ предположилъ издоговорнаго числа Мурзатаю и Малыбаю, отдалъ сто рублей ему Бію) и отъ хотящихся для торгу въ Оренбургъ здѣшнихъ обывателей, платъ и отъ Его Высокопревосходительства и Г. Бригадира награжденія (яко онь Бій еще въ Оренбургѣ небывалъ, то Нурали Ханъ для того его въ сію Коммисію и употребилъ, чтобъ по исполненіи всего того, и въ Оренбургѣ онъ побывалъ, и награжденія удостоился) лишится, и отъ Нурали Хана гнѣвъ получить можетъ; что и всѣ Киргизцы ему подтвердили, и присовѣтовали, чтобь онь когда паки призванъ будетъ къ Хану тогдаобъ ему употребилъ, дабы онь его за тѣмъ не посылалъ, а послалъ бы кого по младше а ежели сего онъ Ханъ зачемъ либо учинить не разсудитъ, въ такомъ бы случаѣ и просилъ онъ Бій у Хана сего, что бы мы до него допущены были, и что намъ въ отвѣтъ скажетъ, о томъ бы намъ съ нимъ рапортъ послать приказалъ: почему онъ Бій поѣздкою и отговориться хотѣлъ и отговаривался, токмо Ханъ не отмѣнно его выслать желалъ; но какъ онь Бій и прочіе Киргизцы не отступно его Хана просили, что бы онь насъ до себя допустилъ, то по той прозьбѣ едва склонился, и Февраля уже 6 чис. меня Гуляева съ нижеозначенною только церемоніею допустилъ, а имянно ввечеру того 6 числа прислалъ къ намъ въ квартиру Шигаула своего, которой взявъ меня Гуляева, и сомною речен-

наго Бія да Мурзатая, повезъ ко двору Ханскому, а на передъ приказалъ иттить съ ружьями предписаннымъ у насъ на караулѣ стоящимъ девяти человѣкамъ Мергенемъ, а какъ пріѣхали ко двору, то уворотъ снялъ съ лошадей, и ввелъ въ передній залъ, въ коемъ по обѣимъ сторонамъ поставлено было съ ружьями Мергеневъ человѣкъ съ двѣсти, и тутъ посадя подчивали Ханскою пищею, не допуская еще до Хана; но какъ отючивали, то онъ Бія и Мурзатая и прочихъ Киргизовъ вывели въ особливой покой, а меня взявъ два Исаула, да помянутой Шигаулъ, ввѣли въ покой тотъ гдѣ Ханъ присутствуетъ, въ которомъ онъ сидѣлъ на золотомъ престолѣ, и во всемъ Ханскомъ уборѣ, и золотомъ вѣнцѣ (въ каковомъ образѣ какъ то сказываютъ живущіе на дворѣ его, ни кто еще изъословъ приниманъ небывалъ, а сіе дѣ учинилъ онъ для славы Ея Императорскаго Величества) и изъ нихъ Шигаулъ доложилъ ему Хану, что я до его Высокостепенства представленъ, по чему онъ далъ имъ мины чтобъ они ближае меня къ нему подвели, которые и подвѣли при чемъ я подошелъ къ нему на колѣняхъ, и по обычаю ихъ, подклонилъ правое плечо, на кое онъ наложилъ руку; и потомъ какъ тѣ Ясаулы взявъ отвѣли меня къ порогу, поставили, то я вставъ, учинилъ по закону своему, обыкновенную при свиданіи читаемую молитву, и какъ оную прочелъ то онъ Ханъ проговорилъ мнѣ тако: здравствуешьли ты, посоль?, на что я ему не говоря ничево, поклонился; потомъ паки: пріѣздъ твой я заблаго пріем-

лю, и на то я такъ же поклонился; послѣ чего не давая мнѣ ничего болѣе говорить, означенные Ясаулы вывели меня обратно, и отвезли по прежнему въ квартиру, а болѣе того съ нимъ Ханомъ, къ свиданію и разговорамъ допущены еще небыли, и хотя часто упоминаемой Бій, по принужденію его, намѣренъ уже былъ послѣ сего отсѣль выѣзжать, но 30 числа онаго, получилъ онъ Хань извѣстіе, что родственники покойнаго Куразбека Тулгабѣкъ и Калметьнакъ, съ товарищи привезли изъ Киргизъ-Кайсацкой орды, въ построенной имъ Куразбекомъ городокъ, называемой Чапь, Иралея Салтана, и намѣрены были вмѣсто его Хана, учинить здѣсь Ханомъ, то по причинѣ онаго Бія отправленіемъ пріостановилъ, а только 12 чис. послалъ къ нему Нурали Хану, Консару Батыря съ такимъ прошеніемъ, что бы онъ Нурали Хань отдавъ за него дочь свою, учинилъ его себѣ сыномъ, и Иралею Салтану изъ Чапу выѣхать приказалъ, а самъ поотправленіи его Консары, старался чрезъ покорныхъ ему Хивинцовъ, тѣхъ сродниковъ его Куразбѣковыхъ всѣхъ извѣсти, и его Иралея выслать, и хотя чрезъ не малой трудъ, однако оныхъ сродниковъ его почти всѣхъ перерубилъ и сообщиковъ ихъ къ себѣ покорилъ, да и онаго Иралея сплою изъ того городка съ находившимися при немъ Киргизцами стами, да Каракалпаками семи стами человѣками, съ урономъ людей, выѣхать принуждена учинилъ, котораго по выѣздѣ со всѣми переловили и изъ оныхъ Каракалпацкихъ Старшинъ перерубили, а про-

чихъ Каракалпакъ и Киргизцовъ въ домы отпустили; Салтана же съ нѣсколькими Киргизцами привезли сюда, котораго здѣсь содержавъ онъ Ханъ дней съ шесть, сего числа съ ними Біемъ, и прочими Киргизцами и сватами наградя ихъ разными вещами, отправилъ къ Нурали Хану съ дарами при такомъ прошеніи, что бы онъ Нурали сюда съ войною не выѣзжалъ, но отдавъ бы дочь свою, учинилъ его сыномъ, и ограбленной у Хивинцовъ товаръ возвратилъ, а которые Киргизцы были къ нему сюда, которыхъ дѣ онъ удовольствовать неоставитъ, и пошлину съ нихъ имать уже не приказалъ, да и въ предь уже ни когда никого необижать, а насъ и прочихъ для свидѣтельства не употребилъ объявя, что дѣ Россіи до сего дѣла, и хотя мы уже объ отпускѣ себя и купцовъ нашихъ съ ними, все у сильно чрезъ разныхъ Киргизскихъ Старшинъ, и самаго Иралея Салтана просили, токмо и потому онъ Ханъ отпуску не учинилъ, объявя что онъ намъ имѣетъ отправленіе учинить, по полученіи отъ Нурали Хана извѣстія, и по усмиреніи Трукменцовъ (которые на сихъ дняхъ возымѣли на него войну) предавъ отъ себя пословъ, и каравань, и тако мы нынѣ въ сожиданіи того отъ присланныхъ съ ними отъ Нурали Хана, Бія и Киргизцовъ оставлены.

Что же касается до каравана нашего, то онаго товаръ, за разными его Хана недосугами, досматривать съ полмѣсяца не приказывалъ, и хотя потомъ чрезъ докуку купцовъ и приказалъ досмотрѣть, но только продавать и

желающихъ въ Бухарію для вышеписаннаго резону отпускать съ товаромъ не велѣлъ; а, приставя караулъ, чрезъ немалое время самаго лучшаго ихъ товару забралъ на себя въ домъ больше половины, и имянно тысячь на шесть золотыхъ, и болѣе, и употребилъ въ подарки приходящимъ къ нему въ покорение Хивинскимъ, Трукменскимъ, Каракалпацкимъ и Киргизкимъ Старшинамъ, но денегъ и по нынѣ ничего имъ не отдастъ, да и весь товаръ такимъ образомъ на него Хана быть взятъ; только купцы наши, видя отъ него Хана не отдачу денегъ, въ разсужденіи того, дабы все не пропало, принуждены тайнымъ образомъ изъ Сарая по малу выводить въ Урганычь и тамъ тайно же продавать, и такь почти безъ всякой прибыли достальной распродали, а некоторые, за не покупкою, ибо отъ него Хана здѣшнимъ обывателямъ и покупать запрещено, и нынѣ въ ожиданіи тѣхъ отъ него, Хана, денегъ находятся, которые онъ обѣщался отдать по полученіи вышеписаннаго отъ Нурали Хана извѣстія, и по успокоеніи Трукменцовъ; и хотя нѣкоторые, недожидаясь отъ него платы денегъ, намѣрены были ѣхать обратно, токмо онъ Ханъ увѣдавъ о семъ, приказалъ не только самихъ хозяевъ, но и работниковъ съ верблюдами не отпускать, однако изъ оныхъ нѣкоторые тайнымъ образомъ нѣсколько работниковъ и верблюдовъ уже отпустили, а о деньгахъ хотя неотступно и просятъ, но онъ Ханъ не только не отдаетъ, но еще и грозитъ, а имянно когда Ирали Султанъ былъ еще въ помяну-

томъ городкѣ Чанѣ, тогда посылали оные для прошенія тѣхъ денегъ Мурзатая, которому онъ на то тогда сказалъ, что нетолько де имъ въ такое время отдачи денегъ небудетъ, но еще и порубить ихъ, ежели де они будутъ докучать и ему съ Нуралиевой стороны будетъ обидно, прикажетъ; изъ зачего они ныне и просить уже до усмиренія Трукменскаго, въ страхѣ остались, а оное усмиреніе когда унихъ послѣдуетъ того предузнать неможно. Къ тому же опасно, дабы предписанный Нурали Ханъ сюда съ силою движенія не учинилъ, ибо ежели онъ прибудетъ, то конечно не только деньги но и сами бъ всѣ пропасть немогли, яко онъ Каинъ Ханъ въ таковомъ случаѣ все его Нураліево къ Россійской сторонѣ желаніе испортить хочетъ. Въ Бухаріи де о семъ, что въ Киргизъ-Кайсацкой ордѣ Кущамъ препятствія и грабежа уже чинится небудетъ, и для того бы желающіе туда для торгу ѣхали, чрезъ многихъ тамошнихъ обывателей дано нами знать, токмо не уповательно, чтобы нынѣшняго лѣта рано оттоль купцы были, ибо оную Бухарію Авганской народъ, (котораго сказываютъ человѣкъ до двѣсти тысячь) кругомъ уже осадилъ, и намѣренъ ее завоевать, развѣ по окончаніи оной войны; къ тому же въ проѣздѣ оттоль сюда есть не малая отъ предписанныхъ Трукменцовъ и отъ кочующихъ по Сыръ Дарьѣ Киргизцовъ опасность, ибо и нынѣ отправленной отсѣль туда Хивинской караванъ Киргиской Кара-Башъ Салтанъ съ Киргизцами пограбилъ, да и изъ Персіи купцамъ нынѣ какъ въ Бухаріи, такъ и

сюда быть не уповательно, потому что тамошній Шахъ изъ здѣшнихъ обывателей отвезенное отсѣль ими серебро въ рупеяхъ (которыя здѣсь кромѣ золотыхъ хожденіемъ запрещены, для того что вмѣсто оныхъ мѣдные денги для бѣдныхъ людей установлены, а рупеи малою цѣною на Хана отбираются) по увѣдомленіи о смерти Куразбѣковой, и ненавидя Каипъ Хана, невидимо по какой причинѣ, на себя отнялъ, да и самыхъ ихъ Хивинцовъ ежели бы не убѣжали, побить хотѣлъ, о прочемъ же принадлежащемъ оной Его Высокопревосходительства Канцеляріи, впредь по прибытіи нашемъ донести имѣемъ, а что нынѣ къ сему еще потребно, то можетъ рѣченной Килчура объявить. Подписали: Переводчикъ Яковъ Гуляевъ и Канцелярист Петръ Чучаловъ. Изъ Хивы. Марта 9 ч. 1754 года.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О КИРГИЗЪ-КАЙСАКАХЪ И СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ АБУЛЪ-ХАЙРЪ ХАНА (1748—1765 Г.).

СОЧИНЕНІЕ

В. В. Вельяминова-Зернова,

Дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ 2.

ТЕТРАДЬ 1-Я.

УФА.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1855.

Перепечатано изъ Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Пока Аблай и преданные ему Кайсаки, заботясь о своемъ благосостояніи, прибѣгали къ покровительству. Оренбургскаго Начальства, Малая Орда, находясь въ безопасности отъ притязаній внѣшнихъ враговъ, шла инымъ путемь, и Киргизы ея, въ особенности дальніе, пренебрегая внушеніями Правительства, предавались грабежу и разбою.—Ханъ и Султаны не всегда имѣли довольно силы удержать подданныхъ, и увѣщанія ихъ оставались нерѣдко тщетными.

Хищничества въ степи начались по весьма незначительной причинѣ. Осенью 1763 г., кочевавшіе около Хивы, Ямудскіе Трухмены и съ ними Хивинскіе Узбеки, мстя за то, что Дюрткаринцы не задолго предъ тѣмъ разграбили Хивинскіе и Трухменскіе караваны, отогнали у Чумекеевца Алучи Аллаяра, у сына нѣкоего Худай-Бія,—Кожкулака, и у другихъ Чумекеевцевъ и Чаклинцевъ, до 10,000 лошадей, ходившихъ по Кувану, Яны и другимъ степнымъ рѣчкамъ. Нѣсколько человѣкъ бросились было въ слѣдъ за грабителями, но, не отыскавъ ихъ, возвратились. Тогда выѣхалъ самъ Аллаяръ съ дѣть-

ми своими люди его встрѣтили на той сторонѣ Сыръ-Дарьи, по рѣкѣ Куванъ, въ урочищѣ Бурлы-Башъ, караванъ разграбили его, однако хозяевъ не взяли въ плѣнъ, отпустили обратно въ Бунехару.

Къ несчастію, этимъ грабежи прекратились Лѣтомъ 1764 г. Аллаяръ взялся препроводить изъ Бухары въ Оренбургъ одинъ караванъ изъ 200 верблюдовъ, слѣдовавшій при Караванъ-Башѣ Нигмет-Джанѣ Выведя его изъ своихъ улусовъ, Аллаяръ, съ братьями и племянниками, при 130 человѣкахъ Чумекеевцевъ и Дюртькаринцевъ, разграбилъ его не въ далекѣ отъ Орской крѣпости при горѣ Карачатау (рапортъ Полковника Корфа 29 Іюля 1764 года). Хищники раздѣлили между собою верблюдовъ и лошадей, однако хозяевамъ не причинили ни какого вреда, и отправили ихъ назадъ въ Бухару, давъ на каждыхъ двухъ человѣкъ по одному верблюду (*).

Вѣсть объ этомъ буйствѣ не замедлила дойти до Оренбурга; ее привезъ въ Іюнѣ 1764 года, Гуляевъ, ѣздившій къ Иралію (**) съ Высочайшею грамотою, и съ пись-

(*) Показаніе участвовавшаго въ грабежѣ Менглибека. Этотъ Менглибекъ былъ родомъ изъ нижнихъ Каракалпаковъ, кочевавшихъ окого Хивы, лѣтъ за шестнадцать предъ этимъ, при разграбленіи Киргизами Каракалпаковъ, онъ попалъ въ плѣнъ въ Малую Орду въ Чумекеевскій родъ, и сначала находился тутъ въ услуженіи у одного Киргиза, а по томъ »пришедъ въ состояніе самъ собою« остался кочевать въ его улусѣ.

(**) Ирали только что получилъ новый знакъ милости Царской: Указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 29 Февраля 1764 года, велѣно ему было, согласно съ представленіемъ бывшаго Губернатора Волко- выпавать по 350 руб. въ годъ.

момъ отъ Вице-Канцлера Князя А. М. Голицына. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гуляевъ объявилъ, что другой Бухарскій караванъ Ирназара Максютова (изъ 350 верблюдовъ), гдѣ находились и вещи, закупленныя Ирназаромъ для Императорскаго Двора, удержанъ по входѣ въ Чумекеевскій родъ, вожаками его, дѣтьми Худай-Бія (Туркабіемъ, Кошкулакомъ и Юмартъ Мурзою), изъ опасенія Аллаяра, который будто бы рѣшился напасть на него, и подговаривалъ къ тому же Батырь-Султана, Чиклинцевъ и Дюрткаринцевъ.

По полученіи такихъ извѣстій, Лачиновъ отправилъ тотчасъ же къ Нуралію, Дусталію и Иралію нарочнаго и на основаніи даннаго Ханомъ въ прошломъ 1763 году «кондиціальнаго обязательства« требовалъ немедленнаго возвращенія Бухарцамъ разграбленныхъ товаровъ, и просилъ Хана и обоихъ Султановъ препроводить въ цѣлости караванъ Максютова къ линіи. Въ продолженіе нѣкотораго времени неоднократно повторяемыя обѣщанія Иралія и Дусталія, казалось, служили вѣрнымъ ручательствомъ въ безопасномъ проѣздѣ купцевъ въ Оренбургъ; обстоятельства же доказали противное. Вдругъ 2 Августа 1765 года пришло письмо отъ Иралія, гдѣ Султанъ съ грустію объявлялъ, что, не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ помѣшать Кайсакамъ разграбить Ирназара. Ирали оправдывалъ себя тѣмъ, что, кочуя всего на разстояніи однихъ сутокъ отъ того мѣста, гдѣ стояли Бухарцы, онъ посылалъ туда людей своихъ и убѣждалъ Кай-

»саковъ не причинять вреда каравану. »Киргизы, писалъ »онъ, по свойственному имъ лицемѣрію, каждый разъ »отвѣчали мнѣ, что они не замедлятъ препроводить куп- »цовъ въ мои улусы, откуда, говорили они, Вамъ самимъ »уже можно будетъ доставить ихъ въ Оренбургъ. Обма- »нывая меня ложными увѣреніями, они ограбили купцовъ. »Теперь, продолжалъ Султанъ, остается мнѣ только въ »доказательство невинности моей предложить Начальству »услуги для взысканія съ Киргизовъ похищеннаго товара.« Съ такимъ же прискорбіемъ писалъ 7 Августа 1764 года къ Лачинову Дустали-Султанъ, изъявляя съ своей стороны готовность содѣйствовать наказанію виновныхъ (*).

Обстоятельства грабежа были слѣдующія: купцы, какъ мы сказали, шли за препровожденіемъ дѣтей Худай-Бія и остановились въ его улусѣ. Здѣсь сыновья Худай-Бія, Мамбетъ и Дувана поссорились между собою за плату, слѣдовавшую имъ съ Бухарцевъ, наконецъ, по ненависти другъ къ другу, рѣшились разграбить караванъ, и тайкомъ послали звать къ себѣ на помощь Дюрткаринцевъ, Чумекеевцевъ и Алучи-Аллаяра. Аллаяръ съ робостью принялъ приглашеніе ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще прежде не только подговаривалъ, но даже подкупалъ

(*) При этомъ случаѣ Дустали, основываясь на томъ, что Волковъ снабжалъ его прошлою зимою хлѣбомъ, просилъ о томъ же самомъ и Лачинова Въ просьбѣ этой было отказано, потому что Дустали получилъ уже денежное жалованье.

ихъ къ тому же. По данному слову, дѣти Худая подняли караванъ и шли съ нимъ день и ночь, пока не достигли рѣки Камышаклы (письмо Иралія 2 Августа 1764 года). Тутъ въ 6 дняхъ ѣзды отъ улуса Худай Бія, и въ 2 только дняхъ отъ Орской крѣпости хищники разбили караванъ и раздѣлили его между собою (Показаніе Менглибека). Въ числѣ товара находились и вещи Хивинскаго посланника Исхака, Армянина Ивана Захарова (прикащика С. Петербургскаго мѣщанина Иванова), Армянина же Артемова (*), мѣщанина Филипа Григорьева и Сеитовскаго Татарина Улея (**).

(*) Артемовъ былъ родомъ изъ Персіи, но жилъ и торговалъ въ Бухарѣ, и наконецъ рѣшился выѣхать навсегда со всѣмъ имуществомъ въ Россію, Онъ говорилъ, что его побудилъ къ этому дошедшій до него слухъ о двухъ Высочайшихъ Манифестахъ 1762 и 1763 г., которыми объявлено было, что всѣмъ иностранцамъ, которые прибудутъ на поселеніе въ Россію, будетъ оказана помощь, склоннымъ къ хлѣбопашеству, или къ заведенію фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, не только будетъ отведено достаточное число выгодныхъ къ сему земель, но будетъ доставлено и всякаго рода пособіе »по мѣрѣ состоянія каждаго« соразмѣрно съ пользою вновь заводимыхъ, фабрикъ и заводовъ, въ особенности же такихъ, которыхъ до тѣхъ поръ въ Россіи еще не существовало; кромѣ того для постройки домовъ, на обзаведеніе скота, на потребные къ хлѣбопашеству и къ рукодѣлію инструменты и матеріалы, выдано будетъ изъ казны Ея Величества нужное число денегъ, безъ всякихъ процентовъ, но только съ уплатою одного капитала, и то по прошествіи 10 лѣтъ въ три года, по равнымъ частямъ (прошеніе Артемова на Высочайшее Имя 23 Мая 1765 года).

(**) Товаръ этотъ былъ высланъ ему сыномъ его, который отправился въ Хиву въ 1753 г. съ Гуляевымъ и Чучаловымъ, и не могъ выѣхать еще оттуда, ожидая все уплаты за вещи, отобранныя у него Кампомъ.

Свѣдавъ о новомъ дерзкомъ грабежѣ, Лачиновъ убѣдился въ томъ, какъ мало заслуживаютъ довѣрія и Ханъ, и Султаны, и какъ трудно въ чемъ либо полагаться на ихъ увѣренія. Онъ самъ зналъ, что при предстоявшемъ сборѣ пограбленнаго, ему нельзя вполнѣ ручаться за ихъ содѣйствіе; не смотря на то, онъ снова обратился къ нимъ, говоря, что не имѣетъ разрѣшенія, которое бы уполномочивало его поступать съ Киргизами *«яко съ злодѣями«*. На первый случай Переводчикъ Гуляевъ отправленъ былъ съ укоризненнымъ письмомъ къ Иралію просить Султана съѣздить вмѣстѣ съ нимъ въ улусы грабителей, внушить имъ противозаконность ихъ поступка, и потребовать удовлетворенія купцамъ (донесеніе Лачинова въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 3 Августа 1764 года). Между тѣмъ, Ирназаръ и другіе Бухарцы, еще до полученія извѣстія о грабежѣ, просили Лачинова задержать для предосторожности 5 или 6 Киргизовъ изъ числа Ордынцевъ, пріѣзжавшихъ для торга. Просьба эта была тѣмъ болѣе справедлива, что баранта разрѣшена была двумя указами Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 24 Ноября 1749 года и 25 Мая 1759 года, но Лачиновъ не разсудилъ прибѣгнуть къ ней: сперва онъ медлилъ, вѣря обѣщаніямъ Султановъ, потомъ, когда узналъ, что караванъ Ирназара разбитъ, онъ рѣшился ждать возвращенія Гуляева, боясь, что бы Киргизы, свѣдавъ о задержаніи на линіи единоплеменниковъ, не захватили изъ мести нашего посланнаго, и не причинили ему вреда.

Въ Августѣ Лачиновъ (который правилъ Оренбургскимъ краемъ только временно, бывъ на самомъ дѣлѣ Губернаторомъ Воронежскимъ) отправился въ Воронежъ; мѣсто его заступилъ на время Генералъ-Маіоръ и Оренбургскій Комендантъ Лановъ.—Новый начальникъ края принялъ другую систему дѣйствій и рѣшился строгими мѣрами принудить Киргизовъ къ удовлетворенію купцовъ: по первой же просьбѣ Ирназара и прочихъ Бухарцевъ, приказалъ (24 Августа) выслать изъ Оренбурга команду, которая вблизи мѣноваго двора захватила ѣхавшихъ на торгъ двухъ человѣкъ Чумекеевцевъ Менглибека и Мурзу Бергана (*), и одного Чиклинца, вѣдомства Каипъ Хана, Дулата (**). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онь, указомъ 2 Сентября 1764 года, предписалъ Командиру Уйской Нижней дистанціи, Полковнику Воейкову, задержать въ Троицкѣ, по указанію, четырехъ Бухарцевъ, нарочно къ нему посланныхъ, 5 или 6 человѣкъ Чумекеевцевъ иДюрть-

(*) Онъ былъ родомъ изъ нижнихъ Каракалпаковъ, называемыхъ Куратскими и кочевавшихъ по Куванъ-Дарьѣ; лѣтъ 14 тому назадъ, при нападеніи на нихъ Киргизовъ Средней Орды Канджагалы-Аргынскаго рода, онъ былъ захваченъ ими въ плѣнъ въ ихъ улусы, гдѣ жилъ въ первое время въ услуженіи у одного Киргиза· года чрезъ 4 отецъ его, свѣдавъ о немъ, перекочевалъ въ Орду, выкупилъ сына изъ плѣна и поселился вмѣстѣ съ нимъ въ Чумекеевскомъ родѣ

(**) Мурза Берганъ и Дулатъ, какъ не участвовавшіе въ грабежѣ, были отпущены 17 Сентября, по просьбѣ самого же Ирназара, обратно въ степь, а Менглибекъ, содержавшійся въ острогѣ, взятъ былъ на поруки жившимъ въ аманатахъ, сыномъ Нурали Хана, Берды-али-Султаномъ 10 Декабря 1764 года.

каринцевъ. Предписаніе это было исполнено и пять человѣкъ Киргизовъ изъ преступныхъ родовъ были захвачены на торгѣ и посажены подъ крѣпкій караулъ съ производствомъ каждому кормовыхъ денегъ по 2 коп въ сутки. Независимо отъ этого, Лановъ принялъ еще одну мѣру, необходимую по тотдашнимъ обстоятельствамъ. Нужно знать, что хищники успѣли вымѣнять ограбленный товаръ на лошадей и другія вещи у пріѣзжавшихъ въ улусы ихъ Киргизовъ »съ низу Чиклинцевъ и другихъ, а съ верху отъ Троиц»кой крѣпости Джагалбайлинцевъ, Тляувцевъ и Аргын«цевъ,«. Эти въ свою очередь повезли его въ Троицкъ и продали тамъ; такъ что самый товаръ началъ уже расходиться по рукамъ нашихъ же купцовъ (показ. Менглибека). Принявъ это въ соображеніе, Лановъ предписалъ Директору Таможни Тимашеву (2 Сентября 1764 года) обязать торговавшихъ на мѣновомъ дворѣ русскихъ купцовъ подписками, чтобъ изъ нихъ ни кто не смѣлъ покупать впредь до резолюціи у Киргизовъ ни пряденой хлопчатой бумаги, ни сырца, ни камня лапись-лазури. У кого вещи эти уже были въ вымѣнѣ, тотъ въ эготь же день долженъ былъ представить ихъ всѣ при объявленіи своемъ къ спуску съ мѣноваго двора въ Таможню или въ пакгаузъ, иначе онъ подвергался всѣй строгости наказаній.

Вслѣдъ за тѣмъ 17 Сентября 1764 г. возвратился изъ Орды Гуляевъ. Успѣхъ его порученія былъ не значителенъ. Ирали, какъ показалъ Гуляевъ, на другой

день послѣ его пріѣзда созвалъ къ себѣ Старшинъ, и совѣтовался съ ними о возвращеніи похищеннаго; за тѣмъ, съ общаго согласія, отправились они въ улусы виновныхъ. Ирали взялъ съ собою и нашего посланнаго; долго уговаривали они Киргизовъ; наконецъ убѣдили ихъ въ необходимости вознаградить купцовъ и заставили дать »по ихъ обыкновенію« обязательство. На этотъ разъ пріѣхалъ къ Иралію Назаръ Хоржа—посланецъ отъ Бухарскаго Хана Абулгазыя. Абулгазы въ письмѣ на имя Султана просилъ увѣдомить его, по какой причинѣ Киргизы ограбили подданныхъ его; сдѣлали ли они это съ общаго согласія съ Ханомъ и Султанами, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, говорилъ Эмиръ, Кайсакамъ не чего опасаться и они могутъ продолжать ѣздить на торгъ въ Бухару, въ полной увѣренности, что ихъ ни притѣснять, ни задерживать не будутъ. Съ полученія этого письма Ирали сталъ еще съ большимъ рвеніемъ принуждать Киргизовъ къ уплатѣ погрибленнаго: при Гуляевѣ не много товара было уже отдано Бухарцамъ, что заставило Ходжа-Назара остаться въ степи до глубокой осени. Вотъ все, чего могъ добиться Ирали отъ Киргизовъ; понимая характеръ и расположеніе народа своего, онъ зналъ, что еще не скоро удастся ему вполнѣ удовлетворить за грабежъ, и по этому счелъ безполезнымъ держать у себя Гуляева, а отпустилъ его въ Оренбургъ (*)

(*) Гуляева сопровождали въ степи Орскіе казаки. По возвращеніи

съ письмомъ, гдѣ снова оправдывалъ себя въ грабежѣ и слагалъ всю вину на непослушаніе Киргизовъ (показаніе Гуляева 17 Сентября 1764 года).

Такой медленный ходъ дѣла не соотвѣтствовалъ мыслямъ Ланова. Видя изъ письма Султана и изъ словъ Гуляева, что нѣтъ надежды на скорое вознагражденіе купцовъ, онъ рѣшился продолжать начатое, т. е. дѣйствовать строгостію; задержанныхъ Киргизовъ онъ запретилъ выпускать, увѣдомивъ объ этомъ Иралія (23 Сентября), а указомъ 25 Сентября 1764 года, приказалъ Воейкову сковать въ ножныя желѣза захваченныхъ въ Троицкѣ пятерыхъ Кайсаковъ и доставить ихъ за крѣпкимъ карауломъ по линіи въ Оренбургъ.—Однако и эта строгость не принесла ожидаемой пользы. Дальніе Кир-

---

оттуда они просили себѣ добавочнаго жалованья за время пребыванія въ степи. Оно имъ было выдано, по расчету за 500 верстъ, согласно съ указомъ изъ Сената, отъ 30 Октября 1758 года, которымъ предписывалось. Казакамъ. состоявшимъ на здѣшней линіи въ крѣпостяхъ, во вниманіе къ незначительности получаемаго ими жалованья, за время, когда они будутъ командированы отъ домовъ своихъ въ дальнія мѣста, не ближе 100 верстъ, сначала выступленія ихъ, по то число какъ они возвратятся въ домы, къ получаемому ими жалованью »додавать за то противъ Донскихъ и Яицкихъ казаковъ« Донскимъ же и Яицкимъ казакамъ по апробованнымъ окладамъ, какъ это видно въ экстрактѣ, присланномъ при указѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 20 Ноября 1755 года, велѣно въ бытность ихъ въ командировкахъ на здѣшней линіи, жалованье производить: рядовымъ казакамъ по 12 руб, въ годъ изъ доходовъ »подлежащихъ до Статсъ-Конторы«.

гизы, вмѣсто того, что бы смириться, вздумали въ началѣ 1765 года мстить за задержаніе своихъ единоплеменниковъ. и препятствуя проѣзду каравановъ по степи, вредить Оренбургскому торгу. Одинъ Ургенчскій караванъ, при которомъ находилось нѣсколько Бухарцевъ, везшихъ для Двора Ея Императорскаго Величества 147½ пудовъ лапись-лазўри, дошелъ уже до урочища Секизбая. Тутъ наѣхало человѣкъ 60 Киргизовъ Чиклинскаго рода и 30 Дюрткаринскаго. Вожаками при караванѣ были то же Чиклинцы и Дюрткаринцы, но ихъ было только 32 человѣка. Хищники обратились къ своимъ сродичамъ съ просьбою выдачи каравана, въ противномъ случаѣ грозили взять его силою; когда же узнали они, что въ немъ находятся и Бухарцы, то стали требовать выдачи ихъ, потому что, говорили они, пятеро нашихъ Кайсаковъ задержаны изъ за нихъ въ Оренбургѣ. »Если вы не отда»дите ихъ по доброй волѣ, то мы станемъ биться съ вами.« Положеніе вожаковъ было затруднительное: »если мы уступимъ вамъ караванъ, отвѣчали они, то сдѣ»лаемся врагами Ургенчцамъ, Бухарцамъ и Русскимъ; »если же нѣтъ, то должны вступить съ вами въ непрі»язнь. Повремените не много, мы сберемъ Старшинъ и »посовѣтуемся съ ними; что они скажутъ, то мы и »сдѣлаемъ.« Противная сторона рѣшилась ждать. Между тюмъ Сикизбашцы и Кудашцы предостерегли Бухарцевъ и внушили имъ, что Кайсаки люди не добрые, и что ни въ какомъ случаѣ вѣрить имъ нельзя. Встревоженные

Бухарцы оставили лапись-лазури подъ закладъ одному Трукмену, которому приказали провезти его въ Оренбургъ, а сами, нанявъ двухъ Киргизовъ, тайкомъ бѣжали и прибыли въ Ченгикале (письмо къ Ирназару отъ Молла-Ханъ-Мухаммеда и Руза-Мухаммеда, приложенное къ указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 4 Іюля 1765 года). Подобнаго рода извѣстія, непріятныя для Правительства, заставили его еще болѣе держаться баранты, какъ вѣрнаго средства для усмиренія Кайсаковъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ указомъ, отъ 4 Іюля 1765 года, предписала не выпускать захваченныхъ Ордынцевъ, пока не послѣдуетъ всѣмъ полнаго удовлетворенія за грабежи 1764 года; не смотря на то, Киргизы медлили уплатою; затрудненія умножались съ каждымъ днемъ, и только по прошествіи двухъ лѣтъ Начальство заключило это дѣло, и то не успѣвъ взыскать всего должнаго съ виновныхъ.

При этомъ случаѣ пострадали не столько Бухарцы, сколько наши купцы. Объяснимъ это, представивъ особо за оба года всѣ обстоятельства, служившія во вредъ, или въ пользу тѣмъ, или другимъ. Начнемъ съ Бухарцевъ: съ перваго раза объ нихъ принялись заботиться два Правительства: Русское и Бухарское, такъ какъ Эмиръ тоже задержалъ нѣсколькихъ Киргизъ. Сверхъ того многіе Бухарцы жили въ улусахъ грабителей, и сами настаивали о должномъ удовлетвореніи Въ слѣдствіе сего уже на второй годъ Эмиръ писалъ къ своимъ подданнымъ въ Оренбургъ, чтобы они ѣхали къ нему за полученіемъ

товара, который возвращаютъ Ордынцы. Извѣстіе это оправдывалось на самомъ дѣлѣ: 19 Сентября 1765 года, товарищъ Ирназара, Караванъ-Башъ Хаджи-Курбанъ-Базаровъ, отъ имени соотечественниковъ своихъ, доносилъ новому Губернатору, Князю Путятину, что Киргизцы, сознавъ вину свою, пріѣзжали въ Бухару и согласились сперва внести за погрaбленное 70,000 червонцевъ, а потомъ Ирали Султанъ обязался уплатить за каждый верблюжій тюкъ по 100 червонцевъ, а за всякаго верблюда по 30 барановъ, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы Кайсаки, задержанные въ Оренбургѣ, были прежде возвращены въ улусы ихъ. По этому Ходжа Курбанъ просилъ Путятина освободить ихъ, и передать на руки присланному для того отъ Иралія Карабашъ-Султану. Предложеніе это не было принято, тѣмъ не менѣе дѣло принимало оборотъ благопріятный. Ирали дѣйствительно возвращалъ товаръ, по мѣрѣ возможности. Кромѣ того отдалъ онъ около ста верблюдовъ и производилъ расплату иноходцами. Нѣкоторые Бухарцы, получивъ все, что имъ слѣдовало, возвратились даже на родину; другіе оставались еще въ улусахъ Султана, сбирали товаръ, или принимали по цѣнѣ барановъ; многіе повѣренные, не имѣя при себѣ достаточнаго числа людей, чтобы согнать весь скотъ, писали въ Бухару и звали оттуда настоящихъ хозяевъ. Сверхъ того (письмо Иралія 27 Мая 1766 года) Максютовъ, который еще въ прошломъ 1765 году былъ избранъ ими всѣми повѣреннымъ и въ Декабрѣ забравъ

съ собою разныхъ вещей: Индѣйской выбойки, кисей и проч., для поднесенія ихъ Ея Императорскому Величеству, отправился въ Петербургъ, успѣлъ выхлопотать тамъ къ Оренбургскому Губернатору о скорѣйшемъ удовлетвореніи за грабежъ указъ (*), вслѣдствіе котораго выданы были Высочайшія грамоты къ Нуралію, къ Айчуваку и къ Иралію. Грамоты эти, гдѣ требовалось содѣйствіе Хана и Султановъ, отправлены были къ нимъ съ Переводчикомъ Гуляевымъ (29 Января 1766 года), и въ отвѣтъ осенью 1766 года (14 Сентября) получено было отъ Иралія письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что хищники обязались внести Бухарцамъ за каждый вьюкъ по 100 барановъ, а за полъвьюка по 50, сверхъ того верблюдовъ, оставшихся въ живыхъ, возвратить, а за мертвыхъ заплатить за каждаго по 30 барановъ. Султанъ писалъ, что объ этомъ уже было сообщено Бухарскому Хану и Бику, которые остались довольны, и что Киргизы уже уплатили по этому все сполна Въ заключеніе Ирали просилъ Путятина освободить и доставить къ нему въ улусы Кайсаковъ, содержавшихся въ Оренбургѣ.

И такъ Бухарцы хотя и не въ скоромъ времени, но получили уплату, если даже не за все, то по крайней мѣрѣ за большую часть ограбленныхъ у нихъ вещей. Взглянемъ теперь на ходъ дѣла нашихъ купцовъ, и разберемъ ихъ положеніе. Изъ этого разбора ясно окажется, что на сторонѣ ихъ вовсе не было столько благопріятныхъ

(*) Копія съ него была послана Ирназаромъ къ Бухарскому Хану.

обстоятельствъ, сколько на сторонѣ сотоварищей ихъ по несчастію-Бухарцевъ. Купцы наши были всѣ Православные (изъ нихъ только одинъ былъ Татаринъ), слѣдовательно невѣрные въ глазахъ Ордынцевъ, а можетъ быть и не знакомые съ языкомъ Киргизскимъ; они не смѣли показаться въ виновные улусы, жили въ городѣ, объ нихъ заботилось одно только Правительство Русское, и не на самомъ мѣстѣ преступленія, а только издали единственными средствами, которыя находились у него въ рукахъ, письмами къ Султанамъ, указами и барантою. Какъ мало значили въ подобныхъ случаяхъ увѣщанія Султановъ, мы имѣли уже не разъ возможность замѣтить. Что касается до указовъ отъ Высшаго Правительства въ пользу купцовъ нашихъ, которые чрезъ повѣренныхъ своихъ хлопотали и въ Петербургѣ, то всѣ они ограничивались подтвержденіями Губернатору о скорѣйшемъ удовлетвореніи проесь бы купцовъ; только Указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 23 Іюня 1765 года, предписано было Князю Путятину оказывать имъ, какъ Русскимъ подданнымъ, предпочтеніе предъ Бухарцами. Слѣдствіемъ было то, что иногда попадалась на долю ихъ часть опознаннаго товара, который Киргизы привозили сбывать въ Оренбургъ, или въ Троицкъ, но и тутъ почти всегда оспоривали у нихъ Бухарцы. Собственно говоря, всѣ выгоды нашихъ купцовъ ограничивались барантою, которая одна еще могла понудить Киргизовъ къ уплатѣ должнаго. Но вскорѣ должно было отказаться и отъ этой надежды. Въ послѣд-

нее время, когда дѣла Бухарцевъ пошли на мировую съ Киргизами, какъ видно было изъ нашего разсказа, то они стали просить объ освобожденіи задержанныхъ Ордынцевъ, что бы при уплатѣ не подавать Кайсакамъ повода къ жалобамъ и задержкамъ. Конечно, такое ходатайство Бухарцевъ, противное интересу нашихъ подданныхъ, не могло быть согласно съ видами Правительства, и по этому всегдашнимъ отвѣтомъ былъ отказъ; тѣмъ не менѣе оно заставляло не разъ задумываться о томъ, не слѣдъ ли прекратить баранты. Мысль эта, пугавшая купцовъ, крѣпла съ каждымъ днемъ и наконецъ обратилась въ совершенную рѣшимость, когда пришло письмо Уралія, 24 Сентября 1766 года, то самое, въ которомъ онъ сообщалъ объ удовлетвореніи Бухарцевъ. Султанъ въ немъ же объявлялъ, что по довѣренности отъ него, Караванъ-Башъ Хаджи-Курбанъ, взялся поручиться Армянамъ за уплату, или даже заплатить имъ по тому же самому расчету по числу вьюковъ, по которому получили удовлетвореніе Бухарцы. Хотя Хаджи Курбанъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ не отказался уплатить, но завелъ споръ съ нашими купцами подъ тѣмъ предлогомъ, будто они требовали большее число товара, чѣмъ его было дѣйствительно у нихъ ограблено. Купцы значительно сбавили цѣну своихъ требованій, однако Хаджи Курбанъ этимъ не удовольствовался, и съ трудомъ согласился оставить товару на 300 руб. (у одного Григорьева было ограблено, какъ онъ говорилъ самъ, на 2218 руб. 12½ коп.)

и то съ условіемъ, чтобы задержанные Киргизы, Менглибекъ и другіе, были отпущены съ нимъ въ Орду къ Иралію. Путятинъ далъ свое согласіе освободить ихъ. Причины, побудившія его къ тому, какъ видно изъ донесенія въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 2 Ноября 1766 года, были слѣдующія: 1., Бухарцы, опасаясь Киргизовъ, не хотѣли иначе возвращаться; 2., если бы Бухарцы остались на зиму, то будущею весною не льзя было ожидать пріѣзда каравановъ; 3., верблюды ихъ числомъ до 150, не привычные къ стужѣ, могли попадать отъ холода; тогда Бухарцы потерпѣли бы большой убытокъ, а указомъ Ея Императорскаго Величества предписано было для поощренія торга оказывать Азіатцамъ всякаго рода снисхожденія и ласки; 4., Ирали Султанъ съ большимъ числомъ Киргизовъ подъѣхалъ къ рѣкѣ Илеку, и настоятельно просилъ, что бы захваченные Кайсаки были отпущены; онъ говорилъ, что въ противномъ случаѣ Киргизы намѣрены злодѣйствовать по линіи; угрозы эти осуществлялись на самомъ дѣлѣ, изъ разныхъ мѣстъ 14 человѣкъ были уже захвачены въ плѣнъ и несколько скота было угнато; 5., торгъ въ слѣдующемъ году могъ упасть совершенно. Азіатцы едвали бы согласились ѣхать степью, гдѣ предстоялъ имъ вѣрный грабежъ отъ мстительныхъ Киргизовъ. Общество Русскихъ купцовъ, предвидя это, подало даже на имя Губернатора просьбу объ отпускѣ въ Орду Менглибека и другихъ. Такимъ образомъ Начальство нашлось вынужденнымъ

согласиться на требованіе Ордынцевъ и освободить захваченныхъ Киргизовъ. Это случилось въ концѣ 1766 г.

Описываемый 1766 г. замѣчателенъ также въ исторіи степи и даже всего Оренбургскаго Края преобразованіемъ, которое получили выломка и перевозъ Илецкой соли. Коллежскій Совѣтникъ Тетюшевъ, усердствуя (какъ сказано въ именномъ указѣ 10 Января 1766 года) къ пріобрѣтенію казенной Ея Императорскаго Величества пользы, подалъ Государынѣ представленіе, которымъ онъ обязывался доставлять ежегодно въ Нижній-Новгородъ до 1 милліона пудовъ соли, полагая ей цѣну съ выломкою на мѣстѣ и провозомъ, не болѣе 12 коп. съ пуда, включая сюда не только содержаніе людей и постройку разныхъ необходимыхъ зданій, но и всегдашнее ихъ содержаніе. Представленіе это было передано на заключеніе Оренбургскаго Губернатора Князя Путятина, который разсмотрѣлъ его и сообщилъ способы къ легчайшему того исполненію (*). Представленіе и способы заключались въ слѣдующемъ:

Всеподданнѣйше представленное Коллежскимъ Совѣтникомъ Тетюшевымъ учрежденіе для доставленія въ каждый годъ до 1 милліона пудовъ Илецкой соли до Нижняго-Новгорода:

(*) Важный документъ этотъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Зак. т. XVII № 12,553, и по этому мы позволили себѣ передѣлать старинный слогъ его

Способы къ легчайшему исполненію его, представленные Оренбургскимъ Губернаторомъ, Княземъ Путятинымъ.

1.) Для выломки Илецкой соли, и для перевоза ея отъ мѣста добыванія въ Магазинъ, имѣть на всегда до 200 человѣкъ работниковъ, которыхъ и поселить при Илецкой крѣпости, освобода ихъ отъ другихъ казенныхъ работъ. Задѣльную плату производитъ имъ за выломку каждаго пуда по полу-копѣйкѣ, обязавъ ихъ сверхъ того вырабатывать, безденежно, на усышку и утечку, на каждую тысячу пудовъ, по 50 пудовъ соли.

2.) Для защиты отъ Киргизовъ Илецкой крѣпости и находящихся тамъ работниковъ увеличитъ по мѣрѣ надобности гарнизонъ; сверхъ того учредить между Илецкою крѣпостью и Оренбургомъ нарочный разъѣздъ изъ нерегулярныхъ конныхъ войскъ; разъѣздъ этотъ отдать въ команду Главному Соляному Управителю, который бы по своему усмотрѣнію употреблялъ его »къ пользѣ и сохраненію интереса« вмѣсто конвоя на препровожденіе соли и другіе разъѣзды.

3.) Илецкую крѣпость, которая находится въ Киргизской степи на мѣстѣ добыванія соли, разстояніемъ отъ Оренбурга по крайней мѣрѣ на 60 верстъ, осыпать валомъ и сдѣлать въ ней баттарею, что бы какъ люди, поселенные для добыванія соли, и жители крѣпости, такъ и самъ гарнизонъ и команда нерегулярныхъ войскъ, учрежденная для разъѣздовъ, могли свободно защищаться отъ Киргизовъ; 2, построить для соли два магазина-одинъ при Илецкой крѣпости, а другой у при-

Нарядить изъ такъ называемыхъ своекоштныхъ, ссылающихся въ Оренбургъ, освободя ихъ отъ всякой другой работы. Если ихъ будетъ мало, то дозволить приписывать и вольныхъ, которые будутъ являться по собственному желанію, съ надлежащими видами. Заработную плату производить по усмотрѣнію, только такъ, чтобъ она не превосходила положенной платы съ пуда по полукопѣйкѣ.

Снестись съ Военною Коллегіею, какъ объ увеличеніи гарнизона, такъ и объ опредѣленіи легкихъ войскъ для разъѣздовъ.

Разъѣзды слѣдуетъ перемѣнять чрезъ три мѣсяца.

Что касается до укрѣпленія крѣпости, то объ этомъ будетъ представлено особо въ Военную Коллегію.

стани рѣкъ Ашкадара и Стерли, впадающихъ въ Бѣлую; 3, для добыванія разсоловъ, находящихся въ подземной соли, также для разработки и перевоза самой соли, сдѣлать надлежащія машины; сверхъ того устроить разные земляные, съ деревяннымъ укрѣпленіемъ, валы, или плотины, которые, препятствуя весеннимъ наводненіямъ размывать соль, служили бы вмѣстѣ облегченіемъ для рабочихъ, при добываніи соли на большой глубинѣ; 4, для лучшаго успѣха во всѣхъ распоряженіяхъ, учредить Контору съ пристойнымъ числомъ Надзирателей, для которыхъ выстроить покои при Илецкой крѣпости; 5, по тракту, начиная отъ крѣпости Илецкой, до упомянутой въ 2-мъ пунктѣ пристани на р. Ашкадарѣ, построить въ восьми мѣстахъ кормовищи, или ночлеги съ повѣтьми, или сараями для рогатаго скота и лошадей, слѣдующихъ съ солью. Безъ этихъ ночлеговъ и сараевъ обойтись невозможно, въ случаѣ непогодъ.

4.) Скорый, по вскрытіи льда, истокъ воды въ рѣкѣ Бѣлой препятствуетъ сплаву соли въ большомъ количествѣ; по этому въ устьяхъ Ашкадара и Стерли сдѣлать шлюзы; за тѣмъ, отступя отъ нихъ къ вершинамъ водъ, построить пильныя мельницы, обдѣлавъ берега помянутыхъ рѣкъ между шлюзъ и пильныхъ мельницъ деревяннымъ укрѣпленіемъ, потребнымъ къ строенію барокъ. Нагрузку соли производить не дожидаясь вскрытія льда, такъ какъ между означенными рѣками есть довольно

Строенія производить по мѣрѣ надобности и сообразуясь съ пропорціею поставки соли.

Кромѣ годнаго мѣста для учрежденія пристани при устьяхъ рѣкъ Ашкадара и Стерли есть и другое удобное мѣсто при устьѣ рѣки Мелеуса; по этому предоставить на волю, въ которомъ изъ двухъ мѣстъ завесть пристань, а не то можно учредить по пристани въ обоихъ мѣстахъ.

большое озеро, которое при наступленіи весны размерзаетъ прежде; во всякомъ случаѣ такая заблаговременная нагрузка соли будетъ достаточно обезпечена шлюзами, съ устройствомъ которыхъ нельзя уже будетъ опасаться недостатка воды въ Бѣлой. Кромѣ этой прямой пользы отъ шлюзовъ, можно ожидать еще другихъ выгодъ: именно онѣ будутъ ручаться за успѣшное заведеніе лѣсовъ на строеніе барокъ, за удобное вытаскиваніе ихъ на берегъ, а болѣе всего за безубыточный и безопасный спускъ судовъ на воду (*).

5.) Если, за непостроеніемъ еще пильныхъ мельницъ, не льзя будетъ достать нужнаго числа барокъ изъ пильнаго лѣса, то дозволить на первый годъ возить соль въ топорныхъ баркахъ безъ платежа пошлинъ.

6.) Лѣсъ, нужный для ежегоднаго строенія барокъ: сосновый, елевый, осиновый и годный для завозень и лодокъ,—вѣтловый и осокорникъ, начавъ по теченію отъ вершины рѣки Бѣлой до города Уфы, по Бѣлой съ обѣихъ сторонъ на 10 верстъ, а по впадающимъ въ нее рѣкамъ съ обѣихъ на 5 верстъ, запретить рубить заводчикамъ, не включая въ то число Башкиръ и Мещеряковъ, которымъ дозволять пользоваться имъ для собственныхъ нуждъ. При этомъ наблюдать, что бы не по-

(*) При этомъ приложенъ былъ Тетюшевымъ планъ рѣкъ Ашкадара и Стерли, озера и мѣста, признаннаго имъ удобнымъ для построенія магазина.

Пунктъ этотъ оставить до будущаго времени, пока чрезъ осмотръ и съемку самой мѣстности не окажется въ точности, сколько можетъ быть лѣса, и откуда его надежнѣе получать.

слѣдовало ни остановки, ни помѣшательства горнымъ заводамъ. Во всѣхъ показанныхъ мѣстахъ не воспрещать »вольно желающимъ къ тому соляному отправленію« снимать лубья.

7.) Между помянутыхъ рѣчекъ Ашкадара и Стерли, впадающихъ въ Бѣлую, построить, какъ сказано въ 3 пунктѣ, магазинъ, гдѣ и могутъ находиться въ большомъ числѣ »всѣ припасы, принадлежащіе къ отправленію соли;« въ этомъ же мѣстѣ, которое сдѣлается главнымъ пунктомъ отправленія Илецкой соли, учредить Контору съ нужнымъ числомъ какъ людей и надзирателей, такъ и военно-служащихъ, необходимыхъ для храненія денежной казны; здѣсь же для главнаго Командира и не малаго числа Управителей построить покои; сверхъ того сдѣлать казармы на 4,000 человѣкъ для работниковъ, приходящихъ къ нагрузкѣ и препровожденію барокъ съ солью.

8.) На учрежденіе всѣхъ нужныхъ зданій и содержаніе ихъ, также на покупку якорей и канатовъ, полагается употреблять ежегодно по полукопѣйкѣ съ каждаго пуда соли, но на первый годъ, когда придется обзаводиться всѣмъ вновь, суммы этой, вѣроятно, будетъ мало, а по тому нынѣ же приказать выдать по полукопѣйкѣ съ пуда за три или четыре года впередъ, въ зачетъ на будущее время.

Ссылаюсь на третій пунктъ, что бы все строеніе, кромѣ необходимаго, производилось сообразно съ пропорціею поставки соли.

Я нахожу это весьма нужнымъ для первоначальнаго заведенія.

9.) Опредѣлить до 1200 двуконныхъ работниковъ для перевозки соли до пристани и для необходимой на первый случай работы. Плату за работу производить имъ по плакатной цѣнѣ, а за возку соли до пристани выдавать имъ отъ 5 до 6 коп. съ пуда. Сверхъ того назначить до 100 человѣкъ въ лоцманы, которыхъ въ случаѣ надобности употреблять на распиливаніе лѣса и на строеніе барокъ; лоцманамъ этимъ производить плату за труды, по усмотрѣнію Главнаго Командира. Всѣхъ сказанныхъ людей поселить въ удобныхъ мѣстахъ и отвести имъ нужное число луговъ и земли.

10.) Къ сплавливанію барокъ съ солью отъ пристани въ мѣста ихъ назначенія опредѣлять въ Смотрители вольныхъ людей изъ военно-служащихъ, или изъ купечества; Смотрителю за его труды производить въ награду съ каждаго пуда соли, привезеннаго подъ его присмотромъ, по одной деньгѣ, или по одной копѣйкѣ, по усмотрѣнію Главнаго Управителя.—Если на первый разъ не льзя будетъ найти годныхъ людей въ Смотрители, то назначать ихъ изъ купечества, отъ Магистратовъ, съ производствомъ той же самой платы, и при одобреніяхъ отъ тѣхъ же присутственныхъ мѣстъ, однако съ тѣмъ, чтобы купцы, опредѣляемые въ должность Смотрителей, были изъ жителей городовъ, лежащихъ по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ.

11.) Если все изложенное въ предъидущихъ пунктахъ

Опредѣлить къ тому людей изъ находящихся въ Оренбургской губерніи Тептярей, которые въ состояніи исполнять требуемыя работы за означенную плату; если можно, то дать имъ и луга, для содержанія скота. Равнымъ образомъ назначать въ работники изъ Бугульминскаго вѣдомства, поселенныхъ изъ непомнящихъ родства и прописныхъ по ревизіи, также и вольныхъ, которые пожелаютъ работать за положенную плату, и представятъ узаконенные виды; вольныхъ этихъ можно тутъ и поселить. Всего бы лучше было, если бы всегда представлялся случай находить и употреблять однихъ, охочихъ людей.«

удостоится Высочайшаго утвержденія и начнетъ приходить въ дѣйствіе, то должно надѣяться, что съ 1767 года можно будетъ ежегодно не только выламывать, но даже выставлять въ Нижній-Новгородъ 1 милліонъ пудовъ соли, количество, которое, если не встрѣтится непреодолимыхъ препятствій, можетъ быть въ случаѣ нужды удвоено.—Цѣною (включая въ нее всѣ расходы, какъ-то: постройку магазиновъ, покоевъ и станцій, содержаніе двухъ конторъ, также постройку казармъ для 4000 рабочихъ и проч.) каждый пудъ соли будетъ обходиться до Нижняго-Новгорода, съ исключеніемъ могущихъ быть бѣдствій и несчастій, отъ $11\frac{1}{2}$ до 12 коп.

А именно: за выработаніе при Илецкой крѣпости $\frac{1}{2}$ коп.

За провозъ до пристани отъ 5 до 6 коп.

На всѣ помянутыя строенія, на содержаніе ихъ и починку, на якори и воровые канаты - - $\frac{1}{2}$ коп.

На строеніе барокъ и наемъ рабочихъ людей до Нижняго-Новгорода—4 коп.

Смотрителямъ за препровожденіе соли отъ пристани съ отдачею ея въ Нижегородскій магазинъ, и за присмотръ во время постройки барокъ и приготовленія на нихъ такелажа по $\frac{1}{2}$ или 1 коп

И того $11\frac{1}{2}$ или 12 к.

Что касается до содержанія Главнаго Командира, бу-

Которыя для первоначальнаго обзаведенія должны быть ассигнованы за 3, или 4 года впередъ.

дущихъ при немъ Управителей и потребнаго числа служителей, которые будутъ состоять при Конторѣ, »на оное ничего не полагается, но предается на Всевысочайшую щедрость «

Такой проэктъ Тетюшева, съ приложенными къ нему замѣчаніями Князя Путятина, былъ внесенъ на благоусмотрѣніе Государыни, которая указомъ 19 Января 1766 года изволила утвердить ихъ. Противъ 5 пункта написано было собственною Ея Императорскаго Величества рукою: »на одинъ годъ дозволяется,« а противъ II: »производить Тетюшеву, а за труды награжденіе впредь означится, а въ прочемъ апробуется и съ изъясненіемъ Губернаторскимъ.«

Тѣмъ же указомъ Сенату 19 Января исполненіе проэкта, въ которомъ Государыня, какъ видно, принимала живое участіе, поручено было самому Тетюшеву »яко Главному Директору добыванія и отправленія соли,« а Сенату приказано было снабдить его указомъ,« дабы въ случаѣ какой его по тому производству надобности вспоможеніе чинено было«. Сверхъ того другимъ именнымъ указомъ отъ того же 19 Января 1766 года, даннымъ на имя Князя Путятина, предписано ему оказывать во всемъ помощь Тетюшеву, отвращать по мѣрѣ возможности »сколько безвредно и безубыточно для казны« могущія встрѣтиться препятствія, и доносить обо всемъ происходящемъ Государынѣ.

Что касалось до денегъ, слѣдовавшихъ Тетюшеву по представленному имъ расчету, по 12 коп. съ пуда, то Соляной Конторѣ (указъ 19 Января 1766 года) приказано было ассигновать эту сумму въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани и Оренбургѣ изъ соляныхъ доходовъ и предоставить ее въ распоряженіе Оренбургскому Губернатору, который »ему, Тетюшеву, по надобности подъ росписку »выдавать будетъ, или о томъ въ показанныя мѣста ас»сигнаціи давать«. Вмѣстѣ съ тѣмъ (тотъ же указъ 19 Января 1766 года) на Соляную Контору возложена была обязанность по полученіи отъ Тетюшева увѣдомленія о количествѣ приготовленной имъ соли дѣлать распредѣленіе, куда ее доставлять. Кромѣ того она должна была извѣстить Тетюшева заранѣе, т. е. если можно, не позже Сентября 1766 года, о цѣнахъ, которыя подрядчики будутъ требовать для перевозки въ 1767 г. соли изъ Нижегородскихъ и Салтуковскихъ магазиновъ, до верховыхъ городовъ, для того, что бы Тетюшевъ по усмотрѣнію своему могъ, въ случаѣ нужды, не выгружая соли въ означенные магазины, провозить прямо въ тѣ города. Наконецъ особымъ, подписаннымъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою, указомъ Се-

нату, отъ того же 18 Января, повелѣно было кущамъ, ѣхавшимъ съ Тетюшевымъ повѣренными его: Орловскому Панкрату Кочетову, Симбирскимъ: Алексѣю и Василью Максимовымъ, и Оренбургскому Ивану Попову дать шпаги.

На основаніи всѣхъ этихъ именныхъ указовъ и Высочайше утвержденнаго представленія Тетюшева, Сенатъ отправилъ, съ приложеніемъ съ нихъ коній, во всѣ слѣдовавшія мѣста, въ томъ числѣ и къ Оренбургскому Губернатору, отъ 1 Февраля 1766 г. подтвержденія о должномъ исполненіи ихъ. Между тѣмъ Князь Путятинъ, въ силу даннаго ему Высочайшаго указа, заботился уже съ своей стороны сдѣлать зависящія распоряженія. Тетюшеву требовалось людей, и самъ Губернаторъ поспѣшилъ доставить ихъ. Въ эту пору наступало время положеннаго указами наряда съ Тептярей и Бобылей, жившихъ въ провинціяхъ: Уфимской, Исетской и Ставропольской и въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ, для городовыхъ и прочихъ работъ въ Оренбургъ на лѣто 1766 года. Наряды эти, съ самаго введенія ихъ, дѣлались съ числа дворовъ, смотря по производству начатыхъ или вновь назначенныхъ въ Оренбургѣ построекъ и заготовленій требуемаго на то матеріала. Въ послѣднее время, когда въ Оренбургѣ не было другой работы, кромѣ городовой, наряды уменьшились. На лѣто 1766 года также не было назначено ни какихъ почти работъ, кромѣ городовой; ни чего не оконченнаго изъ прежде начатаго

не оставалось; кромѣ того въ помощь Тептярямъ и Бобылямъ, по примѣру прошлаго 1765 года, предполагалось употреблять и баталіонныхъ солдатъ. Имѣя все это въ виду, Князь Путятинъ распорядился слѣдующимъ образомъ: 26 Января 1766 года онъ писалъ изъ Петербурга въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію, что бы она при нарядѣ на лѣтнее время къ городовымъ и прочимъ работамъ въ Оренбургѣ Тептярей и Бобылей выключила изъ числа ихъ тѣхъ, которые жили по дорогамъ Ногайской и Казанской въ Уфимской провинціи, и въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ по новой Московской дорогѣ и вблизи ея. Съ этихъ дорогъ, а на помощь въ случаѣ нужды и съ другихъ, лежавшихъ не поодаль отъ Оренбурга, Губернаторъ, ссылаясь на 9-й пунктъ представленія Тетюшева, предписалъ нарядить о двухъ лошадяхъ, съ приличною конскою и лѣтнею тележною сбруею для каждой лошади, 1200 человѣкъ, а изъ нихъ, именно изъ жившихъ по рѣкѣ Бѣлой и въ ея окрестностяхъ велѣть 400 человѣкамъ имѣть при себѣ, кромѣ тележной, и санную сбрую на тотъ случай, если ихъ потребуютъ къ работѣ прежде лѣта. Сверхъ того Путятинъ приказалъ выбрать въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ изъ непомнившихъ родства, которымъ минула трехъ-лѣтняя льгота, 100 человѣкъ плотниковъ пѣшихъ и съ топорами; если бы такихъ 100 человѣкъ тамъ не нашлось, то пополнить не достающее число кѣмъ случится. По окончаніи наряда, который должно было произвести чрезъ Уфимскую Про-

винціальную Канцелярію и Бугульминскую Земскую Контору, слѣдовало не высылать тотчасъ же работниковъ изъ домовъ, но пока не будетъ новаго предписанія, велѣть имъ жить у себя во всей готовности и исправности, объявивъ напередъ не помнившимъ родства, что плата за предстоящія работы дается безобидная, а Тептярямъ, что она будетъ не только не меньше той, которую бы они получили въ Оренбургѣ, но даже вдвое больше. Наконецъ Князь Путятинъ, думая скорѣе и легче исполнить 1-й пунктъ Тетюшевскаго представленія, предложилъ Губернской Канцеляріи всѣхъ ссыльныхъ своекоштныхъ, находившихся въ Оренбургѣ подъ вѣдѣніемъ Плацъ-Маіорскихъ дѣлъ, и на Сакмарской дистанціи, равно и не помнившихъ родства, назначенныхъ для заселенія крѣпостей Пречистенской и Воздвиженской, немедленно собрать изъ дальнихъ отлучекъ (хотя бы кто изъ нихъ и не по просроченнымъ паспортамъ гдѣ находился) въ мѣста, гдѣ полагалось предъ тѣмъ поселить ихъ, и ни куда не распускать до возвращенія его изъ Петербурга; о тѣхъ же изъ нихъ, которые были при ломкѣ соли, взять у Тимашева вѣдомости съ показаніемъ числа и именъ ихъ, и велѣть ему ни куда не увольнять ихъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые уже отработались; впрочемъ и послѣднихъ разрѣшалось отпускать только при письменныхъ видахъ и единственно въ тѣ команды и вѣдомства, гдѣ они состояли.

Заботясь такимъ образомъ о скорѣйшемъ доставленіи

Тетюшеву людей къ производству работъ, Князь Путятинъ обращалъ не меньшее вниманіе и на другія статьи проэкта; по второму пункту ему слѣдовало снестись съ Военною Коллегіею объ увеличеніи гарнизона въ Илецкой крѣпости и объ учрежденіи разъѣздовъ. Прибавка гарнизона была тѣмъ необходимѣе, что для разработки соли предполагалось употреблять людей не вольныхъ, а ссыльныхъ въ Оренбургъ. Слѣдовательно нужно было не только охранять ихъ отъ Киргизовъ, но еще смотрѣть, что бы они не могли ни бѣжать, ни покушаться на новые проступки. Въ Илецкой же крѣпости находилась всего одна рота. Содержать караулъ, охранять работниковъ при добываніи соли, стеречь ихъ и сопровождать въ Оренбургъ соляные обозы, что бы подводчики на дорогѣ не воровали и не продавали соли,—всѣ эти обязанности были бы слишкомъ для нея обременительны. Необходимость требовала ввести въ крѣпость по крайней мѣрѣ еще одну роту; но изъ баталіоновъ, находившихся въ Оренбургѣ, набрать ее было невозможно. По этому Князь Путятинъ (28 Января 1766 года) просилъ у Военной Коллегіи разрѣшенія перевести въ Илецкую крѣпость одну изъ двухъ ротъ, находившихся въ Гурьевѣ городкѣ, гдѣ не предвидѣлось настоятельной нужды въ крѣпкой оборонѣ; кромѣ того въ случаѣ необходимости всегда можно было набрать нерегулярную команду изъ Яицкаго войска. Что касалось до разъѣздовъ между Оренбургомъ и Илецкою крѣпостью, то Князь Путятинъ

полагалъ употреблять для того Казаковъ изъ тысячнаго отряда, положеннаго штатомъ при городѣ Оренбургѣ. Число Казаковъ въ разъѣздахъ могло быть различное, смотря по количеству поставки соли и проч., однако во всякомъ случаѣ не менѣе 200 (рап. въ Военную Коллегію 28 Января 1766 года).

Подобныя распоряженія Губернатора конечно должны были принести большую пользу предпріятію Тетюшева; однако въ первый разъ, не смотря на всю помощь со стороны мѣстнаго Начальства, успѣхъ былъ не такъ значителенъ, какъ слѣдовало ожидать. Тетюшевъ, что бы отстранить отъ себя отвѣтственность, толковалъ о злоумышленникахъ, которые будто бы разглашали между Башкирами вредные слухи, говорилъ, что работники доставлялись не во время, жаловался на помѣху со стороны Начальства, и приводилъ въ примѣръ Черкасовъ, которые, по его словамъ, оказались полезнѣе всѣхъ въ перевозкѣ соли. Ихъ онъ думалъ переселить къ мѣстамъ, лежавшимъ близь возки соли, и предлагалъ для того вызвать ихъ, надѣливши нужнымъ количествомъ земляныхъ угодій. Князь Путятинъ, какъ утверждалъ Тетюшевъ, наперекоръ ему, назначилъ къ переселенію мѣсто у Самарской линіи, на что Черкасы не были согласны. Наконецъ онъ же доносилъ, что хотя не достатка въ лѣсѣ для строенія судовъ и не было но заводчики не дозволяли рубить его; при этомъ онъ именно указывалъ на Управителя казеннаго Вознесенскаго завода.

Легко понять, какъ непріятно Правительству было слышать эти жалобы и видѣть дурное исполненіе проэкта, который въ началѣ обѣщалъ столько выгодъ. Именнымъ указомъ отъ 28 Сентября 1766 года приказано было Князю Путятину оказывать Тетюшеву возможное содѣйствіе, и объяснить причину, заставившую его предпочесть переселеніе Черкасовъ къ Самарской линіи, тогда какъ бы можно было, согласно съ желаніемъ Тетюшева, въ указанныхъ имъ мѣстамъ купить нужное число угодій, или нанять ихъ на нѣсколько лѣтъ у Башкиръ, которые бы за это не были въ правѣ роптать. Однако не льзя не замѣтить, что Государыня, утверждая эту мѣру, требовала исполненія ея въ томъ только случаѣ, если бы потребные расходы не оказались слишкомъ велики и это бы не повредило какому либо другому *учрежденію*, столь же полезному, какъ промыселъ солью. Въ концѣ указа выражено неудовольствіе на заводы и даже предписано Губернатору донести, имѣетъ ли казна отъ Вознесенскаго завода какую либо прибыль, и не полезнѣе ли уничтожить его и »съ имѣющимися къ нему крестьянами и угодьями опредѣлить для соляная отправленія.«

Попечительная заботливость Государыни не принесла всей пользы, которую должно было ожидать отъ нея, въ слѣдствіе явнаго разрыва между Княземъ Путятинымъ и Тетюшевымъ, который, выйдя совершенно изъ подчиненности, пересталъ доносить первому о ходѣ дѣлъ своихъ, уѣхалъ въ Петербургъ и даже не объявилъ, кого онъ

оставилъ своимъ повѣреннымъ, такъ что Князь принужденъ былъ въ донесеніи Государынѣ отъ 18 Января 1767 года принести на Тетюшева открытую жалобу, побуждаясь тѣмъ, что Тептяри и Бобыли, находившіеся у Тетюшева, были отягощены имъ излишнею работою, въ противность Высочайшимъ указамъ, которыми повелѣвалось ни въ чемъ не обременять ни ихъ, ни Башкировъ.

Обратимся теперь къ другимъ предметамъ, которые привлекали къ себѣ тогда вниманіе Начальства.—Кстати о Башкирахъ скажемъ, что они только что получили новый знакъ милости Царской. Въ 1755 году, во время бунта, множество изъ нихъ бѣжало въ Киргизскую Орду, думая найти тамъ убѣжище. Надежды эти оказались тщетными. Кайсаки однихъ изъ нихъ убили, а остальныхъ, въ томъ числѣ женъ и дѣтей, разобрали въ плѣнъ. Несчастные Башкиры, томясь въ мучительной неволѣ, часто претерпѣвали отъ хозяевъ обиды и истязанія. Прослышавъ о Высочайшемъ Манифестѣ, которымъ обѣщалось безусловное прощеніе тѣмъ изъ нихъ, которые въ продолженіе 10 лѣтъ выйдутъ изъ степи, они стали пользоваться удобными случаями и выбѣгать на линію. Срокъ этому Манифесту, положенный до 1765 года, истекалъ, между тѣмъ число выбѣгавшихъ Башкировъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Тогда, по ходатайству Князя Путятина, указомъ Сената отъ 7 Января 1765 года, срокъ былъ продолженъ на одинъ годъ до 7 Января 1766 г. и снисхожденіе

принесло еще большую пользу. Въ этотъ годъ выбѣжало изъ степи 79 мужчинъ и 42 женщины, но по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ въ рукахъ Киргизовъ должно было находиться еще значительное число плѣнныхъ, такъ какъ въ продолженіе всѣхъ 11 лѣтъ вышло не болѣе 7025 человѣкъ. Выручить ихъ было невозможно иначе, какъ поощряя къ новымъ побѣгамъ. По этому Князь Путятинъ вторично обратился въ Сенатъ съ представленіемъ, по которому срокъ слѣдовало продлить еще на 3 года, считая его съ 1 Января 1766 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для избѣжанія на будущее время излишней переписки, онъ просилъ дозволить ему впредь, если того потребуютъ мѣстныя обстоятельства, продолжать срокъ по своему усмотрѣнію, донося въ Сенатъ о числѣ Башкиръ, которые будутъ выходить изъ Орды. Указомъ 14 Декабря 1765 года, представленіе Князя Путятина было утверждено. Благотворнымъ слѣдствіемъ его оказалось то, что въ продолженіе 1766 и 1767 года плѣнные Башкиры изъ степи не переставали выбѣгать въ большомъ числѣ на линію и по полученіи отъ Губернской Канцеляріи билетовъ на свободное жительство въ прежнихъ волостяхъ, возвращались на родину, довольные своею судьбою и хваля снисходительность заботливаго объ нихъ Правительства, которое освобождало ихъ изъ рукъ ненавистныхъ Кайсаковъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнные, выбѣгая домой, разсказами своими о претерпѣнныхъ бѣдахъ въ степи, вѣроятно, не мало

содѣйствовали къ поддержанію той взаимной вражды двухъ народовъ, Башкировъ и Киргизовъ, которая существовала издавна, въ особенности же окрѣпла съ 1755 года. Вражда эта, грозя продлиться на неопредѣленно долгое время, выражалась на каждомъ шагу какимъ либо явно противозаконнымъ поступкомъ; то Башкиры, пылая злобой и досадой на Кайсаковъ, постараются чѣмъ нибудь повредить имъ; то Ордынцы съ своей стороны, думая отомстить не дружелюбнымъ сосѣдямъ, ограбятъ у нихъ скотъ и тѣмъ вынудятъ Пограничное Начальство къ принятію мѣръ законной строгости. Такъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1767 года партія Киргизовъ, кочевавшихъ близъ линіи, воспользовавшись оплошностью форпостныхъ Казаковъ, ворвалась внутрь линіи, отогнала у Башкировъ Уфимскаго уѣзда Нагайской дороги Карагай-Кипчацкой и Бурзянской волостей, 72 лошади, и откочевала вдаль. Тогда Князь Путятинъ, заботясь объ удовлетвореніи обиженныхъ, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ единственному средству-барантѣ, »если тѣхъ лошадей »требовать отъ Хана и Султановъ ихъ, то оныхъ отнюдь »не уповательно отъ нихъ дождаться, какъ то чрезъ до »нынѣ бывшіе по равномѣрнымъ обстоятельствамъ опыты »довольно дознано, потому какъ настоящія обстоятельства заставляютъ весьма ихъ Киргизъ-Кайсаковъ въ томъ »не упустить и тѣмъ ихъ дальніе злодѣйства пресѣчь, »ибо какъ видно обавантажившись они сею добычею, »грозятъ и еще злодѣйствомъ, въ предвареніе котораго

»за нужное я нахожу поступить съ ними на баранту по »указу Ея Императорскаго Величества изъ Государствен»ной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи отъ 5 Ноября 1740 »года.« (Ордеръ Князя Путятина Генералъ-Маіору Черепову 22 Августа 1767 года.) Коннаго Билярскаго полка Капитанъ Зейфартъ съ одною пушкою и съ командою изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, въ томъ числѣ и Башкировъ, посланъ былъ изъ Кизильской крѣпости въ степь, что бы захватить тамъ двухъ или трехъ человѣкъ, или же отогнать столько же скота, сколько было взято его Киргизами у Башкировъ. На бѣду, Зейфаръ, при исполненіи возложеннаго на него порученія, имѣлъ неосторожность, въ противность Генеральнаго учрежденія 1766 года, не пройдя еще 100 верстъ по степи, остановиться съ командою и сверхъ того послать однихъ Башкировъ требовать удовлетворенія у Кайсаковъ. Башкиры не замедлили воспользоваться этимъ случаемъ и отогнали лошадей гораздо больше, чѣмъ слѣдовало. Раздраженные Киргизы, будучи не въ силахъ тотчасъ же отплатить имъ зломъ за зло, подали жалобу, гдѣ увѣряли, что Башкиры, бросившись на улусы, ограбили ихъ, трехъ человѣкъ убили, и т. д.

Подобнаго рода буйства и прописки повторялись безпрерывно. Коренная причина ихъ, вражда Башкировъ и Киргизовъ, укрѣпившаяся вѣками, не могла прекратиться съ разу; къ тому же совершенное уничтоженіе ея въ то время едва ли было выгодно, такъ какъ примѣръ 1755

года доказалъ, что Правительство имѣло въ ней вѣрное средство для обезопасенія Края отъ совокупнаго дѣйствія обитавшихъ въ немъ инородцевъ, и это было въ настоящую минуту необходимо, потому что пришлое отвсюду русское народонаселеніе не только не обезпечивало порядка и спокойствія, но представляло безпрерывные примѣры буйства, предвѣщавшіе время Пугачева.

Такъ въ Оренбургѣ, въ концѣ Октября 1766 года, были наказаны кнутомъ Казакъ Каменщиковъ и сообщники его. Смѣлость и минутный успѣхъ попытки этого преступника не льзя объяснить ни чѣмъ болѣе, какъ тогдашнимъ недостаткомъ развитія гражданственности въ Краѣ. Исетской провинціи, Чебаркульской крѣпости, Казакъ Ѳедоръ Каменщиковъ, прозванный Слудниковымъ и алтыннымъ-глазомъ, былъ уже съ давнихъ поръ извѣстенъ за человѣка съ характеромъ буйнымъ. 13 Сентября 1764 года онъ былъ сѣченъ плетьми за то, что билъ Казака Пустозерова; не объявилъ о найденной въ квартирѣ его послѣ одного Донскаго Казака суевѣрной тетради и ложно показалъ, будто по осмотру Священника въ ней оказалась только молитва Михаилу Аргангелу; на свадьбѣ Казака Клыкова безъ всякой причины стрѣлялъ по немъ изъ ружья. Мало того, съ 1761 года онъ находился подъ слѣдствіемъ за челобитную на притѣсненія Казакамъ со стороны Станичныхъ ихъ Старшинъ; хотя часть его жалобъ оказалась справедливою, однако и по этому слѣдствію онъ былъ признанъ виновнымъ въ

томъ, что: 1, не доказалъ на Есаула Фалкова, что тотъ грозилъ ему, и на Атамана Симонова, что будто онъ удерживалъ при раздачѣ фуражныя деньги отъ каждаго рубля по 5 коп.; 2, ложно обвинялъ Симонова, который, по его словамъ, принуждалъ Казаковъ возить подрядный провіантъ, и безвинно билъ и сажалъ подъ караулъ тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались на это; 3, лживо написалъ въ челобитной, будто всѣ мірскіе люди послали его жаловаться на Старшинъ, и наконецъ 4, подалъ доносъ на незаконный поборъ, произведенный будто бы съ Казаковъ Атаманомъ Симоновымъ, который взялся за извѣстную цѣну исходатайствовать у Подполковника Магутова жалованье за бытность ихъ въ линейной службѣ, спустя долгое послѣ самаго побора время.

Слѣдствіе это не было вполнѣ окончено и Каменщиковъ содержался еще въ Троицкой крѣпости подъ карауломъ, какъ вдругъ въ Апрѣлѣ 1765 года, выйдя однажды изъ тюрьмы, случайно замѣтилъ, что желѣза на немъ были очень плохи, и снявъ ихъ съ себя, бѣжалъ изъ подъ караула. Такъ говорилъ самъ преступникъ, но едва ли это справедливо. Вѣроятно, побѣгъ былъ замышленъ имъ заранѣе; по крайней мѣрѣ, сидя еще въ тюрьмѣ, онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ на свою сторону и по освобожденіи своемъ обѣщалъ государственнымъ крестьянамъ Исетской провинціи Буткинской слободы хлопотать по дѣлу ихъ о землѣ, находившейся въ спорѣ съ Татарами. Крестьяне прислали ему 120 руб., и

сверхъ того взялись собрать въ его пользу еще 200. Этихъ средствъ было достаточно Каменщикову на первый случай. Онъ писалъ къ подъячему Кузьмѣ Мерзлякову и просилъ его къ себѣ въ Троицкую крѣпость, будто бы для письмоводства по Буткинскимъ дѣламъ. Въ Мартѣ 1765 года, Мерзляковъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ Буткинской слободы Симономъ Телминовымъ, прибылъ въ Троицкую крѣпость и сталъ на квартирѣ у Оренбургскаго полка Драгуна Петра Долгихъ, который, издавна будучи знакомъ съ Слудниковымъ, тотчасъ же послалъ и привелъ его изъ тюрьмы (**). На первомъ свиданіи съ Мерзляковымъ, Каменщиковъ показалъ ему печатный указъ Императора Петра Ѳедоровича, будто бы данный на его имя, но не объявилъ ему ни содержанія, ни года, ни числа указа (*). За тѣмъ при разныхъ случаяхъ не однократно говорилъ онъ ему, что Петръ III живъ и часто ѣзжалъ по ночамъ, вмѣстѣ съ бывшимъ Губернаторомъ Волковымъ, для развѣдыванія о народныхъ обидахъ; въ Троицкую крѣпость, гдѣ и останавливался на квартирѣ у Петра Долгихъ. Этого Драгуна Каменщиковъ

(*) По какому праву Долгихъ приводилъ къ себѣ Каменщикова изъ тюрьмы, изъ дѣла не видно.

(**) Въ послѣдствіи въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Каменщикова, нашлись два указа: однимъ изъ нихъ, отъ 25 Декабря 1761 года, извѣщалось о кончинѣ Государыни Елизаветы Петровны и повелѣвалось присягать на подданство воцарившемуся тогда Императору Петру III.

еще прежде привлекъ на свою сторону, увѣривъ его, что самъ Волковъ лично обѣщалъ не оставить его, Каменщикова, и поручился въ этомъ за себя и за Императора Петра (*). Какъ бы то ни было, Слудниковъ успѣлъ подговорить себѣ въ сообщники подъячаго Мерзлякова, котораго впослѣдствіи употреблялъ вмѣсто писаря.

Наконецъ въ Апрѣлѣ онъ бѣжалъ изъ Троицка. Онъ зналъ, что Исетскаго вѣдомства Масленскаго острога и Борневской слободы крестьяне, не давно приписанные къ заводамъ Дворянина Никиты Демидова, не довольны своимъ положеніемъ. Еще въ 1761 году, не желая быть на заводскихъ работахъ, они бунтовали и усмирены были только нарочно посланною противъ нихъ командою. Каменщиковъ, вѣроятно, разчитывая на мятежное расположеніе умовъ ихъ, рѣшился бѣжать къ нимъ. Прибывъ на мѣсто, онъ объявилъ себя Сенатскимъ курьеромъ Михайломъ Рѣзцовымъ, посланнымъ по именному указу, для изслѣдованія объ обидахъ и притѣсненіяхъ, будто бы дѣланныхъ крестьянамъ Масленскаго Острога и Борневской слободы прикащиками Демидова.

(*) При слѣдствіи въ Оренбургской Губернской Канцеляріи Каменщиковъ показалъ, что проговаривался Петру Долгихъ и Мерзлякову о Петрѣ III только по увѣренію Чебаркульской крѣпости Казака Конона Бѣлянина, который говорилъ, будто Императоръ Петръ ѣздилъ съ Губернаторомъ Волковымъ »въ образѣ шута, и хотя де онъ, Каменщиковъ, тому было повѣрилъ, но какъ увѣдомился, что оной Казакъ за такое затѣйное произношеніе высѣченъ плетьми, то уже и вѣритъ-не сталъ.«

Выдумка эта оказалась удачною и бунтъ быстро распространился; недовольные въ большомъ числѣ стекались къ Каменщикову и слушали его мятежныя внушенія. Тогда бѣглый Казакъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Разъѣзжая съ сообщниками своими по деревнямъ и селамъ Масленскаго острога и Буткинской слободы, онъ распоряжался самовластно, принималъ на свое имя жалобы, подтвердилъ Буткинскимъ крестьянамъ данное имъ обѣщаніе хлопотать въ Сенатѣ за спорную землю. Людей, повиновавшихся ему, онъ ласкалъ и обѣщалъ представлять объ нихъ въ Сенатѣ и даже Самой Государынѣ; непокорныхъ же и виновныхъ сажалъ подъ караулъ и мучилъ плетьми, а домы и пожитки ихъ опечатывалъ. Коммисаръ Калининъ, ѣздившій въ Маѣ для поимки преступника, не успѣлъ захватить его; осторожный Каменщиковъ держалъ при домѣ своемъ караулъ и одинъ изъ стоявшихъ на часахъ, Иванъ Шимолинъ, предувѣдомилъ его о приближеніи Коммисара. При этой поѣздкѣ, Калининъ слышалъ, что Каменщиковъ много страшнаго про себя распространяетъ, и сбираетъ для себя по 6 к. съ души, а для находившагося при немъ крестьянина Семена Косенки по 3 коп. Начальство, встревоженное угрожавшею опасностью, посылало людей для поимки преступника Каменщиковъ хваталъ ихъ и билъ плетьми; мало того, въ Шадринскую Управительскую Канцелярію и къ Коммисару Окуневскаго Дистрикта Калинину онъ

посылалъ ордеры, которые сочинялъ и писалъ ему Мерзляковъ.

Вліяніе его возрастало съ каждымъ днемъ, а число приверженцевъ увеличивалось. Тщетны оставались старанія мѣстнаго Начальства захватить мятежника. Указомъ Сената отъ 1-го Іюля 1765 года, объявленнымъ во всей губерніи, обѣщано было тому, кто поймаетъ и приведетъ Каменщикова, хотя бы и былъ главнымъ его сообщникомъ, награжденія 50 руб. и прощеніе вины. Между тѣмъ Слудниковъ, вѣроятно, предвидя худой конецъ своей попытки, вздумалъ страннымъ и дерзкимъ образомъ укрыться отъ преслѣдованій. Онъ объявилъ крестьянамъ, что намѣренъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать за нихъ и требовалъ себѣ выборныхъ отъ міра, которые бы вмѣстѣ съ нимъ подали тамъ челобитную Крестьяне не замедлили склониться на его требованіе, а одинъ Священникъ села Охлупіевскаго, по приказанію Каменщикова, приводилъ Масленскихъ и Борневскихъ крестьянъ въ числѣ 500 человѣкъ къ присягѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, всѣ ли они согласны подать жалобу на обидчиковъ. Наконецъ выборными отъ міра явились отъ крестьянъ Масленскаго острога для принесенія жалобы на заводскихъ прикащиковъ Егоръ Прокофьевъ и Кирила Ширяевъ, а отъ жителей Буткинской слободы по дѣлу о спорной землѣ ихъ съ Татарами Семенъ и Никита Телминовы. Съ ними и съ женою своею Василисой Лукьяновой Каменщиковъ отправился въ столицу. На пути,

Казанскаго уѣзда въ деревнѣ Починокъ, въ день Апостоловъ Петра и Павла, онъ стрѣлялъ изъ ружья, приказывалъ считать народъ при выходѣ людей изъ церкви, и взялъ съ собою случившагося въ этой деревнѣ дворовaго человѣка отставнаго Морскаго Капитана Аристова, Ѳедора Андреева, обѣщая представить его Государынѣ за то, что онъ объявилъ ему, будто тамошніе помѣщики, въ томъ числѣ и Аристовъ, рѣшились убить его. По дорогѣ въ Петербургъ, Каменщиковъ бралъ себѣ подводы и проводниковъ, называясь то курьеромъ, то Вахмистромъ Бахметевымъ, то »Полковникомъ, а по выслугѣ Генераломъ»; такимъ образомъ онъ доѣхалъ до столицы, гдѣ ст лъ на квартиру къ монастырскому писарю Ивану Сажину, который и сочинилъ Каменщикову челобитную въ 48 пунктахъ. Отъ Сажина онъ перешелъ въ домъ къ помѣщичьему бѣглому слугѣ, Алексѣю Васильеву. Но тутъ счастіе измѣнило Каменщикову. Одинъ изъ его спутниковъ, Никита Тельминовъ, прельстясь обѣщаннымъ награжденіемъ за поимку преступника, явился въ Главную Полицеймейстерскую Канцелярію и донесъ на него. Каменщиковъ былъ схваченъ съ остальными сообщниками своими. Сначала ихъ допрашивали въ Сенатѣ, потомъ въ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи. Такъ какъ изъ допросовъ этихъ «о прямомъ его, Каменщикова, злоумышленномъ намѣреніи не открылось», то Сенатъ рѣшилъ отправить его съ товарищами въ Оренбургъ и приказать Оренбургской Губернской Канцеляріи дослѣдо-

вать дѣло на мѣстѣ преступленія, судить виновныхъ и рапортовать въ Сенатъ. Преступники прибыли въ Оренбургъ 8 Марта. По окончаніи слѣдствія, по которому ничего почти новаго не открылось, 18 Октября Губернская Канцелярія присудила Каменщикова и Мерзлякова къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и къ отсылкѣ въ Сибирь на Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу вѣчно; а Семена Телминова, Ѳедора Андреева, Ивана Шимолина, Сергѣя Телминова, у котораго Каменщиковъ стаивалъ на квартирѣ, къ наказанію кнутомъ, Прокофьева же и Ширяева къ наказанію плетьми.

О такихъ наказаніяхъ, совершенныхъ публично, велѣно было Исетской Провинціальной Канцеляріи объявить всѣмъ подвѣдомственнымъ ей мѣстамъ. Не смотря на то, крестьяне, бунтовавшіе за одно съ Каменщиковымъ, не вѣрили еще ни наказанію, ни ссылкѣ его, и по словамъ многихъ изъ нихъ, онъ бывъ здравъ, невредимъ и на свободѣ.

Конечно, мысль эта была нелѣпа и пуста, но надобно сознаться, что и въ ней таилось доказательство несчастнаго расположенія къ мятежникамъ. Вѣра въ неприкосновенность и безнаказанность бунтовщиковъ, а что еще хуже, желаніе видѣть въ нихъ мучениковъ, тѣснимыхъ за общій интересъ,—все это обѣщало мало хорошаго. Начальству нужно было усмирять умы; одного этого было уже достаточно, чтобы держать его постоянно въ хлопотахъ, а тутъ какъ бы нарочно стали возникать

ежеминутно новыя дѣла, которыхъ нельзя было ни отложить, ни оставить безъ вниманія; однимъ изъ такихъ дѣлъ была возникшая въ то время тяжба у Ордынцевъ съ Яицкими Казаками и съ Калмыками.

Припомнимъ, что еще въ 1760 году Яицкіе Казаки и Калмыки за одно отогнали лошадей у Киргизовъ, которые не замедлили отплатить имъ тѣмъ же, а сверхъ того захватили въ плѣнъ нѣсколько Казаковъ. Плѣнные, не смотря на всѣ требованія Начальства, не были возвращены; а большая часть захваченнаго Киргизскаго скота осталась въ рукахъ Калмыковъ и Казаковъ. Конечно, Ордынцы страдали за собственный свой грѣхъ, за неумѣстное упрямство; но поводъ къ грабежу подали не они; они считали себя обиженными, и винили Начальство въ несправедливости, а Хана въ слабости и потворствѣ Русскимъ. Эти мятежныя мысли быстро развивались въ Ордѣ, а Казаки не переставали тѣснить Киргизъ, Калмыки же, пользуясь слабымъ присмотромъ владѣльцевъ, ссорившихся между собою, то и дѣло покушались на новыя воровства: около 1762 года, какъ говорилъ Нурали, они отогнали у Кайсаковъ до 10,000 лошадей, и возвратили изъ нихъ только 1200, и то худыхъ; въ томъ же году они захватили 155 лошадей, принадлежавшихъ самому Хану, и, не смотря на настоятельныя его просьбы, отдали только 51 лошадь. Что же оставалось дѣлать Киргизамъ? По ихъ характеру и обычаямъ, слѣдовало мстить врагамъ и платить зломъ за зло. Въ ихъ глазахъ самымъ

простымъ и дѣйствительнымъ средствомъ—было самоуправство. Надѣясь на это, Ордынцы пустились воровать, крали скотъ по линіи у Казаковъ, и чтобы оставаться безнаказанными, тотчасъ же удалялись въ глубь степи. Тщетно Ханъ, опасавшійся отвѣтственности, подъчасъ старался удерживать ихъ и принуждалъ къ возвращенію награбленнаго. Кайсаки, въ главѣ которыхъ стояли непокорные Старшины, презирали его внушенія и продолжали дѣйствовать по прежнему. Этимъ они только вредили себѣ и навлекали еще бо́льшія бѣды. Яицкіе Казаки, храбрые и неутомимые въ наѣздахъ, вовсе не были расположены уступать въ чемъ либо Ордынцамъ. Пользуясь тѣмъ, что Нурали, съ приверженными ему племенами, кочевалъ зимою по рѣкѣ Яику, они ловили пастуховъ его, раздѣвали ихъ до-нага и отнимали лошадей и барановъ. Въ 1766 году, когда сынъ Хана, Пирали, шелъ разъ съ пастухами своими во время бурана, чтобы загнать обратно въ степь лошадей, которыя паслись въ займищѣ по Яику, Казаки напали на Султана и стали стрѣлять въ него (*). Подобнаго рода буйства

(*) За совершенную справедливость сказаннаго о дерзкихъ поступкахъ Казаковъ я не смѣю ручаться, я извлекъ разсказъ объ нихъ изъ жалобы Нурали, поданной на Высочайшее Имя, можетъ быть они преувеличены, а можетъ быть и нѣтъ. Въ послѣдствіи было произведено розысканіе объ обидѣ, нанесенной Пиралію, Казаки отпирались, но это еще не составляетъ доказательства ихъ невинности.

вызывали Киргизовъ на новые грабежи. Угоны скота у Яицкихъ Казаковъ становились чаще; Ордынцы воровали и бѣжали въ степь вдаль отъ линіи. Тогда Казаки, за которыхъ стояло Начальство, выборное изъ среды ихъ же самихъ, писали въ Оренбургъ жалобы, не рѣдко преувеличивая число ограбленнаго скота. Губернаторъ, не въ силахъ будучи дознаться истины, предписывалъ Хану взыскать скотъ; Киргизы не соглашались; »если намъ не возвращаютъ ограбленныхъ у насъ лошадей, говорили они, то за чѣмъ же мы станемъ отдавать скотъ, который мы сами отогнали « Вотъ каковъ былъ обыкновенный отвѣтъ ихъ на увѣщанія Нуралія. Губернаторъ, не видя конца безпорядкамъ, прибѣгалъ наконецъ къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ и разрѣшалъ баранту. Команды Яицкихъ Казаковъ выходили въ степь, бросались на улусы, иногда отгоняли цѣлые косяки лошадей, и возвращались домой съ богатою добычею. Къ несчастью случалось, что при этихъ свалкахъ, страдали невинные роды, которые спокойно располагались около линіи. Грабители, сознавая за собою проступки и предугадывая должное наказаніе, всегда заранѣе, еще до прихода команды, успѣвали откочевывать въ дальнія мѣста, гдѣ никакое законное преслѣдованіе не могло ихъ коснуться. Легко себѣ представить, каковы были послѣдствія такихъ трудныхъ обстоятельствъ. Киргизы изъ личныхъ выгодъ пристращались къ кражѣ. Воръ жилъ спокойнѣе и богаче, чѣмъ человѣкъ скромный и тихій; въ кругу собра-

ній его чествли и уважали, какъ удальца (Батыря); въ нихъ и въ буйныхъ Старшинахъ онъ находилъ себѣ защиту и вѣрную опору.

Плодомъ безначалія былъ упадокъ Ханской власти, въ самомъ существѣ своемъ не прочной и понесшей уже не мало ударовъ. Къ чему, думали про себя опромѣтчивые и своевольные Ордынцы, будемъ мы питать уваженіе къ человѣку, который не въ силахъ защитить не только насъ, но даже себя и сыновей своихъ отъ нападокъ Русскихъ, подвластныхъ тому же самому Правительству, которое признало и утвердило его Ханомъ. Кайсаки начинали уже презирать Нуралія, не слушались его, и говорили, будто онъ за одно съ Русскими согласился истребить ихъ; изъ дикаго невѣжества и свойственной имъ подозрительности они не могли объяснить себѣ иначе его дѣйствій, когда онъ, по приказанію Губернатора, взыскивалъ съ нихъ скотъ и т. п. Нурали не разъ писалъ объ этомъ въ Оренбургъ, но тамошнее Начальство продолжительнымъ опытомъ приведено было къ недовѣрчивости и видя, съ какою медленностью исполняются въ степи требованія Правительства, подозрѣвало Нуралія въ потворствѣ виновнымъ, въ нерадѣніи и слабости, а потому вмѣсто просимаго пособія, Ханъ получалъ упреки и выговоры. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, съ прискорбіемъ сознавалъ онъ свое грустное положеніе и въ будущемъ предвидѣлъ одну горькую участь.

Въ настоящую минуту ему было необходимо какое либо средство, чтобы выйти изъ столь тягостнаго состоянія. Въ молодости своей, возведенный послѣ Абулъ-Хайра въ Ханы, онъ, какъ мы видѣли, мечталъ о многомъ и считалъ возможнымъ служить вмѣстѣ и Царю Русскому, и прихотямъ подданныхъ своихъ Кайсаковъ; обѣщая безъ исполненія одному, льстя и потворствуя другимъ, онъ мыслилъ о завоеваніи Хивы, думалъ смирить Старшинъ, соединить Киргизовъ подъ своею властью въ одно цѣлое, а быть можетъ со временемъ отложиться отъ Русскихъ и основать независимое Государство. Но на его бѣду въ этомъ дѣлѣ съ перваго шагу встрѣтились непреодолимыя препятствія. Біи, стоявшіе въ главѣ родовъ, не хотѣли отказаться отъ своихъ личныхъ выгодъ; явился сильный соперникъ Батырь, принимавшій подъ свою защиту и враговъ Хана, и всѣхъ недовольныхъ имъ. Хива и владѣтель ея Каипъ смѣялись надъ угрозами Нуралія. Власть Хана, вмѣсто того, чтобы возрастать, замѣтно ослабѣвала вслѣдствіе внутреннихъ несогласій въ самой Ордѣ. Тщетно старался онъ поддержать ее. Пограничное Начальство, встревоженное первыми попытками, не довѣряло его словамъ, и если принимало средства, имъ предлагаемыя, то какъ бы не хотя и обращало ихъ во вредъ ему; такимъ образомъ баранта, о которой такъ усердно просилъ Ханъ, послужила только ему во зло и навлекла на него презрѣніе Кайсаковъ. Поздно уже было Нуралію думать о томъ, чтобы возвратить себѣ любовь народа;

когда онъ прежде не былъ въ силахъ удержать ее, то могъ ли надѣяться теперь, не имѣя ни средствъ, ни досуга, снова снискать ее. Вполнѣ сознавая эту истину, онъ не замедлилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, отъ котораго могъ еще ждать нѣкотораго успѣха. Нурали рѣшился на время бросить всѣ свои честолюбивые замыслы, оставить Киргизовъ на произволъ судьбы и Русскихъ, и думать только о себѣ, и о томъ, какъ бы удержать въ своемъ семействѣ Ханское достоинство.

Съ этою двоякою цѣлью онъ вознамѣрился отправить посланцевъ къ Императрицѣ, объяснить Ей положеніе свое и просить Ея Высокаго покровительства. Хану было не трудно привести эту мысль въ исполненіе. Еще указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 18 Апрѣля 1756 г. разрѣшено ему было отправлять ко Двору каждые два или три года кого либо изъ дѣтей своихъ, или братьевъ, или же изъ родственныхъ ему Султановъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Старшинъ. На этомъ основаніи, въ Февразѣ 1762 года, ѣздилъ въ Петербургъ зять Нуралія Джанбекъ-Султанъ съ 5 Старшинами, съ Писаремъ Хана, и съ тремя его Теленгутами. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 5-ти лѣтъ Ханъ своими посольствами не утруждалъ Государыни. Слѣдовательно теперь онъ могъ надѣяться на милостивое согласіе Ея къ пріему довѣренныхъ отъ Орды. Кстати въ .то же время вышелъ срокъ сыну его Аблай-Султану, находившемуся въ аманатахъ.

Нурали воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и, отправивъ въ Оренбургъ на смѣну Аблая другаго сына своего, Артукали Султана (12 лѣтъ), вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ еще сына же своего Бикали Султана, Старшину Акмурзу и 6 служителей. Лица эти должны были явиться къ Генералъ-Маіору Ланову (управлявшему тогда губерніею за отсутствіемъ Путятина) и ждать отъ него дозволенія ѣхать въ Петербургъ, чтобы тамъ лично представить Императрицѣ письменную просьбу Хана.

Просьба эта начиналась съ жалобы на Калмыковъ и на Яицкихъ Казаковъ. Ханъ, обнаруживая всю злобу на нихъ своего народа, уличалъ ихъ въ грабежахъ и ябедахъ, тутъ же винилъ и мѣстное Начальство въ излишнемъ довѣріи къ ихъ лживымъ словамъ и въ притѣсненіяхъ ему и Ордынцамъ (*). Послѣ многихъ и долгихъ

(*) Взысканіе съ Киргизовъ и баранта—были двѣ вещи, на которыя особенно жаловался Ханъ. За тѣмъ слѣдовало нѣсколько другихъ жалобъ. Нурали утверждалъ, будто бы Начальство, въ противность Высочайшему указу, не правильно поступало съ Киргизскими плѣнниками, выбѣгавшими на линію. »Тѣхъ изъ нихъ, говорилъ онъ, которые даже »не желаютъ креститься, оно держитъ у себя. Приметъ-ли кто Христіанство, то и тутъ дѣлается намъ притѣсненіе вещи, лошадь или верблюдъ, съ которыми онъ бѣжалъ изъ Орды, намъ не возвращаются. »Только на мои запросы объ этомъ пишется мнѣ каждый разъ, что »они отданы въ уплату Графскимъ людямъ (т. е. крестьянамъ Графа »Шереметева, Пономареву и другимъ) за скотъ, ограбленный у нихъ »Джагалбайлинцами. Правда, Джагалбайлинцы виноваты и слѣдуетъ съ нихъ

объясненій, онъ приходилъ къ тому выводу, что Киргизы, тревожимые частыми обидами, ежеминутно покушаются на воровства, которыхъ ему прекратить не возможно; что, видя его слабость, Русскіе пренебрегаютъ имъ, а Киргизы перестаютъ ему повиноваться; что въ будущемъ тѣснимымъ Кайсакамъ не предстоитъ ничего, кромѣ слезъ, а ему самому, кромѣ окончательной потери власти надъ подданнымъ ему народомъ. »Если, продолжалъ Нурали, Киргизы заслужили гнѣвъ Вашего Величества, то пусть дадутъ мнѣ средства и силы ихъ искоренить; если же напротивъ Вы считаете ихъ нужными слугами, то не благоугодно ли будетъ назначить отъ Сябя, кромѣ Оренбургскаго Губернатора, благонадежнаго человѣка, который бы пріѣхалъ на мѣсто разобрать ссоры между Ордынцами и линейными жителями.« Ханъ вызывался сопутствовать этому чиновнику при всѣхъ проѣздахъ его по крѣпостямъ линіи.

»взыскать, за чѣмъ же терпятъ Киргизы всѣхъ родовъ. Къ тому же за »чѣмъ намъ не дается знать, сколько лошадей, верблюдовъ и вещей »принято по цѣнѣ, ни наши люди не призываются къ оцѣнкѣ;« Другая жалоба Хана на Начальство состояла въ слѣдующемъ: по Высочайшему указу, какъ говорилъ онъ, издавна отпускалось ему ежегодно хлѣбное жалованье, иногда 100 четвертей, а иногда и болѣе, мѣра, впрочемъ, которая всегда оказывалась, по его словамъ, не достаточною на всю зиму. »Теперь уже, писалъ Нурали, прошло три года, какъ я во все »не получалъ этого жалованья. Недавно посылалъ я къ Губернатору и »просилъ его выслать хлѣба, тотъ же отвѣчалъ мнѣ, что за случившим»ся неурожаемъ можетъ отпустить только 40 четвертей.«

Ясно, къ чему клонились при такой просьбѣ мысли Нура́лія. Конечно, онъ не столько заботился о благосостояніи народа, сколько о своей собственной пользѣ. Долголѣтній опытъ указалъ, какъ мало могъ онъ ждать для себя выгодъ отъ присутствія мѣстнаго Начальства. Имѣя особые виды, оно не заботилось поддержать его въ степи; къ тому же, зная его по прежнимъ дѣйствіямъ, оно не всегда уважало его представленія. Новый человѣкъ, въ особенности такой, какого желалъ Ханъ—близкій къ Государынѣ, могъ дать дѣ́ламъ противный оборотъ. Присланный какъ бы для повѣрки распоряженій Оренбургскихъ Начальниковъ, чиновникъ этотъ можетъ быть сталъ бы смотрѣть на нихъ съ недовѣріемъ. Пользуясь этимъ и его неопытностью въ дѣлѣ, для него совершенно новомъ, Ханъ надѣялся склонить его на свою сторону, внушить ему свои мысли и передать ихъ чрезъ его посредство Государынѣ. Такимъ образомъ пріѣздъ чиновника долженъ былъ служить только орудіемъ къ лучшему и скорѣйшему исполненію плановъ Нуралія, исключительно клонившихся въ его личную пользу. Покажемъ теперь, въ чемъ состояли эти планы. Въ той же просьбѣ своей на Высочайшее Имя, гдѣ онъ жаловался на Калмыковъ и на Яицкихъ Казаковъ, онъ упоминалъ и объ нихъ въ нѣсколькихъ словахъ. Указомъ Ея Величества велѣно было построить для него крѣпость при устьѣ рѣки Эмбы. Безпокойства среди Киргизовъ воспрепятствовали этому, и Нурали еще 11 Января 1767 года

ходатайствовалъ у Канцлера Князя Голицына о дозволеніи построить крѣпость въ степи, ближе къ границѣ по Яику, на томъ мѣстѣ, которое онъ изберетъ самъ. Въ настоящую минуту Ханъ возобновилъ свое представленіе; желаніе его какъ будто согласовалось съ предначертаніями Правительства: еще прежде оно предлагало основать при линіи городокъ и кладбище. Въ сущности же, въ мысляхъ Хана таилась особая цѣль. Часть Кайсаковъ была ему не покорна; онъ не совсѣмъ надѣялся и на тѣхъ, которые оставались при немъ и показывали видъ преданности. При устьѣ Эмбы, гдѣ стояли менѣе всѣхъ надежные роды, онъ едвалибъ удержался одинъ, среди недоброжелателей, расположенныхъ смотрѣть съ негодованіемъ на всякую постройку въ степи. Совершенно иначе представлялась ему крѣпость вблизи самой линіи; онъ былъ въ состояніи при случаѣ опереться на защиту Русскихъ. Недовольные Киргизы не посмѣли бы тугъ тревожить его; скорѣе онъ могъ казаться имъ страшнымъ и, дѣйствуя на нихъ силою, возвратить себѣ утраченную власть. Какъ видно, такъ понималъ дѣло и Нурали, когда онъ къ просьбѣ о построеніи крѣпости около границы, присовокуплялъ требованіе, чтобъ ему данъ былъ полкъ, который бы всегда находился въ его распоряженіи. При помощи его и крѣпости онъ ручался установить порядокъ въ Ордѣ; когда же Киргизы успокоятся, говорилъ онъ, тогда можно будетъ построить укрѣпленіе и на устьѣ рѣки Эмбы.

Всѣ эти предположенія касались одного Хана и должны были служить только къ упроченію его личнаго вліянія въ степи, но ни одно изъ нихъ не обезпечивало судьбы его семейства, и не утверждало за дѣтьми его неотъемлемаго права управлять Ордою. При принятіи Абулъ-Хайра въ подданство Россіи, Правительство дало слово присвоить Ханство исключительно его потомкамъ. Нуралію это обѣщаніе казалось не достаточнымъ. Подъ именемъ потомковъ понимались всѣ лица, которыя происходили отъ его покойнаго родителя; древній обычай выбора Хановъ не былъ отмѣненъ, и народъ по смерти его могъ поставить въ главѣ управленія любаго изъ нихъ. Такая очевидная шаткость наслѣдія возбуждала въ Нуралѣ негодованіе; онъ не былъ въ силахъ довольствоваться тою мыслію, что со временемъ мѣсто его заступитъ кто либо изъ родственниковъ. Честолюбіе требовало большаго: у него были дѣти, онъ дорожилъ ихъ благомъ и въ упроченіи ихъ власти видѣлъ какъ бы продолженіе своей собственной. Во что бы ни стало, онъ хотѣлъ передать свое достоинство въ ихъ руки, и въ душѣ терзался, думая о препятствіяхъ и преградахъ, которыя бы окружили ихъ по его смерти; въ Ханскомъ родѣ онъ насчитывалъ множество соперниковъ, среди коихъ были и опасные. Иралій и Айчувакъ пользовались нѣкоторымъ довѣріемъ Ордынцевъ, въ особенности же тѣхъ родовъ, которыми они правили. Они слушали Нуралія, какъ старшаго брата, котораго въ добавокъ самъ отецъ, умирая, назначилъ въ

наслѣдники. Но къ дѣтямъ его они не были привязаны ни какими узами. Могли-ли они уважать мальчиковъ, выросшихъ у нихъ предъ глазами, и еще не отличившихся никакимъ подвигомъ? Къ тому же, какъ старшіе въ родѣ (*), захотѣли-ли бы они признать себя слугами племянниковъ? Эти два обстоятельства сильно говорили противъ нихъ. На выборахъ перевѣсъ легко бы остался на ихъ сторонѣ. Киргизовъ стоило только не много двинуть, и они съ радостью подали бы голосъ въ пользу сыновей Абулъ-Хайра, которыхъ они съ дѣтства привыкли считать старшими между собой. Правительство быть можетъ не стало бы противиться такой учтивости народа. Оно цѣнило умъ Айчувака и Иралія и вліяніе ихъ на Ордынцевъ, а что всего важнѣе, переписываясь и перевоваривая съ ними уже съ давнихъ поръ, знало ихъ характеръ, понимало, чего можно было ждать и какъ съ ними уже обращаться; между тѣмъ дѣти Хана ему были рѣшительно не извѣстны. Такъ разсуждалъ Ханъ и мысли эти тревожили его; что бы успокоиться и добиться своей цѣли, онъ сталъ искать средства и остановился на томъ, которое казалось ему самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ: онъ задумалъ отстранить ненавист-

(*) Киргизы въ понятіяхъ своихъ о старшинствѣ сохранили нѣчто натріархальное: у нихъ дядя садится выше племянника, онъ *ага* (старшій), а этотъ остается *ини* (младшій).

ный для него обычай выбора, и побудить Правительство какимъ либо поступкомъ явно, въ глазахъ цѣлаго народа, утвердить на дѣлѣ право наслѣдія въ его линіи. Съ этою цѣлію Нурали просилъ Государыню назначить еще при жизни его Намѣстникомъ Ханства одного изъ дѣтей его: Исалія, или Пиралія. Онъ самъ не переставалъ бы властвовать въ Ордѣ, а сынъ, назначенный въ будущіе Ханы, привыкалъ бы, подъ его надзоромъ, управлять Киргизами. Излагая такого рода предложеніе, Нурали, что бы еще болѣе придать ему вѣса, ссылался на примѣръ Калмыцкаго Хана Дондукъ-Даши, испросившаго намѣстническое достоинство сыну своему Убашію, который и наслѣдовалъ ему спокойно и тихо.

Когда съ просьбою Хана на Высочайшее Имя прибылъ въ Оренбургъ Бикали съ своими спутниками, то Лановъ, не находя ни какого препятствія къ поѣздкѣ ихъ ко Двору, снарядилъ ихъ по прежнимъ примѣрамъ одеждою, и въ сопровожденіи Урядника Авдѣева отправилъ въ столицу (31 Октября 1767). Вмѣстѣ съ ними поѣхало двое людей отъ Ирали Султана, который желалъ видѣть при Дворѣ и своихъ посланцевъ. Въ донесеніи своемъ Государынѣ Ирали ссылался во всемъ на просьбу брата, присовокупляя только, что онъ, по приказанію Хана, вмѣстѣ съ сыновьями его Исаліемъ и Пираліемъ и братомъ своимъ Айчувакомъ, идетъ съ войскомъ противъ Хивы, что бы обезопасить торговый путь въ Оренбургъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКА[illegible]